



ЗАЛ
СЛАВЫ
ВСЕМИРНОЙ
ФАНТАСТИКИ

ЭДГАР ПЭНГБОРН

ДЭЙВИ

ЭДГАР ПЭНГБОРН

E. Pangborn

8.



Эдгар Пэнборн



ДОИВИ
DAV



Edgar Pangborn



ЗАПЛАВЫ ВСЕМИРНОЙ ФАНТАСТИКИ

EDGAR PANGBORN *****

***** **DAVY**

Перевод с английского Г. Добровольского

***** ЭДТАР НЭЧТБОРД

ДЭЙВИ

Київ
"АЛЬТЕРПРЕС"
1998

Серію засновано у 1991 році

Редакційна колегія серії:

П.Хазін

В.Каплан

А.Курков

Вперше наш читатель может познакомиться с известным романом американского писателя Э. Пенгборна «Дэйви».

Пенгборн Едгар

П97 Дейві: Пер. з англ. / Г. Добровольський. – К.: “Альтерпрес”, 1998. – 270 с. – (Зал слави всесвітньої фантастики). – Рос. мовою.
ISBN 966-542-026-7

Вперше наш читач зможе ознайомитися з відомим романом американського письменника Е. Пэнгборна «Дэйви».

П 4703040100-021 без оголош.
98

ББК 84.7 СІА

© Переклад. Г. Добровольський. 1998

© Обкладинка. С.Павленко. 1998

ISBN 966-542-026-7

©Художнє оформлення, емблема і назва
серії. “Альтерпрес”, 1998

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Эта книга – для взрослых.

Она универсальна и каждый может найти в ней то, что ему близко, что его интересует и волнует: божественное и земное, жизнь и смерть, мир и войну, радость и печаль, любовь и ненависть, секс и эротику, боль и страдание, юмор и сарказм, реальность и фантастику... – в общем, все, что делает нашу жизнь (и, в частности, человеческие отношения) богатой и разнообразной.

Читая книгу, ощущаешь незримое присутствие персонажей Марка Твена и Гоголя, Филдинга и Голдинга, О'Генри и Чехова, Ильфа и Петрова, Ницше и Шопенгаузера, и даже Эдика Лимонова.

Перед читателем предстает Древний Новый Свет – Америка во всем великолепии ее животного и растительного миров; земли, реки и озера которой изменило гигантское наводнение (сродни всемирному потопу, только рукотворное и без Ноева Ковчега). В романе повсеместно угадываются ны-

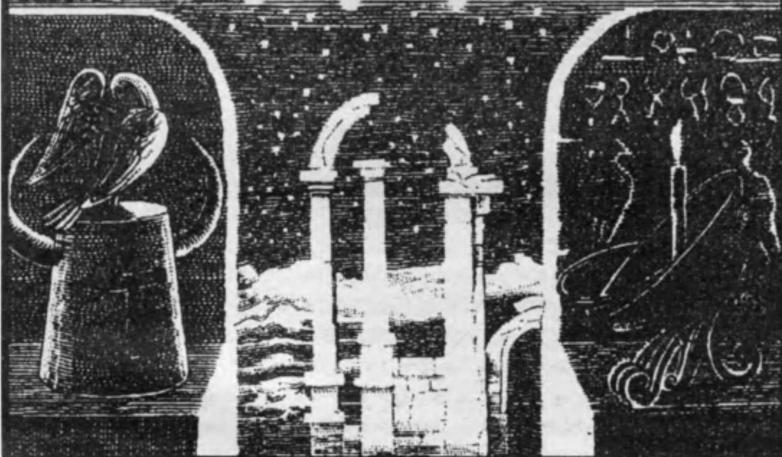
нешние названия штатов и городов Америки, за исключением, разве что, легендарного Хамбертауна.

Прочитав эту книгу, где мудрость проглядывает сквозь шутки и смех, чувствуешь, что заполнен еще один пробел в твоих знаниях, что душа стала богаче и мудрее. И хочется перечитать ее вновь и еще не раз вернуться к наиболее полюбившимся эпизодам.

Читайте...

Г. Добровольский

ДОИВИ



Edgar Pangborn
DAVY
Ballantine Books
New York
1964

Я – Дэйви. Дэйви, который когда-то был королем. Шутовским королем-шутом, а для этого, как известно, нужна мудрость.

Это произошло в 323 году, в Нуине, чья восточная граница – побережье бескрайнего моря (в древности оно называлось Атлантическим), где пролегает извилистый путь нашего корабля в пасмурные или солнечные дни и в бескрайней необытности ночи. Я был еще мальчиком в моей родной стране Мохе, когда приобрел золотой горн и начал учиться играть на нем. Затем последовали годы странствий с бродячими комедиантами группы Рамли в Кэтсклифе, Леваноне, Бершаре, Вэрманте, Коникате и Низменных странах – годы возмужания, с приятными девушками, хорошими друзьями, увлекательной работой. И когда, уже без бродячих комедиантов, я прибыл в Нуин, то выглядел, вероятно, почти мужчиной, иначе женщина, которую я встретил там, моя караглазая Ники, с остроконечными, словно у эльфа, ушками, не воспытала бы страстью ко мне.

Меня обучали грамоте, или у них это так только называлось, в школе в Скоаре, но фактически я не умел читать и писать до встречи с бродячими комедиантами, когда мадам Лора Шоу потеряла терпение от моего невежества и дала мне начальное образование. Теперь, достигнув двадцати восьми лет, далеко продвинувшись в ереси и знакомый с фрагментами древней литературы, я посыпаю ко всем чертям законы, которые запрещают большинство книг древнего мира или приберегают их для священников!

Как-то я набрался наглости и попытался написать книгу для вас – совсем не представляя себе вас, хотя и должен бы, потому что между нами океан и столетия, – ведь вы, люди, если вы существуете, не знаете ничего о моей стороне круглой земли. Я убежден, что она круглая.

Думаю, моя манера письма должна следовать стилю древнего мира, а не сегодняшней речи и письму. Немногие книги, изданные в наши дни, варварски отпечатанные на отвратительной бумаге и не заслуживающие лучшей судьбы — продукция церкви, скучная до невероятности — проповеди, притчи, нравоучительные вымыслы. Обыденная речь, конечно же, более живая, но очень уж упрощена, что делает ее в целом чертовски скучной — пусть только любой человек, не священник, использует термин, который не воспринимает забытая всякой чепухой голова, и взгляд подозрительно скользнет в сторону, а пальцы готовы бросить камень, это извечное средство дурака поставить себя на один уровень с мудрым. И, наконец, английский язык, которым пользовались в древнем мире, — единственный, на котором я мог бы общаться с вами, если вы, возможно, существете и однажды прочтете это.

Мы, свободные мужчины и женщины на борту этого корабля, не несем бремени взлеленного невежества. В стране, из которой нас изгнали, кичатся свободой религии, что фактически означает — как это, очевидно, было в древнем мире, — просто свободу для небольшого разнообразия в пределах религии большинства... истинные еретики были нежелательны, хотя в последнем столетии древнего мира их уже не преследовали, в отличие от нынешних времен, ибо господствующая религия того времени на этом континенте сократилась до блеклого напоминания о ее былой устрашающей славе. Святая мэрканская церковь и небольшие шаманские секты, которым она позволяет существовать, несомненно, были тайными в древнем мире, но, насколько можно определить так издалека, христианство в Америке в двадцатом веке вряд ли было способно запугать даже детей. На нашей шхуне нет места религиозности, и когда я буду писать для вас эту книгу мне понадобится такая свобода от религии; если эта мысль вас раздражает, воспользуйтесь моим предупреждением и выберите для чтения иную книгу.

Наш корабль, “Морнинг Стар”¹, создан по чертежам из древнего мира и не похож на другие современные судна, за исключением своего экспериментального предшественника, “Хок”², сожженного на причале четыре года назад в войне 327 года против пиратов островов Код³. Когда “Хок” был построен, люди, разглядывая размещение бревен, видели высокие сосновые мачты, привезенные из Хэмпшира, северной провинции Нуина, и говорили, что

¹ Морнинг Стар — Утренняя Заря — англ., (тут и далее — прим. пер.)

² Хок — ястреб — англ.

³ Код — полуостров в шт. Массачусетс, вблизи г. Бостона.

он потонет при спуске на воду. Корабль прекрасно плавал многие месяцы, пока огонь не уничтожил его недалеко от острова Провинстаун¹. Кое-кто из нас помнит его, а сейчас почерневшие останки корабля лежат в темноте, став прибежищем для спрута или больших морских змей. Такое же предсказание услышали мы и для "Морнинг Стар". Люди видели спуск корабля на воду, — мачты были установлены в гнезде, паруса взвились в небеса, — он прошел испытания в бухте Плимута², словно леди³, прогуливающаяся на лужайке, многие говорили, что он опрокинется при первом же шторме. Ну, мы выдержали не один шторм с начала нашего путешествия в сторону восхода солнца.

Земля кругла. Не думаю, что вы ходите вверх ногами, с головой ниже плеч. Если же вы так ходите, я напрасно трачу время, поскольку, чтобы понять книгу, которую я намерен писать, человеку, наверно, необходимо иметь голову, прикрепленную к верхнему концу его шеи, и использовать ее время от времени.

Наш капитан, сэр Эндрю Барр, видимо, также будет чертовски удивлен, если окажется, что вы ходите вверх ногами, и то же самое будет с двумя моими самыми любимыми людьми — моей женой Ники и Дайоном Морган Моргансом, недавним регентом Нуина, — которые, между прочим, также несут ответственность за появление книги: они настаивали, чтобы я писал ее, и теперь видят, как я над ней потею. Капитан Барр намекнул позже, что каждый, кого серьезно занимает дурацкая проблема хождения вверх ногами, несомненно подобен человеку, который мочится против ветра.

В секретной библиотеке еретиков в Олд-Сити⁴ в Нуине имелось достаточно карт и другой научной информации, чтобы дать нам сносное представление о земле, какой она была приблизительно четыреста лет назад и какой должна быть теперь. Вследствие повышения уровня моря, которое, кажется, произошло катастрофически быстро в период краха цивилизации древнего мира, любая его карта обманывает в очертаниях береговой линии. Яростные воды земли, очевидно, ответственны и за многие изменения территории, удаленной от моря, — землетрясения, оползни, эрозию возвышеностей во время проливных дождей, которые Джон Барт описывает в своем (запрещенном) дневнике.

¹ Провинстаун — историч. город на крайней оконечности п-ова Код.

² Плимут — городок в шт. Массачусетс, старейший в Новой Англии.

³ В англ. языке слово корабль — существительное женского рода.

⁴ Олд-Сити — г. Бостон, штат Массачусетс.

Да, конечно, очень много правды в старых книгах, что и стало причиной для церковного запрета большинства из них и трактовки знаний древнего мира как “первобытной легенды”, ибо нельзя допустить представления о земле, так резко отличающегося от картины мира, которую предусматривает святая мэрканская церковь – и даже в обществе, где едва ли один человек из двух десятков достаточно грамотный, чтобы прочитать свое имя. Слишком много правды и слишком много энтузиазма, чтобы книги эти годились для робких, благочестивых и практических возлюбленных богом, которые зарабатывают на жизнь, помогая церкви руководить правительствами.

Земля является шаром в пределах пустого пространства и, тогда как луна и полуночная звезда вращаются вокруг нее, сама она вращается вокруг солнца. Солнце также постоянно движется – так говорит мне наука древних и я верю ей – и звезды являются отдаленными солнцами, похожими на наше, а яркие тела, которые мы видим движущимися, – это планеты, в чем-то подобные нашей – за исключением полуночной звезды. Я считаю, что быстро движущееся светлое тело было одним из спутников, посланных вверх в древности, и я нахожу это более чудесным, чем легенду святой мэрканской церкви, называющей его звездой, упавшей с неба, как упрек людям за смерть Авраама на колесе. И я думаю, что земля, луна, планеты, солнце и все звезды могут пребывать в движении какое-то время или вечно, но, уверен, без учета нашей выгоды – ибо мы можем, конечно, если захотим, придумать бога, жаждущего руководить человечеством, но мне бы этого не хотелось.

Пока я не приступил к своей книге, я и понятия не имел, что это за труд. (“Ты только записывай”, – сказал Дайон, он-то видел, как я несвязно, взахлеб рассказывал... сам он знает лучше. Но Ники помогает мне больше: когда мне надоедает писанина, я могу просто схватить ее смуглозолотистое тело и побороться с этим прелестным теплым созданием.) Я стараюсь не упускать из виду, что многого вы не знаете – ведь люди часто не видят дальше лесов и полей своей родины, а также лживых и правдивых, знакомых с детства сказок, мгновений страдания или восторга, которые могут превращать ложь, воображение, фантазию в правдивый рассказ, либо, наоборот, правду прочнее гранита – в ложное представление.

Только лишь возникнет идея – и я скриплю пером, пока не покидает меня вдохновение. Мое образование, как я уже дал понять, запоздало. В двадцать восемь, полагаю, мое невежество стало слабеть, что подавало определенные надежды, однако прогул все же извинить меня, если иногда расскажу вам меньше,

чем мог бы, или больше, чем вы желаете. Мне исполнилось четырнадцать и я был таким же невежественным, как темно-коричневая черепаха, хотя и красивее ее, рыжеволосый, невысокий, но проворный, с глуповатым выражением лица и хорошо подвешенным языком.

Республика Моха, где я родился в борделе, да еще и не лучшего толка, – это территория небольших одиноких ферм и обнесенных частоколом сел, страна озер, лесов, лугов и пастбищ к северу от Кэтскильских гор¹ и холмистого² государства, которое носит имя этих гор. Когда-нибудь Кэтскил, думаю, завоюет всю Моху. Родился я в Скоаре, одном из трех моханских городов, расположенных в горной лощине на тогдашней границе с Кэтскилом.

В Скоаре жизнь проходит по сезонам, в торговле на Зерновом рынке. Дикая растительность зеленым потоком подступает к самой границе довольно скромного городского частокола, за исключением участка, где заросли были расчищены, чтобы сделать западную и северо-восточную дороги немного безопаснее для потоков людей, мулов с фургонами, солдат, паломников, бродячих ремесленников, бродяг, двигавшихся по ним в обоих направлениях.

Эти дороги представляют собой нечто простое и в то же время великолепное, исключая военное время, когда народ более обычного боится путешествий и открытых мест. В мирное время дорога пахнет лошадьми, упряжками волов, людьми, медведями и волками на цели, которых ведут продавать городским аренам для травли собаками; когда светит солнце и дует ветер, вонь не беспокоит совсем. Случается увидеть кого угодно в дневное время – может, значительного человека, даже губернатора, одиноко едущего верхом, или святого, совершающего паломничество, – ты знаешь, что это, вероятнее всего, путешествие к рыночной площади в Нубере, где, говорят, Авраам умер на колесе; этот человек совершенно голый, на нем венок из шиповника, а на шее – серебряное колесо. Он не смотрит по сторонам, когда люди медленно продвигаются поближе и робко прикасаются к его голове, рукам или яичкам, чтобы присоединиться к его святости и излечиться от своих болезней. Или там может быть толпа уличных певцов и акробатов с бледнолицыми обезьянками, тараторящими на их плечах, и попугаями в клетках, выкрикивающими похотливые слова.

¹ Кэтскильские горы – место отдыха жителей Нью-Йорка.

² Двусмысленность оригинала: *taggednation* – нищенская, лоскутная страна.

Изредка можешь увидеть яркие, крытые холстом фургоны бродячих комедиантов, которых везут мулы; фургоны со всех сторон разукрашены сексуальными картинками и эксцентричными рисунками, и ты знаешь, что где-бы они ни остановились, — там будет музыка, увлекательные представления, уморительные интермеди, предсказания будущего, чудесное откровенное надувательство и новости из далеких местностей, которым можно верить. Повсюду ходят слухи, а комедиант считает своим долгом одурачить тебя в торговле лошадьми или занимается прочим подобным обманом, словно цыган, но комедиант также гордится тем, что приносит с собой только правдивые вести из отдаленных мест, и люди знают это и ценят их так высоко, что немногие правительства осмеливаются применять к ним строгие меры за беспытство, бродяжничество и жизнь в свое удовольствие. Я уверен, что никогда не забуду лучшие годы моей жизни, которые провел с комедиантами группы Рамли прежде, чем нашел Ники.

И вот что еще: там мог оказаться изысканный паланкин с опущенными занавесками, носильщики подобраны по росту, искусно движутся не в ногу, так что дорогой женщине, сидящей внутри, может быть, даже персональной шлюхе губернатора, — нет необходимости высовывать голову и ругать носильщиков, неуклюжих, проклятых, ленивых сукиных сынов. Или там могли брести рабы, скованные по двое, которых вели на продажу на рынок Скоара, или стадо крупного рогатого скота для бояни, раздражающего всех на дороге глупым ревом и тупостью — быки не хотят идти в никуда, но их толкает само чрево дороги — этот безмозглый червяк, заглатывающий, сбрасывающий через задний проход и тянувшийся за новым стадом.

Ночью на дорогах спокойно. Рыжий тигр и черный волк могут ходить по ним в это время — кто расскажет, кроме застигнутого ночью путника, который уже больше не увидит белого света?

Работа на ферме — скучное занятие в Мюхе, как и повсюду. Скот дает так же много приплода мутантов, как и в других местах; большие потери причиняют дикие хищники; тяжелая и разочаровывающая работа изнуряет человека настолько, что он становится стариком в сорокалетнем возрасте; немногие фермеры могут позволить себе иметь раба. Все-таки люди живут так же — я видел — как все человеческие существа в местностях, худших, чем Мюхе. Климат тут не такой жаркий и малярийный, как в Пенне. Процветает торговля лесом и верховыми лошадьми, имеются также промышленные предприятия, хотя и не сравнить их с промышленностью Кэтскила или Нуина. Фабрика бочек в Скоаре

выпускала гробы как побочные изделия и процветала – это называется американской изобретательностью. Люди с трудом сводят концы с концами – бедный сопливый народ, все так замотаны и всегда в работе, которой, наверное, будут заняты всегда, пока сосульки не растают на солнце – не в ближайшую среду, конечно.

Наверное. Но теперь, когда я знаю из книг, не могу забыть, что такой самый народ, вероятно, чисто случайно, выдержал Времена Смятения, с трудом избежав гибели.

Два других крупных населенных центра моей родины – Моха-Сити и Канхар, обнесенные городской стеной на северо-западе, на реке Мохе, узком морском заливе. Восемнадцатифутовые¹ земляные валы – этого достаточно, чтобы воспрепятствовать прыжку рыжего тигра, и поэтому Скоар с его ничтожным двенадцатифутовым бревенчатым частоколом очутился на третьем месте. Огромные причалы Канхара могут принимать аутригеры² водоизмещением до тридцати тонн – большие судна, в основном из Леваннона, торгующего со всеми портами. Моха-Сити является столицей с президентским дворцом, а Канхар – самый крупный город – насчитывает двадцать тысяч жителей, не считая рабов – еще пять тысяч. Закон Мохи объясняет, что если считать их человеческими существами, это может привести, в конце концов, к обращению с ними подобным образом, что приведет к революции и крушению великой демократии.

Теперь, когда я размышляю об этом, каждая известная мне страна, за исключением Нубера, – это великкая демократия. Исключение – святой город Нубер – в любом случае в действительности не является страной, это просто несколько квадратных миль освещенной возвышенной местности на берегу моря Хадсона, окруженных с трех сторон кэтскильскими горами. Это духовная столица мира, иными словами: земное местопребывание этого хитроумного изобретения – святой мэрканской церкви. Никто не обитает там, за исключением важных должностных лиц церкви, большинство из них имеют жилые помещения в громадном соборе Нубера и около тысячи простых людей заботятся об их земных нуждах – от ремешков туфель и туалетных принадлежностей до изысканных вин и обычных шлюх. Страна Кэтскил не производит ни изысканных вин, ни высококвалифицированных проституток – их импортируют, чаще всего из Пенна.

Кэтскил является королевством. Нуин – содружество с наследственной абсолютной властью президента. Леваннон – королев-

¹ Один фут = 30,48 см.

² Аутригер – шлюпка с выносными уключинами.

ство, но управляемся торговым советом. Ломеда и другие Низменные страны – церковные государства, важную персону, которая управляет там, называют принц-кардинал. Род, Вэрмант и Пенн – республики; Коникат – королевство; в Бершаре, в основном, царит беспорядок. Но все они – великие демократии и, надеюсь, однажды это станет вам более понятно, когда океан будет менне мокрым. О, а еще далеко на юге или юго-западе от Пенна расположена страна, называемая Мисипа, которая представляет собой империю, но тамошний народ не допускает пришельцев¹, проживая за земляным валом, который, говорят, тянется на сотни миль через тропические джунгли, и уничтожают все прибрежные корабли с севера – а именно: применяют порох, который забрасывают на палубы искусственно сделанными катапультами. Так как производство пороха строго запрещено святой мэрканской церковью как часть первородного греха человека, этих мисипанцев провозгласили язычниками, поэтому никто не попадает туда, разве что случайно, никто не знает, является ли эта империя также демократической и, согласно моим самым достоверным сведениям, всех это заботит не более чем чайто передко во время урагана.

В пятидесяти милях от Канхара расположен Скоар. Там я родился в борделе, который, не будучи первоклассным, все же не был и просто притоном. Я видел его позднее, когда стал достаточно взрослым, чтобы быть понаблюдательнее. Помню красные двери и занавески, медные лампы в форме фаллоса, знак V² над парадным входом, который означал, что имелось разрешение городского правления в соответствии со знаменитой доктриной церкви о необходимом пороке. Что он не был первоклассным, подтверждалось тем, что девушки могли праздно сидеть на парадном крыльце с

¹ Дэйви имеет в виду запрет для посетителей с севера. Они поддерживают некоторую торговлю с регионом, известным в древнем мире, как Южная Америка. В 296 году горстка беженцев от какой-то мисипанской политической бури добралась до Пенна по суше и представила эти и другие сведения, прежде чем все они умерли от малярии, зараженных ран и дизентерии. Их английский был сильно искажен, что вечно порождало споры о том, что же они пытались сказать. Я узнал об этом еще маленьким, подслушав неофициальный разговор между моим дедушкой, президентом Дайоном II и послом Пенна Уильямом Скунмейкером. Мой покойный дядя, впоследствии Морган III, держал меня на коленях, записывая высокомерную речь Скунмейкера, а я тем временем восхищался его вышивыми штанами.

² Дайон Морган Моргансон Нуинский.

² Знак V – сокращение от англ. слова *venere* – разврат.

оголенными бедрами или же их грудь выпирала из блузки, или из окон свисали крикливо зазывающие ленточки. В первоклассном борделе обычно представлены знак V, красная дверь и неожиданные в данной ситуации мир и спокойствие снаружи – богатые клиенты предпочитают посещать именно такие заведения. Я не слишком нервничаю – насколько это меня касается, секс может быть вызывающе шумным или наполненным лунным светом: если это только секс и никому не причиняется вреда, мне такое нравится.

В подобных борделях любого класса нет времени на детей. Дети являются редкостью в этом мире и поэтому высоко ценятся. У меня было правильное телосложение, ничто во мне не предполагало мутанта, но так как мое происхождение было бордельным, я находился под опекой государства, не имея права быть усыновленным частным лицом. Полицейские забрали меня у матери, кто бы она ни была, и поместили в сиротский приют в Скоаре. Наверное, она получила плату, обычную в таких случаях, и, вероятно, ей пришлось сменить имя и переехать в другой город, так как государство предпочитало, чтобы опекаемые моего разряда ничего не знали о своем происхождении – я узнал о моем совершенно случайно, подслушав болтовню священника в сиротском приюте, когда думали, что я сплю.

Я рос в приюте, пока мне не исполнилось девять лет, обычный возраст для направления на работу. Как крепостной-слуга я все еще принадлежал государству, которое забирало три четверти моей зарплаты, пока мне не исполнится восемнадцать. Тогда, если все будет хорошо, государство счтет свои расходы возмещенными и я стану свободным человеком. Это была система всеобщего благосостояния.

В приюте почти все делалось с терпеливой тоской или молча. Он не был перенаселен. Монахини и священники обычно не выносили шума, но если мы вели себя спокойно, нас меньше наказывали. Мы были заняты легкой работой – подметанием, вытиранием пыли, стиркой; скребли полы, рубили и подносили дрова, мыли тарелки и кастрюли, вскальывали участок для овощей, занимались прополкой, сбором урожая, прислуживали за столом, что означало наблюдение за сбором пенки с супа во время молитвы отца Милсома, и выносилиочные горшки священников.

Несмотря на большую заботу и доброту, мы съяклились с болезнями и смертью. Я припоминаю год, когда оставалось лишь пять мальчиков и восемь девочек и на нас свалилось много работы: ведь в среднем там проживало примерно двадцать детей. Наши опекуны страдали из-за нас, проводя дополнительное время в

молитвах, сжигая высокие тонкие (для экономии) свечи, что сочетало богослужение с окуриванием, пускали нам кровь и кормили так называемым витаминным супом – похлебка из кошачьей мяты с толченой яичной скорлупой для укрепления костей.

В приюте никакого школьного обучения, достойного упоминания, не проводилось. В Мехе школьному обучению подлежали дети в возрасте от девяти до двенадцати лет, за исключением детей аристократов и кандидатов в священники, которым приходилось трудиться до седьмого пота. Даже дети рабов должны были пройти небольшой курс обучения: Меха была прогрессивной в этом плане. Хорошо помню приходскую школу на Индейской улице, где никогда не прилагались утомительные усилия и изредка появлялось чувство чего-то существенно недостижимого. И все же наша школа была очень прогрессивной. Нам давали задания. Я сделал домик для птиц.

Он не был похож на домики для птиц, которые я делал для забавы, удалившись в лес для уединения: из коры, виноградной лозы и вырезанных палочек. Сами птицы были весьма необученные и не любили домиков. Тот, который я сделал в школе настоящими бронзовыми инструментами, был намного привлекательнее. Конечно, его не захочется повесить на дереве – так не делают с заданием.

Мою зарплату крепостного-слуги не сократили из-за времени, проводимого в школе: это предусматривает хороший закон. Все равно, обязательное прогрессивное образование – это не шутка, когда оно забирает так много времени из твоей жизни, которое могло бы быть потрачено действительно на изучение чего-то полезного.

Единственным ребенком, с которым я, семилетка, дружил и кого я помню из сиротского приюта, была Кэррон, девяти лет. Она не росла вместе со мной: ее прислали к нам после того, как родители прикончили друг друга в драке с поножовщиной. Она любила меня всего лишь несколько месяцев, которые провела в приюте, а затем ее направили на работу. Кэррон скорилась со всеми, кроме меня, и у нее постоянно были неприятности. Поздно ночью, когда надзиратель дремал у одинокой свечи, мальчики и девочки пробирались со своих комнат в другую часть спальни, хотя наказание, если их заставали во время любовной игры, состояло из двадцати ударов плетью и запирания на день в подвале. Кэррон пришла ко мне таким же путем и скользнула под одеяло, костлявая и теплая. Мы не очень хорошо играли в наши неумелые игры; я лучше помню ее разговор, тоненьким голоском, который невозможно было услышать на расстоянии десяти футов. Помню ее правдивые рассказы о внеш-

нем мире и выдумки, и часто (это пугало меня) она говорила о том, что намеревалась сделать каждому в нашем заведении, кроме меня: от желания сжечь здание до намерения вырезать отцу Милсому яйца, если те у него есть. Полагаю, ее направили на работу не в Скоар. Когда меня самого, два года спустя, все еще тоскующего по ней, направили на работу, у меня совсем не было сведений о том, что с ней случилось. Я только осознал, что в жизни потерянное редко возвращается, как это происходит в добрых романтических приключениях, которые можно услышать на уличных перекрестках от нищих рассказчиков за одну-две монеты.

Кэррон было бы теперь тридцать, если она еще жива. Иногда, даже в постели с моей Ники, я вспоминаю наше неопытное ерзание, дикую нелогичность мыслей в детстве, и думаю я бы не узнал ее, увидев теперь.

Вспоминаю другую, сестру Карнацию, с запахом грубого мыла и пота, которая нянчила меня и пела мне, еще очень маленько-му. Она была громадной и толстой с глубоко посаженными веселыми глазами и нежным, искренним голосом. Мне было четыре года, когда отец Милсом прервал меня, спрашивавшего о ней вперемешку с хныканьем, и сказал, что сестра Карнация ушла к Аврааму. Поэтому я страдал от ревности к Аврааму, пока кто-то не объяснил, что это был только благочестивый способ сказать, что она умерла.

Меня направили на работу дворовым мальчиком в таверну "Бык и оружие" на улице Курин, и я проработал в ней до моего четырнадцатого дня рождения и еще месяц — с этого момента я намереваюсь начать свой рассказ. Питание за полцены; после того, как плату за питание и государственные три четверти зарплаты забирали, у меня оставалось два доллара в неделю, и я также неофициально добавлял за питание. Овсяный хлеб, тушеное мясо и все, что может быть "добавлено", как папа Рамли, предводитель труппы бродячих комедиантов, бывало, твердил — парень от этого идет в рост. А тушеного мяса в "Быке и оружии" было больше и оно оказалось лучше, чем что-либо в сиротском приюте — больше козлятины и меньше религии.

2

Однажды в середине марта, через месяц после моего четырнадцатого дня рождения, я выскользнул с первым лучом света из таверны, чтобы посачковать. Зима была суровая — оспа, грипп, все,

кроме тяжелой бубонной чумы. В январе выпал снег глубиной в один дюйм, я редко видел такой большой снегопад. Теперь, когда зима прошла, моя душа томилась весенним беспокойством, стремясь к пробуждающимся мечтам. Я желал и боялся ночных снов, в которых меня обнимало что-то причудливое, расплывчатое и обычно пробуждало с извержением семени. Я знал, что тысячи честолюбивых стремлений погибают от лени; усталость от ничего-неделания, когда все еще предстояло сделать в будущем – большинство детей называет это скучкой; так же поступал и я, хотя детство уже удалилось и довольно быстро. Я понимал, что эти нестерпимые времена отходят и каждый день одурачивает новым “может-быть-завтра” и ничего великолепного не встречается на пути.

В феврале¹, на мой день рождения, был мороз; говорили, что это необычно. Я припоминаю, что утром, в этот день рождения, я увидел из моего чердачного окна длинную сосульку, которая присела к знаку над входом в гостиницу – благородному знаку, который нарисовал для Джона Робсона какой-то странствующий художник, вероятно, получивший за это постель и еду, вместе с разговорами о бедности, которые Старый Джон изрыгал в таких случаях. (Кстати, только Эммия, дочь Джона Робсона, помнила, что это был мой день рождения: она незаметно сунула мне блестящий серебряный доллар и посмотрела на меня таким нежным взглядом, за который я променял бы все доллары, имевшиеся у меня, но, как крепостной-слуга, я мог бы попасть в колодки за то, что так подумал о дочери свободного человека). Знак изображал красного быка с огромными рогами; ядра, словно пара церковных колоколов; оружие символизировал используемый на арене для боя с быками дротик, торчавший из его шеи, а он совсем не обращал на него внимания. Вероятно, идея мадам Робсон, ибо безвредная старая распутница испытывала удивительное наслаждение от зрелища травли медведя собаками или боя с быками на арене, сожжения атеистов, публичных вещаний. Она говорила, что такие развлечения нравоучительны, потому что тебе показывают, как, в конце концов, добродетель торжествует.

Волки очень оголодали к концу этой зимы. Стая черных хищников сожрала фермерскую семью в Уилтон Вилидже, возле Скоара, одну из тех семей, которые отваживаются проживать за преде-

Дэви просил Дайона и меня повсюду исправлять орфографические ошибки, но никто не смог бы поклясться, что это к лучшему.

Миранда Николетта де Мола.

(Тут – непередаваемая игра слов. – прим. пер.)

лами общинного частокола. Старый Джон рассказывал каждому новому гостю подробности зверского нападения, чтобы преуспеть в застольной беседе и напомнить клиентам, какие они сообразительные, что приехали в уютную гостиницу за городским частоколом, с такими умеренными ценами. Может, он все еще рассказывает эту историю, а, возможно, упоминает о рыжеволосом дворовом парне, который некогда был у него, оказавшемся настоящей змеей, пригретой на груди, полным ничтожеством. Старый Джон имел знакомых в Уилтон Вилидже и знал семью, которую загрызли волки. В любом случае, он никогда не закрывал рот дольше, чем на несколько минут, если не присутствовали аристократы: тогда, сам являясь "Мистером" и представляя самую низшую степень знати, он предусмотрительно держал его на замке, а его голубые влажные глаза изучали их лица в пожизненных поисках самых лучших задниц для целования.

Он, вероятно, не закрывал рот, даже когда спал. Спальня его и мадам располагалась по другую сторону фургонного двора, напротив моего чердака. В середине зимы, когда их окна были плотно закрыты от ужасных сквозняков, я, бывало, тем не менее, слышал, как Старый Джон спал, издавая звуки, похожие на скрип несмазанного фургонного колеса. Очень редко слышал я и прерывистые стоны мадам, когда он ерзал на кровати. Интересно, как это у них получалось – у двухсотфунтового мешка сала и небольшой сухой щепки.

В темноте этого мартовского утра я кормил лошадей и мулов, размысливая, что кто-то другой мог бы укрепить свое положение, работая лопатой. В таверне имелась пара рабов для работ снаружи. Единственной причиной, побуждавшей меня вечно чистить конюшню, было то, что я предпочитаю видеть такие работы хорошо выполненными: но в это утро я чувствовал, что рабы могли бы выгнать оттуда добрую охапку. Во всяком случае, это была пятница, поэтому любая работа считалась грехом, если ты не побеспокоишься заявить, что работа лопатой является благочестивой и я советую вам основательно задуматься над этим.

Я прокралялся в главную кухню, везде зная дорогу. Хотя я был дворовым мальчиком, я имел обыкновение мыться при первой же возможности, и поэтому Старый Джон позволил мне помогать обслуживать стол, то есть следить за камином в пивной и приносить напитки. Этим утром я чувствовал себя в безопасности: каждый, наверное, уютно постился в кровати, перед тем, как идти в церковь. Раб Джадд, хозяин кухни, все еще не вставал, поэтому его помощники, вероятно, также спали мертвым сном. Если бы

Джадд обнаружил меня, самое худшее, что он мог бы сделать – преследовать меня пару шагов с его хромой ногой, слава богу, у него не было возможности схватить меня.

Я нашел персиковый пирог. Я прекратил поститься и бросил церковь очень давно – это не трудно: кто обращает внимание на дворового мальчишку? – и никакая молния до сих пор не поразила меня, хотя меня ясно учили, что о самых смиренных созданиях бог заботится с особой охотой. В кладовой я взял буханку овсяного хлеба и ломоть копченой свиной грудинки и задумался. Почему бы не убежать навсегда? Кого это обеспокоит?

Несомненно, старого Джона Робсона: прекращение моей крепостной службы ударило бы по его карману. Но я ведь не просил рассматривать мою жизнь как рыночный товар.

Эммия могла бы беспокоиться. Я размышлял об этом, когда крался пустынным утром по улице Курик, почти за полчаса до восхода солнца. Меня, четырнадцатилетнего, поглощали эти размышления, и, возможно, я был более активным в нежных чувствах, чем большинство юношей в этом возрасте. Меня мог убить черный волк, но я заменил его бандитами, потому что черный волк не оставил бы даже костей. Я полагал, что кости следуют оставить. Кто-нибудь мог бы принести их обратно, чтобы показать Эммии. “Вот все, что осталось от бедного Дэви, кроме его кэтскильского ножа. Его последним желанием было, чтобы вы получили это, если с ним что-нибудь случится”. Но в действительности у меня не было никого поблизости, чтобы передать это через кого-либо, и, в любом случае, бандиты не оставили бы хорошего ножа, чтоб они сдохли.

Эммии исполнилось шестнадцать, она была большая и мягкая, подобно ее папочке, только у нее это смотрелось хорошо. Голубоглазая, мягкая как подушка, милышка с несколькими лишними фунтами веса, что наблюдается у большинства девушек, но здравый смысл здесь ни при чем. Целый год ночами я возбуждался, мысленно раздевая ее, совершенно одинокий на моем чердаке над конюшней. Реальной Эммии приходилось время от времени спать с важными гостями, чтобы поддерживать репутацию гостиницы, но я вряд ли мог полностью признать эту действительность. Конечно, в течение многих лет я слыхал давние похотливые рассказы и шутки о дочерях содержателей гостиниц, но, кроме Кэрон, потерянной в детстве, Эммия была моей первой любовью. Так или иначе, я избежал осознания, что любимая девушка была обязана заниматься проституцией по совместительству с основной работой.

Я сдерживал волнение, когда проходил мимо городской зеленой лужайки. Очертания позорного столба, площадки для наказания

кнутом и колодками вырисовывались в сероватой мгле, напоминая о том, что могло бы случиться с крепостным слугой, если его застукают держащим руку на платье Эммии, не говоря уже о том, если та окажется под ним. Когда я приблизился к месту, где намеревался перелезть через частокол, все дурацкие измышления о костях вылетели у меня из головы. Я, в самом деле, задумывался о побеге.

Если меня найдут и вернут обратно, государство может объявить меня неклейменым рабом и продать на десятилетний срок. Но в это утро я уверял себя, что они вряд ли что-нибудь сделают при таких законах. При мне были копченая грудинка и хлеб, кремень и огниво и талисман удачи, все в заплечном мешке, которые были моей законной собственностью. Мой нож, также действительно купленный мною, висел зачехленным на пояссе под рубашкой, а все деньги, которые я приберег зимой, десять долларов, были завязаны узлом в моей набедренной повязке – блестящая монета, которую мне дала Эммия, отдельно, чтобы ее никогда не тратить, если я смогу избежать этого. В глубине леса Северной горы, где я нашел пещеру во время моих одиноких прошлогодних скитаний, у меня были припасены и другие вещи – сделанный мною лук из белого ясеня, стрелы с медными наконечниками, рыболовная леса, два настоящих стальных рыболовных крючка и еще десять зарытых долларов. Наконечники стрел и леса были дешевыми; но мне понадобилось несколько недель, чтобы скономить достаточно денег для покупки тех прекрасных рыболовных крючков, принимая во внимание, какая редкая и ценная сталь в наше время.

Пользуясь тем, что полусонный часовий, совершивший свой обход, был еще далеко, я перелез через бревна частокола и направился к склону горы. Эммия в моем сердце прекратила плач над костями. В моих мечтах это была мягкосердечная девушка, которая, несомненно, хотела бы, чтобы я вернулся терпеть до конца мою крепостную службу, хотя во плоти я не предпринял ничего более чувственного, чем воображать ее рядом на моей убогой постели во время довольно печальных уединенных игр.

Взираясь по кругому откосу и удаляясь от города, я решил просто затеряться на день или два, как я уже делал несколько раз. Тогда это обычно был положенный мне выходной день. Но не всегда: и прежде я рисковал иметь неприятности и выпутывался из них. На этот раз я останусь до тех пор, пока не кончится копченая грудинка и я не придумаю какую-то наглую, чудовищную ложь, которую мог бы рассказать после моего возвращения, чтобы смягчить удары кожаного ремня Старого Джона по моей заднице – не потому, что он когда-либо причинял сильную боль, так как ему не

хватало ни силы, ни настоящей жестокости. Это решение успокоило меня. Очнувшись далеко, под прикрытием большого леса, я взобрался на клен, чтобы наблюдать восход солнца.

Отсюда, сверху, дороги из Скоара были все же не видны, их заслонял лес. Скоар выглядел иллюзорным, призрачным городом, окутанным пеленой предрассветного тумана. Я знал, там – прозаическая реальность, беспорядочная толпа десяти тысяч человеческих существ, готовых к еще одному дню работы, надувательства, бездельничанья, хватания друг друга за глотку или – изредка – пытающихся не делать этого.

Добираясь до моего клена, я слышал мелодичное перекличание первых птиц. Теперь на горизонте скоро появится солнечный диск; повсюду проснулись певчие птички, их пение звучало здесь и там в верховьях деревьев. Я слышал белогрудого воробья, который не задержится надолго в своем пути на север. Малиновка и лесной дрозд – может ли утро начинаться без них? Сверкая, мимо пронесся кардинал. Пара белых попугаев вылетела из кроны явора и понеслась низко над деревьями, а я слышал лесного голубя и поток переливчатых звуков, изливавшихся из маленькой груди вьюрка.

Я наблюдал за парой белолицых обезьян, застывших неподалеку в нежных объятиях; они не обращали на меня внимания. Самец склонил голову так, что самка могла гладить его шею. Когда она устала, он схватил ее за бедра и принялся заниматься с ней любовью, – благодарной работой, выполняемой его излюбленным инструментом. Затем они сидели в обнимку, свесив длинные черные хвосты, а он кричал мне: “И... оу!..” Когда я отвернулся от них, восток пламенел.

Внезапно мне захотелось узнать: откуда приходит солнце? Как оно загорается на день?

Понимаю, тогда я не получал никаких серьезных знаний. В школе я корпел над двумя книгами – букварем и молитвенником. Во время выступления бродячих комедиантов, когда мне было тринадцать, я приобрел для чтения брошюру о сексе, так как думал, что там будут картинки, и, как правило, покупал сонник, если он стоил меньше доллара. Я знал о “Завете Авра-ама”, называемом единственным источником истинной религии, и сознавал, что обычным людям запрещено читать его, чтобы им не случилось неправильно что-то истолковать. Все книги, говорят священники, представляют в какой-то мере опасность, ибо посвящены многим проблемам Греха Человека в древнем мире; они искушают людей думать независимо, что само по себе подразумевает отказ от лю-

бовного попечения бога. Что касается других видов обучения – ну, я полагал, что Старый Джон достиг замечательных успехов в мудрости, так как он мог подсчитывать на счетах в баре.

Я верил, как меня учили, что мир состоял из территории, площадью в три тысячи квадратных миль: это был сад, где бог и ангелы свободно ходили среди людей, совершая чудеса, пока около четырехсот лет назад люди не согрешили, страстно желая получить запрещенные знания, и не испортили все на свете. Теперь мы искупаляем грехи покаянием, пока Авраам, представитель бога, провозвестник спасения, чей приход был предсказан древним пророком Иисусом Христом, иногда называемым восприемником. Авраам, рожденный девой Карой в дикой местности во Времена Смятения, убитый за наши грехи на колесе в Нувере на тридцать седьмом году жизни, не возвратится на землю, где он будет судить все души, спасая немногих и обрекая на вечный огонь многих.

Я знал, что тогда был 317 год, ведущий начало от рождения Авраама, и что все народы согласились с этой датой. Я верил, что за каждой из сторон этой глыбы земли площадью в три тысячи квадратных миль простирается огромное море до края горизонта. Но... что вокруг этого края? В Завете Авраама, говорят священники, ничего не сказано, как далеко простирается море – бог не желает, чтобы люди знали, вот почему. Когда я слышал об этом в школе, естественно, я замолкал, но это беспокоило меня.

Все мои сомнения были незрелыми и экспериментальными: новая трава пробивается вверх через прогнившие отбросы после зимы. Я действительно думал: как это замечательно, что молния ни разу не сожгла меня, невзирая на то, что я грешил. По окончании моего последнего школьного года целая неделя занятий была посвящена Греху, и отец Кланс, директор школы, уделил этому особое внимание. Красная Женщина озадачила нас: мы знали, что проститутки подкрашивали свои лица, но нам казалось, словно эта женщина была красной повсюду – я не понял, к чему все это. Мы знали, что добродетельный отец подразумевал под Грехом Рукоблудия, хотя мы называли это онанизмом; некоторые из мальчиков были расстроены, когда узнали, что если ты занимался этим, твои конечности посинеют и вскоре отпадут; двое упали в обморок, а одного вырвало и он выбежал из класса. Девочки и мальчики были разделены в эту неделю, поэтому я не знаю, какую священную информацию вбивали в головы школьницам. Я понял, что, вероятно, я был настолько неинтересным для бога, что он не беспокоился обо мне, так как меня научили вышеупомянутому техническому приему, по крайней мере, четы-

ре года назад в приюте и я не посинел хотя бы чуть-чуть и от меня все еще ничто не отвалилось. Отец Кланс, большой и бледный, выглядел так, словно у него были боли в животе, а обвинять за это нужно кого-то другого. Его проповедь воспринималась таким образом, что прежде, чем неумело напортить в создании человеческих существ, мужчин и женщин, бог мог бы изуважения к приличиям, сначала посоветоваться с отцом Клансом.

Церковь разъяснила, что все, имеющее отношение к сексу – грехово, ненавистно, грязно, даже сновидения о процессе совокупления называли “поллюцией”¹ – но одновременно оно заслуживает полнейшего благовенния. Были и другие несоответствия, я полагаю, неизбежные. Церковь и ее пленники, светские правительства, естественно, желали, чтобы население увеличивалось; при довольно большом количестве бесплодных браков, рождении мутантов в отношении почти один к пяти, этот мир вскоре обезлюднеет. Но церковь также провозглашает истину – я не понимаю ее источников – что всякое удовольствие сомнительно и только безрадостный может быть добродетельным. Поэтому власти делают все возможное, чтобы поощрять рост населения, хотя формально они следуют по другому пути. Что-то, похожее на небольшое представление, которое мы обычно ставили, когда я был с бродячими комедиантами группы Рамли: четыре пары жевали по-аристократически обед, рабы с поклонами подавали блюда к застолью, а эти аристократы с серьезным видом долго и скучно говорили о погоде, моде, церковных делаах, даже не пытаясь улыбнуться, но зрители могли видеть под столом удивительное переплетение пальцев, оголенные бедра и гульфики² на панталонах знатных мужчин.

Разум отца Кланса мог безболезненно воспринять этот вид несоответствия – но только не мой. Религии требуется специально совершенствуемая глухота к противоречиям, но я был для этого слишком большим грешником.

Конечно, уже четырнадцатилетним я понял, что следует во всеуслышанье соглашаться с тем, чему учит церковь. Впервые я наблюдал за сожжением атеиста вскоре после того, как начал работать в “Быке и оружии”. Человек, ставший “зрелищем”, как-то сказал сыну, что никто никогда не был рожден девственицей. Не знаю, каким образом его обвинили за это в атеизме, но лучше было об этом не спрашивать. В Моке сожжения всегда

¹ Поллюция – от лат. polluo – загрязняю.

² Гульфик – откидной клапан, прикрывающий спереди отверстие в плотно облегающих мужских панталонах – носили в XV – XVI вв.

составляли часть Весеннего фестиваля – но детям до девяти не требовалось их посещать.

Из моего клена я наблюдал рождение и становление дня. И вдруг подумал: а что, если доплыть до самого края земли?

Это было уж слишком. Я уклонился от этой мысли. Соскользнул с дерева и продолжал восхождение сквозь густой лес, где днем никогда не было жарко. Продвигался медленно, чтобы не вспотеть, так как запах далеко разносится ветром и черный волк или рыжий тигр могут мной заинтересоваться. Против волка у меня был нож – он не терпит стали. Тигр же неуязвим – легкого удара его лапы будет достаточно – но он обычно избегает горной местности и преследует пасущихся животных. Говорят, он немного считается со стрелами, копьем и огнем, хотя я слыхал, что он прыгал через огненный круг, чтобы схватить человека.

В то утро меня не заботило опасение этих извечных врагов – но одна опасная мысль порождала другую: а что, если бы я добрался до края земли и увидел, как загорается солнце?..

В чаще леса в любое время дня находишься в неопределенности сумерек. Предметы кажутся большими или меньшими, чем в действительности, когда на них сквозь листья попадает нисходящий поток света. Ночь там длится дольше. Все дело в том, что окружающая среда содержит еще что-то, кроме страха. Вместо опасности может прийти хорошее или желаемое, кто знает?

Моя пещера в Северной горе представляла собой расщелину в скале, расширяющуюся вглубь – так образовалось помещение шириной четыре и длиной двадцать футов. Расщелина уходила вверх в темноту, но, должно быть, имела выход наружу, так как сквозняк, подобно тяге в дымоходе, постоянно осежал воздух. Туда мог бы залезть волк и даже тигр, хотя тогда у него было бы ограниченное пространство для маневрирования. Когда я обнаружил пещеру, я выгнал оттуда медноголовых эмей и теперь должен был следить, чтобы они не вернулись; вымести веткой скорпионов было еще одной хозяйственной заботой.

Подступ к пещере представлял собой узкий выступ, расшившийся перед входом, там было достаточно земли для горстки травы, а дальше выступ круто шел к другому концу скалы. Пещера располагалась на восточной стороне горы, Скоар, расположенный южнее, не был виден. Ночью я мог разжигать костерок, разглядывая в пламени мальчишеские фантазии о неизведанных местах, отдаленных временах и всяких миражах.

В то утро я прежде всего проверил наличие лука и другого снаряжения. Все было на месте, но я чуял что-то чужое. Я высморкался,

чтобы заострить нюх; сначала ничего плохого не обнаружилось. Когда же я отыскал причину, то сразу не смог разобраться, в чем дело: на задней стенке, по которой я скользнул было беглым взором, пропускала картина, набросанная острый куском мягкого песчаника. Вероятно, ее нарисовали после моего последнего посещения в ноябре. Я увидел две безликие тонкие мужские фигуры. Вообще-то я слыхал о гибельях охотников с помощью знаков, но здесь не было ничего подобного. Фигуры просто были нарисованы. Одна – в нормальных человеческих пропорциях, локти и колени согнуты, пальцы на руках и ногах тщательно вырисованы. Другой человек был такого же роста, но его руки были слишком длинными, а ноги – слишком короткими, совсем без коленных чашечек. Никаких следов в пещере не было, ничего не оставлено и не украдено.

Я бросил это дело. Кто-то проходил мимо после ноября и оставил мое снаряжение нетронутым; нет причины думать, что он намеревался причинить мне зло. Я убедился, что подкова, спрятанная под камнем у входа в пещеру, лежала на месте, хотя я никогда не слыхал о картинах, оставленных после себя ведьмами или другими сверхъестественными существами. Я собрал несколько свежих веток для постели и побольше топлива для костра и голяком расположился на солнце, чтобы помечтать, на мне был только пояс с ножом. Без такого свободного времяпрожаждения, хотя бы иногда, разве смогли бы мы, скажем, придумать новый способ защиты луны от саранчи? Я не забыл о картине, но полагал, что посетитель давно ушел. Мои мысли уносили меня из этого дня в неведомую даль.

Я думал о путешествиях.

Море Хадсона, река Мока, моря Лорента и Онтара¹ – я знал, что все они были частью огромного моря, разделяющего знакомый мне мир на острова. Знал, что море Хадсона во многих местах едва достигает мили по ширине и по нему легко плавать лишь небольшим кораблям. А также, что тридцатитонные аутригеры из Леваннона попадали через реку Мока в море Онтара и далее к Сил-Харбору на море Лорента, откуда поступает большая часть масла для наших ламп. Сил-Харбор все еще является территорией Леваннона, крайней окончностью этой огромной, длинной, как змея, страны и наибольшим источником ее богатства, самой северной местностью цивилизации, если можно так назвать проклятую дыру, подобную Сил-Харбору. (Мне было пятнадцать, когда я с бродячими комедиантами группы Рамли увидел это место. Громилы Шэга Донована пытались захватить одну из

¹ Реки Гудзон и Св. Лаврентия, озеро Онтарио.

наших девушек – такого не пытаются делать с комедиантами нигде в мире. Троє из его людей были убиты, а остальные разбежались в замешательстве). За пределами Сил-Харбора корабли из Леваннона продолжают путь по морю Лорента к большому морю и дальше на юг вдоль пустынного побережья, чтобы торговать с городами-государствами Мэна, а потом с известными портами Нуина – Ньюбери¹, Олд-Сити, Хэннисом², Лэндз-Эндом. Этот северный переход – длинный и плохой, говорили путешественники в “Быке и оружии”. Туман может скрывать оба берега, на этих побережьях бродят бурые медведи и рыжие тигры, а сама местность не подходящая для человека. Все равно, этот путь был безопаснее, чем южный маршрут по морю Хадсона и вдоль побережья Кониката, и корабли из Леваннона, груженные промышленными товарами из Нуина, обычно также возвращались северным путем, предпочитая бороться с противным ветром и течением, чем рисковать столкнуться с пиратами островов Код. Теперь мы очистили местность от пиратов, но в то время их боевые членки и оснащенные треугольными парусами глиссера приводили население прибрежных стран в ужас.

Я нежился в то утро на выступе скалы и думал: если тридцатитонные корабли из Леваннона плавают по северному переходу ради торговли, почему бы им не заплыть чуть дальше просто из любопытства? Конечно, я был невежествен. Я не видел даже моря Хадсона, и не знал, что любознательность – очень редкое явление. А не имея опыта, не мог и вообразить пустыню открытого моря, когда земля остается в памяти и нет ни единого ориентира, чтобы определить, куда направить корабль, если на борту не присутствует кто-то, знакомый с тайной определения местности по звездам. Поэтому я спросил утреннее небо: если никто не осмеливается плыть за пределы земли и если Завет Авраама не может поведать, как далеко край земли или что находится по ту сторону его, как могут священники утверждать, что они все знают?

Почему не может быть других земель по ту сторону? Откуда вообще люди знают, что имеется этот край земли? Может, Завет Авраама действительно объяснил бы так много, если было бы позволено прочитать его, но тогда что же именно там сказано о дальнем береге? Он должен быть там. И что-то по ту сторону дальнего берега. И если бы мне поплыть на восток...

¹ Ньюбери – порт в устье реки Мерримэк, шт. Массачусетс.

² Хэннис – город на полуострове Код.

Нет, думал я... нет, дурья башка! Но, предположим, я поехал бы в Леваннон – это недалеко – как молодой человек мог бы наняться на тридцатитонный корабль?

А что, если б я, скажем, отправился бы сегодня утром или, по крайней мере, завтра?

3

Я думал о Эммии.

Однажды с улицы я мельком увидел ее в окне комнаты обнаженной, перед тем, как она легла спать. Толстый старый плющ рос до второго этажа гостиницы, где была ее комната. Сквозь листву я увидел, как распущеные ею рыжевато-коричневые волосы упали на плечи, и она расчесывала их, наблюдая за собой в зеркало, потом она немного постояла, вглядываясь в темноту. Я притаился у сплошной стены соседнего дома. Луны не было, иначе она заметила бы меня. Какой-то импульс побудил ее заслонить левую грудь изогнутой ладонью, она опустила голубые глаза, а я был очарован, узнав о коричневатом круге вокруг соска, о ее гибкой талии и едва видимом темном треугольнике.

Голые женщины не были новостью для меня, хотя ни с одной я не был близок. В Скоаре имелось варьете с голыми девушками, называемое кино, включая подсматривание через щель за грош, что я мог себе позволить¹. Но этим розовым чудом в окне была Э М М И Я, а не картина, не кукла, не затасканная актриса варьете, идиотски бренчущая на гитаре, с лицом, словно рассыпавшийся мешок с бельем для прачечной, но Эммия, которую я ежедневно видел за работой в таверне в своем платье или в широких штанах - штопающей, выбивающей пыль, присматривающей за рабами, лепящей свечи, прислужи-

¹ Они имеют вынужденное разрешение церкви на существование и за- служивают на целый пункт в знаменитой церковной Доктрине Необходи- димого Зла. В народе считают, что этот памятник расчетливого благочестия был придуман апостолом Симоном во время предполагаемого основания церкви в 44 году. Фактически документ, который называют первоначальным, отпечатан на пергаменте, изготовленном в Нуине, а не в Катскиле и всего лишь около 50 лет назад. Я сам исследовал его во время моего посещения Нуриба. Никакой ученьй не может точно датиро- вать начало существования святой мэрканской церкви, но ее нельзя считать учреждением, действующим, свыше 200 лет.

вающей за столом, приходящей на мою территорию собрать яйца или помочь накормить скот и подоить коз. Эммия относилась очень внимательно к своей юбке, Эммия, которую я знал, — однажды, когда старый раб Джадд, не подумав как следует, попросил ее, не будет ли она столь любезна, чтобы ползть по лестнице, достать что-то и снести вниз, дабы пощадить его хрумую ногу, она рассказала об этом матери и его выпороли за непристойную наглость. Такой была Эммия, и во мне, словно бурная музыка, проснулось желание.

Любовь? О, я называл это так. Я был парнем.

Она уплыла из моего поля зрения и ее свеча погасла. Помню, заснул я той ночью изнуренным, после того, как воображаемая Эммия раздвинула свои бедра на моей постели. Постель превратилась в палатку: я был наследником гостиницы и богатства Старого Джона за спасение Эммии от бешеной собаки или от несущейся, закусив удила, лошади или чего-то там еще. Его предсмертная речь, благословляющая нас на брак, сделала бы из подлеца религиозного человека.

Больше я не видел Эммии голой, но мысленный образ девушки, стоящей у окна, согревал мне душу... (и все еще согревает). Это случилось со мной на выступе горы в то утро, когда время медленно двигалось к полудню...

Вначале я услышал шум и почувствовал запах. Это меня насторожило. Моя рука дернулась к ножу, прежде чем взгляд остановился на возмутительном пришельце, стоявшем на горной тропинке по идущему вверх откосу.

Он улыбнулся или попытался это сделать.

Его рот был ужасающе мал на широком плоском безволосом лице. Грязный, чрезвычайно толстый, вонючий. Его огромные длинные руки и короткие ноги подсказали мне, что он, вероятно, был изображен на том рисунке. На самом деле он имел колени: свисавшие жировые складки скрывали их; его ноги ниже колен были почти такие же толстые, как и безобразно короткие бедра. Почти безволосый и неодетый; самец, но атрибут, который должен был доказать это, на фоне его толстой туши казался не более аналогичного предмета маленького мальчика. Несмотря на короткие ноги, он был моего роста, приблизительно пять футов и пять дюймов. Черты его лица — нос пуговкой, небольшой рот, маленькие темные глаза в одутловатых, оплыvших жиром глазных впадинах — были просто уродливы, но человеческие. Он спросил булькающим мужским голосом:

— Мне уйти?

Я не мог говорить. Каким бы ни стало выражение моего лица, оно не сделало бы его более испуганным, чем он уже был. Он просто ожидал там, ничтожество, застывшее на солнцепеке. Мутант.

Закон церкви и государства повсеместно провозглашает достаточно ясно: *Мутант, рожденный женщиною или животным, не должен жить.*

Все это рассказы. Мать или даже отец могут подкупить священника, чтобы скрыть рождение мутанта, надеясь, что тот перерастет свой недостаток. И хотя расплата за это – смерть, такое случается.

Коникат – единственная страна, где гражданское право требует, чтобы мать мутанта также была уничтожена. Церковь склонна дать ей милость сомнения. Традиционно считается, что демоны способны внедрять семя мутантов, которое может войти в женщину во время сна, или же те очаровывают их, погрузив в неестественную дремоту; поэтому можно предположить, что женщины не виновны, если свидетели не докажут, что они совокуплялись с демоном сознательно. Самку животного, родившую мутанта, убивают милосердно, а труп заклинают и сжигают. Терпимый закон также напоминает нам, что демоны могут принимать образ человека средь бела дня так чудовищно, что только священники могут обнаружить обман... В "Быке и оружии" рассказывались истории о тайно рожденных мутантах – одноглазых, хвостатых, с фиолетовым цветом кожи, безногих, двуглавых, гермафродитов, покрытых шерстью – которые вырастают до зрелого возраста в скрытом убежище и часто посещают дикие местности.

Где бы ни произошла встреча, обязанностью гражданина является убить мутанта на месте, если это возможно, но действовать нужно осторожно, потому что демон-отец урода может притаиться поблизости.

Он снова спросил:

– Мне уйти?

Его огромные руки, хорошо сформированные при неуклюжем теле, могли бы разорвать на куски быка.

– Нет.

Это был мой голос. Настоящий трус – ведь если бы я приказал ему уйти, он мог бы рассердиться.

– Красивый парень-мужчина.

Он имел в виду меня, черт подери. Ради приличия, я произнес:

– Мне понравилась картина.

Он был озадачен.

– Линии, – пояснил я и показал на мою пещеру.

— Хорошо.

Он понял — во всяком случае, улыбнулся, распуская слюни и размазывая их по груди.

— Пойдем. Покажу кое-что.

Я должен пойти с ним и, возможно, встречу его отца?

Я вспомнил, что слыхал о недавнем паническом страхе перед ведьмами в Ченго, городе, расположенному довольно далеко на запад от Скоара. Говорили, что дети видели демонов. Десятилетняя девочка рассказала, что плохая женщина уговарила ее пойти с ней в лес и спрятала ее там. В лесу ей пришлось наблюдать, как эта и другие женщины из города бегали и совокуплялись с бесами в образе мужчин с головами животных. Ее уже собирались вытащить из убежища и представить сборищу, как вдруг петух прокукарекал и буйство прекратилось. Девочка вряд ли могла поклясться, что демоны улетели в облака, но люди крестились вместе с ней, вспоминая об этом, так как каждый знает — демоны так делают, и она, конечно, назвала женщин, так что их могли скечь.

Я оделся и сказал:

— Подожди!

Я вошел в пещеру, жестом приказав мутанту оставаться снаружи. Меня трясло; его тоже, там, снаружи, на сонце. Я надеялся, что он мог бы убежать, но он оставался, напуганный своей смелостью, как поступило бы и человеческое существо — и эта мысль, однажды пришедшая в мне голову, вряд ли теперь покинет ее. Что, в конце концов, было в нем плохого, кроме отвратительно коротких ног? Полнота — но она не является признаком мутанта, как и уродливо выступающие черты лица, и даже отсутствие волос. Я вспомнил, что видел в общественной бане в Скоаре темнокожего мужчину, у которого почти не было лобковых волос, а под мышками виднелись только следы пушисток — никто не обращал на это особого внимания. Я подумал: а что, если некоторые рассказы о мутантах лживы? Должно ли существовать, такое же человекоподобное, как это, жить словно чудовище в глухи только потому, что его ноги слишком коротки? И не слыхал ли я тысячу подобных рассказов на другие темы в "Быке и оружии", о которых я знал, что это чушь, а рассказчики не внушали доверия?

Я разрезал буханку овсяного хлеба пополам. У меня было некоторое понятие о приручении и я решил попробовать это, покормив его, словно зверя. Мне нужен был мой талисман удачи. Его шнурок порвался и я держал его в мешке, пока не подыщу на чем его повесить. Я поднял мешок — должен ли я куда-то пойти ради Авраама? — и твердый комок талисмана сквозь одежду подбодрил меня.

Такие фигурки вырезают из дерева для туристов в Пенне, как я узнал позднее, путешествуя. Моя мать – во всяком случае, кто-то в доме, где я родился – надела мне его, так как мне сказали, что он висел на моей шее, когда я прибыл в приют, и там у меня его не отобрали. Вероятно, я пробовал свои первые зубы именно на нем. Он представляет собой чурбан с двумя лицевыми сторонами, мужской и женской; на двуликой голове имеется медная петля, заделанная таким образом, чтобы можно было носить его на шнурке. Сложенные руки и сексуальные отличия схематически прорезаны на плоскости и угадываются воображением. Нет ног: бедра вырезаны вместе; он имеет вид шарика с плоским дном в нижней части, поэтому его можно поставить стойки. Как маленькие боги обходятся без задницы, я не знаю – возможно, это им удается – они ведь боги. Талисман обычно приводил в восхищение Кэрона. Ей нравилось держать его под нашим одеялом, она твердила: это означает, что мы всегда будем вместе.

Я протянул половину буханки овсяного хлеба мутанту. Он не взял. Его плоские ноздри расширились; словно собака, он взглядел следил за моими пальцами, когда я отломал кусок и съел сам. Тогда он схватил остальное и грыз, пуская слюни от усердия, хотя при его полноте вряд ли мог быть голодным, и скоро с хлебом было покончено. Он спросил:

– Пойдем?

И пошел по тропинке и оглянулся. Как умный пес.

Я последовал за ним.

Он передвигался на своих коротких ногах достаточно хорошо. По горизонтальной местности он ковылял; при подъеме по откосу прижал руки к земле для ускоренного карабкания на четвереньках. Ступать вниз по склону ему было трудно: он шел по длинному откосу, где только мог. Передвигался неторопливо, как и я, научился ходить в лесу, знал местность и, вероятно, добывал средства к существованию оттуда. Несомненно, у него не было имени.

Находясь под опекой государства, я не имел фамилии. Просто Дэви.

Не воображайте, что поступок с хлебом был свидетельством становления во мне какой-то добродетельности. Какая уж там добродетельность в моем четырнадцатилетнем невежестве, омраченном убогой и жестокой путаницей, которая отягощала мою душу, так же, как и мой мир: невежество и страх; презрение к другим представителям моего класса, которые, я надеялся, опустятся до уровня рабов, тогда как все, кого это касалось, вели длительные разговоры о демократическом равенстве; обман и потворство ему,

которыми, как я видел, ежедневно занимаются люди, и их оправдание за это – эй, ухнем! – нет, они не могут быть плохими только из-за своего внешнего вида; даже знатные люди бывают подхалимами, подлецами, мошенниками, ворами, неужели вы не знаете? Это древнее наследие, я считаю – игра, предполагающая, что ты сам чист, если указываешь на перепакованный вид кого-то другого. Нет, я не был ни добродетельным, ни любезным.

Поскольку каждый человек выбирает свой собственный путь, добродетель может быть вещью в себе, без сверхъестественных уловок, но эта мысль никогда не реализовалась для меня в словах, пока я не услыхал эти слова от Ники. Все же я в самом деле всегда неясно осознавал уже в четырнадцать лет, каким образом, раз ты хочешь стать добродетельным, ты должен это вырабатывать в себе.

Тогда это был ранний протест моего разума, который воплотился в признание человечности мутанта. Но когда я шел с ним по лесу, мной владели, главным образом, страх и подлые намерения. Из школьных уроков и рассказов в таверне я знал, что мутанты отличаются от ведьм или привидений. Будучи потомками демонов, они все же не могли исчезать, проходить сквозь стены, очаровать или слазить. Бог, говорили авторитетные специалисты, может, и не хотел наделять такими способностями несчастного мутанта. Мутант умирал, когда ты вонзал в него обычный нож, поэтому нет необходимости в серебряном острие¹.

Закон говорил о необходимости убийства, но не обязывал убивать самому. Ты должен, если сможешь; если же нет, тебе следует спасаться и сообщить об этом, с тем, чтобы на мутанта была устроена охота профессионалов с помощью священника.

Кожаные ножны ножа касались о мое тело при каждом шаге. Я начал обижаться на мутанта, воображая его дьявольского отца за каждым деревом, мое негодование нарастало, словно у глупца, ищущего оправдания для ссоры.

Мы достигли одного из боковых хребтов горы, где выселились огромные старые деревья, отбрасывавшие густую тень от переплетенных верхушек. Это были, в основном, сосны, в течение многих лет наращивавшие ковер забвения. Мутанту не нравился этот участок – на открытой горизонтальной местности его можно легко догнать. Он продолжал идти, беспокойно озираясь по сторонам, ничто в нем не предполагало защиты демона.

¹ По поверью демона или оборотня можно убить только серебряным оружием.

Никогда не говорилось, что демон в с е г д а сопровождает мутанта...

Я решил, что лучше всего было бы убить его на ровном участке и высматривал место под его последним ребром слева. После удара я должен мгновенно увернуться от его длинных рук, в то время как кровь будет вытекать из него. Я вытащил нож и опустил его в мешок, опасаясь, что он может обернуться до того, как я буду готов. Мутант откашлялся, и это рассердило меня – какое он имеет право делать то же, что и люди? Все-таки я чувствовал, что не надо торопиться. Эта ровная местность простиралась довольно далеко: лучше я подожду, пока не успокоюсь.

В таверне я вряд ли расхвастаюсь, буду держаться благородно и спокойно, Дворовой Парень, Убивший Мутанта.

Меня пошлют из города с эскортом, чтобы найти останки и проверить мой рассказ. Скелета будет достаточно, принимая во внимание кости ног, а это все, что мы найдем, так как за время ходьбы и пока будут уложены споры, питающиеся падалью муравьи, вороны, ястребы, небольшие дикие собаки сделают уборку своей дикой местности. Может, мне придется бросить что-нибудь возле тела. Мой талисман удачи – это остановило бы любого, кто собирается похихикать надо мной в кулак.

Мне пришло в голову, когда я почувствовал отвратительный запах мутанта, что это не грэзы. Меня мог допросить мэр, даже епископ Скоара. Семейство Курин, верхушка скоарской аристократии, прослушало бы обо мне. Они могли бы сделать меня таким же богатым, как сами, и я не был бы больше крепостным слугой. Ну, я поехал бы в Леваннон на светлой чалой лошади, к которой никто, кроме меня, не осмелится прикасаться, и с двумя помощниками – ну, трёмя: один, чтобы мчаться впереди и позаботиться о комнате для меня в следующей гостинице, где юная горничная раздела бы меня и выкупала, затем ожидала бы в моей кровати, если я ее пожелаю. В Леванноне я бы был тридцатитонный аутригер и носил бы такую зеленую шляпу с ястребиным пером, а также такую рубашку, чудо из пеннского шелка, зеленую или, может, золотистую! Как приемный сын знатной семьи, я мог бы носить набедренную повязку любого выбранного мною цвета, но я был бы скромным и надевал белую повязку свободного человека, очень длинную, пока хватило бы шелка. Я не думаю, что хотел бы иметь штаны с гульфиком – стиль именно тогда входивший в моду. Те, которые я видел, выглядели неизящно, а гульфик – это ненужное хвастовство. Я бы обувался в мокасины из лосиной кожи, отделанные медным орнаментом. Мог бы начать курить с изысканным

вкусом богатого человека отлично приготовленный “мараван” и самый лучший светлый табак из Кониката или Ломеды.

Я представлял себе, как Старый Джон Робсон будет стыдиться своей прежней недоброжелательности и страстно захочет тоже быть в центре внимания на вершине славы. Я позволю ему это. Что ни говори, но он ведь знал парня, который имел такие способности...

Мадам Робсон могла бы взять на себя заботы по снабжению меня несколькими предками. Ранее, когда она была хоть чуточку довольно мною, она замечала, что я вроде похож на ее родственника, который выслужился в армии до капитана во Втором Канхарском полку и женился на дочери барона, а это доказывает, говорила она, что люди с квадратным подбородком и довольно большими мочками ушей именно те, которые добиваются успеха в мире – это касалось и Старого Джона, имевшего несколько подбородков, но ни один из них не соединялся слишком отчетливо с челюстной костью.

* * *

Кто может сказать, какой именно мужчина мог посетить дом, где я родился?

Меня интересует многогранность времени: по этой причине я влез со своими размышлениями сюда в данный момент после трех звездочек. Лучше всего привыкайте к мысли, что мои мудрствования – некоторые предпочли бы слово дигрессия¹ – это не приостановка действия, а другая разновидность действия на несколько иной шкале времени. Ваш, очень оскорбленный благожелательный разум, – не в себе от женщин и детей, и налогов, и вашего смутного, почти ненужного беспокойства о том, существуете ли вы, – может быть раздражен предположением, что позволяет более чем одна система отсчета времени, но хватит трепаться, не так ли? Между тем, в том, что мы могли бы назвать шкалой отсчета времени по звездочкам, вы не сможете успешно остановить меня, если бы я решил заявить, что мой папа был вельможей, в некотором роде благородной важной персоной, путешествовавшей инкогнито через Скоар и зародивший меня в свободное время, когда пребывал в сексуально возбужденном состоянии и имел немного свободной мелочи – почему бы и нет? Ну, позднее я расскажу вам в книге, почему нет или почему, вероятно, нет. Не торопите меня.

Я привык ненавидеть моего призрачного отца с раннего детства. Мне было шесть лет, когда – так как я случайно подслушал разговор о моем происхождении – отец Милсом рассказал мне, что такое ро-

¹ Дигрессия – отклонение от темы.

дители, и заявил, что мой отец, несомненно, был всего лишь клиентом проститутки, а затем добавил, с угрюмым видом, подходящее для шестилетнего ребенка объяснение слова "проститутка", чтобы завершить мое смятение. Да, я смертельно ненавидел моего безымянного отца; но, все-таки, когда Кэррон впервые проскользнула ко мне под одеяло, я поведал ей, что переодетый президент Мохи посетил Скоар и остановился в доме на Мельничной улице, чтобы сделать ребенка – меня. После этого я чувствовал себя более уверенно в этом отношении. Почему бы и нет, если у тебя в семье президент? Кэррон – да хранит ее бог – быстро согласилась и придумывала благородные планы, изобилующие поджогом и кровопролитием для доказательства моих прав по происхождению.

Несколько ночами позже я узнал, что ее мать, за девять месяцев до того, как она родилась, имела любовную связь с архиепископом Мохи, который также просто случайно проходил мимо и обратил внимание, что ее мама чрезвычайно красивая, и прислал за ней паланкин с носильщиками, так что та могла тайно посещать его резиденцию. Ну ладно, теперь у нас появились планы также относительно Кэррон, но мы были достаточно сообразительны и сохраняли в тайне все подобные предприятия под одеялом, где иногда называли друг друга президентом и президентшей со страшными клятвами не проговориться об этом в дневное время.

Если вы считаете этот анекдот забавным, черт с вами.

* * *

Я продолжал следовать за мутантом, в моей переполненной воображениями голове также слышался голос Эммии Робсон: "Дэйви, дорогой, а что, если ты получил повреждение?" Возможно, не "дорогой", а даже "милый", такое название девушки в Мохе не употребляют, если на самом деле не имеют в виду непосредственных сношений. "Нет, милая, – говорю я, – ничего не случилось и не должен ли я был уничтожить эту тварь ради тебя?"

Я решил, что лучше, если бы этот разговор состоялся в ее спальне. У нее были бы распущены длинные волосы, которые прикрывали бы ее спереди, так что мои руки – нежные, но все же именно те, которые избавили мир от страшного чудовища – раздвинули бы мягкие волосы и нашли розовые кончики бутонов. Но здесь и теперь, шествуя за мутантом по лесу, все, что мне придется сделать...

Мутант остановился и оглянулся на меня. Может, он хотел подбодрить или передать какое-то сообщение, что оказалось

за пределами его речевой способности. Я вытащил руку из мешка – без ножа. Я знал, что не смогу это сделать, если он будет смотреть на меня. Он сказал:

- Мы пойдем не... не...
 - Не далеко?
 - Да, это слово. – Он восхищался, как чудесно знать все слова, которые знал я.
 - Плохое дело случается, я здесь, я здесь. – Он хлопал по груди своей увесистой рукой.
 - Ты... я... ты... я...
 - Мы все в порядке, – сказал я.
 - Мы. Мы. – Он повторил это слово сам, но, казалось, оно беспокоит или смущает его.
 - Мы – значит ты и я.
- Он кивнул, стоя на своем клочке солнечного света, испещренном тенью от листьев. Смущенный и задумчивый. Человек. Он проворчал что-то, тупо улыбнулся и продолжал путь.
- Я вложил нож в ножны и больше не вытаскивал его в тот день.

4

Большие деревья закончились. Словно погрузившись в темную воду, мы вошли туда, где главной растительностью был дикий виноград; вероятно, день здесь всегда будет отчасти похож на предвечерье. Мощная виноградная лоза постепенно победила подрост клена и дуба. Одни ростки погибли и поддерживали своих убийц; другие выжили, получив достаточно солнца, чтобы продолжать рабское существование.

Все же я нашел здесь безграничность окраски и разнообразия. Яркими проблесками в окружавшем меня растительном хаосе были орхидеи. Я взглянул на красно-голубого попугая и на танагру, которая сначала была неподвижным тлеющим угольком, а потом стала метеором. Я слышал жалобные стенания лесного голубя – так это звучит, хотя, я полагаю, он издает любовные призывы.

Мутант взглянул на переплетенные растения, а затем на мои ноги и руки.

– Ты, нет, – сказал он и показал, что он имел в виду, схватив изогнутый отросток виноградной лозы и взираясь по нему, пока не оказался на высоте тридцати футов. Он рванулся всем телом через пролом, чтобы схватить следующий отросток, и еще и еще один.

Удалившись на много ярдов¹, он с легкостью переменил захват и вернулся. Он был прав, это было не для меня. Я ловко карабкаюсь по деревьям и спал на них раз или два, прежде чем нашел свою пещеру, но мои руки всего лишь человеческие. Он позвал меня:

– Ты пойдешь по земле?

Я пошел по земле. Идти стало противно. Мутант передвигался впереди над отвратительными зарослями – упавшими ветками, рыжеватым ворсистым кустарником, ежевикой, сумахом², стянутыми стволами, полными, вероятно, рыжих муравьев, готовых мгновенно укусить. Змея и скорпион тоже могли быть здесь. Черно-золотистые, шарообразные пауки-крестовики, величиной с большой палец моей ноги, построили тут свои многочисленные жилища: их укусы не убивают на смерть, но побуждают тебя жалеть, чтобы это поскорее случилось...

Мутант сбавил скорость, чтобы я мог приспособиться. Через четверть мили, в результате напряженных усилий, я добрался до переплетений шиповника и здесь остановился: десятифутовые эластичные стебли были беспорядочно спутаны, жесткие, как сухожилия лося, и безжалостные, как зубы ласки. За ними я увидел дерево, возможно, самое большое в Мохе тюльпанное дерево, диаметром у основания, по крайней мере, двенадцать футов. Виноград добрался до него очень давно и буйно разросся вверх, к солнечному свету, но это все же не сможет погубить гиганта и через сотню лет. Мой мутант был уже там и указывал на стебель виноградной лозы, свисавшей с моей стороны шиповника и соединявшийся с отростками, оплетавшими ствол. Я полез по лозе и вскарабкался наверх; мутант схватил мою ногу и мягко поставил ее на ветку.

Как только он убедился, что я добрался благополучно, он полез вверх и взбирался – я следил за ним – примерно еще шестьдесят футов. Передвигаться было так же легко, как по лестнице. Боковые ветви дерева ставали тоньше, а виноградные листья гуще, все более освещенные солнцем по мере того, как мы добирались до густого перешлея веток и лозы. Это не было орлиное гнездо, как я по-глупому сначала предположил – никакая птица никогда не приподняла бы ветки таких размеров – но, все-таки, настояще гнездо, диаметром шесть футов, сооруженное на развалине, сплетенное так же искусно, как любая корзинка из ивовых прутьев на Зерновом рынке, и выложенное внутри серым лишайником. Мутант вошел туда и освободил место для меня.

¹ Ярд = 3 фута = 0,914 м.

² Сумах – растение в виде небольших деревьев или кустарников.

Он разговаривал со мной.

У меня не было ощущения, что это сон. Играли ли вы в детстве, как иногда мы с Кэрон, в игру о воображаемых странах? Ты можешь объявить, что если переступил через брешь в раздвоенном стволе дерева, то уже вошел в другую страну. Если затем, наяву, ты переступил обратно, ты считаешь, что должен продолжать полагаться на выдумку, и я знаю, как это обидно. А что, если тебя вза-правду встретил на другой стороне разветвленного дерева дракон, страшная химера, кадиллак¹, фея в зеленом наряде?..

— Уже видел тебя раньше, — сказал мутант. Итак, вероятно, он наблюдал за мной во время моих прежних посещений Северной горы — урод изучал меня, с моим-то острым зрением и тонким слухом, а я и не догадывался об этом! Наверно, у него не сложилось здравого суждения о шалостях парня, который воображал, что он сам; эта утешительная мысль пришла мне в голову немногого спустя.

Он рассказал мне о своей жизни. Ему помогали лишь фрагменты языка, стершегося из памяти за годы, когда он не разговаривал ни с кем, кроме себя самого — я не смогу написать много о состоявшемся разговоре. Он махал руками в направлении северо-востока, где с нашей высоты мир казался зеленым морем под золотистыми лучами полуденного солнца — он родился где-то далеко в той стороне, если я понял его. Он говорил о путешествии в “десять щёлков”, но я не знаю, какое расстояние он мог проходить за день. Его мать, очевидно фермерша, вырастила его в лесу. Для него тайна рождения представлялась смутно. “Началось там, — сказал он и неумело пытался повторить то, что его мать рассказала ему о рождении, и прекратил попытку, как только я показал, что понял. Смерть он осознавал, как окончание: “Мужчина матери прекратил жить” — до того, как он родился, я думаю, подразумевал он. Описывая свою мать, все, что он мог сказать, было; “большая, хорошая”. Я догадался, что она, вероятно, была какой-то дородной фермершей, которая ухитрилась скрыть свою беременность в первые месяцы и, возможно, после смерти мужа, сделать это ей оказалось проще.

По закону, о каждой беременности следовало немедленно сообщать гражданским и церковным властям, никакую беременную

¹ Любой, заплативший за свечу, помолился и отдал доллар, может войти в мэрканский музей в подвале кафедрального собора в Олд-Сити и посмотреть фрагменты древних средств передвижения — аутомативов. Другими словами, Дэйви очень хорошо знает, что эти устройства не легендарные, но пусть позабавляется.

женщину нельзя было оставлять одной после пятого месяца и при каждом родах должен присутствовать священник, чтобы решить, является ли ребенок нормальным, и избавиться от него, если он посчитает его мутантом. Иногда закон нарушается – бродячие комедианты, например, которые всегда в движении, могли бы избежать его намного чаще, чем они это делают, – но закон существует и содержит строгое требование как религиозных, так и светских властей.

Мать этого мутанта не имела другой помощи в воспитании его до возраста между восемью и десятью годами, кроме большой собаки. Вероятно, это была одна из огромных овчарок, которые требуются семье фермера, если она отваживается жить не внутри частокола. Собака охраняла ребенка, если мать не могла быть с ним, и состарилась, когда тот вырос.

* * *

На борту "Морнинг Стар" у нас есть две овчарки Дайона: Роуленд и Роума. Теперь они довольно дружелюбны, но когда расположение духа Дайона было мрачным из-за страдания от того, что произошло в Нуине – проигранная нами война, вынужденное бегство, несомненный крах почти всех реформ, начатых, когда он был регентом, а мы с Ники считались его неофициальными советниками, – никто не осмеливался проходить мимо них, кроме самого Дайона: даже Ники или сожительницы Дайона Нора Северн и Грета Шон. Собаки не любят движения корабля – Роуленд страдал морской болезнью в течение двух дней – но держится бодро на копченом мясе и сухарях, которых никто им не жалеет.

Вчера вечером во время захода солнца Ники стояла у леера¹ и смотрела назад – на ту часть горизонта, за которым находились Нуин и другие страны, а Роуленд подошел и сентиментально привалился к ее бедру. Она прикоснулась к его голове; меня не было рядом, я наблюдал издали, как западный ветерок ерошил его серую шкуру и раззевал светящиеся коричневые волосы Ники. Они подстрижены коротко, словно мужские, но она всецело оставалась женщиной и в эти дни. Когда приходилось одеваться в немногочисленные простые одежды, – по необходимости, изготовленные ею для себя из корабельного запаса ткани, потому что большинство из нас взошли на борт лишь в том, что имели на себе в тот мерзкий день. Вчера, при красно-золотистом свете, она носила блузку и юбку из простейшего нуинского коричневого полотна – истинная женщина, но в настро-

¹ Леер – туга натянутая веревка или трос, оба конца которого закреплены. Предохраняет людей от падения за борт.

нии, опасном для прикасаний¹, думал я, и поэтому не подошел к ней, несмотря на сильное желание ухватить ее за тоненькую талию и целовать коричневые щеки и плечи. Роуленд, удостоившись случайной ласки ее руки, отступил в сторону и лег на палубу поблизости, обожая ее, но держа это в себе, ожидая, что она глянет на него снова, если пожелает. Он мог бы сознавать, так же как и я, что, несмотря на все воздействие мужского и женского тщеславия, мужской и женской глупости, женщины все-таки люди.

* * *

Мать мутанта учила его говорить, теперь же его речь была искажена по прошествии многих лет, когда он почти не имел шансов пользоваться ею. Мать учila его добывать средства к существованию в дикой местности – охотиться, устраивать западню, ловить руками рыбу в ручье, искать съедобные растения; учila, как подкрадываться и, самое важное, как прятаться. Она втолковывала ему, что он должен избегать людей, которые убили бы его на месте. Я не могу отгадать, какой способ его существования в будущем она представляла себе: может, просто не задумывалась об этом. Также не могу догадаться, что иное заставило его рисковать собственной жизнью, приблизившись ко мне, если только не безграничная жажда любого вида контакта с тем, кто, как он знал, был близок ему по происхождению.

Где-то между его восьмым и десятым годами – “она больше не пришла”. Он долго ждал. Собаку убил лесной бизон – этакий маленький хулиган, вполовину меньший домашнего рогатого скота, но необыкновенно сильный и понятливый; один наш человек погиб от такого, когда я бродил с бродячими комедиантами. Большую часть этой истории мутант поведал мне языком жестов, он открыто залакал, когда говорил о гибели собаки, и непроизвольно помочился сквозь дно своего гнезда.

Когда он почувствовал, что его мать, вероятно, также умерла, он осуществил свое путешествие “в десять ночлегов”. Я спросил, сколько ему лет; он не понял. Он не знал, каким образом рассказать мне, как часто земля охлаждалась во время зимних дождей. Вероятно, ему стукнуло лет двадцать пять, когда я встретил его. Во время десятидневного путешествия его заметил охотник и пустил в него стрелу: “Попала в меня острые палка красивый человек”. Его

¹ Вообще-то, дорогой, я была бы просто удивлена, если бы ужин остался в желудке.

пальцы сдавили горло как тогда, он кричал и стонал и издавал вопли, его небольшой рот растянулся, словно рана. Потом он стал спокойно рассматривать меня, чтобы убедиться, понял ли я, а у меня уж по спине скользнул противный червяк страха.

— Теперь покажу, — сказал он и резко поднялся, чтобы спуститься с дерева, проделав весь путь до земли.

Внутри зарослей шиповника дерево окружал каменный настил, образуя круг на расстоянии шести футов от основания. Получалась настоящая крепость: только эмеля могла проникнуть сквозь колючие растения. Камни были перекрыты очень искусно, в несколько слоев, так, что шиповник не мог пробиться через них; сколько же их — и отыскано, и пронесено с мукой по дороге из виноградной лозы!.. Здесь у него был каменный молоток — камень в форме колуна, несколько других безделиц. Он показал мне их, не очень доверяя, наставая, чтобы я стоял там, где стоял, когда он извлекал что-то по другую сторону ствола.

Я слышал, как он осторожно передвигал камни. Его руки появились из-за ствола, опустили вниз плиту розового цвета; я знал, что, по-видимому, это был указательный камень какого-то скромного тайника. Он возвратился ко мне, неся предмет, который я никогда прежде не видел.

Сначала я подумал, что это могла быть какая-то странная по форме труба, какой пользуются охотники и кавалерия, или что-то вроде корнета, который я слышал, когда бродячие комедианты посещали Скоар и устраивали свои представления на зеленой лужайке. Но этот золотой горн был похож на те предметы, как скаковой жеребец — на лошадь под плугом — оба достойны уважения, но первый — это ангел-дьявол с радугой на плечах.

Большой раструбный конец, два круглых витка и прямой участок трубы между раструбом и мундштуком — о, допустим, мы могли бы отливать подобный металл в наше время, но у нас не было бы способа для придания ему такой великолепной формы. Я сразу понял, что инструмент был из древнего мира — он не мог быть создан в наше время — и я испугался.

Древние монеты, ножи, ложки, кухонная посуда, которая не ржавеет — такие предметы погибшего мира часто выкапывают при пахоте или находят на краю развалин, еще не совсем поглощенных дикой растительностью, подобных развалинам в Може, на побережье моря Хадсона возле села Олбани¹, которые тянутся вниз, в воду, словно лестница, покинутая богами. Если

¹ Город Олбани — столица штата Нью-Йорк.

вещь из древнего мира не представляет явного вреда, по обычаю нашедший становится собственником, если в состоянии заплатить священнику, чтобы изгнать нечистую силу и поставить на предмете знак святого колеса. У мадам Робсон была кастрюля с длинной ручкой из серого металла, которая никогда не ржавела, найденная ее дедушкой при вспахивании кукурузного поля и переданная ей, когда она выходила замуж. Она никогда не пользовалась ею, но любила показывать ее постояльцам гостиницы, чтобы они поохали-поахали, и рассказывала, как ее мать готовила в ней пищу и это не причиняло ей вреда. Потом, бывало, Старый Джон встревал с рассказом о том, как ее нашли, словно он был там, тогда как ее печальное лицо – похожее не на круглое хорошенъкое лицо Эммии, а скорее на морду вэрманского мула – вероятно, свидетельствовало, что он не тот мужчина, который мог бы когда-либо найти для нее такую вещь, только не он, случилось бы чудо, если бы он поднял свою благословенную задницу достаточно высоко, чтобы почесать... Если древняя вещь была слишком странной, священник хоронил ее¹, чтобы она не могла принести вреда.

В руках мутанта горн блестел золотом. Настоящее золото я увидел позднее: оно намного тяжелее и иное на ощупь. Но я называю его золотым горном, ибо я действительно думал так о нем очень долго и это название достаточно близко к истине.

¹ Или, если она изящная, он отмечает ее знаком колеса и посыпает в один из магазинов в больших городах, которые специализируются на бесполезных вещах для утонченных натур, то-есть для паразитов. Один, в Олд-Сити, знаменит тем, что не продает вешней, если владелец не может гарантировать их полнейшей бесполезности – магазин антиквариата "Кэрриз", я хорошо помню его. Так как полагают, что регент должен поддерживать торговлю, я купил там древнюю штуковину, небольшой цилиндр из светло-серого металла с коническим концом. Этот конец имеет крошечное отверстие, из которого высакивает не менее крошечная металлическая штучка, если ты нажмешь на другой конец; если нажать снова, штучка засыпает обратно. Один из моих умудренных советников предполагает, что она могла быть использована в фаллическом культе, который, как мы допускаем, практиковали неофициально, наряду с публичным культом "грудь-живот-бедра" * в древней Америке: я не считаю это убедительным. Полагаю, эту безделушку можно было бы использовать для подталкивания осла, но почему, черт побери, любая заостренная палка не подходила бы для этого столь же хорроша? Необходимы более подробные исследования.

Дайон М.М.

*Размеры: бюст-талия-бедра используют для измерения женской одежды.

Если вы уверены, что есть лишь один вид истины, продолжайте верить, отбросьте эту книгу и читайте какую-то иную, в общем – подите прочь.

Несколько обеспокоенный, мутант разрешил мне взять горн.

– Вещь мужчины матери, она говорила. – Я почувствовал себя лучше, когда обнаружил знак колеса – какой-то священник когда-то уже отогнал молитвой злых духов. Горн вобрал в себя весь свет из этого затененного места, он сам по себе казался солнцем.

– Она приносит, говорит, я сохранять... Ты дуть? – Итак, по крайней мере, он знал, что эта вещь предназначена для музыки.

Я надул щеки и попробовал – звук дыхания и ворчание. Мутант засмеялся и спешно забрал горн обратно.

– Я покажу.

Его жалкий рот почти исчез в мундштуке, его щеки напряглись, вместо того, чтобы дуть. Я услышал, как горн заиграл.

Мне интересно, слышали ли вы этот голос в вашей части мира? Я даже не буду и пытаться описывать его – безнадежно пытаться передать, как сосулька разбивает солнечный свет на очаровательные цвета, ни нарисовать картину ветра. Знаю лишь об одном месте, где слова и музыка составляют одно целое – и оно называется песней.

Мутант нажал на один из клапанов и выдал иной звук, затем – еще и еще. При каждом дуновении он просто извлекал звук, совсем не намереваясь сочтать их, без малейшего представления о ритме или мелодии. Но уже при первом звуке мое сознание переполнилось песнями, услышанными в таверне, на улицах, на представлениях бродячих комедиантов, и более давними по времени, когда толстая нежная сестра Карнация пела мне. Для жалкого мутанта музыка была только неопределенно удлиненными, несвязными звуками. Он мог играть таким образом целый день и ничего больше не знал.

Я попытался допытаться, откуда появился горн; он покачал головой.

– Держали ли его спрятанным? – Еще одно качание головой... ну, откуда ему знать? Вопросы не из его мира, который не наделил его никакими способностями, но был жестоким для него от рождения.

– Пользовался ли ты им, чтобы позвать мать? – Он выглядел бездумным, будто могла быть какая-то такая память, до которой мне нет дела, и, не ответив, понес горн обратно в тайник.

Я снова видел его руки на этом красноватом камне, слышал, как его устанавливали на прежнее место и знал, что я мог бы

отыскать это место за десять секунд и что золотой горн должен быть моим.

Он должен быть моим.

Он вернулся, улыбаясь, теперь успокоенный, что его сокровище было в безопасности... ей-богу, я претендую на признание толики моего благородства: ведь я больше не планировал убить его, даже и не думал об этом, кроме одного-двух случайных моментов. Это проблеск моей добродетельности.

* * *

Фонарь в нашей каюте потрескивает, а мои пальцы сводят судорога. Мне нужно новое перо для ручки – у нас есть много бронзовых перьев, но мне не следует быть расточительным. К тому же очень хочется подышать воздухом наверху. Может быть, я побеспокою капитана Барра либо Дайона или напомню Ники, что мы еще не пробовали писать в “вороньем гнезде”¹. Ночь неспокойная: порывы северо-западного ветра слабы, но, кажется, за ними последуют более сильные. Утро началось с малинового зарева и весь день напролет мой слух был напряжен в ожидании шторма. Другие колонисты – так мы стали называть себя в последнее время – раздражительны от этого. Во время полуденной еды Эдна-Ли Джейсон без всякой видимой причины разразилась плачем, несвязно объясняя это тоской по родине, но позже она сказала, что не имела этого в виду. Может, я буду просто слоняться по носу судна, вкушать погоду своим особым путем и попытаюсь решить, стоит ли продолжать эту книгу...

Я продолжаю ее, во всяком случае, Ники говорит, что это так. (В “вороньем гнезде” было чудесно. Она почувствовала головокружение и укусила меня за плечо сильнее, чем намеревалась, но, несколько минут спустя, она вызвала меня побыть наверху еще немного, пока дует настоящий ветер. Да, она может также испытывать энтузиазм.) Я продолжаю свою книгу, но боюсь писать несколько следующих страниц.

Я мог бы наврать о том, что произошло с мутантом и со мной. Мы все врем о себе, пытаясь обвести мир вокруг пальца: все, мол, бородавки срезаны. Но не будет ли это слишком жестокой штукой: начать правдивый рассказ, а потом исказить его приукрашиванием, обманывая при первом же затруднении?

¹ Воронье гнездо – защищенная платформа для наблюдения, крепится на верхушке корабельной мачты.

Написав все откровенно, я предоставляю срезание бородавок вашим заботам – конечно, это не совсем честно, потому что я вряд ли узнаю что-либо о вас или о вашей тете Кассандре¹ и ее желтом коте с загнутым ухом. Но, эй, ухнем! – или, как вспоминаю, говаривала Ники по другому случаю: “Лучше не будем вешать лапшу на уши, мой любимый, моя рыжая обезьянка, все мое, мое то и это, моя голубоглазая утешительная постельная грелка длительного действия, обойдемся без этого, и тогда у нас никогда не окончится”.

* * *

Когда мы с мутантом карабкались вверх от каменной наброски, я увидел грязь у него на спине и у меня возникла идея. Я спросил его:

– Где вода? – Он показал на густые заросли.
 – Я покажу пить.
 – Мыться тоже.
 – М... мыться? – Это не было его основным занятием. Он мог знать это слово в детстве. Вы понимаете мою сообразительность? – заставить его по-настоящему мыться и он будет находиться далеко от дома довольно долго.

– Вода удаляет грязь, – заявил я.
 – Грязь?

Я стер пятнышко с запястья моей руки и показал несколько грязных пятен на нем.

– Удаление водой грязи – это значит “мыться”. Мыться хорошо, будет хороший вид. – Великая идея вырвалась, словно зажженный огонь в лампе с тюленым жиром – великая идея, не полностью моя.

– М... мыться, буду похожим на тебя!

Покачиваясь, я полез по виноградной лозе, чувствуя тошноту не только от страха, что он будет целовать меня в восхищении. Он следовал за мной, бормоча слова, которые я не мог слышать, веря, что я мог бы заколдовать воду, чтобы сделать его красавцем-мужчиной. Я никак не способен был осуществить это, я даже и предположить не мог, что он так это воспримет.

Мы спускались по склону горы, из гадких зарослей в более светлую местность. Я замечал ориентиры дороги. Когда мы

¹ Кассандра – древнегреческая пророчица, зловещим предсказанием которой никто не верил.

добрались до берега ручья, я дал ему понять, что нам нужна заводь: он повел меня через ольховый лес к прекрасному месту с неподвижной водой, освещенной солнцем. Я сбросил одежду и соскользнул в воду. Мунтант наблюдал с изумлением – как можно поступить таким образом?

Меня тошнило от осознания того, что я собирался сделать; улыбаясь и употребляя простые слова, я показывал, как я моюсь сам, чтобы объяснить, как это следует делать. Наконец он рискнул войти в воду, но вся красота водной заводи была растрата на меня. Однако я манил к себе его, этого большого ребенка. Нигде не было глубже трех футов, но я не отваживался плавать, думая, что он станет подражать мне и утонет. Теперь мне была противна мысль, что ему может быть причинен какой-либо вред от меня, кроме одной потери, которая, я продолжал уверять себя, не могла бы для него что-то значить – чего он мог желать от золотого горна? Я помогал ему, вдохновляя его двигаться в воде, и поддерживал его равновесие. Я даже сам начал скрести его.

Испуганный, но усердный, он приступил к работе, фыркая и плещась, осваиваясь с мытьем. Вскоре я дал ему возможность увидеть меня, смотрящим, как бы испуганно, на солнце, чтобы намекнуть, что я думаю о времени и приближении вечерней темноты. Я сказал:

– Я должен возвращаться. Ты оканчивай мыться. – Я выбрался из воды и оделся, помахал ему рукой, чтобы он задержался, показывая, что грязь все еще на нем.

– Продолжай мыться. Я ухожу, но вернусь.

– Продолжать, я бу...

– Продолжай мыться! – сказал я и ушел. Вероятно, он наблюдал за мной, пока я не скрылся из вида. Когда кусты скрыли меня полностью, я побежал, и тошнотворное состояние бежало во мне и со мной. Я бежал вдоль по легкой дороге, в тени виноградной лозы прямо к его дереву, затем вверх по лозе, вниз за шиповник. Сразу же нашел красный камень и отодвинул его в сторону. Горн лежал в подстилке из серо-зеленого лишайника. Я забрал также и ее, как обертку для горна внутри моего мешка. Перелез через шиповник и ушел.

Не опасаясь мутанта, если я вообще когда-либо его опасался, я бежал так же быстро, как и прежде, но теперь словно обезумевшее от погони животное. Черный волк мог бы напасть на меня без особых усилий.

Один или два раза с тех пор я желал, чтобы он это сделал – до того, как я узнал Дайона и остальных друзей, которые у меня

есть сегодня, прежде всего, самую дорогую и самую умную, мою жену, мою кареглазую, изящную, как статуэтка, Ники¹

5

Три ночи спустя – я был свободен от вахты – с северо-востока налетел ужасный шторм и некоторые из этих страниц унеслись вверх, словно стая одуреченных домовых. Ники схватила листки, развеявшиеся возле бортового иллюминатора, а я схватил Ники. Затем каюта круто накренилась, словно амбарная крыша, фонарь отвратительно задымил и погас, а нас бросило о койку; мы слышали, как неистово билось море. Но наш “Морнинг Стар” преодолел разгневанные воды; он выравнялся и с надменной устойчивостью устремился прочь в темноту.

Капитан Барр почувствовал опасность и заставил нас взять рифы², чтобы едва хватало паруса; быстрый, как скаковая лошадь, он не побеспокоился звать наверх свободных от вахты.

Я помню этого плотного темноволосого великана у острова Провинстаун в 327 году, так как я находился там, когда “Хок” горел у причала. Мы сошли на берег, чтобы принять сдачу пиратов и формально принять во владение все острова Код именем Нуина. Пожар, возможно, начался от искры из плиты на камбузе. На лице сэра Эндрю не дрогнул ни один мускул, когда огненный ужас вырвался наружу и ревел по палубам. Умирая в душе, он повернулся к нам и заметил: “Я полагаю, джентльмены, хорошим советом для нас было бы не преувеличивать наши трудности”. Когда сэр Эндрю Барр умрет в последний раз, это будет величавым комментарием, произнесенным так четко, что вы сможете услышать каждый знак препинания, употребленный в нужном месте. Если главарь пиратов, старый Болли-Джон Дун, лелеял какое-либо намерение воспользоваться пожаром, оно, вероятно, исчезло при этих словах; после того, как уцелевшие из “Хока” прильнули на берег и о них позабочились, официальная церемония продолжалась точно так, как планировалась.

В 322 году, первом году регенства, Барр уже мечтал о прочном корабле, полностью вооруженном косыми парусами. Мечта выросла из чертежа в изумительной книге, находившейся в подпольной библиотеке тайного общества еретиков – словаре древнего

¹ Двусмысленность оригинала: Nickie of delicate hands – Ники-нежные ручки.

² Брать рифы – уменьшить площадь паруса при сильном ветре, подбирая и завязывая его нижнюю часть.

мира. У нас на борту она есть. Верхняя обложка и несколько страниц вступления отсутствуют; по краям видны следы подпалин, на ломком листе, с которого теперь начинается книга – коричневое пятно. Думаю, кто-то истек кровью после спасения ее из священного костра, но можете придумать собственную версию. Воодушевленный чертежом, Барр разыскал больше сведений о судостроении в древнем мире – все, что смог достать – пока через еретиков не связался с Дайоном и его идея не воплотилась в строительство “Хока”, а позднее – “Морнинг Стар”.

Когда стало ясно, в последние дни мятежа генерала Солтера, что мы, скорее всего, проиграем решающую битву за Олд-Сити, мы разделили книги с храброй горсткой еретиков, которые предпочли остаться. И мы-таки проиграли битву и бежали на борту “Морнинг Стар” – пригороды пылают, зловоние ненависти и ужаса на всех улицах – трудное решение; считаю, более трудное для Дайона, чем для остальных из нас. Словарь был нам совершенно необходим; не могу и представить, что любая другая книга дала нам больше.

Не все из оставшихся еретиков были пожилыми, было много молодых людей, которые питали какую-то надежду и любовь к Нуину, несмотря ни на что. Они рисковали больше. Мы только отважились на неизведенное; они осмелились остаться в стране, которой снова будут править люди, верящие, что обладают абсолютной истиной.

Капитан Барр уверен, что мы развернем стремительные паруса, как не мог бы ни один сухопутный человек, ведь он знает море так, как я знал дикую местность мальчиком. Упорный и взыскательный, он считает “Морнинг Стар” попыткой начинаяющих. Это не скрывает его любви к кораблю, которая, я полагаю, намного выше всякого чувства, какое он когда-либо питал к женщине. Он никогда не был женат и не лег бы спать с девушкой, которая потребовала бы от него постоянства.

В тот вечер, когда штурм разбушевался, мы с Ники не ожидали, что мир перевернется вверх тормашками, поэтому увлеклись невинными забавами нагишом. Я не думаю, что она была против, после того, как оторвала мои локти с ее колен¹. Конечно, теперь, когда она стала подписываться полным именем и титулом, я могу понять, что впереди нас не ожидают скучные времена. (Г-жа означает “госпожа”, именно так вы называете леди из нуинской аристократии, замужнюю или незамужнюю). Я уже усвоил, что когда

¹ Это было легко – все, что мне пришлось сделать – это ударить тебя по лицу.

Г-жа Миранда Николетта Сэн. Клер-Ливайсон де Мока.

возвращаюсь к этой рукописи после перерыва, ее лучше обследовать так, как пес вынюхивает себя после общения с собачонками, у которых может быть несходная энтомологическая среда. Я нашел слово “энтомологический” в словаре древнего мира и считаю его прекрасным. Оно означает “кишащий клопами”.

Тот ветер дул до следующего полудня – пронзительная непрерывная ярость. Во время вахты я управлял штурвалом. Я счастлив управлять им в любую погоду, превозмогая порыв штурвала к хаосу; моей силы и его потребности в порядке достаточно, но не до конца, и в моей полной власти – стотонный гигант, созданный человеком, стремящийся вперед в пространстве и времени. Может, вы имеете лошадей; но это не так прекрасно, как двухмачтовая шхуна, и я буду надеяться плавать на корабле время от времени, пока не стану слишком старым, чтобы крепко держать рукоять штурвала, слишком подслеповатым, чтобы читать бесстрастную уверенность звезды.

В тот ветреный день второму помощнику капитана Теду Маршу пришлось передавать приказы взмахом руки или приближая свой рот к моему уху. Хотя их требовалось не так много. Мы не могли сделать ничего большего, чем идти по ветру под кливером¹ и штормовым парусом, что мы и делали, не ощущая никакого вреда. На следующее утро волнение начало стихать: мы плыли очень медленно, а несколькими часами позже застылило. Штиль продолжается и сейчас. Ветер выдул нас на спокойное место, а туман предъявил свои права. Теперь он обволакивает нас, океан успокоился, как будто наступило прекращение всех усилий, движений, поисков, тишина нанесла поражение безотлагательности. Уровень моря иной, чем во времена изготовления наших карт древнего мира. Земля изменилась, изменились и те, кто живет на ней. Ни один человек не плавал здесь со Времен Смятения.

Этой ночью наши палубные фонари светили на несколько ярдов. Из нашей каюты я слышу, как влага тумана капает с мягкой парусины. Полагаю, все животные спокойны – куры, овцы и рогатый скот спят, ни разу не послышался пронзительный крик г-на Уилбрахама, запертого в загородке на корме с его двумя ослицами, которые, как мы предполагаем, любят его, если кто-либо из них может любить; даже привязанные свиньи, очевидно, запутавшиеся, не визжат, чтобы их распутали. Ники тоже сладко заснула – несомненно, спит: ей не удается избегать подрагивания черных ресниц,

¹ Кливер – косой треугольный парус, который ставится впереди фок-мачты – передней мачты на судне. (прим. пер.)

если она притворяется¹. Несколько часов назад она сказала, что не чувствует подавленности от тумана и убеждена, что он мог бы скрывать что-то приятное, например, остров.

Когда я начал эту книгу, я намеревался рассказать о событиях в том порядке, как они происходили. Но проснувшись сегодня утром в окутанной туманом тишине, я начал размышлять о различных разновидностях времени. Мое повествование имеет отношение к четырем или пяти из них.

Так происходит в любой повести, но, очевидно, по литературному обычаю один вид должен преобладать, а другие – подавляться или считаться само собой разумеющимися. Я мог бы поступить таким же образом, а вы – кто, возможно, существует – также могли бы быть или монахом, или упрямцем, или занятым держанием обгадившегося ребенка, чтобы почувствовать отсутствие чего-либо, но я бы предчувствовал это.

Течение событий, которое я выбрал, произошло немного спустя после моего четырнадцатого дня рождения. Называйте его главным, если вам так нравится; но, между прочим, я скоро заставлю его течь немного быстрее, потому что у меня нет терпения для книги в семь или восемь миллионов слов. Кроме того, поскольку есть возможность, что вы существете, если бы я столкнул вас с подобной книгой, вы могли бы отказаться от нее, заявляя, что второстепенное вас не интересует.

Это история моей жизни (с сопутствующими примечаниями), в то время, когда корабль движется по направлению к вам – если это движение уже не закончилось: я не видел никакого намека на попутное течение, когда был на палубе, вялые паруса обвисли, большой кусок прибившегося дерева продолжал висеть в безукоризненной водной неподвижности, только чуть-чуть ближе к кораблю, чем был час назад... Вы вряд ли могли бы воспринять главное течение повести, не зная чего-то другого: на все, что бы я ни писал, накладывает отпечаток жизнь на борту "Морнинг Стар" – быстро промелькнувший неделю назад кит – чайка, которая следовала за нами, пока не обнаружила с забавной внезапностью, что она была единственной в своем роде, не сделала круг и быстро не улетела на запад – ну, я не начал бы этой главы здесь и теперь, если бы Ники случайно не обронила позавчера ночью невзначай двух-трех слов о различных видах

¹ Зверюга! Никакого уважения к Шекспиру. Классифицирует свою жену наравне с домашним скотом, без особых привилегий. Срывает покров с ее наиболее сокровенных уловок. Зверюга. Я уйду домой.

бурь. Она не думала о моей книге, а только бездельничала возле меня после любовного шторма, в котором была так радостна и прелестно дика (один из многих аспектов) – царапавшая кожу моей груди острыми ногтями, когда она скакала на мне верхом, дьявол-ангел со сверкающими глазами, постонывающая, извивающаяся, смеющаяся, кричащая, гордая своей любовью и своей сексуальностью и своими покачивающимися коричневатыми грудьми, всецело мышцы, эротика и нежность. Успокоенная в приятном воспоминании, праздно полубиная меня смуглой рукой, она сказала только, что ни один шторм не похож на како-либо другой, ни шторм ветра и дождя, или войны, или открытого моря, или любви. Эта книга является частью моей жизни и поэтому для меня имеет значение, что произнесенные в полуслене слова Ники породили направление мысли, ведущей к главе пятой, в этом месте, в это время.

Третий вид времени – ну, я обязан написать какую-то историю, потому что, если вы существуете, у вас имеются только догадки, дающие вам представление о том, что произошло в моей части земли после периода, который мы называем Временем Смятения. Я полагаю, что должен быть подобный период и для вас – это уже моя догадка. Ваши народы были поражены той же самой безуспешной идиотской ядерной войной и, вероятно, такими же бедствиями. В вашей культуре, возможно, проявились подобные симптомы морального краха, такая же глобальная усталость от перевозбуждения, такой же упадок образования и рост неграмотности и прежде всего, такой же крайне возбужденный отказ позволить морали догнать науку. После бедствий, ваши люди, может быть, не ополчились против самой памяти их цивилизации, вроде религиозного безумия, как, очевидно, сделали наши, побуждаемые, словно избалованные дети, разрушить до основания каждую частичу хорошего вместе с плохим. Может, они не сделали этого, но я подозреваю, что-таки сделали. Самые лучшие аспекты того, что некоторые из нас теперь называют “золотым веком”, были, безусловно, непостижимы массам, которые жили тогда: они требовали от века разума, чтобы он давал им все больше и больше хитроумных механизмов, или пусть все катится к чертям. И они сохранили свои религии как заменители для воображения, готовые и стремящиеся принять на себя ответственность в момент, когда разум должен погибнуть. Я не могу предположить, что вы действовали намного лучше на вашей стороне земли, иначе вы обладали бы кораблями, которые уже вступили бы в контакт с нами.

Я все еще не знаю, могла ли там призрачная религия коммунизма бороться со своим старшим братом христианством до

самого конца, оставляя все в руинах. Кто бы ни победил, человеческая личность была бы в проигрыше.

После всеобщего краха люди, очевидно, какое-то время жили испуганными опасными бандами, тогда как сорняки готовили почву для возвращения леса. Эти банды были заинтересованы только в том, чтобы выжить, но не всегда – так нам сообщил Джон Барт, который видел начало Времен Смитения. Он дал такое название тому периоду времени во фрагменте дневника, законченного недописанным предложением в год, который по календарю древнего мира назывался 1993. Конечно, книга Джона Барта запрещена в странах, которые остались позади нас, иметь ее означает смерть “по особому предписанию” – то есть непосредственно под наблюдением церкви. Следует сделать больше экземпляров, как только мы сможем установить где-то на земле наш небольшой печатный станок, если будет надежда возобновить снабжение бумагой.

Голоса из книг древнего мира также рассказывают мне о временах, в огромной степени более древних, на миллионы веков простирающихся назад от короткой вспышки, которой является история человечества до начала мира. Когда я говорю даже о небольшом промежутке, примерно в тысячу лет, я едва могу постичь, что я подразумеваю – но, в сущности, знаю ли я, что я подразумеваю под минутой? Да – это часть вечности, за которую сердце спящей Ники будет пульсировать шестьдесят пять раз, чуть больше или чуть меньше, если я не трогаю ее; пульс убыстряется, возможно, если во сне она вспоминает меня.

Начав после моего четырнадцатого дня рождения, я сделал себя ответственным еще и за другое время – глубоко спрятанные годы до моего рождения, возраст, который никто полностью не вспоминает. Однажды, неумышленно заблудившись, я оказался в нижней части темного длинного стола, попав в чащу... одетых в черное лодыжек, обутых в огромные сандалии, откуда несло запахом не-стиранных носков и немытых ног – и там, в углу, в полумраке, висел серый паук и ткал паутину, ему причиняли беспокойство я или лязг тарелок, грохот и пустопорожняя болтовня над головой...

Ники моего возраста, ей двадцать восемь, она беременна и первый раз за наши годы наслаждения друг другом. (Что значит время для существа в утробе матери, которое живет во времени, но еще не может об этом знать?) Она сообщила мне об этом прошлой ночью, как только убедилась. Стоя в противоположной стороне каюты и пристально глядя на пламя свечи, которую она держала, Ники спросила:

– Дэйви, а если это мутант?..

В порыве гнева я ответил:

— Мы не привезем с собой написанные священниками законы той страны. — Она наблюдала за мной, Миранда Николетта недавно была леди в Нуине, и я бояюсь, что мне не следовало говорить “той страны”, как я бездумно высказался, так как у Ники, естественно, осталась в памяти любовь к своей родине и она обычно разделяла представления своего кузена Дайона о ней. Но потом она улыбнулась, поставила свечу и подошла ко мне, и мы были так же близки, как всегда — принимая во внимание закоренелое одиночество человеческого “я”, даже самого близкого. Любовь — это сфера, где признание возможно. Ее манера двигаться, когда она сонная, побуждает меня вообразить движение травы под ласковым дуновением ветра, когда она клонится, но не ломается, отступает без поражения, снова поднимается вертикально с грациозностью и достоинством, после того, как пробежал непреодолимый ветерок.

Капитан Барр всегда называет ее “Госпожа”, потому что это звучит естественно для него, даже здесь, где старые формальности не имеют силы. Прежде в Нуине, получив рыцарское достоинство, он мог обращаться к ней “Миранда” или “Ники”, ибо это имело значение, но он был рожден свободным человеком и признание пришло позднее — не тогда, когда Дайон был регентом и искал людей с умом и характером, чтобы заменить орды дальних родственников, профессиональных подхалимов и тому подобную публику, которая повсеместно пролезла на государственную службу при умственно отсталом дяде Дайона, Моргане III. У капитана Барра врожденноеуважение к старой аристократии и, в этом частном случае, оно не экстравагантно, принимая во внимание, какое количество титулов эта забавная кокетка может нагромоздить, если пожелает. Давайте, между прочим, выясним, что такое Сэн. Клер-Ливайсон. Это просто означает, что фамилия ее отца была Сэн. Клер, а ее мамы — Ливайсон, обе были знатного происхождения, или, как она была склонна говорить, “важные персоны с дополнениями” (специфическое выражение). Если бы сенатор Джон Амадиус Лосон Марчетт Сэн. Клер, Трибун содружества и Рыцарь ордена Массасуа, женился на женщине незнатного происхождения, чего я не могу представить, чтобы человек консервативных убеждений сделал это при любых обстоятельствах, последнее имя Ники было бы просто Сэн. Клер.

Титул “де Мока” в значительное степени воображаемый, подобно седьмому раунду новобрачного. Я имею в виду, что когда я стал кое-что значить в Нуине, Дайон счел, что я должен обладать более декоративным титулом для социального удобства. После того, как я, разочаровавшись в своем интеллекте, не при-

думал ничего лучшего, чем Уилберфорс, я попросил его помочи и он предложил “де Моха”. С чем я и примирился. Видели бы вы, какие радостные и счастливые были люди из низших слоев общества, которые стирали мое белье и тому подобное, после того, как я получил ярлык, но не раньше: для первоклассного сноба подавайте мне каждый раз бедняка. И, в соответствии с нашими обычаями (но не обычаями Нуина), с тех пор, как мы с Ники самым искренним образом сочетались браком, она называет себя де Моха, и невозможно ее удержать. Она заявляет, что я обладаю естественным благородством, чему есть бесспорное свидетельство, если снять с меня одежду, замечательная вещь, и она так меня зачаровывает и окручивает, что я, разумеется, соглашаюсь.

— Даже когда горит свет? — спрашиваю я.

— О, бес, — говорит она. Люди из Нуина могут произносить “з” вполне хорошо, но часто они не заботятся об этом.

Теперь я полагаю, вам хочется, чтобы я объяснил, почему Нуин называется содружеством, когда им управляет монархия, известная как президентство, и сенат с двумя оставшимися ногами¹, что длится уже две сотни лет. Я не знаю.

Мне пришлось крепко обнять Ники, чтобы разбудить ее в это утро и рассказать о разновидностях времени. Она немного послушала, плавным движением прикрыла рукой мой рот и заметила:

— Минутку, мой фавн, мой необыкновенный, чепуха — в — голове, моя суперсладость, называемый так, потому что время давным-давно не терпит, чтобы употреблять любое из этих чертовски-дурацких многосложных и так печально-эротических слов в смысле “возлюбленный”, мой единственный и высокоценимый длинночленный утешитель, прежде чем мы будем обсуждать что-либо такое трудное, нам следует побороться (и не беспокойся о ребенке), чтобы решить, кто должен пойти на камбуз и принести нам завтрак в кой... — Я победил. Единственную женщину, о какой я когда-либо слышал, что она такая же чудесная и по утрам. Итак, в конце концов, ей пришлось уйти, чтобы позаботиться о завтраке, а вернулась она в нашу каюту вместе с Дайоном, шедшим следом за ней.

Не то, чтобы она нуждалась в помощи, чтобы принести вяленое мясо и жалкие сухарики, но я обрадовался, когда увидел, что она нагрузила Дайона чайником и кувшином клюквенного сока — мы должны пить сок, согласно его и капитана Барра предписанию. У нас

¹ Двусмысленность оригинала: left: 1 — оставшийся, т.е. сенат, состоящий из одного человека; 2 — левый, т.е. на двух левых ногах — двухпартийный и т.п. сенат.

имеются и другие противоцинготные продукты, соленая капуста, например, а также кислая; с ними мы сталкиваемся в полдень и во время ужина, насколько нам хватает мужества. Я почтительно оставался в постели. Ники скользнула обратно ко мне под одеяло, поэтому у бывшего регента Нуина не нашлось иного места для его благородной задницы, кроме как на полу, или на моем встроенным сидении для писания, скрытом какой-то одеждой Ники – в любом случае слишком низком для длинных ног Дайона. Он сказал:

– Жалкие лентяи. Я еще с рассвета, ловлю рыбу, вот вам типичный деловой человек.

– В этом нет ничего особенного, А я размышляю.

– Поймали что-либо, тот или другой из вас?

– Нет, Миранда, – привязал лесу и пошел обратно спать. Кроме того, г-н Уилбрахам наблюдал за мной и из-за этого я ушел. Не терплю, когда осел смотрит через мое плечо.

Я высказался о разновидностях времени и о повествовании.

– Главное – это непосредственное повествование, – уточнил Дайон.

– Ну, – сказала Ники, – рассказ о морском путешествии, несомненно, самый лучший, потому что я в нем уже присутствую. Меня не будет в главном повествовании, пока он, мало-помалу, не доберется до своего восемнадцатилетия.

Дайон проворчал что-то, с присущей ему трудноуловимой, абстрактной тональностью голоса. Ему сорок три: наша испытанная и доставляющая удовольствие дружба может легче ликвидировать разрыв в происхождении и воспитании, чем разрыв в возрасте – каким образом я мог бы знать, как выглядит мир для человека, который пребывал в нем на пятнадцать лет дольше меня?.. Темнота его кожи была отличительным признаком в Нуине. Морган I, Морган Великий, который разобрал такой огромный завал в истории двести лет назад, говорят, был таким же темным, как гречкий орех. Цвет кожи Ники – густой желтовато-коричневый с розоватыми проблесками. Я никогда не встречал среди нуинской знати такого же блондина, как и я, хотя кое-кто приближается к этому – принцесса Хэнниса была огненно-рыжей. Если бы я понимал старые книги получше или если бы их сохранилось побольше после святых сожжений, я полагаю, что мог бы обнаружить характерные особенности различных рас древнего мира в современных людях – праздное занятие, я бы сказал...

– Вы оба идете по ложному следу, – провозгласил я, – ибо важны все различные виды времени. Моя задача в том, как перейти от одного к другому с таким полным изящества совершенством, кото-

рое моя жена считает характерным для меня. – Именно тогда вошла, с поднятым хвостом, кошка капитана Барра на сносях, мадам Хэмфри, и начала искать мягкое место, чтобы поспать утром: она прыгнула на нашу койку, зная, что там хорошо. – Историческое время, например. Вы должны допустить, что следует умеренно представить исторические аргументы.

– О, – сказал Дайон, – я считаю, что это полезный материал для заполнения учебников. Недавно наша жизнь была этим сыта по горло.

Ники стала проявлять сентиментальность, целуя чернобелую голову мадам Хэмфри, и бормотать что-то, чего Дайон не уловил, о двух девушках, оказавшихся в одинаковом затруднительном положении: мы не сказали Дайону о беременности, сообщив об этом позднее в тот же день.

– Как и сегодня, – предположил я. – Наше путешествие – это история.

– А туман все еще густой, – сказала Ники. – О... когда я получала пищу, Джим Ломан сообщил, что видел щегла, который низко пронесся мимо, едва стало светать. Они мигрируют?

– Некоторые. – Я помнил Моху. – Большинство остается зимовать, в любом случае, сентябрь – еще слишком рано для перелета.

– Когда туман рассеется, – сказала она, – и солнце откроет нас, пусть это будет остров без никого, кроме птиц и небольшого количества безвредных пушистых зверьков, чтобы никто не хотел убивать щеглов: как они резко падают и взлетают, падают и взлетают – не ритм ли это жизни, между прочим? Падение, а затем легкость и парение? Нет, не говорите о моем пристрастии, если вам это не нравится.

Дайон сказал:

– Это мог бы быть материк народа, который не любезен с чужеземцами.

– К черту этого правителя, – сказала она. – Я выпустила на волю маленькую птичку, слишком большую для моей головы, когда вылетела стрела здравого смысла, и падает в полете моя птичка, которая всегда была ни чем иным, как честолюбивым птенцом.

– Ну, мне нравится этот щегол так же, как и тебе, Миранда, но я на тысячу лет старше, ведь мне пришлось быть подобием правителя, а это значит бороться с глупостью – идти на компромисс с ней – потом заболело сердце, как ты знаешь. Ничего странного, если быть поблизости от моего дяди, сошедшего с ума. Добрый безвольный человек, я думаю, ушел в убежище, в оболочку, которую создал его ум. Все, что мы видели – толстый бедняга сидит на полу, несет всякую чепуху и мастурбирует с куклами – это лишь оболоч-

ка. Я предполагаю, что добрый бевольный человек умер внутри нее через некоторое время, а оболочка продолжала существовать.

Беднягу пришлось кастрировать, прежде чем церковь позволила ему продолжать тайное существование и согласилась на любезный вымысел “плохое здоровье”, чтобы пощадить президентскую семью от позора рождения в ней умственного мутанта – что могло бы вызвать опасное волнение в обществе. Священник, кастрировавший его, сказал Дайону, что от начального шока у Моргана III, казалось, возвратилась на минуту ясность ума и он просто сказал: “Счастлив человек, который больше не может порождать правителей”.

– Прятался, – спросила Ники, – от глупостей, так как боялся, что мог совершить их сам?

– Что-то вроде этого. Что касается меня, я думаю – стану чем-то вроде пугала для добрых нуинских детей в течение столетий, как христиане древнего мира привыкли трясти костями императора Юлиана¹, неверно названного отступником.

– Напиши сам историю Нуина, – сказала Ники, – за пределами Нуина. Как еще это могло бы быть сделано, во всяком случае? – конечно, не в тени церкви.

– Ну, – произнес Дайон, обдумывая, – ну, я мог бы сделать это...

– Мы предполагали найти материк, – сказал я, – но я могу согласиться с Ник – почему не остров? Капитан все еще говорит, что мы близко от места, которое на карте называется “Азорские острова”?

– Да. Конечно, наше вычисление долготы низкого качества – самые лучшие часы имеют расхождение уже на три минуты. Сделаны гильдией хронометристов Олд-Сити, лучшей в известном мире, а по стандартам древнего мира что такое эти ремесленники? Довольно неплохие начинающие, одаренные неотесанные парни.

Тогда я начал болтовню, наставляя Дайона о политическом управлении островной колонией разумных еретиков. У меня есть такой недостаток. В другом мире – и если я не потрачу там большую часть времени полезнее, занимаясь музыкой и опрокидывая мою девушку с розовыми губками, думаю, мог бы стать уважаемым учителем сопляков.

Позднее этим утром мы были заняты. Капитан Барр приказал спустить баркас, чтобы попытаться отбуксовать “Морнинг Стар” из тумана, и мы двигались черепашьим шагом в течение нескольких часов. Он прекратил попытки, когда матросы выдохлись, хотя лот все еще не достигал dna. Капитан был уверен, что чувствовал запах земли сквозь влагу тумана, и я тоже чувствовал

¹ Флавий Клавдий Юлиан – римский император в 361 – 363 гг.

запах. Эта земля могла бы появиться отвесно и внезапно из глубокой воды. Завтра, если туман рассеется до видимости на пятьдесят ярдов или больше, он снова может попытаться буксовать.

Неподвижность беспокоит нас. Мы слышим прибой или глухой шум удара воды о камень.

Ники спит; я в напряженном ожидании, перед глазами – туман воспоминания и размышления и неведение. Как, в действительности, человек может быть хозяином своей судьбы?

Мы живем в неизвестности. Мы могли не знать, что проиграем войну в Нуине. Как мог я знать, что найду и захочу иметь золотой горн? Но в небольших пределах моих знаний и понимания, гонимый судьбой, но все-таки чувствующий себя человеком, все же разумный и подверженный страстиам и упорный и не более трусливый, чем мои братья, я должен сказать, куда иду.

Пусть другие думают за вас, а вы отвергаете возможность влиять на вашу жизнь даже в пределах этого ограниченного пространства. Тогда вы больше не человек, но вол в облике человеческом, который не понимает, что он мог бы проломить забор, если бы ему позволили. Давно, в начале нашей совместной жизни, Ники сказала мне: “Научись любить меня, обладая чувством собственного достоинства, Дэйви, тогда как я научусь обладать моим собственным чувством – я думаю, что другого пути не существует”.

Будучи людьми, а не волами, полагаю, все мы – со свечой в темноте. Закройтесь в свете со стенами определенности или власти, и вам это может показаться ярче – посмотрите, друзья, это отражение от тюремных стен, ваш свет не сильнее. Я понесу свой свет через всю ночь напролет в собственной руке.

6

Я не мог остановиться и бежал с моим золотым горном, пока не обогнул гору с востока, пробежал недалеко от моей пещеры, и не вспомнив о ней, увидел шпили скоарской церкви и рухнул на бревно, с жадностью глотая воздух.

Кожа на животе болела. Я обнаружил красное пятно на месте укуса – наткнулся на паутину-крестовика и, вероятно, только теперь ощутил боль. Меня кусали и раныше, и я знал, чего следует ожидать. Живот покалывали горячие иголки, голова болела, скоро начнется жар, а завтра уже не будет болезненных ощущений. Я все еще был ребенком и дикарем и не надеялся на чудо, что бог отпустит меня так легко.

Я развернул горн и поднес его к губам. Как естественно опирался он на меня, а моя правая рука лежала на клапанах! Казалось, древние мастера вдохнули в него волшебство. Они просто учитывали форму человеческого тела и руки, так же как изготавливатель ножа заботится о форме и размерах рукаятки. Вероятно, я невольно напряг губы и щеки почти правильно. Горн зазвучал для меня. Я подумал о солнечном свете, преображенном в звук.

Испугавшись, я положил его обратно в мешок. Испугался не мутанта, бывшего на расстоянии трех миль, отделенного горой, но его отца-дьявола. Меня уже трясло, я выкрикнул: "Е... я его, вовсе его и нет". И знаете, что? – ничего не случилось.

Может быть, в тот миг я начал осознавать то, чего многие взрослые никогда не поймут и не знали даже в "Золотом веке" – слова не имеют магической силы.

Я сказал себе на этот раз уже в уме, что ничего нет на самом деле. Горн был м о и м. Я никогда больше не увижу мутанта. Да, я убегу в Леваннон, но не через Северную гору.

От укуса паука меня вывернуло и я вспомнил мудрость, гласившую: самое лучшее лечение – это пластырь из грязи с детской мочой. Развязав набедренную повязку, я пробормотал: "Вряд ли стоит рассчитывать на это, я уже не мальчик, черт подери", засмеялся, и брызнул на землю – во всяком случае, с целью приготовить пластырь. Уверен, что он был так же полезен, как любое лекарство, приготовленное священниками для верующих – то есть, не убил меня и не усилил боли. Я продолжал путь вниз к опушке леса возле частокола, чтобы дождаться темноты и смены караула.

Широкий проспект, Частокольная улица, проходил вокруг города внутри частокола; после смены караула новый часовой пройдет сотню шагов по этой улице, и я услышу, как он идет. Этой весной они были более блестячны, чем обычно, так как распространялись слухи о войне между Мохой и Кэтскилом; приграничным городам всегда достается больше. В конце своего участка он встретит соседнего часового и поболтает с ним, если поблизости не будет капрала или сержанта, и поэтому мое излюбленное место останется вне наблюдения. Позднее часовые будут делать длительные перерывы в безопасных уголках, курить табак или "мараван" и обмениваться анекдотами¹, но мне достаточно и первого перерыва.

¹ Можанско идиоматическое выражение. Дэйви имеет в виду тип анекдота, известный в Нуине как "Щекотливый" или, по како-то непонятной причине, как "непристойный" анекдот.

А пока мне придется дожидаться около часа, и я потратил его неразумно, слишком много размышляя о мутанте, что побудило меня задать себе вопрос, к какому типу существ я принадлежу.

Я знал об умственных мутантах, самых страшных из всех, которые имеют естественный человеческий облик, так что никто не может разгадать их сущность, пока ее не разоблачат их действия. Раньше или позже, они начинают вести себя так, что люди называют их бешеными мутантами, или безумцами. Они могут лаять, кипеть от злости, бросаться словно звери, видеть то, чего другие не видят, впадают (подобно Моргану III) в состояние детей-идиотов или сидят, безмолвные и недвижные, много дней подряд. Или, с самым рассудительным видом, городят чепуху и, очевидно, верят в нее; обычно подозревают других в злодеяниях или заговорах, или считают себя знаменитыми персонами – даже Авраамом, а то и самим богом. Когда умственные мутанты разоблачают себя таким образом, их передают священникам, чтобы те избавились от них, как и от тех, у кого происходят таинственные изменения цвета кожи или развиваются опухоли, считают, что в них зародился порочный мутант.

В книге из древнего мира, которая имеется у нас на борту, “безумные” люди описываются совсем по-другому – как больные, которых можно лечить и даже иногда излечивать. В этой книге употребляется слово “психопатический” и упоминается “безумие” и “бешенство” как неподходящие простонародные термины. Да, и в наше время, если ты называешь человека “безумным”, ты только имеешь в виду, что он не такой, как все, странный, набитый всякой чепухой, несуразный, губошлеп. В нашей книге из древнего мира говорится о таких людях без всякого ужаса, а вроде даже с состраданием, что в современном, одержимом привидениями, мире человеческих существ проявляется редко – чаще у тех, кто очень похож на них самих.

Но тогда, сидя на карточках под частоколом, я ничего не знал о книгах, за исключением того, что они были неинтересной и непонятной обузой в мои школьные годы, давно минувшие. Я размышлял, и никто не утешил меня: Поступают ли умственные мутанты так, как я? Не т! – ответил я сам себе. Но эта мысль затаилась в полумраке, черный волк поджидал.

Внутри частокола какой-то мужчина прекрасным тенором пел под мандолину “Ласточку на трубе”, приближаясь по боковой уличке. Люди в Скоаре напевали ее с тех пор, как группа бродячих комедиантов познакомила их с ней несколько лет назад. Песня побудила меня думать об Эммии и отвлечься от моих забот.

*Ласточка на трубе,
Гей-гой-гой-я-я!
Ласточка на трубе,
Салли на колене у меня.
Ласточка, высоко лети,
Салли, не кричи!
Покрутись, покрутись и со мной ложись.*

Вечер был теплый, напоенный ароматом дикого гиацинта, поэтому я все еще мог стышать, как этот человек откашливался и отплевывался, после того, как портил взятую им высокую ноту; чего можно ожидать от тенора, если у него больше дерзости, чем обучения. Мне это нравилось.

Нельзя жить, думая, что ты – умственный мутант.

*Ласточка на трубе,
Гей-гой-гой-я-я!
Ласточка на трубе,
Салли спрыгнула с меня...
Платье сброшено уже,
Салли, не противься мне!
Покрутись, покрутись и со мной ложись.*

Певец, очевидно, был сменным часовым, так как теперь я слышал церемонию смены караула. Сначала прежний часовой крикнул новому, чтобы он, черт побери, прекратил корчить из себя блудливо-го кота и быстрее шевелился. Затем последовал торжественный лязг оружия и оживленная беседа о музыке, о точности городских часов; что, как всегда, сказал капрал, куда бы он мог податься, и предположение, что новый музыкальный часовой предпримет что-то для своего сексуального самообеспечения – я полагаю, это невозможно – на что певец ответил, что он не считает себя сделанным наподобие сигнального рожка. Я прокрался к подножью частокола, ожидая окончания церемонии. Наконец новый часовой потопал по улице в свой первый обход – без мандолины, ведь ему пришлось нести копье.

*Ласточка на трубе,
Гей-гой-гой-я-я!
Ласточка на трубе,
Салли кричит “Ой-я”!
Схвачу тебя за попочку,
Сладкую перепелочку!
Покрутись, покрутись и со мной спать ложись.*

Укус паука затруднял взбираться на частокол, но я перелез, не повредив ношу в моем мешке. По улице Курин я прокрался к “Быку и оружию”. Окно Эммии было освещено, хотя еще не по-

дошло время, когда она ложилась спать. Я добрался до конюшни – неужели, черт возьми, она была там и выполняла работу вместо меня? Она закончила поить мулов и повернулась, приложив палец к губам.

– Пусть думают, что я в моей комнате. Я сказала, что видела тебя на работе, и они поверили моему слову. Клянусь, Дэйви, в последний раз покрываю тебя. Стыдись!

– Вам не следовало этого делать, мисс Эммия. Я...

– “Не следовало делать” – а я старалась спасти твою задницу от порки! Убегаешь, господин независимый?

Я изогнулся и положил мешок на пол; рубашка вздернулась и она увидела замазанный укус.

– Дэйви, милый, что с тобой? – И вот она подходит в пылком порядке, совсем уже не сердитая. – О, милый, у тебя еще и лихорадка!

– Паук-крестовик.

– Какое глупое, безумное желание идти туда, где эти ужасные твари; если бы ты был достаточно маленьким, чтобы тебя можно было перевернуть у меня на коленях, я задала бы тебе такую порку, что ты запомнил бы ее навсегда. – Она продолжала в таком же духе, ласково браня, что означало только доброту и женскую любовь покомандовать.

Когда она остановилась передохнуть, я сказал:

– Я не бездельничал, мисс Эммия... думал, что сегодня у меня выходной. – Прикосновение ее мягких рук, хлопотавших возле рубашки и укушенного места, возбудило меня, так что я задавал себе вопрос, скроет ли моя набедренная повязка доказательство этого.

– Теперь поднимайся к себе, Дэйви, ты никогда не задумывался, что не следует делать ничего подобного, ты ведь обманываешь меня и всех, это – предупреждение святых, но я не скажу: я покрываю тебя, но если еще хоть раз обдуришь меня, я никогда больше не сделаю этого, тебе еще повезло, что сегодня пятница и твоего отсутствия не заметили, и, во всяком случае... – В этом была вся Эммия: если ты хотел сказать что-либо сам, тебе приходилось дожидаться паузы, когда она переведет дух, и действовать быстро, чтобы противостоять мощному потоку слов, который не может остановиться, потому что должен добежать до подножья горы, а он все льется и пьет. – Сейчас же отправляйся прямо в постель, а я принесу тебе припарку из мятных листьев на это место, мама говорит, что это самое лучшее средство в мире от любого укуса, я хочу сказать, укуса насекомого, конечно, змея – другое дело, для этого ты должен получить дозу снадобья и нюхатель-

ный камень¹, но, во всяком случае... о, фу, что ты налепил на него? – Ответа она не ожидала. – Теперь бери свой фонарь, мне он не нужен, и прямо в постель, не стой там, шаря вокруг себя.

– Хорошо, – согласился я и попытался поднять мешок, чтобы она не заметила, но она могла быть говорливой и, тем не менее, наблюдательной.

– Боже милостивый, что у тебя там?

– Ничего.

– Он говорит “ничего”, а оно выпирает из мешка, большое, как дом... Дэйви, послушай, если ты что-то украд, чего ты не должен был делать, я не могу покрыть тебя, это грех...

– Здесь ничего такого нет! – закричал я. – Вы должны знать все, мисс Эммия, это большой кусок дерева, который я нашел, чтобы вырезать для вас кое-что на ваши именины, если уж вы должны знать о всем, черт возьми, если вы...

– О, Дэйви, милый малыш! – Она снова схватила меня, ее лицо залило румянцем. Я едва успел отвести мешок в сторону от нашего соприкосновения, прежде чем она поцеловала меня.

Никто не целовал меня после Кэррон. Конечно, “милый малыш” не значит то же самое, что просто “милый”. Но Эммия держала меня в объятиях, прижалась ко мне, благоухающая и теплая, – господи, я даже не знал, что соски у девушки могли становиться такими твердыми, чтобы ощущать их через одежду! Но я почувствовал себя неважко: ослабел и испугался, желудок затрепетал, место укуса паука заныло.

– О, Дэйви, я так браница тебя, а тебе плохо от укуса, полученного оттого, что ты сделал кое-что для меня... О, Дэйви, я чувствую себя неловко.

Я бросил мешок и сжал ее в объятиях, ощущая эластичное мягкое тело. Она широко раскрыла глаза от удивления, как будто подобная мысль никогда не приходила ей в голову по отношению ко мне, – вплоть до того, как она вдруг почувствовала, что мои руки стали смелее прикасаться к ее талии и бедрам².

¹ Считается, что любой камень необычной формы имеет лечебную силу, чаще всего его называют “витаминным камнем”. Я делал их довольно много на продажу, когда бродил с комедиантами Рамли; после надранивания мокрым песком они приобретают приятный матовый вид. Моя собственная сноска, черт подери!

Д.

- Я не знаю, Дэйви. Может, я создам Зашитный Орден Сестер для женщин и стану президентом, а также учредителем, если меня устроит эта идея, с единственной целью пригласить тебя куда-то и утопить.

– Не надо, Дэйви! – Мои руки немедленно расслабились и она преодолела растерянность. – Теперь марш в кровать, как тебе сказано, а я принесу припарку, как только смогу ускользнуть обратно.

Я с трудом взобрался на чердак, с памятью о ее прикосновении, запечатленном в моем теле, добрался до своего тюфяка, не уронив фонарь, и спрятал мешок в сено. Сбросив набедренную повязку, остался в рубашке – меня знобило. Под одеялом, слабый и дрожащий, я наблюдал за быстрой сменой фантастических фигур в темноте вокруг чердачных стропил, высоко над лужицей света, излучаемой фонарем. Я чувствовал вонь протухшего тюленьего жира от фонаря, аромат сухого сена, запах пота и навоза от лошадей и мулов внизу. Мне хотелось набраться смелости, показать кому-то золотой горн и рассказать о моем приключении. Кому, кроме Эммии? В это время она была моим единственным другом.

Каста крепостных слуг – жалкое сословие в Мюхе, затиснутое между верхами и низами. Рабы ненавидели нас, ведь нам жилось немного лучше, причем пожизненные рабы не так сильно, как краткосрочные – те, по-видимому, считали, что не слишком отличаются от нас: они находились в рабстве по причине осуждения за незначительное преступление, а мы были стугами вследствие случайного рождения или злой судьбы. Свободные люди презирали нас, смотрели на нас свысока – хотя не получали настоящего удовлетворения, такого, как от ощущения их превосходства над рабами. Эммия могла иметь большие неприятности, проявляя нежность ко мне в присутствии кого-либо третьего; я никогда не ожидал от нее этого, и то, что она поступила так наедине со мной, все еще оставалось загадкой и в тот вечер, несмотря на овладевшие мной роскошные мечты, основанные на этом факте: мне просто еще не пришло в голову (за пределами мечтаний), что во мне было что-то, привлекавшее женщин.

Конечно, я слыхал весь набор пословиц: “Все крепостные слуги подворовывают понемногу”, “Им пальца в рот не клади”, “Крепостная может быть хорошей девкой, но помни о плетке!” – и так далее, вся эта извечная вздорная болтовня, необходимая людям, чтобы укрепить их тщеславие и избежать риска честно взглянуть на себя самого. Таким же образом люди говорят: “От рабов всегда несет”. И никогда не задаются вопросом: “Кто дает им тазик помыться или время для этого?”

После этого исторического события мы провели бы поминальные митинги и пили чай.

Миранда Николетта.

В Мохе услышишь, что ни одному кэтскильцу нельзя доверять даже пасти свиней. Коникатцы скажут тебе, что каждый второй в Ломеде не честен на руку, а остальные – жалкие трусы. В Нуине говорят: “Лишь трое торговцев из Пенна обманут леваннонца, двое леваннонцев обведут вокруг пальца вэрмантца, а двое вэрмантцев запросто надуют дьявола”. И так далее, и так далее, о всех недостатках твоего соседа, пока через некоторое время, может через миллион лет человеческая раса не выберется из грязи.

В школе я услышал объяснения священников-учителей, что расовый предрассудок является одним из грехов, поэтому бог и разрушил Древний Мир и вынудил людей пережить Годы Смятения, чтобы возникла только одна раса с признаками всех предыдущих, и бог в моих глазах вырос на несколько отметин. Хотя в душе моей более взрослый парень, еще не готовый к тому, что он вырос на целую голову, пробормотал что было бы приятнее и проще – раз уж бог собирался возложить на себя столько забот, почему бы ему не сделать моих современников порядочными и добрыми и в других также отношениях?

Сегодня я знаю, что это был просто исторический несчастный случай, в результате которого мы все, в этой части мира, оказались в известной степени близкими по одинаковому физическому образцу. Мы все – потомки небольшой горстки уцелевших, по случайному совпадению включавшей большинство рас древнего мира. С каждым, кто имеет значительные отклонения, поступают жестоко, если он избежит уничтожения в раннем возрасте как мутант. В Коникате, будучи с бродячими комедиантами Рамли, мне причиняли бы беспокойство мои рыжие волосы, если бы не было сильной группы, которая заботилась о своей безопасности.

Мальчики свободных людей, многие из бедных семей, жившие не лучше меня, гоняли шайками по улице и не хотели, чтоб в их играх участвовал крепостной слуга, если им не хватало одного-единственного. Я мог бы подружиться с таким мальчиком, встретив его самого, но стадный образ жизни гибelen для дружбы. Если шайка должна быть на первом месте – с ее ритуалами, жестокостью, групповым притворством и фальшивым братством – не остается времени на отдельную душу другого; нет ни времени, ни смелости, ни признания.

Против опасности со стороны уличной шайки у меня был кэтскильский нож, но я отличался такой резвостью, что моментально скрывался из вида, увидев группу более трех парней, так что я никогда не был вынужден использовать мое оружие для самозащиты. Хорошенькое дельце – если бы меня повесили, это серьезно помеша-

ло бы мне писать данную книгу, и, если вас даже не существует, мне очень не хотелось бы, чтобы вы пострадали от подобной утраты¹.

Но, даже в лихорадочном состоянии, здравый смысл подсказывал мне, что я не должен показывать Эммии золотой горн и рассказывать о моем приключении. Она никогда бы не поняла, почему я не убил мутанта. Ее напугала бы сама только мысль, что мутант находится недалеко от города. Подобно большинству женщин, она вряд ли могла бы вытерпеть звучание слова "мутант" – скорее согласилась бы, чтобы по ее ноге взбежала крыса.

Потом, думаю, лихорадка послала мой разум на некоторое время куда-то прочь из этого мира.

* * *

Пока я писал этим утром, туман рассеялся. Ники позвала меня на палубу час назад – ее лицо было мокрым – и указала на расплывающиеся зеленые очертания в двух-трех милях к юго-востоку. Когда я смотрел туда, белая птица сделала круг и полетела к острову. Никакого дыма не подымалось над ним; спокойный золотисто-голубой день.

На этот раз я написал только эту заметку. Легкий ветерок дует с запада, и капитан Барр намерен обмыть остров, лавируя настолько близко от берега, насколько позволит ему безопасность. Мы будем высматривать гавани, выходы ручьев, рифы, пляжи, любой призрак жилища. Главное замечание: Миранда Николетта счастлива.

* * *

Я был разбужен ощущением, что меня накрыли еще одним одеялом. Было оно шерстяное и мягкое, душистое от девичьего запаха Эммии – я имею в виду ее собственный, а не запах купленных духов, которые она иногда употребляла. Должно быть, она принесла его со своей постели для меня – чертового дворового парня, не достаточно храброго, чтобы убить мутанта, но достаточно подлого, чтобы у него украсть.

Эммия говорила – о чем, я не знаю; где-то посреди приятного звучания ее речи, я вымолвил ее имя. Она прервала меня:

– Тише, Дэйви! Как долго ты говоришь! Будь хорошим парнем и дай мне поставить эту припарку – не изгибайся так!

¹ Отмету, что он совсем не останавливается, чтобы обсудить, что чувствуешь, будучи замужем за ирландским быком. Однако, смелее! Испугалась ли я такого зверя? Ну, да, теперь об этом подумываю...

Ее голос был такой же нежный, как и руки, которые осторожно сняли одеяло и приложили пахнущую мяты прокладку туда, где моя кожа все еще саднила – немного. Боль уже не была сильной; я притворился, что чувствую себя хуже, чем на самом деле, чтобы продлить ее нежную заботу.

– О чём ты трепался только что, Дэйви? Ты сказал, что где-то всходит солнце – только сейчас ночь, ты это знаешь, может, ты бредил? Я слыхала о человеке, который болел оспой, а он подумал, что падает с лошади, поэтому сказал: птру, птру, и, действительно, упал с кровати и умер совсем на следующий день, ты, понимаешь, простыл, подумать только, это был Мортон Сэмпсон, который женился по маминому сватовству и раньше жил на Индейской улице, наискось через дорогу от старой школы... – Мне хотелось знать, не проговорился ли я в бреду о золотом горне? Она нежно гладила мои руки под одеялом. – Да, ты трепался о путешествии, боже милостивый, я думаю, ты, вероятно, любишь болтать, я вряд ли могла бы вставить даже словечко... о, чувствуешь пот? Лихорадка тебя покидает, Дэйви, это называют хорошим потом, ты будешь теперь здоров, только не раскрывайся, парень, и тебе лучше также поспать.

Я сказал:

– Если бы человек ушел далеко...

– Да, именно об этом ты трепался, только теперь тебе следует отоспаться, потому что, как говорит мама, если человек не выспится, следующий день пропадет, понимаешь? – Положив руку на одеяло, она смотрела на меня не совсем прямо. Ее разговорный поток продолжал литься, но, думаю, мы уже ощущали какую-то особую неловкость – как мужчина и женщина, когда каждый понимает, что другой думает о том, что они еще не спали вместе. – Я, действительно, изумляюсь – где солнце всходит? – думаю, что такие фантазии порождает лихорадка, но все-таки, вероятно, чудесно путешествовать, я всегда хотела, чтобы и я могла, как тот палин друг, не могу вспомнить его имени, во всяком случае, он все время ездил в Хамбер-таун – о, кто же это был? – Пекхэм – я вспомню об этом через минуту, это никакой не Пекхэм – а, Хамлет Парсонс, вот кто это был, помнишь? – Хам Парсонс, конечно, без глаза, выбитого попавшим в него топорищем, я хочу сказать, он все время ездил в Хамбер-таун и приезжал, чтобы вспоминать, это было всего лишь два лета назад, да-да, ведь в этом же году у нас погиб от вздутия Белый-Племенной – какое прекрасное старое животное...

Поток слов был безостановочным, усыпляющим, словно ручей, словно шелест древесных листьев на ветру, только – да хранит ее бог – Эммия никак не походила на дерево, а ее кожа не была гру-

бой – нигде. В моей полубольной дремоте я удивлялся, почему должен бояться Эммии, когда она так добра ко мне, принесла это одеяло, сидит сейчас так близко, что моей правой руке было неловко, ибо я не осмеливался вытянуть ее над пахом Эммии. Я лично знал несколько мужчин, постоянно испытывающих подобное затруднение. Но Дэйви, жаждущий быть нежным, любящим (и безопасно невиновным) другом – единственный, кто всерьез испугался. Здоровый парень, которому необходимо было скватить Эммию и прижимать к себе ее поясницу до тех пор, пока он не сможет истощиться, боялся не Эммии, а только из практических соображений, общества: он не хотел быть пригвожденным к позорному столбу. Ничего подобного никогда не случалось со мной до последних лет – ведь все эти непоследовательные и беспокоящие эгоистические мысли возникают лишь только ваш разум прошел через муку, порождающую их.

7

– Теперь тебе достаточно тепло? – Я издал какой-то звук. – Ты знаешь, Дэйви, эти фантазии, о которых ты говорил в бреду, не похожи на настоящие сновидения, я имею в виду не те, которые предсказывают твою судьбу, если ты будешь спать со стержнем кукурузного початка под подушкой. Ты уверен, что тебе достаточно тепло?

– Я хочу, чтобы ты всегда была со мной.

– Что?

– Хочу, чтобы ты была со мной. В моей постели.

Она не ударила меня по лицу. Я не в состоянии был посмотреть на нее, но через мгновение она лежала на моей постели, теплая и близкая, ее дыхание разевало мои волосы. Одеяла толстым ворохом разделяли нас. Она лежала на моей правой руке, поэтому этой рукой я не мог обнять ее. Мою левую она отодвинула в сторону. Сил у меня было, по крайней мере, в три раза больше, чем у нее, но я и мечтать не смел воспользоваться этим.

– Дэйви, милый, не надо... Я имею в виду, чтобы сейчас мы, лучше не, только... – Я поцеловал ее, чтобы она прекратила болтовню. – Тебе сейчас плохо, Дэйви. – Я поцеловал ее в ухо и шелковистое углубление плеча. Я не знал об этом, но оказалось, что я возбудил ее. Она слегка повернулась, ее бедро оказалось надо мной, она дрожала, я ощущал тяжесть ее тела сквозь одеяла, и вскоре запричитала: – Это грех... Матерь Авраама, не дай мне поступить так плохо! – Резко высвободившись, она откати-

лась. Я думал, что она встанет и покинет меня, но, вместо этого, она легла на голый пол, растрепанная и небрежная, с подтянутыми коленями, опавшей юбкой, закрыв лицо руками.

Именно в тот момент, когда ее глаза не смотрели на меня, а ее тайное место бессмысленно и беззащитно открылось мне, я был уже на взводе и мог взять ее, не обращая внимания, кричала бы она или нет. И тогда я лишился рассудка и выкрикнул:

— А что, если мадам Робсон придет искать тебя или Старый Джон? — И услышал ее ослабевший голос.

— Почему ты мне ничего не делаешь?

Я отбросил одеяла прочь. В последний момент холодная, убивающая мысль пришла мне в голову, не в словах, а видением: на высокой колонне деревянная рама, отверстия в ней для шишек, запястий и лодыжек преступного крепостного; свободное место на земле, так как камни и отбросы могли быть легко убраны после того, как бедняга на позорном столбе станет убедительным уроком необходимости нравственного поведения, слишком неподвижным, чтобы представлять интерес.

Страдающее лицо Эммии было обращено на меня. Она знала, что я был готов взять ее, но теперь — нет. Она неуклонже обняла меня, пытаясь восстановить мою мужскую силу дрожащими пальцами, но все было тщетно. Может, именно тогда она тоже вспомнила о законе, так как неожиданно накрыла меня одеялами и заковыляла прочь. Я думал: неужели для меня все кончено... смогу ли я вообще быть мужчиной?

Но она возвращалась. Ее заплаканное лицо не было сердитым. Она снова села возле меня, не очень близко, прикрыла платком свои колени. Поисками носовой платок, но ничего не нашла, и вытерла лицо об одеяло.

— Я не хотел обидеть вас, мисс Эммия. — Она ошеломленно уставилась на меня, затем беззвучно рассмеялась.

— О, скромный милый монах! Это моя вина, и сейчас, ялагаю, ты думаешь, что я одна из этих девушек, которые будут отдаваться любому, с запятнанной репутацией, честное слово, я не такая, Дэйви, и когда только ты и я, ведь мы такие хорошие друзья, ты не должен называть меня "мисс Эммия, ради бога! О, Дэйви, подобные мысли так и лезут мне в голову, я не могу объяснить, ты бы не понял...

По крайней мере, она снова говорила. Моя паника исчезла. Ручей зажурчал дальше и через минуту уже стал спокойнее.

Говоря о ручьях...

Я прекратил писать книгу неделю назад и возобновил ее сегодня после полудня под журчание тропического ручья. День был заполнен работами по обустройству на нашем острове. Мы намерены находиться здесь, по крайней мере, до тех пор, пока младенцы, пребывающие сейчас в утробах матерей, не появятся на свет, а, может, и дольше. Вероятно, кто-то останется, а кто-то продолжит путь – не могу представить себе, что капитан Барр позволит шхуне слишком долго покачиваться на якоре... Ручей протекает мимо убежища, которое мы с Ники разделяем с Дайоном и тремя другими колонистами, пока мы трудимся над постоянными строениями для колонии.

Остров небольшой, неровно-овальный в плане, его максимальная длина вдоль оси север-юг составляет около десяти миль. Вероятно, он расположен в регионе, где на древней карте нанесено несколько точек, называемых Азорскими островами. Мы проплыли вокруг него в тот первый день, потом, не видя на горизонте иной земли, медленно вошли в гавань – залив на восточном побережье и стали на якорь в пяти морских саженях¹, недалеко от чистой прибрежной полосы, где стая серых обезьян перебирала раковины и искала что-то съедобное – раков-отшельников. Мы провели тот день и ночь на борту, чтобы разузнать о приливах – они были умеренные, и высматривали признаки обитания человека или других, представляющих опасность, существ.

Ни один из нас не спал на якорной стоянке в ту ночь – глухую теплую ночь, ощущая отдых от длительного напряжения и страхов морского путешествия, полнолуние для влюбленных – самое время для ночи музыки и выпивки и веселого буйства. Нас сорок человек – шестнадцать женщин, двадцать четыре мужчины – и почти все из нас молодые. Утром мы сошли на берег, не очень опьяневшие, все оживленные, кроме господина Уилбрахама, который никогда не оживляется.

Единственные дикие животные, которых мы видели – это обезьяны, несколько коз, короткоухие кролики и множество птиц. Во время вчерашней прогулки по острову, Джим Ломан и я обнаружили следы свиньи, лисицы и дикого кота, и мы видели также белок-летяг, очень похожих на ручных зверьков, которых я обычно видал в лесах Мохи. Вероятно, люди не жили здесь с Древних времен. Может, мы найдем руины в глубине острова.

¹ Морская сажень = 6 футов = 182 см; преимущественно для измерения глубины воды.

На холме возле отлогого морского берега мы удалили растирельность, чтобы подготовить место для жилищ. Ручей, протекающий у подножья холма, берет начало на расстоянии мили от моря, у самой высокой горы, высотой около тысячи футов над уровнем моря, как мы думаем. Вдоль ручья в изобилии растет жесткая, покожая на тростник, трава; она могла бы быть подходящей для изготовления бумаги, а также для соломенных крыши. Построить наши дома будет легко — соломенные крыши на высоких опорах, соломенные стены, доходящие только до половины линии свеса крыши, вроде доступных воздуху построек, которые я видел в Пенне, когда был там с бродячими комедиантами Рампи в 320 году. В них держится свежесть и прохлада, даже в самые жаркие дни, а если обрушится ураган — ну, многого ты не потеряешь — просто стройши заново.

Нас также интересует, какой змий живет в этом раю.

* * *

Говоря о ручьях...

Послушай, сказал персональный ручей Эммии, то, что мы едва не совершили, является страшным грехом, потому что я был Просто Слугой, но, как бы то ни было, это и вообще ужасный грех, только мы ничего не сделали, поэтому никакого греха не было, а также во всем виновата она, но она просто обратится к богу с молитвой, что не сознавала этого, и никогда не будет ябедничать на меня, никто не сможет вытянуть из нее ни слова, потому что я был, в основном, хорошим милым парнем, который не мог бы в этом случае помочь, не имея, по происхождению, никаких преимуществ, кроме дикости и бездельничанья и тому подобного, но когда я исправлюсь, тогда я стану хорошим человеком, которого все будут уважать, понимаешь, только я должен проявить себя и помнить, что, как сказала ее мама, жизнь — не всегда прекрасное времяпровождение, каким бы оно ни было, она всегда думала, вот так забавное слово, да, жизнь — это тяжелая работа и ответственность и прислушивание к тому, что говорят мудрые люди, не только священники, но каждый, кто пользуется уважением, потому что есть правильный путь и ложный путь, просто так, как сказала ее мама, и ты не должен все время бездельничать, чтобы другим не приходилось покрывать тебя, и кормят, черт бы их побрал, старых молов. Я сказал, что я виноват.

— Ну, тогда я должен был почувствовать лишь чуточку раскаяния за сегодняшнюю ночь, не потому, что в этом была моя вина, ее не было, ее не было, может, кроме того, что мне не следовало целовать ее именно таким образом, потому что парни должны быть вроде бы

внимательными и пытаться оставаться чистыми и почтительными, не думая слишком много о, сам-знаешь-о-чем, во всяком случае, после того, как закончится мое ученичество, я, вероятно, женюсь на какой-то хорошенькой женщине и все будет прекрасно, и, между прочим, я не должен испытывать беспокойства с этим, ты знаешь, опаданием, потому что она случайно узнала о том, что это происходит со многими парнями, если они просто испугались или не привыкли к этому, понимаешь, это отнюдь не значит, что они имеют каких-то врагов, постыдающихся отвратительно с их восковыми изображениями, хотя, конечно, если бы я был взрослый мужчина, такое могло быть, и тебе следует быть осторожным, во всяком случае, во всем виновата она, как она уже говорила. Я сказал, что я виноват.

Она сказала, что знала, что я мог, и это делает мне честь, и никто никогда не узнает, а что касается законов, ну, эти скверные законы следовало бы выбросить и утопить, потому что, крепостной слуга ты или нет, у тебя все получается, как и у всякого другого, и она сказала бы это снова, все получается, как-и-у-всякого-другого, более того, это значит, что она не позволит никому, чтобы с моей головы когда-либо упал хотя бы волос, только она хотела сказать, что я должен проявить себя, ну, понимаешь, мне следовало пойти и сделать что-то трудное, она не имела в виду что-либо дикое или глупое, просто что-то трудное и хорошее, благородное, или что-то в этом роде, чтобы... чтобы...

— Мисс Эммия, я хотел сказать, Эммия, я сделаю, я не шучу, вот тебе крест, я сделаю, только что, например?

— О, тебе следует выбрать это самому, что-то, чего ты не хочешь делать, но знаешь, что должен, подобно регулярному хождению в церковь, только это не должно быть таким, тебе следует хотеть сделать это в любом случае. Нет, просто что-то хорошее и честное, и трудное, так что я буду гордиться тобой, я буду как бы вдохновлять тебя — нет, ты не должен целовать меня снова, никогда, до тех пор, пока не станешь свободным человеком, имей в виду, я говорю всерьез.

Она встала с моей постели, одергивая юбку, с опущенным взором, может, снова чуть всплакнув, но, при слабом свете фонаря, я не был в этом уверен.

— Я постараюсь, Эммия.

— Я хочу сказать, что желаю, чтобы мы были добродетельны, Дэйви, подобно... подобно уважаемым людям, прекрасным людям, которые преуспевают и их просят делать свое дело и они достигают успеха. Именно это подразумевают, понимаешь, под страхом боя и... Ах, маме и все такое, я хочу сказать, что есть правиль-

ная дорога и ложная дорога, я имею в виду, я... ну, я не всегда такая добродетельная, Дэйви, ты, наверно, знаешь. – Она стояла у лука, спуская фонарь. Потом задула его и оставила для меня у верха лестницы. – Теперь спи, Дэйви, милый малыш. – И она ушла.

Я мог бы тогда побежать за ней, готовый, как всегда, наверно, буду; не больше смысла, чем в ящике с выскакивающей фигуркой, но и не меньше. Но я только подошел к окну и увидел, как ее неясный силуэт пересекает конюшенный двор, и влез обратно под одеяла, где, терзаемый сновидениями, забился сном.

Я бежал – скорее, шел, шатаясь, на ватных ногах, ноги очень тяжелые и очень короткие – через дом, смутно напоминающий “Бык и оружие”. Он имел тысячу комнат, в каждой из них содержалось что-то, пробуждающее память: трехногий табурет, на который садили детей в приюте за непослушание; кольцо сестры Карнации; тряпичная кукла; мой талисман удачи, торчавший стоймя в одной из малиновых туфель, которые носила Кэррон, когда впервые прибыла в приют (их быстро забрали у нее, как греховное тщеславие). В этом доме меня, не торопясь, преследовал черный волк – он мог ждать. Звуки, издаваемые его пастью, напоминали слова: “Посмотри на меня! Посмотри на меня!” Если бы я посмотрел, даже один раз, он схватил бы меня. Я продолжал идти – каждая комната без окон, нет места для доступа солнечных лучей. Двери, наверно, не запирались за мной. Когда я уперся в одну из них, черный волк начал плаксиво говорить через щель, а я бросил через плечо: “Я дам Кэррон мой катскильский нож и она сделает тебе что-то хорошее и трудное”. Тогда он замолчал, но я должен все-таки найти Кэррон, иначе моя угроза окажется пустой и, может, именно она продолжала идти впереди с одной коричневатой босой ногой и моей свечой, торчавшей стоймя в другой малиновой туфле, но я не знаю, так как я споткнулся и упал, ощущая как черный волк принохивается к моей шее, потом я осознал, что проснулся на моей постели на чердаке конюшни, но какое-то время я не был уверен, что находился сам.

Я был сам. Вдохнул сухое сено и запах Эммии – прямо из ее одеяла. Поздняя луна светила в чердачное окно. Укус паука безвредно зудел и не болел. Я нашел мешок и нашупал золотой горн. Он не был моим.

Я знал, каким должен быть этот поступок, хороший и честный и трудный. Мой горн должен вернуться к уродливому созданию, которое не умело пользоваться им. Было ли это хорошо? По крайней мере, это было трудно и честно. Я никогда не смог бы рассказать об этом Эммии – если бы, может быть, не приукрасил рассказ – вероятно, зачел бы мутанта на отчельника? И вообще, доводилось ли

мне когда-либо рассказывать девушке о чем-либо, кроме простейших ежедневных вопросов и ответов? Ну, в моих мечтаниях. Тогда, конечно, она всегда была в состоянии отвечать замечательно.

Презираемый, оскорбленный, я должен буду бежать, опасаясь за свою жизнь, потому что Эммия, вероятно, могла бы сообщить властям обо мне, что я не убил мутанта. Тогда давайте посмотрим – не окажусь ли я добычей полицейских собак? Столкнувшись с ними, я бы сказал – нет. Ну, залезу на дерево, буду говорить оттуда? Фигня.

Однако, в какой-то отдаленный день я мог бы снова посетить Скоар, мужчина в шрамах и с грустным лицом, не склонный упоминать о героическом поступке в далеких войнах – Нуина? Кониката? Почему я не мог бы быть капитаном экспедиции, которая покончила с пиратами островов Код? И в благодарность дружественный народ сделал бы меня губернатором этих благовонных островов...

Хорошо, и как я мог знать в те дни, что острова Код – это несколько глыб, разбросанных в море, на удалении от Нуина, как будто кто-то бросал комья мокрого песка из ведра?

Эммия, которая грустно обвиняла себя все эти годы, могла бы узнать меня, но увы...

Крыса, слонявшаяся по балке над головой, какого-то черта испугалась меня. Я набросил на себя одежду и нащупал в мешке мой талисман удачи. Мне следует найти другую веревку и снова носить его как положено. Я отрежу для него кусок рыболовной лесы, когда доберусь до моей пещеры. Я старался не думать о горне. Мои мокасины я положил в мешок сверху и надел пояс с ножом.

Одеяло Эммии не должно быть найдено здесь кем-либо, кто мог бы сослаться на него как на доказательство, что мы вдвоем провели ночь под ним. Я впихнул его в мешок сверху на мокасины и слез по лестнице. Уходя по-настоящему, я задумался.

Но Эммии не должен быть нанесен ущерб, что могло случиться, если бы одеяло оказалось просто исчезнувшим. Вся долговременная собственность в “Быке и оружии”, казалось, была привязана к мадам Робсон какой-то проклятой мистической нитью. Умеренное количество пищи ты еще можешь украсть, но, допустим, что одеяло или подсвечник, или что-либо подобное ушло с Авраамом и это глубоко ранит душу мадам; она не сможет успокоиться, пока не отыщет причину боли, и самым лучшим из всего этого было бы, если она вовлечет Старого Джона в безумный транс, что у нее обычно и получалось.

Я стоял под окном Эммии, изучая большой плющ. Древний ствол был крепким и сможет выдержать меня. Старый Джон и мадам спали в другой стороне здания. Комнаты, ближайшие к комнате

Эммии, предназначались для гостей; внизу находилась кладовая. Только безрассудный распутник мог бы взобраться туда. Я полез.

Лоза охватила кирпичи десятком тысяч отростков, гнулась и шелестела листвой, но не ломалась. Я перебросил руку через подоконник. Одежло мне пришлось тащить в зубах, оставив мешок в густой тени. Я бросил одежду в комнату, которая была наполнена ароматом Эммии. Мне послышалось тихое посапывание, что должно означать глубокий сон, может, только намек на сон. Она могла проснуться, увидеть мою тень, и закричать на весь дом. В этот миг мой страх принял именно такой облик. Я слез на землю и, дрожа от ужаса, побежал по улице Курин, пока не смог унять дрожь.

Чувствовал себя очень расстроенным и раздраженным, потому что не подошел к ее кровати, но я мог бы придумать множество причин, чтобы не вернуться — т е п е р ь . Они гнали меня вперед — через частокол и на гору. Но я вернусь, утешил я себя, после того, как возвращу на место горы. Я постараюсь удовлетворить ее. Черт возьми, я даже пойду в церковь, если не будет иного способа выпутаться из этого. И (говорит мое другое “я”), возьму ее, наконец.

* * *

Дайон предложил колонистам название острова — Неонархеос. Пожалуй, оно мне нравится. Из греческого языка, ставшего древним и неразговорным уже в Золотом веке. Дайон — один из немногих среди еретиков, кто изучал его, а также латынь. (Церковь напрочь запрещает обществу какой-либо язык, кроме английского — это могло быть колдовство). Он познакомил меня с греческими и латинскими авторами в переводе; отмечу, что они также выглядели очень отдаленными во времена Золотого века, предшествующий которому они называли Железным веком...

Название Дайона для этой местности говорит о чем-то, что я хотел бы назвать — ново-старый. Оно связывает нас, так или иначе, с веком, когда этот остров — и другие, которые должны находиться близко за горизонтом, все различной формы и меньшие, чем они были до того, как поднялся уровень океана, — был португальским владением, что бы это ни означало для него; да, и во времена более отдаленные, когда цивилизация, способная увековечить себя, являлась новшеством на земле, а этот остров был зеленым пятнышком в голубом океане, населенным, также, как и когда мы нашли его, лишь птицами и другими пугливыми зверьками, которые проживают свою жизнь и без мудрости и без злобы.

* * *

Когда я опять взобрался на Северную гору, чтобы возвратить горн, я не видел настоящего восхода солнца, так как к его восходу был у того огромного дерева, где вчера мог бы так легко убить моего урода. Я не торопился: из-за моей неохоты, я чувствовал, будто сам воздух сгустился, становясь препятствием. Мутанта я не очень-то боялся, хотя, когда вошел в заросли, где проходили его пути по виноградной лозе, долго вглядывался вверх, пока мои довольно робкие фантазии не были вытеснены нахлынувшим дурным запахом – запахом волка.

С раздражением я вытащил нож – приходилось остановиться, отвлечься из-за опасности, не связанной с моим замыслом. Запах был прямо по ходу, по отметинам моего вчерашнего пути, находился я неподалеку от тюльпанного дерева. С ножом наготове я и не пытался осторожничать – если волк притаился где-либо в пределах ста ярдов, он точно знал, где я.

Невозможно смотреть прямо в глаза черному волку, даже из-за поперечин над ямой для травли собаками: что-то в нем заставляет отводить взгляд. Однажды, я рассуждал об этом с Дайоном, который заметил, что, возможно, в нем промелькнула частица нашего “я”. Мой дорогой друг, Сэм Лумис, благородная душа, вряд ли найдется еще одна такая, обычно утверждал, что он был зачат разъяренным черным волком во влагалище урагана, таким бессмысленным высказыванием он, может быть, выражал кое-что, не совсем лишенное смысла.

Когда человек слышит в темноте леденящий душу протяжный вой черного волка, его душа напрягается в своих человеческих пределах. Ваша, моя, любого человека. Вы знаете, что не выйдете туда, чтобы охотиться с ним, ссориться из-за кровоточащего мяса, бежать по полуночным просекам с ним и его алмазноглазой подругой, чтобы быть таким же, как он. Но глубоко внутри нас затаялось это желание: оно не уснуло совсем. Все ночи оглашаются невысказанным. Скрыто дремлют в наших мозгах, наших мышцах, нашей секусуальности – все грубые страсти, которые когда-либо кипели. Мы – молния и снежная лавина, огонь и сокрушающий штурм.

В то утро я быстро нашел своего черного волка. Он лежал под виноградной лозой, свисавшей с наружной стороны зарослей шиповника, и он был мертв. Старая волчица – я проткнул ножом огромную сухопарую гущу – длиной в шесть футов от морды до основания щелудивого хвоста. Покрытая рубцами, грязная, с некогда черной шерстью, порыжевшей от гноившихся ранок. Живою, несмотря на ее гнойники, она могла бы, все-таки, загрызть дикого кабана. Но ее шея была сломана.

Приподнимая, подталкивая ножом – я не мог коснуться ее рукой, не вырвав, – я удостоверился, что ее шея была сломана. Сомневайтесь в этом, если вам хочется, ведь вы никогда не видели моего мутанта с Северной горы и его рук. Тело волчицы уже потеряло жесткость, а змейка крошечных желтых, питающихся падалью, муравьев, проложила свою таинственную дорогу к ней, очевидно, она не жила уже несколько часов. Укрытие было слишком заросшим и не позволяло свободно пройти крыльям ворон и ястребов, да и небольшие, питающиеся падалью дикие собаки не прикоснутся к телу черной волчицы. Я немного задел тропу муравьев и тупо смотрел, как они возились, восстанавливая ее. Запекшаяся кровь на камнях, земле, виноградной лозе не была кровью мертвой волчицы – ран нет, только сломанная шея.

Я умею читать знаки. Она устроила засаду на мутанта, когда он был возле лозы. Примятые кусты изодраны; большой валун выдернут из углубления в земле. Вероятно, это произошло вчера, возможно, когда он возвращался с заводи. Он мог потерять бдительность от огорчения, удивляясь, что не превратился в красавца-мужчину.

Или он мог приподнять розоватый камень, обнаружить, что его сокровище исчезло, и в ярости выскоочить из своего убежища, готовый напасть на первое же движущееся существо.

В любом случае я был виноват.

Ее пасть был разинута, зубы сухие. Я заметил, что один из больших клыков в нижней челюсти отломан задолго до ее гибели, остался лишь покерневший пенек в гнойном кармане, что, должно быть, причиняло ей мучительную боль. Думаю, мне прежде никогда не приходило в голову, что черная волчица, как и любое другое чувствующее существо, могла страдать. Другой длинный клык нижней челюсти был коричневым от запекшейся крови.

Я взобрался на тюльпанное дерево. На всем пути виднелись кровавые пятна. Я не думал, что мутант, потерявший так много крови, все еще был жив, но я позвал его: "Я вернулся обратно. Я принес его тебе назад. Я взял его, но принес его обратно". Я поднялся по толстой ветке над его гнездом и заставил себя посмотреть вниз. Желтые муравьи, должно быть, выстроили свою колонну на противоположной стороне ствола и, конечно, я скоро их увижу.

Он был человек. Зная это, задавался вопросом, сколько же в моем школьном обучении было лжи, нагроможденной на обман.

Только я помню его. Вы можете помнить то, что я написал, книгу-рассказ для беседы на досуге. Но когда я пишу об этом сейчас, единственный, кто точно знает о нем ~~умелец~~ Ники и

Дайона, так как я никогда не рассказывал кому-либо другому, кроме еще одного человека, который умер, историю приобретения мною золотого горна.

8

Я вернулся в пещеру на склоне горы, и день для меня был окончен. По правде или нет, добродетельно или порочно, золотой горн оказался моим.

Я вспоминаю получасовое неистовство от сознания, что сам я, рыжеволосый Дэйви, ж и в. Мне приспичило сбросить одежду, щипать, шлепать, разглядывать каждую удивительную часть моих ста пятнадцати фунтов такого чувствительного тела. Я шлепнул ладонью по нагретому солнцем камню, просто от радости, что могу это сделать. Я качался по траве, я побежал по выступу скалы в лес, где смог объясняться в любви к дереву и немного покричать. Я высоко швырнул камень, и засмеялся, когда он упал далеко в листвах.

Я вряд ли поеду в Леваннен на энергичном чалом коне с тремя слугами, и служанки не будут раздвигать колени для меня в каждой гостинице. Но я, все-таки, отправлюсь туда.

В тот день я осмелился немного поучиться играть на горне. Скромность пришла позже: когда я играю в нынешнее время, я знаю, что лишь прикоснулся к древнему искусству, по сравнению с которым самая лучшая музыка наших дней – чириканье воробьев. Но, пока не заболели губы, в тот первый день я учился методом проб и ошибок, как отыскать мелодию, которую я знал еще ребенком. Думаю, "Мелодия Лондондерри" была первой музыкой, которую я знал, ее пела мне дорогая толстая сестра Карнация. Любознательность подгоняла меня дальше обычной усталости. Я нашел мелодию: мой слух подсказал мне, что я играл правильно.

Благодаря большому словарю, я знал, что мой горн – то, что было известно в древнее время как "валторна". Систему клапанов могут ремонтировать современные рабочие – мне немного подремонтирували их в Олд-Сити; сам горн мы совсем не смогли бы точно воспроизвести в этом веке. Я играю на нем уже около четырнадцати лет и иногда задаю себе вопрос, мог бы горнист древнего мира считать меня подающим надежды начинаящим?

Когда я прекратил мои занятия в лесу в тот день, послеобеденное время было почти растрячено. Я приготовил запоздалую еду из не доеденной копченной грудинки и полбуханки овсяного хлеба. Потом я выкопал в земле, довольно далеко от пещеры, гнездо и зарыл там

мешок с горном, обернутым в серый лишайник. Отметил это место только в памяти, так как знал, что вернусь очень скоро. Я собирался уйти из Скоара; это, я теперь чувствовал, было несомненно, как восход солнца. Но в эту ночь я должен вернуться в город.

Я отрезал кусок рыболовной лесы для талисмана удачи, но шнурок грубо тер мою щёку, поэтому я снова положил талисман в мешок вместе с горном. И забыл, что я так поступил – но вам следует запомнить это. Позже, когда это было так важно для моего спасения, я никак не мог вспомнить, положил ли я талисман в мешок или продолжал носить его немного дольше, несмотря на кожное раздражение. Если вы существуете, ваша память, вероятно, обманывала вас таким же образом. Если вы не существуете, почему бы вам не дать мне возможность проанализировать это событие?

Для меня все казалось проще в тот вечер, когда я зарыл горн. Я не фантазировал и не гадал о богатстве при ущербной луне. Я просто хотел Эммию.

Я снова спрятался в кустах возле частокола и снова слышал смену караула – она опоздала – я подполз близко к кольям и продолжал ждать, так как был уверен, что не слышал, как новый часовой проходил по улице своим обычным путем. И, вероятно, я был изнурен больше, чем сознавал, потому что я по-глупому уснул.

Я никогда не сделал бы этого прежде, в таком опасном месте, и не делал с тех пор. Но тогда я уснул. Когда пришел в себя, была ночь с бледным ранним лунным светом на востоке. Теперь у меня не имелось способа разузнать что-то о часовом, пока не услышу его, и ожидать, скучая, другого. С внутренней стороны частокола, вдоль улицы, бродила свинья, высказывая частные замечания своему желудку о низком качестве уличных отбросов. Никто не бросил в нее камнем, как обычно, почти несомненно, делал часовой, чтобы отвлечься от скуки. Мне надоело ждать, я решил рискнуть, и полез.

Часовой дал мне возможность перелезть через стену и опуститься на городской стороне. Потом я услышал его быстрый шаг позади меня, и ударом по голове он меня свалил. Когда я перевернулся, он стал месить мой живот своим дорогим волосатым сапогом.

– Откуда ты, крепостной слуга? – Он узнал об этом по моей серой набедренной повязке: мы были обязаны носить ее, тогда как рабы носили черные, а свободные – белые; только аристократам позволялось носить набедренные повязки любых привлекательных расцветок.

– Я работаю в “Быке и оружии”. Заблудился.

— Неплохо звучит. А тебя никогда не учили говорить “сэр”? — Удичный фонарь, висевший неподалеку, высветил строгое тощее лицо мрачного вида, а это означало, что часовой не будет обращать внимания на все, что бы ты ни говорил, поскольку все давно решил, когда тебя еще и поблизости не было. Он вертел в руках свою дубинку; его сапог причинял мне боль.

— Хорошо, давай посмотрим твой пропуск.

Каждый, кто входил или выходил из Скоара ночью, должен был иметь пропуск с печатью городского совета, если не был одет в форму — то есть, солдатом гарнизона, священником или представителем высшей знати с татуировкой на плече в подтверждение этого. Конечно, свободные люди и низшая знать — (Мистеры, как Старый Джон и тому подобные) — не ходили по дорогам после темноты поодиночке, а только большими вооруженными группами с факелами и побрякушками, чтобы отгонять волка и тигра; таких странствующих групп довольно много — они называются караванами и доставляют городскому совету удовольствие выдавать им пропуска. Однако — о, весной, когда погода установится и ночи станут теплыми и звездными, и маловероятно, чтобы хищные звери приближались к человеческим поселениям, ведь везде легко добыть пищу, парни со своими девками все это время незаметно перелезали через частокол. Пацаны называли это “пугливым совокуплением”. Я никогда не слыхал, чтобы после таких прогулок были убитые или съеденные, но, может, это что-то значит для девушки, если она может вообразить такое, когда лежит с парнем сверху на ней. Все надеялись, что часовые, почти официально, будут смотреть в другую сторону, потому что, как я писал немного раньше, даже церковь допускает, чтобы поощрялось размножение, особенно среди рабочих классов. Июньскими утрами, трава прямо снаружи за частоколом была соответствующе смята и утоптана, как поле битвы, каковым, в известном смысле, оно и было.

— У меня нет пропуска, сэр. Вы знаете почему.

— Не намекай мне об этом. Ты знаешь, что каждый должен иметь пропуск, когда идет война.

— Война? — Я взрослый, поэтому привык к разговорам о возможной войне с Кэтскилом, но уделял этому не больше внимания, чем звону комара.

— Вчера объявили. Каждый знает об этом.

— Только не я, сэр. Заблудился вчера в лесу.

— Хорошо поешь! — сказал он, и мы вернулись к тому, с чего начали. Если войну объявили вчера, неужели Эммия не говорила мне об этом? Может, она говорила, когда я был в бреду.

— Хорошо, итак, что ты делаешь в этом, там, как ты сказал, называется это проклятое место?

— «Бык и оружие», сэр. Дворовый парень. Спросите Мистера Джона Робсона. Мистера. А также члена городского совета.

Я не порицал его за то, что сказанное не произвело на него впечатления. Мистеры идут пара за гроши. Даже эсквайр¹ не имеет престижной татуировки на плече, а эсквайр — это наибольшее, чего мог бы достигнуть Старый Джон. Часовой ногой перекачивал меня со стороны в сторону, причиняя боль и взбалтывая живот.

— Я слыхал, говорят, в Кэтскиле есть много рыжеволосого дермана. Не пройдет. Собираешься прокрасться в город? И упираешься на эту ложь о Мистере, который мне сильно нужен: такой сукин сын, как ты, будет учить меня приличиям, пухающий соплячок, которого унесет сильный ветер. Даже если не врешь, ты должен получить хорошую взбучку. Отведу тебя к капитану, вот что я собираюсь сделать. У него даже этот гомик Мистер Джон, как-там-его, не поможет тебе.

Я обозвал его голозадым сукиным сыном и теперь, когда я вспоминаю об этом, считаю, что нехорошо было произносить такие слова.

— Тогда выдай себя сам, кэтскил. Ты — кэтсильский шпион. Никакой крепостной слуга не собирается говорить об этом проклятому члену городского правительства. Скорее!

Он стал препятствием между мной и Эммией, только и всего, вряд ли чем-то большим. Он приказал мне подняться, но его нога все еще давила на меня. Я схватил ее, рванул, и он полетел, задница оказалась над грудиной.

Часовой недооценил моей силы из-за моих пустяковых размеров и врожденного глуповатого вида. Он ударился медным шлемом о частокол, кость его шеи с треском сломалась, и, когда распростерся на земле, был уже мертв, как бывает с любым человеком.

Никакого пульса на его горле; его голова шлепнулась, когда я тряс его. Я уловил запах смерти — кишечник бедняги опорожнился. Поблизости ни души; лишь густые тени от единственного тусклого уличного фонаря. Звук удара шлема о бревна был негромкий. Я мог бы перелезть обратно через частокол и уйти навсегда, но я сделал совсем не так.

Когда я стоял на коленях, пристально вглядываясь в него, вселенная все еще была наполнена моим жгучим желанием Эммии, которое тащило меня обратно. В этом, казалось, была

¹ Эсквайр — низший дворянский титул.

какая-то связь; когда я смотрел на мертвого часового, мой смычок любви стал твердым, как дурак, как будто часовой был моим соперником. Ну, я не возбужденный перед случкой олень, которому нужно с треском ломать рога, сталкиваясь с другим самцом, чтобы подготовить себя для самки. Не был я и безжалостным. Вспоминаю, я думал, что могли быть другие – жена, дети, друзья, чьи жизни будут потрясены тем, что я сделал. Этот бледно-коричневый предмет, освещенный мерцающим светом, и лежавший возле моего колена, был человеческой рукой с грязными пальцами и старым шрамом в развилке между большим и указательным; может, она могла бы когда-нибудь играть на мандолине. Но она была мертвой; мертвой, как мутант, а я был живой и жаждал Эммию.

Я покинул его, совсем не питая к нему ненависти, а также не очень сильно укоряя себя. Не думал я также, прокрадываясь через город, об оке господнем, созерцающем каждый наш поступок, как твердило мне церковное учение. И я с любопытством думаю об этом, так как тогда я отнюдь не был расположен для каких-либо определенных раздумий.

Никто в то время не находился вне дома, кроме часовых, нескольких бездельников и пьяниц, да пятидесятицентовых проституток, всех их я мог избежать. В более респектабельном районе, где находился “Бык и оружие”, активности проституток не наблюдалось. Свет в гостинице горел только в баре; я уловил монотонный голос Старого Джона, что-то говорившего какому-то вежливому посетителю, который, вероятно, хотел идти спать. Луна стояла довольно высоко. Я видел ее слабые промежуточные блески на листьях плюща. Я взбирался мягко, легко и уверенно перелез через подоконник.

При лунном свете я видел слабые очертания: стула, части угловатого темного предмета, вероятно, стола, и тусклое движение рядом – ну, это был я сам, мое изображение в стенном зеркале у окна. Я наблюдал, как изображение сняло рубашку и набедренную повязку, положило на них пояс с ножом, и стояло обнаженное, словно напрочь прикрепленное своим спокойствием. Потом Эммия зашевелилась, бормоча сквозь сон, и я подошел к ней.

Моя тень закрывала ее от луны. Когда я двинулся, то обнаружил ее при лунном свете; вероятно, она излучала тепло в темноте, ее теплому телу понравилось прикосновение, когда я нагнулся над ней и моя рука коснулась нежной шелковистой кожи. Она лежала на боку, спиной ко мне. Откинутая простирая покрывала ее талию, потому что этой ночью было душно, как в чудесное летнее время.

Пальцами я нежно отодвинул простыню дальше, едва коснувшись выпуклости ее бедра. Так же легко прикоснулся к темной массе ее волос на подушке, к неясным очертаниям шеи и плеча, и удивился, как она могла спать, когда мое непослушное сердце так часто и тяжело колотилось. Я лег на кровати.

— Эммия, это просто я, Дэйви. Я хочу тебя. — Моя рука блуждала, удивляя меня, так как мое самое пылкое воображение никогда не могло бы подсказать мне, как мягка девичья кожа под пальцами любовника. — Не пугайся, Эммия — не поднимай никакого шума — это Дэйви. — Я не почувствовал пробуждения, только ее теплое тело повернулось к моему бедру, потом я ощутил пожатие ее руки, которое сообщило мне, что она не рассердилась и не испугалась. Позднее я задавал себе вопрос, могла ли она не просыпаться все это время, притворялась ли спящей, чтобы поиграть или посмотреть, что я буду делать. Теперь она уставилась на меня с подушки и прошептала:

— Дэйви, ты такой нехороший парень, не-хо-ро-ший — ну, о, почему ты опять ушел сегодня? На весь день! Такой дикий и словно безумный, что мне с тобой делать, в конце концов? — спокойная, тихая речь, как будто ничего особенного не происходило с нами двумя, лежавшими совершенно голыми на ее кровати среди ночи, пальцы моей руки гладили ее левую грудь, а затем рука двинулась ниже, так смело, насколько вам нравится, а она улыбалась.

Да, и так много для вчерашних упоминаний о добродетели и “не-должен-целовать-меня-снова”. Она лежала, словно опавшие, долго державшиеся листья дуба, когда весенние ветры теряют терпение, так как я теперь целовал ее уверенно, смакуя прелестное тепло ее губ и языка, покусывал ее шею и говорил, что есть правильный путь и ложный путь и на этот раз мы, черт возьми, находимся на правильном пути, потому что я собираюсь войти в нее, несмотря ни на что — эй, ухнем! — и она захныкала:

— Ай, нет! — так, что не могло означать ничего кроме: “Какой черт остановит тебя?” — и отвернула от меня поясницу, только чтобы напомнить, что я должен применить чуточку усилий в этой игре.

Я также был вынужден сказать:

— Эммия, я в самом деле ушел, чтобы сделать что-то трудное и честное — и сделал там все, что смог, только есть такое, о чем я не могу рассказать тебе, никогда, милая. И я должен убежать.

— Нет. — Я не знаю, действительно ли она слышала что-либо, кроме “милая”. Я снова говорил ей на ухо, целовал забавный кончик ее груди, а потом — ее рот.

— Ох, как плохо, Дэйви! Как плохо! — Теперь ее пальцы требовательно блуждали, как и мои, и мои нашли маленькую тропическую топь, куда я вскоре погрузился.

— Милай мой! — задыхаясь, выговорила она. — Тигр двуногий. Я не позволю тебе убежать от меня, двуногий тигр, не позволю.

— Не от тебя.

— Ты теперь настоящий мужчина, Дэйви. Ох!

Я очень хотел признаться, что люблю ее, или что-то в этом роде, но потерял дар речи, так как лежал на ней и неуклюже искал, постигая впервые имитацию насилия, когда любящее сердце не может позволить себе выйти за пределы нежности. Она, которая, вероятно, всегда понимала это, немного противилась мне, что вынудило меня прижать ее снизу, преодолеть сопротивление, пока, вскоре, после упорной борьбы, мы не сплелись в объятиях так, что наши губы были слиты, где бы наши рты ни встречались, соприкасаясь в борьбе. Тогда, больше уже не сопротивляясь, она помогла мне руками и направила для толчка вслепую, после чего я попал внутрь.

И лишь теперь я смог оценить ее искусность, когда она лежала, плотно сцепившись со мной, и стонала: “Дэйви, Дэйви, ты убиваешь меня, я умираю, мой господин, моя любовь, ты чертовски огромный прекрасный двуногий тигр — сильней, о, сильней!” — но все время тихим голосом, без выкриков, помня о нашей безопасности, даже, когда мир для меня взорвался раздужным огнем. Итак, сейчас, годы спустя, я совершенно уверен, что тогда, при первом объятии, я не мог полностью удовлетворить ее. Эммия обладала добротой. В тот первый раз она действовала отчасти из доброты, притворившись достаточно хорошо, чтобы неопытный парень мог быть счастливым и гордым, императором ее скрытого места, князем любви.

Неверно говорить, что это было впервые для меня. Первой у меня была Кэрон, которая понимала, в какую игру играют взрослые, и мы играли в нее по-ребячески глупо, может, лучше, чем большинство перепихивающихся малышей, потому что вели себя не по-детски, и, действительно, честно, нежно любили друг друга, как супруги. Но ведь можно сойтись впервые с другим, как если бы прошлое было отброшено, и ты, как девственник, входишь в сад, такой новый, что все цветы, сорванные в прошлом, кажется, принадлежат юным годам, меньшим страстям. Это, конечно же, не могло бы быть справедливо для мужчин, занятых жалким перебеганием от одной к следующей, никогда не оставаясь достаточно долго с женщиной, чтобы узнать еще что-либо, кроме того,

что – какая неожиданность! – ее тело устроено таким же образом, как и у последней. Так же это не могло бы быть справедливым для женщин, коллекционирующих скальпы. Но это верно для любого, для кого (и для меня тоже), женщины – люди и, вероятно, справедливо для женщины, которая может видеть в лежащем рядом с ней – друга и личность, а не просто насильника или заменителя ребенка, или фаллос с ногами.

Эммия погладила меня по голове.

- Тебе не следует убегать.
- Не от тебя, – повторил я.
- Тогда успокойся.

Я искал ясность мысли, которая приходит после окончания лихорадки. Действительность отдалась, однако становилась отчетливей в отдельных деталях. Мертвый часовой у частокола, блеск моего золотого горна, мутант, ставший пищей для желтых муравьев – все отчетливо светилось, крошечное, безупречное, словно предметы, видимые при солнечном свете через дно стакана. В этом же видении я мог найти присутствие самой Эммии, этой бочки меда с большими бедрами, глубокой, как колодец, и мелкой, как рябь на реке, которую я теперь любил, не имея на нее прав.

Она прошептала:

– Я знаю, почему ты так внезапно стал сильным любовником. Нашел себе лесную девушку в дикой местности, одну из, ты знаешь, маленьких эльфов, привлекательнее меня, и она зачаровала тебя таким образом, что ни одна девушка не может сказать тебе “нет”.

– Ну, дева-эльф взглянула на меня и сказала: “деръмо”

– Нет... я кое-что знаю о тебе. Когда-нибудь я расскажу, как я узнала, что ты встречался с девой-эльфом. – Эммия рассмеялась от этой фантазии, тоже почти не веря в нее, ведь эльфы и тому подобное так же реальны для населения Мохи, как и колдовство, и астрология, и церковь. – Нет, откровенно признайся, двуногий тигр, и скажи мне, что она с тобой сделала. Накормила моего мальчика одним из тех больших стрельчатых грибов, которые выглядят сам-знаешь-как?

– Нет. Это старая ведьма, ужасно вонючая.

– Не говори такого, Дэйви! Я просто дурачилась.

– Я тоже. Хорошо, скажи, откуда ты знаешь.

– Итак, что ты сделаешь для меня, если я скажу? Я знаю – почеши мне спинку – о, ниже – хорошо, очень хорошо – еще... Хорошо, вот откуда я знаю: что случилось с твоим талисманом удачи?

Меня будто обухом в лоб ударили. Я сидел вытянувшись, безумно испуганный. Я помнил, что отрезал лесу, привязал к ней талисман и так носил. И не прикасался к нему с тех пор – или прика-

сался?.. Этого я не помнил и не мог вспомнить... Может, он отвя-
зался, когда я взбирался на плоск? – невозможно: я лез вверх, словно
медленная струйка дыма. Тогда, частокол? – Нет. Я перелезал
через него также очень осторожно; кроме того, бревна были так
подогнаны, что, взбирайся, нужно было вставлять пальцы в расще-
лины, и пальцы ног тоже, влезаешь, изогнувшись всем телом; моя
грудь вряд ли могла прикоснуться к кольям. Но когда часовой дал
мне затрецину, я упал лицом вниз и перевернулся, а его сапог опус-
тился мне на живот. Мой талисман, должно быть, оторвался, когда
тот грубо обращался со мной, а я слишком обезумел, чтобы заме-
тить это. Вскоре я уже не мог поверить ни во что другое.

– Дэйви, любимый, что я сказала? Я просто...

– Не ты, милая. Мне придется убежать.

– Скажи мне. – Она попыталась притянуть меня снова к се-
бе, считая само собой разумеющимся, что моя обеспокоенность
была только мальчишеским волнением, чем-то, что мог бы вы-
лечить поцелуй.

Я рассказал ей.

– Итак, он должен быть где-то там, на виду. Мог бы с таким
же успехом остаться, чтобы сказать им, что это сделал я.

– О, Дэйви! Но, может, он...

– Сукин сын мертв, как бревно. – До этого момента я, должно
быть, думал, что мог бы выбирать – бежать или не бежать; теперь
был уверен, что выбор в том – бежать или быть повешенным. Рано
или поздно, полицейские узнают, на чьей шее висел талисман...

– Эммия, знает ли твой пapa, что я уходил сегодня?

– О, Дэйви, я не могла покрыть тебя сегодня – я не знала, что ты
ушел. Да, Джадд хотел, чтобы ты вывел мулов и вспахал грядку для
овощей – и обнаружил, что ты ушел – и пошел к моему папе, а он
сказал – мой пapa сказал, что тебе лучше иметь настоящую прекрас-
ную развлекательную кучу... ну... я подразумеваю, что он сказал...

– Просто скажи мне.

– Я не могу. Он не имел это в виду, он просто разошелся...

– Просто скажи, Эммия.

– Сказал, что отдаст тебя городскому совету.

– Да. Чтобы поработить меня.

– Дэйви, любимый, он просто разошелся...

– Он имел это в виду.

– Нет! – Но я знал, что он имел в виду именно это. Я испыты-
вал его терпение слишком долго. Объявить крепостного слугу
рабом за плохое поведение было слишком серьезно, даже если
Старый Джон сболтнул об этом.

– Послушай, Дэйви, они не узнают, что талисман был твоим, не так ли?

– Они обнаружат. – Я слез с кровати и торопливо одевался. Она подошла ко мне, теперь встревоженная и плачущая.

– Эммия, действительно ли началась война?

– Я же говорила тебе об этом прошлой ночью!

– Вероятно, когда я был в бреду.

– Ты, бестолковый, будешь ли ты когда-нибудь слушать меня?

– Расскажи мне снова... нет, не надо. Я должен идти.

– О, этот город, далеко на западе – Сенека – кэтскильцы подошли и захватили его, а потом объявили войну, это ужасно. Наш полк направляется в Скоар, чтобы они не попытались сделать то же самое здесь – но я расскажу тебе все об этом.

Может быть, и рассказывала.

– Эммия, я должен уходить.

– О, Дэйви, все это время мы были... не уходи! – Она вцепилась в меня, обливаясь слезами. – Я спрячу тебя. – Она не думала, что говорила, – понимаешь, они никогда не будут искать тебя здесь.

– Обыщут всю гостиницу, каждую комнату.

– Тогда возьми меня с собой. О, ты должен взять! Я очень не хочу оставаться здесь, Дэйви. Здесь отвратительно.

– Помилуй Авраам, говоритише!

– Мне опротивело здесь. Дома! – Она вся дрожала. Она отвернула голову и плюнула на пол, яростная девочка. – Это не дом! Возьми меня с собой, Дэйви!

– Я не могу. Дикая местность...

– Дэйви, посмотри на меня! – Она ступила в лунный свет, волосы всклокочены, груди вздымаются. – Посмотри! Не вся ли я твоя?.. все это и это! Не отдала ли я тебе все? – Нет, я никогда не смогу понять, как люди могут говорить о любви, как будто это осязаемая вещь, с которой можно делать что угодно – рубить, резать ломтями, измерять. – Дэйви, не оставляй меня! Я буду делать все, что ты захочешь... охотиться... красть...

Она не смогла бы даже взобраться на частокол.

– Эммия, я буду спать на деревьях. Бандиты... как я смог бы отбиваться от шайки этих ничтожеств? Они распластали бы тебя совсем на нет. Тигр. Черный волк. Мутант.

– М... м...

– В дикой местности, да, и не спрашивай меня, откуда я знаю, но эти рассказы достоверны. Я не смог бы заботиться о тебе там, Эммия.

— Ты хочешь сказать, что не желаешь меня. — Я прицепил пояс с ножом. — Ты вряд ли обеспокоен, не сделал ли ты мне ребенка, мужчины все одинаковы, говорит мама — всегда чего-то добивается, но, всунет туда, а потом уходит. Я презираю тебя, Дэйви, я, действительно, презираю тебя.

— Тише!

— И не собираюсь, я ненавижу тебя... пошел ты... думал, что был первым или что-то в этом роде? Прекрасно, теперь на - зы в ай меня б...!

— Тише, дорогая, тише! Услышат!

— Я ненавижу твой жалкий похотливый инструмент... ты грязный развратник, слуга... такой гордый своей глупой противной игрушкой, а потом, все, что ты способен делать — это убежать, будь ты проклят...

Я закрыл ее рот своим, чувствуя ее потребность в этом, и припер спиной к стене. Она вцепилась мне в волосы, нож раздражал, так как висел между нами, но мы снова слились в любовном объятии, я глубоко вошел в нее, и не очень беспокоился, если сделал ей немного больно. В ответ она будто хотела поглотить меня целиком. По счастливой случайности мой рот все еще закрывал ее, когда ей захотелось крикнуть. Позже, выдохшийся и в отчаянии, что надо уходить, я сказал:

— Я вернусь к тебе, когда смогу. Я люблю тебя, Эммия.

— Да, Дэйви, милый, когда ты сможешь, когда будет безопасно для тебя, мой дорогой. — И в ее голосе я услышал прежде всего облегчение. В обоих наших голосах. — Я буду ждать тебя, — сказала она, веря в это. — Я всегда буду любить тебя, — сказала она, веря в это, что представлялось истиной в тот миг.

— Я вернусь.

Мне было бы интересно знать, как скоро она поняла, что мы оба лгали, главным образом, из-за приличия. Может, она осознала это, как только я слез по лозе площа. Ее лицо, словно поблекшая луна, исчезло из окна, прежде чем я свернул за поворот улицы. Ничто в жизни никогда не притягивало меня с такой чудесной силой, как неизвестная дорога, лежащая передо мной в темноте.

9

Сгущавшийся туман превращал лунный свет в молочную белизну. Проходя мимо позорного столба на лужайке, я произнес вполголоса: «Я поимел ее дважды, один раз в кровати и один раз у

стены". Удивительно, как будто никто никогда не имел женщину прежде. В самом деле, негромкий звук моего голоса испугал меня, и я продолжал путь вдоль пустынной улицы осторожнее, словно кот, возвращающийся с маслобойни с грузом в трюме, держа нос по ветру. Но я все еще чувствовал гордость и испытывал также непривычную благожелательность ко всему огромному богатому миру и к каждому в нем, кроме, может быть, отца Кланса.

Проходя мимо ямы для травли зверей, я слышал рычание медведя, которого скоро будут травить во время Весеннего Фестиваля, – странно, как человеческие существа зачастую празднуют приход хорошей погоды, причиняя боль другим. Я не мог сделать для медведя ничего хорошего, но, думаю, он сделал это для меня, напомнив мне, что следует чуточку сузить мою всеобъемлющую любовь ко всем людям, которые, если бы меня схватили, избивали бы так же усердно, как будут обходитьсь с ним. Я продолжал путь, снова настороже, к черному переулку, который выведет меня к месту, где остался лежать мертвый часовой.

Я нащупывал путь в темноте. Безжизненное тело скользнуло под моей ногой. Собака, поросенок, кот – гильдия мусорщиков избавлялась от чего бы то ни было, как только это начинало раздражать полицейских. В более поздние годы, когда я жил с Ники в нуниском Олд-Сити, где беднейшие улицы содержались в чистоте, я разозлился бы от этого. Но я родился и вырос в Скоаре: в Мохе люди, ниже аристократии, не выставляли напоказ свой образ жизни, привирая, что грязь и упадок не дают возрастать налогам – хотя не думаю, что сборщик налогов, где бы он ни жил, не смог бы увидеть, через шестифутовую кучу мусора, слабое мерцание спрятанной десятицентовой монеты. Когда моя нога поскользнулась, я просто проворчал: "Ах, зовите плакальщиков!"

В Скоаре эта поговорка так вошла в обиход, что ее вряд ли посчитали бы шуткой. Гильдия плакальщиков – это основное занятие в Мохе, группа профессиональных певцов и плакальщиков, которые окружают семью, где родился мутант, и издают священный рев. Рабыня, с которой старый Джадд должен был жить, родила мутанта – безглазое, покрытое пятнами существо – я видел, как его выносили, завернутым в тряпку. Кошачий концерт, требуемый по закону, продолжался два дня. Как правило, он длится пять дней для семьи свободного человека, от восьми до десяти – для высшей знати... и никто, не взирая на голубизну его крови, не мог избавиться от празднества дольше, чем просто довольно надолго пойти в уборную и вернуться. Это делается с целью умиротворить дух мутанта, после того, как свидетник

избавится от тела, и напомнить оставшимся в живых, что мы все несчастные грешники, вконец испорченные, по мнению бога. Это называется запланированным благоговением.

Гильдию можно было нанять для обыкновенных похорон, но для этого установлены твердые расценки. При рождении мутанта в Мохе семья была обязана заплатить гильдии только номинальную плату, не превышавшую седьмой части годового заработка, плюс примерно такое же количество за гроб, который соседи посчитают соответствующим положению. Для рабов, подобных Джадду, город сам оплачивал расходы на гильдию и на изящный липовый гроб, приписывая это доброй воле общинны, одной из щедрот, что было предметом особой гордости гражданина Мохи.

В конце переулка я увидел мерцание факела возле частокола, искаженного в тумане, и услышал голоса. Они нашли его.

Полицейские, мягко говоря. Я предположил, что они также нашли и мой талисман удачи – удачу, черт подери. Я ускользнул другим путем, пока кривая Частокольная улица не загородила их факел; тогда я подошел к частоколу и, изгибаясь, перелез через него. Незнакомый с этим участком частокола, я с треском упал в кусты. Вероятно, собаки услышали бы шум, однако полицейские не имели при себе ни одной.

В горном лесу кричала ушастая сова, предвещая смерть и голод. Я услышал рев огромного аллигатора в болоте, которое простиралось на несколько акров¹ к востоку от города, старый Громовержец был полезен так же, как и медведь, напомнив мне, что хорошо было бы пройти по воде, чтобы запутать полицейских собак. Днем их пустят повсюду за частоколом, возле места, где погиб часовей, чтобы они взяли след, и они могли бы последовать за мной до самой пещеры. Я должен забрать мой горн и уйти задолго до их прихода.

Между Скоаром и пещерой протекал быстрый ручеек. Наверное, он не убьет запах; направляясь из города, я просто переступал через него. Чтобы запутать собак, утром я должен найти что-то получше, за пределами пещеры. Но этой ночью ручей мог бы частично помочь мне. Он протекал за частоколом, возле места, где я теперь стоял, а отсюда поворачивал к болоту аллигатора. Я мог бы пройти вверх по его течению до ивы, которую знал и мог заметить в темноте, и до рассвета оказаться очень далеко от города.

Медленно вышел я из кустов и пересек покрытый травой участок. Туман усиливал угнетенность медленного бега: десять

¹ Акр – мера площади, около 0,4 га.

минут ходьбы казались тысячей лет; я услышал монотонный шум текущей воды, когда уже потерял надежду найти ручей. Большие лягушки, невидимые в темноте, то и дело плюхались в воду.

Медленно продвигаясь вверх по течению, я мысленно представил себе все опасности, подстерегавшие меня. В мелком горном ручье нет аллигаторов, но там могли быть мокасиновые змеи¹. Мог также поскользнуться и размозжить себе голову. Черный волк, учуяв мой запах, мог схватить меня, прежде чем я вытащу нож. Рой комаров, конечно же, нашел меня сразу.

Со временем сова перестала кричать, а аллигатор в болоте, должно быть, поймал то, что хотел, так как я перестал его слышать. Когда, наконец, я больше не видел в тумане надо мной молочной белизны лунного света, я понял, что оказался под прикрытием леса, куда лунный свет попадает редко. Туман все еще был густой: я вдыхал его и ощущал влагу на теле. Еще через продолжительное время мои пальцы, постоянно вытянутые для исследования пути, коснулись листьев ивы. Я нащупывал ивовые прутики к небольшим веткам, к более крупным, наконец, встретил ветку, форму которой я помнил. Тогда я начал взбираться, понимая, что дерево – друг. Высоко вверху я снял набедренную повязку, обернул ее вокруг ствола и завязал узлом на диафрагме, что было чертовски удобно. Рыжий тигр слишком тяжел, чтобы взобраться на иву.

Я видел его несколько раз в жизни, но, закрыв глаза, могу восстановить его образ в любое время: огромное рыжевато-коричневое тело с темно-золотистыми полосами, длиной пятнадцать футов от носа до кончика хвоста, лапы шириной в сиденье стула, и глаза, отражающие огненный свет – не зеленый, а красный.

В отрывке из книги Джона Барта упоминается маньяк с безумным взором, который – когда угроза последней войны древнего мира была в последней стадии – посещал зоопарки в нескольких городах и ночью освобождал зверей, выбирая только наиболее опасных: кобр, африканского буйвола, маньчжурских тигров. Он иногда убивал ночного сторожа или дежурного в зоопарке, чтобы украсть ключи и, в конце концов, сам был убит, пишет Барт, гориллой, которую он освобождал. Видно, он, чувствовал, что отплачивает человеческой расе за то да сё. Вероятно, никакой зверь не питает такой сильной ненависти к нам, как разъяренные члены общества, близкие к нам по происхождению.

¹ Мокасиновая змея – большая ядовитая змея коричневого цвета. Водится в реках и болотах юго-востока США.

Люди ненавидят и не любят черного волка, который, несмотря на страшную силу и хитрость, имеет примесь воровства и трусливости. Но никогда я не слыхал, чтобы кто-либо упоминал о своей ненависти или отвращении к рыжему тигру, хотя, когда я был с бродячими комедиантами Рамли, я слыхал о тайном культе почитающих его людей. Папа Рамли представил меня одному из них в Коникате – дружелюбному знахарю, который позволил мне послушать одну из их второстепенных служб. Они поглязли в алхимии, но, очевидно, не в колдовстве, и готовят нечто вроде любовного напитка для своих оргий, который, говорят, действует, хотя я никогда не видел, как. Могущественный тот – так начиналось их вызвание – кто ходит по ночам, словно дымка, он истинно могущественный, золотистый, и действует из самых лучших побуждений, милосердный и всепрощающий Огненный Глаз! Было чертовски впечатляюще слушать людей, молящихся существу, которое действительно существует: я получил удовольствие от этого и был согласен не обращать внимания на несколько оборотов речи, которые, я чувствовал, были слегка неточными.

На моей иве комары догрызали меня, к чертям собачьим...

Вы не против, чтобы я еще немного порассуждал? Мысль о комарах только что пробудила мою память о жарком солнечном дне, несколько лет назад, в сосновом лесопарке, примыкающем к Олд-Сити, когда мы с Ники вели спор. Она сказала, что комары храбры, иначе не возвращались бы, под ударами, просто для глотка крови. Я сказал, что они глупы, так как, когда уже ясно, что удар приближается, они задерживаются еще для одного глотка, а потом становятся слишком слабыми, чтобы наслаждаться им. Они задерживаются, потому что рискуют ради славы, сказала она. Глупы, сказал я, иначе носили бы броню поверх мягких мест, подобно жукам, но они ничего не носят, и, чтобы показать ей, что я имел в виду под мягким местом, я укусил ее туда и сюда. Повалив меня на землю и колотя моей головой по сосновым иголкам, она спросила меня, имел ли я в виду, что это похотливое комарье страстно желает наготы? Я перекатился на нее. Посмотри на них, сказал я. Потом она почувствовала, что мне придется снять с нее одежду – всего лишь с нравственной целью доказать им, как страшно быть голым, как клоп, и я думал, что она лучше сделала бы то же самое для меня, потому что мы не хотели, чтобы ей было страшно в одиночку, если возникли бы непредвиденные обстоятельства. Она также принималась шлепать комаров, которые кусали меня, всякий раз, когда я был занят тем, что помогал ей устрашать их, а я принимался шлепать комаров на ней, что интересно само по себе. Мы договори-

лись, в дальнейшем подсчитывать шлепки и, таким образом, определить, кто из нас издавал более богатый аромат, по мнению этих насекомых. Для того, чтобы раздеться, мы без всякой задней мысли гонялись друг за другом вокруг деревьев и по скальной породе и долго качались по земле, что требует времени, и, поэтому забыли о первоначальной причине спора, но мы считали, что аромат мог быть, так или иначе, таким же хорошим. Когда мы лежали лицом к лицу, занятые тем или иным делом, я вспомнил начало спора, и то, что произошло тогда, доказало, что комары глупы: они почувствовали, что время оказалось благоприятным для безнаказанных укусов, а это, само по себе, было, по их мнению, понятно, но они никак не могли усвоить, что у каждого из нас имелась незанятая рука, чтобы шлепнуть комара.

Конечно, Ники невозможно победить в любой научной дискуссии на высоком уровне. Она сказала, маленькая проказница, что эти комары погибли из-за героического велиодушия и преданности, ибо они видели, как много удовольствия мы получали, шлепая друг друга, и, поэтому, они отдавали свою жизнь из альтруистических побуждений. Эта разновидность добродой воли, заметила она, является признаком огромного мужества, которое приходит с повышением интеллекта. Вспомни Карла Великого, сказала она, или кого-то из тех других чудес девяностого дня¹ древнего мира, как св. Георгий с его излюбленным вишневым деревом, или бедный Юлиус Цезарь, разделивший свою Галлию² на три части, таким образом, чтобы не обидеть друзей – римлян, крестьян и других типов и т.д.

Прежде чем я уснул на этой иве, мой разум был обеспокоен еще одной мыслью – это можно было представить проблеском огня, увиденного, как зарево над отдаленной тучей. Война. Понимание этого теперь вторглось в меня, так что я мог пребывать лишь в относительной безопасности, ведь кэтская война стала фактом, чем-то мрачным и свершившимся.

Люди говорят, что войны будут всегда; они не говорят – почему. Конечно, как ребенок, я мог понимать, как величественно погибнуть со славой, перед тем бросаясь вокруг, раскалывая головы и выпуская кишки из злобных людей, которые случайно оказались Врагами. Армия, которую представляли солдаты гарнизона Скоара, была не

¹ Чудо девяностого дня – то, что привлекает внимание на несколько дней, а потом забывается.

² Цезарь считал, что Галлия делилась на 3 региона: Кельтская Галлия, Бельгийская Галлия и Аквитания.

совсем славной, что могло породить у меня ранние сомнения. Воины выпускали проходить через город небольшими группами; даже приютские священники, со всем их могуществом и властью стоящей за ними церкви, обычно вздрагивали и волновались, когда пьяная солдатня, горланя, проходила по улице, выкрикивая непристойности, мочась, где им заблагорассудится, занимаясь насилием или ввязываясь в драки. Полицейские старались поддерживать с ними хорошие отношения, направляя, как можно быстрее, в дешевые бары и публичные дома, а затем загоняя обратно в казармы... Слыхал я также и о моряках, но никогда не видел чего-либо, что уменьшало их славу. Аутригерные флоты – рассказывали – были вооружены встроенными арбалетами, огнеметными машинами, а их капитаны имели обыкновение умирать на палубе со словами бессмертной храбрости. Флоты выдерживали основную тяжесть войны шестьдесят лет назад, когда, как излагают наши моханские учителя-священники, Моха неохотно признала независимость Леваннона. Неохотно признала – о, мои благословенные ягодицы! – у Мохи был вырван лакомый кусочек, а цепкое удерживание местности Леваннона, наверное, похоже на фермера, направляющегося на запад и пытающегося удержать быка, стремящегося на восток.

Это было выше моего понимания в те годы; теперь-то понимаю, как Святая Мэрканская церковь действовала в качестве империи во время войны. Будучи приверженной политике доброты, основанной на любви (конечно, в пределах разумного), церковь не принимала никакого участия в войне, кроме предоставления капелланов для вооруженных сил и создания молитвы военного типа, которая временами налагает небольшие ограничения на монотеизм. Однако верхушка церковной и государственной иерархии, вероятно, следит за кулисами и выжидает удобного момента, когда обе стороны достаточно истощаются, чтобы вести переговоры. Когда приходит время, церковь будет наблюдать, изучать и предлагать договор и одобрять его, если он не будет откровенно свинским. Ведь, в конце концов, государства не просто большие демократии, но и мэрканские демократии – то есть, единые в вере, хотя и не в политике. Церковь любит называть себя материнской, наслаждаясь ролью арбитра в юбке в грязных, кровавых перебранках своих детей (которые не она порождает, но это не имеет значения), и, полагаю, что она может действительно претендовать на роль спасительницы и защитницы современной цивилизации, такой, какова она есть¹.

¹ Согласно знаменитому разделу "Доктрины Необходимого Зла", война есть периодический выход "естественной" жестокости человека, не-

С тех пор я узнал так много – от доброй строгой мадам Лоры из труппы бродячих комедиантов Рамли, которая основательно научила меня чтению и письму, а более всего от Ники и других в те годы, когда мы с ней были помощниками Дайона в его попытке как регента Нуина ввести какое-то просвещение для духовно непросвещенных современников – намного больше, чем я когда-либо узнал в детстве, так что сейчас трудно отделить, что я знал тогда, от более поздних знаний. Это было в моем отрочестве, в таверне, где я услышал, как старик-путешественник описывал разграбление Нассы в Леваноне, городе, известном как греховный рассадник ереси, в войне, которую Леванон вел против Бершара вскоре после получения независимости от Мохи. Баршарские горцы осаждали город в течение пятидесяти дней. По утверждению рассказчика, в этом случае церковь почти открыто поддерживала одну из сторон, поощряя набожные общины в других странах посыпать Бершару материальную поддержку. Это вызвало определенное недовольство среди еретиков во многих местах. Когда, наконец, Насса сдалась, оставшихся в живых разоружили, оставили без присмотра и охотились на них как на лесных сурков или крыс, а затем весь город был превращен в пылающий факел – “во славу божию”, как выразился командир бершарцев. Его замечание было непопулярным, особенно в Низменных странах, где помочь Бершару привела к повышению налогов. Церковных сановников сильно шокировало такое “неправильное истолкование” позиции церкви, а князь-кардинал Ломеды был вынужден выйти на ступеньки кафедрального собора и выдерживать столкновение с народом до того, как роптившую толпу оттеснили и рассеяли.

Когда сама война закончилась, договор обуславливал, что Насса никогда не должна быть восстановлена, и Леванону пришлось согласиться: этого никогда не будет. Наш путешественник не мог вспомнить, в каком году велась война, но он сказал, что там, где некогда располагалась Насса, выросли сосны высотой сверх двадцати футов. И он добавил, что город Нью-

избежной до второго пришествия Авраама; таким образом, обязанность церкви является позволять “в ограниченном количестве” жестокость под должным наблюдением. Интересно отметить, что эта идея о неизбежности насилия была давно известна в древнем мире – нельзя сказать, что она устарела – и защитники этой идеи были способны тогда, как и теперь, пересмотреть историю некоторых стран, многие поколения которых прожили без войны, но ничего не говорят о многочисленных частных лицах, которые отвергают насилие в пользу разума и милосердия.

Дайон М.М.

Насса, в нескольких милях от простого военного монумента среди сосен, стал намного сильнее в военном, а также в экономическом отношении – лучше контролировал восточную дорогу... Конечно, в шутку, Старый Джон спросил его: "Не были ли вы, сэр, одним из тех ужасных еретиков?" Путешественник посмотрел на него долгим немигающим взглядом, словно древняя черепаха, а потом, не ответив, слегка рассмеялся из вежливости.

Эммия говорила, что для защиты Скоара направляется полк. Они пройдут по северо-восточной дороге – ведь нет никакой другой дороги, кроме западной, а она может быть занятой, если уже начались сражения в районе Сенеки. Это не будет иметь значения для меня, думал я, так как я, в любом случае, намеревался избегать дорог, пока не окажусь далеко от Скоара. Моя обеспокоенность утихла от недостатка горючего материала, и я постепенно погрузился в некоторое подобие сна.

Когда темнота стала медленно отступать, я проснулся, вырванный от горячих объятий с девушкой, которая не была Кэрон, а чуть больше и старше. Не могу сейчас воскресить в памяти многих подробностей о ней, за исключением красного цветка сзади в ее темных волосах, которые щекотали мой нос. Она пела; я нашептывал ей, чтобы она лучше не пела, лучше мы ничем не будем заниматься, пока отец Милсом не скроется из вида на другой стороне частокола. Я проснулся, мои бедра не сжимали ничего, кроме ветки. Я жаждал ее увидеть, но никогда не увижу ее снова. Они не возвращаются. Дайон отмечает, что, пожалуй, хорошо, что они не возвращаются – ведь, если бы мы надеялись досмотреть неоконченные сны, мы всегда бы спали, а кто же тогда будет готовить завтрак?

Скоар был для меня фактически всем в мои четырнадцать – (даже Кэрон, даже сестра Карнация) – мне казалось в этот миг пробуждения, что он звучал всеми этими голосами за моей спиной, все больше отдаляясь по дороге, которой я мог только лишь идти вперед.

Туман стал серым вихрем, сменившим ночь; я увидел очертания ивовых ветвей у самых моих глаз. Я слез с дерева, окунувшись в эту расплывчато-молочную, сбивающую с толку муть и поспешил на гору, голодный, не так уж и отдохнувший, но с ясной головой. Полицейские не захотят топтаться в этой болтушке, поэтому я старался идти, хотя туман замедлял движение. Через полчаса, изголодавшись, я прибыл к пещере. Тратить времени на охоту я не мог. Туман стал рассеиваться под воздействием невидимого солнца.

Сначала я выкопал мои деньги – всего пятнадцать долларов, они должны пригодиться, как только я приду в како-либо место, где

деньги имеют значение. Когда солнце пробилось сквозь туман и стало обрамлять листья мокрым дрожащим золотом, я держал на ладони блестящий доллар, который дала мне Эммия: он оказался не таким уж блестящим. После того, как я бросил его к другим монетам, я вряд ли смог бы отличить его от остальных. Потом я достал мешок с золотым горном – и, конечно, мой талисман удачи. Возможно, я знал все это время, что он был там, однако нуждался в какой-то непреодолимой причине, чтобы убежать – от Эммии? из Скоара? от самого своего отрочества, ибо должен покончить с ним?

Простодушная дикая курочка пришла искать жуков себе на завтрак, не более, чем в десяти ярдах от меня. Моя стрела оторвала ее голову от шеи – я никогда не промахивался. Я не мог оставаться, чтобы развести костер для приготовления пищи, однако выпил кровь, ошипал курицу, и съел сырьими сердце, печень и мускулистый желудок, завернув остальное в листья лопуха для ленча¹. Припоминаю, что не имел никакой веры в талисман удачи, хотя все еще был до некоторой степени религиозным во многих отношениях.

Ближайший ручей вытекал из источника на северо-восточном склоне горы за пещерой – небольшой звонкий ручеек с ольхой и куманикой вдоль берегов. Я знал, что он бежал лесом две мили или около того, а потом пересекал северо-восточную дорогу, где был небольшой брод. Я мог следовать по нему почти до дороги, а потом использовать ее как ориентир, время от времени поглядывая на нее, чтобы определить мое местонахождение, когда буду продвигаться на юг – в направлении Леваннона.

Ручей покрывал дно грубого туннеля – узкого зеленого адского места. Имея в виду полицейских собак, мне придется пройти по нему. Я снова запихнул мокасины в мешок, чтобы сберечь их. При мысли о змеях, мои ноги вздрогивали и сбивались о камни.

Конечно, когда собаки потеряют след, полицейские сообразят и будут следовать с ними вдоль ручья, обыскивая оба берега. У разрыва, где куманика уступила место обычным дикорастущим растениям, я вылез из воды и ушел от ручья, делая вид, будто прекратил все попытки и направился обратно к Скоару. На расстоянии вытянутой руки я зашел за большой дуб, в заросли, где немножко потоптался и помочился на листву, чтобы поставить собак в тупик. Потом возвратился и вскочил на дуб, остерегаясь оставить хоть одну сломанную веточку. Сделав большой прыжок высоко над землей, с риском упасть, я перебрался на другое дерево, а затем перепрыгивал с ветки на ветку на всем пути обратно к ручью.

¹ Ленч – время принятия пищи в полдень; второй завтрак.

Они, по крайней мере, потратят время в безрезультатных разговорах на этом месте, возможно, подумают, что я демон, усядутся и станут ожидать священника, который придет и поможет им запутаться еще больше. Но все равно я шел по ручью еще с полмили и, когда вылез, снова проделал такую же операцию с деревьями, перебираясь по ветвям к другому большому дубу. Там я взобрался высоко, чтобы изучить местность.

На востоке скучились тучи, создавая замысловатые конфигурации под солнцем. Неустойчивая погода, нетерпеливый ветер шевелит листьями дуба со страстной настойчивостью. Возможно, приближается весенняя гроза.

Дорога была ближе, чем я предполагал. Я видел красный разрез менее, чем в полукилометре к востоку. Это могла быть только красная глина, там дорога приближалась к возвышенности и пересекала ее. Хотя дорога была пустынной, я слышал неясный и тревожный звук, который не являлся частью лесного шума. Повернув голову, чтобы разгадать, откуда он, я обнаружил, что смотрю вниз на то, что, должно быть, было другим участком той же самой дороги; поразительно близко от моего дуба, на расстоянии едва ли пятидесяти футов, находилось место, где ветви были разрежены, открывая красную глину и немного гравия. Подтверждая это, неустойчивый легкий ветерок донес до меня запах лошадиного навоза. Не свежий — эта ближняя часть дороги была пустынной, как и дальше, но мне вверху стало неуютно и я перебрался на более низкое место, где оказался спрятанным лучше; что бы ни означал тот звук, он был достаточно далеко, сухой глухой грохот, совсем не похожий на другие звуки или на шум водопада.

Я отрезал кусок серой набедренной повязки и обвязал его вокруг головы. Я не против того, чтобы быть рыжеволосым, но это мешает выглядеть, словно кусок коры. В то время, как я был занят делом, на отдаленной дороге между мной и тревожным небом появилась движущаяся точка.

Даже на далеком расстоянии, человеческое существо редко выглядит похожим на любое другое животное. В Пенне, с бродячими комедиантами, я видел лопоухих обезьян, которых называют шимпанси, шимпанзе Древнего Мира. Я всегда мог отличить любого из них от человека, если не был пьян или озлоблен. Человек, которого я видел на красной глиняной дороге, находился слишком далеко от меня, чтобы я мог убедиться в чем-либо, кроме его принадлежности к человеческому роду — лишь эта слегка надменная, слегка прекрасная поза, посред-

ством которой даже дурак может бросить вызов молнии с намеком на величие – и одновременно эта его настороженность, спокойная наблюдательность под прерывистым из-за бегущих туч солнцем.

10

Крошечный человечек, запечатлевшийся на фоне неба, изучал дорогу. Когда он остановился, шум прекратился, затем крошечная рука качнулась вверх и вперед, и неясный гул возобновился. Вероятно, люди используют этот сигнал с древних времен, когда есть уважительная причина не кричать громко: “Идите вперед!”

Сначала за ним следовало несколько человек, так же, как и он, одетых в коричневые набедренные повязки и красно-коричневые рубашки; идущих широким шагом, привыкших к длительным путешествиям с легким грузом. Авангардная разведка. Звук усилился, когда на возвышенности появились первые всадники.

Шум движущихся ног массы людей и лошадей – если вы однажды слышали это бушующее море, как я в то утро, вы никогда не спутаете его с чем-либо другим, будь то люди, марширующие в такт или идущие не в ногу, как солдаты, которые следовали за этим конным отрядом. То был не парад. Они шли защищать город. Вскоре я увидел группу людей без копьев, окружавших колыхавшееся красивое бело-сине-золотистое полотнище – наше моханско знамя.

У авангарда не займет много времени достигнуть этого ближнего участка дороги. Ожидая, я полностью отодвинулся за ствол дерева. Это были хорошие всадники – когда они проезжали, слышно было только лишь слабый хруст гравия. Потом послышалось шлепанье и шарканье подков. Я осмелился выглянуть из-за ствола, когда конница миновала меня: они и не думали смотреть вверх, так как полагались на разведчиков. Тридцать шесть всадников – я случайно знал, что это полный состав подразделения.

Породистые лошади были из западной части Мохи, в основном черные или чайные, и несколько пегих с белой гривой, словно выгоревших на солнце, все выращены для красоты и славы, может быть, лучшие породистые питомцы моей родины. Бершар также славится лошадьми, но горянками – неброские на вид, но упорные в критический момент, не такие, как эти тонконогие красавцы.

Всадниками были холеные молодые аристократы. Имея своих лошадей и снаряжение, они понимали, что оказывали армии боль-

шое одолжение. Они являли собой величественную воинскую картину. Им бы и в голову не пришло скакать на каких-либо иных, кроме как на этих прекрасных породистых лошадях западной Мохи — черт возьми, я так же охотно послал бы в бой неопытную девушку. Их нельзя удержать на месте: стоит лишь на мгновение потерять управление — и они становятся дикими, как ветер.

Для большинства всадников — ребята были такие молодые — это будет первая война. Не то, что для пехоты — там лица, видавшие виды, изборожденные ударами мечей; закаленные воины, привыкшие к гадкой пище и толстому кнуту. Одни выглядели тупицами, другие — омерзительно хитрыми, некоторые из них прежде были рабами или мелкими преступниками, которым предоставили выбор между рабством и службой в пехоте. Какое-то подобие дисциплины вколачивалось в них извне; это были люди для отвратительной работы и бесславной смерти. Исключая убийства и изнасилования, что было их профессией, они не имели других удовольствий, кроме азартных игр, пьянства, дешевых сигарет “мараван”, воровства и хоть толики наслаждения, какое можно выжать из пятидесятицентовой проститутки или услужливого гомика. В своей немногословной, тупой манере, полагаю, они приветствовали войну и, таким образом, являлись “хорошими патриотами”. Мне хотелось бы сказать, что создание пехоты из подобного отребья было еще одной ошибкой Мохи — ошибкой, которой не делал Кэтскил. Армией из людей, способных думать, как люди, может быть, трудно управлять, но она выигрывает войны, как это и должна всегда делать армия.

На возвышенности появился второй конный отряд. Думаю, второй батальон — три роты, каждая из ста пятидесяти пехотинцев, плюс конный отряд из тридцати шести человек. Полк в Мохе состоит из четырех таких батальонов. Как оказалось, по дороге двигались только два батальона — Эммия перепутала или какое-то важное начальство в Моха-Сити решило, что, так как Скоар был только наполовину городом с двенадцатифутовым частоколом, зачем беспокоить более, чем половину полка?

Я наблюдал за неутомимыми пехотинцами, шедшими внизу. Некоторые шагали с поникшей головой — уставшие, разгоряченные, поскучневшие. Грубые физиономии, двое из трех с оспинами на лице. Иногда я видел, как голова с угрюмым лицом поворачивалась в сторону, чтобы выплюнуть изо рта сок десятицентовой жвачки. Дуновение ветра доносило до меня их противный запах, доставляющий большее беспокойство, чем их внешний вид. Однако, это армия. От них, говорили люди, зависит наша безопасность от кетскильского

ужаса. И, конечно, этот “кэскильский ужас” действительно существовал, поскольку можно вообразить, что в любой стране имеются личности. Кэтскильцы обладали сильной волей, честолюбием, сурвостью. Конечно, это политический имидж, в большой степени лишь игра воображения: сами кэтскильцы были и есть различного типа – жестокие, нежные, мудрые, глупые, в среднем со смешанными признаками, подобно людям любой страны.

Я подозреваю, что тот простой факт, что их территория включала Нубер, Святой город на три четверти склонил эту страну (как политический имидж, имитирующий действительность) к определенному благочестивому высокомерию, которое церковь, может быть, и считает, частным образом, предсудительным, но не будет осуждать открыто. Решения церкви всегда были последовательно прокэтскильскими (в пределах допустимого) такое длительное время, вплоть до сегодня, что никто уже не ожидает чего-либо иного.

Они потоком двигались внизу, мимо моего дуба, люди с отупевшими, глупыми, потрепанными лицами. На холме пронзительно заскрипала труба.

Стрелы, летевшие с обеих сторон дороги, врезались в наше войско, словно ножницы. Всадники падали с коней, кони сразу же обезумели и бросались во все стороны. И все же ни один звук не достигал моих ушей, кроме трубы.

Кэтскильский батальон, находившийся в засаде, позволил половине нашего войска пройти, а затем ударил по центру. Фланговые разведчики моханцев, вероятно, просто обогнули край леса; возможно, какой-то идиот считал, что лес слишком густой, чтобы в нем могла спрятаться целая армия. Теперь, когда ловушка захлопнулась, моханские солдаты, возвращаясь обратно на помощь – если будут, конечно, – должны взбираться на холм и, возможно, гроза ударит им прямо в лицо, так как порывистый ветер с северо-востока усиливается.

Рев трубы эхом отзывался во мне – три коротких звука и один длинный. Я понял, что это, вероятно, был сигнал к возвращению первого батальона, который проходил под моим деревом. Сигнал приостановил их. Я видел неподвижные лица, отступившие от потрясения. Кто-то начал визжать: “Скоар! В Скоар!” Крик этот отвратительно нарастал, но яростный молодой голос прервал его: “Вернемся туда! Ну, вы, проклятые, набитые дерьямом тушицы! Вы слышали рев трубы. Пошли, пошли, б...е сукины сыны, п о ш л и!”

Я кинул взгляд отсюда, с высоты – так что же произошло с теми? Там, под чернеющим небом, люди в темно-зеленой форме повалили из леса и убивали людей в коричневой форме. Я впер-

вые слышал оглушительный кэтскильский клич и видел, что наш второй батальон все еще с чувством собственного достоинства организованно шагал с крутого обрыва возвышенности.

Однако людей в темно-зеленой форме было не так уж и много. За первым потоком больше не последовал никто; многие уже упали — поэтому они стали сердитыми, растерянными, или просто перепуганными, словно стадо, а толпа мohanцев могла сражаться. Кроме начального, неожиданного удара, оттуда не могло летать много стрел. Зажатые в узком проходе дороги, обе стороны были вынуждены вступить в ближний бой, всегда смертельно опасный. Не знаю, сколько трупов в коричневом лежало вперемешку с мертвыми зеленорубашечниками. Коричневый и красно-коричневый цвета на расстоянии казались грязным кроваво-красным пятном.

Снова появилось мohanское знамя, его понесли вверх по откосу. По крайней мере солдаты, охранявшие знамя, не хныкали, желая очутиться за удобным городским частоколом. И до сегодня я удивляюсь, почему поспешно убежавший крепостной слуга, дворовый парень, имея мало оснований любить свою родную землю, глотал слезы гордости и благоговения, созерцая, что знаменосцы знали, куда идти. Бело-сине-золотистый флаг поднимался по откосу, эта тряпка, не значащая ничего, кроме воображения людей, которое они вышили на ткани. Зеленая волна хлынула навстречу нашему флагу — волна людей, которые точно так же горячо любили тряпку из черного и алого цветов.

Я видел также их флаг, разъяренный на ветру. Мohanская конница атаковала его; лошади всадников падали, пронзенные стрелами или с перерезанными подколенными сухожилиями. Черный и алый — это цвета ночи и огня. Тот флаг был достоин славы, как и наш, если только существует такое понятие.

Но внизу, по соседству со мной, царили позор и омерзение панического страха. Я видел вспышку противоположного действия — один из всадников галопом поскакал в направлении битвы и, прорезкая мимо, хлестнул плоской стороной меча по морде, которая кричала: "В Скоар!" Только трое всадников последовали за ним. Возможно, остальные были вне моего поля зрения, пытаясь прекратить беспорядок в пехоте, среди солдат, которые пришли защищать город, а теперь бежали, чтобы укрыться в нем — медленным бегом, подобно людям, движущимся по инерции, которые должны передвигать ногами, чтобы не упасть лицом вниз.

Вытачив мой золотой горн, в сорока футах над ними, я заграл сигнал, который вырвался из трубы — три раза.

Я посмотрел вниз. Никто не обнаружил меня. Звук, казалось, шел отовсюду. Теперь они не бежали. Я заиграл в четвертый раз, более спокойно, как будто люди, находившиеся там, на возвышенности, такие же, как и они, говорили рассудительным голосом: "Мы попали в беду".

В тишине какой-то кавалерист промолвил: "Хорошо, давайте поедем и поможем им!" И они помчали – в обратную сторону.

В тот день Моха одержала блестящую победу, если есть такое понятие, как победа. Уверен, что в истории это называется победой, так как священники, которые выпускают небольшие, простые по содержанию, книжки для школ, вероятно, увековечили ничтожную моханско-кэтскульскую войну 317 года – она не длилась даже до следующего года. Старуха-история пережевывает свою жвачку из правды и "может-быть-так" у зыбкого камнина современности.

Когда я снова взглянул на отдаленную возвышенность, я увидел, что охрану знамени все еще жестоко теснили, вокруг знаменосца оставалось не более дюжины моханских солдат. Кольцо защитников становилось все меньше, оно приняло форму упорного мужества сверкающей стали внутри темно-зеленого обода. На гребне возвышенности восстанавливала такой-сякой порядок дезорганизованная конница. Они могли быть опасны в атаке. В атаке на кого? Только не на проворных дьяволов, проскальзывающих среди них, словно зеленый дым. Там и сям лошади без всадников убегали в лес, оставляя воина наедине с его разъяненной находчивостью.

Но теперь подоспела конница первого батальона, возвращавшаяся на холм, отчаянно взывавший о помощи; сначала она обрушилась на зеленый обод вокруг защитников знамени и разбила его, как раскалывают колесо. Знамя поколебалось и двинулось вверх по откосу. Затем вступили в бой моханские пехотинцы – пришедшие в себя, нетерпеливые, их панику преодолела более простая жажда – выжить. В моей голове стоял звон; их оружие свистя в воздухе, сокрушало тела – минуту или две, полагаю, я сам дрожал от безумной гордости. Это было достижение моего золотого горна.

Я наблюдал, как солдат в темно-зеленой форме убегал, чтобы укрыться в лесу; за ним гнались трое моханцев. Один преследователь потерял набедренную повязку, у него оторвалась большая часть рубашки; на расстоянии голый человек выглядел как насекомое – тощий, с высоко подскакивающими коленями. Копье ударило беглецу в спину. Голый человек и его товарищи медленно проткнули копьами лежавшего неподвижно врага.

Позже я воевал, не опозорив себя, на двух войнах: против пиратов в 327 году и во время восстания этого года, когда мы

бились ради защиты реформ Дайона и были вынуждены усвоить, что люди не захотят и не смогут воспользоваться любыми реформами, если их не осуществлять постепенно; больше я никогда не брал мой золотой горн на поля сражения...

Теперь все кэтскильские солдаты отступили, а моханский флаг уже трепетал, во всей своей красе, на вершине возвышенности. Я не видел черно-ялого знамени; вероятно, его унесли в лес отступающие. Не видел я и солнечного света. Свежий конный отряд присоединился к разбитому и их командиры совещались под серым небом. Только пехотинцы преследовали кэтскильцев в лесу. Один из командиров конницы резко дергал руками, будто говорил в раздражении или, может, в самооправдании. Другой, вероятно, ухитрился высечь из кремния огонь и зажечь свою трубку, несмотря на беспокойное гарцевание лошади, так как я увидел крошечный серый дымок, плававший над его головой.

Вскоре труба заиграла пехотинцам сигнал отбоя – они вряд ли могли многоного добиться в лесу, где кэтскильские солдаты могли перегруппироваться и заставить их пожалеть о преследовании, – и моханские батальоны снова были на марше. Вряд ли больше двадцати минут прошло с тех пор, как я увидел того первого разведчика. В столкновении участвовало менее тысячи моханских солдат, с кэтскильской стороны, возможно, сотни четыре.

Причиной войны был невыносимо скучный пограничный спор, который поддерживался, тем или иным способом, в течение пятидесяти лет. Насколько я могу понимать, страны существуют потому, что имеются границы, и нет никакой другой причины; границы проведены людьми, более или менее похожими на нас с вами и вашу тетю Кассандру, и нам нравится думать, что, как человеческие существа, мы знаем достаточно, чтобы не сесть на свежую краску голым задом, не поднять дикобраза за хвост или не отрубить малютке голову, чтобы унять его зубную боль. Все это очень любопытно; вероятно, я смогу представить вам идеальное решение любых имеющихся противоречий в следующую среду, если не просплю.

С дороги до меня долетели слова: “Ты видел кэтти, которого я убил, высокого сукин-сына с бородой? Мой боже и Авраам, похоже, что их совсем не учили прикрываться”. Другой голос был умоляющим и нетерпеливым – мимо перевозили раненых. Солдат хотел увидеть свою дочь. Ее могли бы привести сюда, сказал он – “здесь безопасно, вокруг нет никаких гадких солдат – ей девять лет, она одета в коричневое платье, которое сшила ее мама” – этот голос постепенно затих, а другой произнес: “Как у меня болит голова”. Он также слабел, приглушаемый шагами, лязгом

снаряжения, другими голосами: "Болит голова – болит голова..." Они ушли, оставив утром спокойным, если существует такое понятие, как спокойствие.

Я не слышал никаких звуков собак, преследующих меня: теперь я избавился от этого и других страхов. Скоар скоро будет праздновать вступление славной армии и вряд ли будет беспокоиться о беглых дворовых парнях. Толпы людей, костры и голые и повизгивающие дети, танцующие вокруг них, в церквях монотонно гудят гимны и благодарения, таверны и публичные дома готовятся к долгой ночной работе, полицейские заняты со скандалистами и пьяными; шарлатаны выскочат из своих нор при первом же дуновении возбуждения, общественных ораторов выведут из их конюшен – знаете, с веревкой с каждой стороны от удила и с третьим помощником на случай, если оратор окажется неумелым в счастливой задаче вколачивания блестки-чепуки в трепещущие умы публики.

Я оглядывал местность, желая, чтобы пошел дождь и стало светлее. Черные точки, приближаясь, становились большими, словно оторванные обрывки тучи. Вороны были уже на поле битвы; вероятно, они цинично наблюдали откуда-то поблизости. Скоро присоединяться к ним и другие твари – крысы, дикие желтые собаки и пытающиеся мертвичиной муравьи.

Солдат, который должен был лежать мертвым, вдруг потянулся вверх и опустил руку на глаза. Это движение, мелкое для меня, словно шевеление ножки мухи, отогнало ворона. Я увидел блестящую вспышку – на свету что-то блеснуло на двигавшейся руке, кольцо или браслет. Он был подобен спящему, который прикрывает глаза, чтобы сон продолжался. Я думал: "Солдат, перевернись, почему ты не переворачиваешься? Отвернись от света, если он режет тебе глаза!"

В разговоре моханских солдат, прошедших подо мной, я не слышал, чтобы кто-либо упоминал о сигнале горна. Может быть, каждый считал, что звуки предназначались только для него.

Мне казалось, что я должен подойти к человеку, пошевельнувшему рукой, иначе он мне приснится. Я слез с дуба и смело двинулся к дороге. Никакой опасности. Рыжая белка, перескочив на ветку рядом с дорогой, наблюдала за мной и не ворчала. Я вышел из кустов, повернул налево, к полю битвы, и добрался к нему за несколько минут после нескольких поворотов дороги. Вороны-стражники клекотали на меня. Я видел, как шатаясь от опьянения кровью, пробежала и медленно взлетела одна из больших птиц – отвратительная, с окровавленной шеей, которая кружила так близ-

ко надо мной, что я чувствовал гадкий запах и едва не был запачкан брызгами от ее мерзкой пищи.

Первый человек, мимо которого я прошел, был одет в темно-зеленую форму. Он лежал в придорожной канаве лицом вверх и совершенно не выглядел разъяренным. Его лук, короче и тяжелее моего, наверно, трудно было согнуть, но удобно было нести в густом лесу. Я мог бы взять его, если бы не суеверное чувство, что, поступив таким образом, я поставил себя на один уровень со стервятниками. У меня появилось нелепое ощущение, что все мертвые задерживали меня, как будто хотели заговорить со мной. Например, моханский ветеран с бородавкой на носу, его глубоко разрезанная шея была так вывернута, что, хотя он лежал на животе, его безжизненные глаза, казалось, наблюдали за мной – живой, он не сказал бы мне ничего, разве что проворчал, чтобы я убирался с дороги, если бы заметил мою серую набедренную повязку.

Солдат, который повернул руку, лежал, как и раньше, но был уже мертв. Может, он был мертв все это время, а поворот руки был лишь одним из тех бесцельных движений, которые происходят после смерти. Блестка на его руке оказалась кольцом из окрашенного в рубиновый цвет стекла. Сознание, что он мертв, освободило меня, но я вдруг снова испугался: кэтскильские солдаты могли не убежать далеко; да и группы рабов, вероятно, придут из Скоара, чтобы забрать тела мертвых моханцев. Я пересек возвышенность и начал спускаться по другую сторону, намереваясь вернуться под защиту леса.

На этом склоне хребта велся какой-то бой местного значения. Я остановился при виде небольшого, песчаного цвета животного, припавшего к земле у кромки дороги – собаки, питающейся падалью, слишком крупной для ее породы. Говорят, они достаточно сообразительны и следуют за армией в походе, так же, как иногда следуют за рыжим тигром, и по той же самой причине. Собака, не подозревая обо мне, наблюдала за чем-то за полоской кустарника, справа от меня. Я должен идти как можно тише: его нюх, вероятно, уже настроен на запах человеческих существ и их крови.

Из леса в придорожную канаву втекал ручеек. Из густых кустов к нему полз кэтскильский солдат, его бронзовый шлем был прицеплен к локтю. Худой сероглазый парень, может, лет семнадцати. Он пытался тащиться на руках, помогая одной ногой – на другой имелся глубокий разрез от бедра до колена, а из левого бока торчало древко стрелы.

Собака была тощей жалкой тварью, но могла убить беспомощного человека. Внезапно парень увидел зверя, но его лицо

оставалось бледным, удивительно спокойным, блестящим от пота. Я вставил стрелу и, когда собака повернулась ко мне на этот легкий шум, стрела погрузилась в ее желтую грудь. Она запрыгала, пыталась вцепиться зубами в свой бок, и сдохла.

Парень озадаченно посмотрел на меня, когда я сказал:

— Я принесу тебе воды.

Он позволил мне взять его шлем. Пить ему было трудно, трясущиеся руки не слушались его. Он отвернул голову и сказал:

— Я не имею ничего для выкупа... у старика не было денег, он никогда не имел их. — От усилия произнести эти слова, изо рта у него пошла кровь.

— Может, тебя поднять?

Он посмотрел на воду, все еще томимый жаждой, и кивнул. Я почувствовал на голове брызги первых капель дождя. Прикоснувшись рукой к его боку, я понял, что воды было слишком много для него. Сложив ладонь ложечкой, я набрал воды, и он чуть отхлебнул, но все выплюснулся от резкого кашля. Вероятно, стрела пронзила ему желудок. Он сказал:

— Не стоит пытаться напоить меня.

Я снял с головы тряпку и попытался закрыть длинную рану в его бедре. Тряпка не была достаточно длинной и широкой; попытка прикрепить ее оказалась кошмарным разочарованием. Удар и раскат близкого грома почти заглушил то, что произнес солдат:

— Пусть так и будет. Ты моханец, рыжая колна волос?

У них, в Кэтскиле, странная речь. Я слышал ее в гостинице, хотя и не часто в последние два года, когда нарастало предвоечное волнение. Они растягивают слова, как будто говорят, прищемив нос, наполовину выговаривают букву “р” и любой слог, если тот не устраивает их. Я ответил ему:

— У меня нет родины.

— Да? Тебя не было с нами, я знаю каждого проклятого глупого бродягу в батальоне, включая и меня.

— Я сам. Убежал.

— Понимаю. — Хлынул дождь, внезапно и тяжеловесно, и намочил нас; он барабанил по моей спине. Я прислонился к парню: по крайней мере, моя рубашка могла защитить его лицо от бьющего ливня.

— Однажды я тоже убежал... я хочу сказать, пытался убежать. — Казалось, ему нужно было высказаться. — Папа застал меня, когда я собирали вещи в мешок, поверь, что я не успел большего. Он также не хотел, чтобы я пошел в армию, говорил — это не имеет значения. Ты убил эту желтую собаку очень метко.

— Проклятая пожирательница трупов.

Дома мы обычно называем их шакалами. Очень хорошо стреляешь из лука.

— Я много времени проводил в лесу.

— Скажи, между прочим, куда ты идешь? — Я с трудом слышал звук его голоса из-за шума лившшейся вокруг воды. — Убежал. Эта серая... твоя обертка для яиц... это означает, что ты крепостной слуга? Так же и в моей стране.

— Угу.

— Послушай, парень, не давай себя в обиду. Я хочу сказать, не позволять, чтоб тобой помыкали и приказывали, куда тебе идти. Если к тебе относятся пренебрежительно, плой на них в ответ, спышишь?.. Здесь вокруг прекрасно, вероятно, хорошая земля для выращивания хлеба. Наша воинская часть всю ночь просидела в лесу — в неполном составе, будь проклято дурацкое начальство, как можно было сделать такое, одну роту вчера отдали для другого дела — черт бы их побрал. Если надо, чтоб я высказался, я скажу: какая здесь масса дубов. Это всегда означало хорошую пахотную землю. Прошлой ночью был действительно б...ский туман, не так ли?

— Я спал на дереве.

— Рассказывай. Начался дождь, что ли? — Мы оба вымокли, поток воды отскакивал от складки на его рубашке, где я не мог прикрыть его, и барабанил о его ноги. Но он, в самом деле, спрашивал, неуверенно ощущая все, что было вне его, смотрел на меня невидящим взглядом, вот снова взглянул на меня.

— Идет небольшой дождь, — сказал я. — Я отведу тебя подальше в лес, где никто не будет искать, понимаешь? Буду находиться рядом, пока ты не вылечишься. Потом ты сможешь пойти со мной.

— Ты уверен? — Я думал, он понимал, в чем дело, когда я пытался сказать — путешествие, дружба, новые края. Мы пошли бы вместе; мы имели бы женщин, развлечения, всегда какие-то приключения. Прежде всего, путешествие. Я добавил:

— Мы бы поладили.

— Конечно. Конечно, поладим.

Я так и не узнал его имени. Его лицо вдруг застыло, и мне пришлось оставить его, лежащего, раскинувшегося на земле.

Я вспоминаю дождь. Вскоре после смерти моего нового друга, приглушенные удары дождя о землю ослабели. Я не мог надеяться

вырыть могилу в корневой системе деревьев и мокрой глине. В любом случае, мне никогда не нравилась идея хоронить умерших, если ее нельзя осуществить, как это делают в Пенне, не отмечая место ничем, кроме виноградной лозы и собирая позже урожай без чувства претрещения и неуважения. Если этого нельзя сделать, возможно, самое лучшее — сжигать. Имеет ли это хоть какое-нибудь значение? — весь мир есть кладбище, ложе рожениц и колыбель.

Я проскользнул в кусты, теперь уверенный, что, вероятно, за мной не будет погони — ни людей, ни собак. Однако в промокшем лесу я все же двигался тихо. Я точно определил северо-восточное направление и прошел по своему пути более часа, когда — в отдалении, справа от меня, там, где и следовало быть, услышал грохот копыт: конь галопом промчался по мокрой дорожной грязи — сначала нарастающе громкий, потом замирающий в слабые удары, похожие на цокающий звук, который может произвести ребенок, ведя палку вдоль штакетника. Вероятно, всадник — посыльный, направлявшийся в Скоар. После этого я слышал только ослабевающий, спокойный разговор дождя.

Я проголодался, но мне требовался огонь чтобы испечь курицу — сырья дичь невкусная. Целое утро было потрачено на то, чтобы найти подходящее mestечко. Много лет назад ветром вывернуло дуб на откосе, его корни выступали наискось и захватывали постепенно наносимые листья, так что возникло нечто вроде крыши. От земляной ямы, где некогда росли корни, дождевая вода прорыла дренажную канаву. Я покопался под поверхностью лесного настила и нашел легковоспламеняющийся материал, чтобы разжечь огонь под прикрытием этого свеса. Вскоре мне стало уютно от огня, курица поджаривалась на зеленом ясеневом вертеле. Я повесил рубашку и набедренную повязку на корень дуба, возле тепла, и голый присел на корточки, позволяя безвредному дожду стекать со спины. Какое-то время, исключая приглядывания за готовившейся дичью, я совсем не мог думать. Дождь усыпляет твою бдительность, словно кто-то говорит и говорит, объясняя многое. Мужчины подошли очень тихо. Я заметил их только за мгновение до того, как худощавый произнес:

— Не вытаскивай свой нож, Джексон¹. Мы не намерены причинить тебе никакого вреда. — Его голос был твердым, но усталым, как и вытянутое лицо под окровавленной темно-зеленой тряпицей.

¹ Джексон — “дурак”, глупец (диалектное).

— Не пугайся, подтвердил другой, луноликий гигант. — В сущности, я призван блаженным Авраамом не делать вреда никакому человеку, а также...

Худощавый сказал:

— Придержи свою мельницу, прошу тебя, когда я говорю с парнем. Джексон, вышло черт-знает-что, нам хотелось бы кусочек того, что там жарится, мы чертовски голодны, вот и все.

Ему было около пятидесяти; седой и спокойный. Тряпка на голове придавала впадинам под голубыми с поволокой глазами зеленоватый оттенок. Вдоль его рта и носа пролегли длинные желобки. Темно-зеленой рубашке недоставало куска, который, вероятно, был вырван для головной повязки; охотничий нож, висевший на ремне, очень похожий на мой, был, очевидно, его единственным оружием. Его ремень, широкий как кушак, с загнутыми кверху участками, мог пригодиться при переноске небольших вещей. Худые ноги, торчавшие из поношенной зеленой набедренной повязки, были темные и пучковатые, как узлы кожаной упряжи.

Другой мужчина также был одет в остатки кэкскильской военной формы; что-то вроде ремня, и сандалии в виде подошвы, прикрепленной веревками. Он носил меч в медных ножнах, бесполезную для леса вещь. У обоих на ремнях висели длинные и довольно плоские фляги, сделанные из бронзы, вместимостью около кварты¹.

Глупо, как вам понятно, я задал вопрос:

— Откуда вы?

Худощавый приятно улыбнулся мне, сдержанно, но доброжелательно.

— С южных мест, Джексон. Разделишь ли ты мясо с человеком, который вчера напал на твою страну и получил дырку в голове, и внушительным старцем, который имеет подходящий вид, чтобы пугать детей, но не хочет больше воевать?

— Хорошо, — согласился я. Они не оказывали давления на меня, я почти сам хотел поделиться. — Вчера? Вы не из этой битвы, прошедшей на дороге возле Скоара?

— Нет. Когда она состоялась?

— Два-три часа назад. Я сидел на дереве.

— Не смог придумать лучшего места, когда ведется эта е...ная война?

— Ваши кэкскильцы устроили засаду, но были отогнаны.

Он шлепнул себя по ноге: удовлетворение было смешано с досадой.

¹ Кварт — мера емкости, в США равна 0,95 л.

— Проклятье. Я это предсказывал. Мог бы растолковать начальству, что из этого получится, если разделить батальон. Хотя, припоминаю, эти олухи никогда не спрашивали меня. — Он присел подле на корточки и посмотрел на курицу таким печальным взглядом, каким не смотрел никогда и ни на какую курицу, и в этом не было ее вины. Круглолицый стоял в стороне и наблюдал за мной. — Я беспокоюсь вот о чем, Джексон, если бы дело касалось только меня и моего громадного друга, стоящего вон там, на дожде, так переполненного состраданием, что человеческое существо не может понять, куда он втиснет еще чуть-чуть пищи, никоим образом...

— Полноте, Сэм, — сказал гигант. — Не надо, Сэм...

Но Сэм, видно любил потрепаться и продолжал, не обращая внимания, на своем медленно-напевном кэтскильском наречии, развлечение и печаль на его лице сменялись как тучи, играющие на солнце.

— Если бы были только он, я и ты, Джексон, мы могли бы разобраться, но чертовски-дурацкая штука состоит в том, что нам надо учитывать еще один рот — человека, который ушиб колено, но все же будет страдать, если не поест хорошо. Ты думаешь, что эту тонкозадую птичку действительно можно разделить на четыре части?

— Ну, конечно, — сказал я, две большие ноги и две половинки груди, и каждый встанет из-за проклятого стола чуточку голодным, что хорошо для вас, как сказал этот человек, — где этот четвертый?

— Бедняга сидит там, в кустарнике.

— Видишь, как я и говорил тебе, Сэм? У парня открытая натура, полная божественной добродетели и прочего. Как тебя звать, Рыжий?

— Дэйви.

— Дэйви и что дальше?

— Просто Дэйви. Из приюта. Закрепощен в девять лет.

— Сейчас у нас нет желания беспокоить тебя, но, ты, вероятно, не направляешься обратно туда, откуда пришел?

Сэм вмешался:

— Это его дело, Джексон.

— Я знаю, — ответил луноликий. — Я совсем не настаиваю, чтобы парень отвечал, это беспристрастный вопрос.

— Я не против, — сказал я. — Да, я убежал.

— Я вовсе не обвиняю тебя, — сказал луноликий. — Я заметил эту серую обертку для яиц, которая висит прямо перед нашим носом, и я слыхал о том, как подло обращаются с крепостными в Монреале, это национальный позор. Выше голову, парень, и веруй

в бога. Это путь в жизни, понимаешь? Только не падай духом, имей чувство сострадания и веруй в бога.

— Пусть он не пытается надуть тебя, Джексон, не поверишь же ты, что с крепостными слугами не обращаются так же, как с дермом и в Кэтскиле?

— Сэм, Сэм Лумис, я как-то постараюсь убедить тебя покончить с этими ругательствами и богохульством. Это не подходящий тон разговора с молодым парнем. — Сэм только глянул на меня; я чувствовал, что в душе он хохотал и никто никогда не узнает об этом, кроме него и меня. Гигант любезно продолжал: Послушай, парень Дэйви, ты не должен думать, что я утверждаю, что я больше не грешник, это было бы ужасным тщеславием, хотя я, в самом деле, заявляю, что я очистился от многой дряни, словно прошел сквозь очистительное пламя и прочее, но, как бы то ни было, — меня зовут Джедро Сивер, называй меня Джед, если хочешь, я надеюсь, мы здесь все демократичны и, хотя я грешник, я боюсь бога и следую его святым заветам, и именно сейчас вот, я тебе говорю, крепостной слуга ты или нет, быть таким же человеком в глазах бога, как и я, хорошо?

Сэм спросил как-то небрежно:

— Нелегко пришло?

— Можно сказать так. — Потом, каким-то образом, я сразу же сболтнул им. — Случилось ужасное. Я случайно убил человека, но никто никогда не поверил бы, что это так, во всяком случае, не полиция. — Мог бы и промолчать, если бы я не принял их ха дезертиров, убежавших так же, как и я, и не имевших дела с моксанскими законами.

Джедро Сивер сказал:

— Всякое такое дело является несчастным случаем в глазах бога, Дэйви. Имеется в виду, что это произошло случайно, и ты не намеревался сделать этого. У бога имеются свои великие и славные соображения, так что не стоит таким, как мы, вникать в них. Тогда, если ты искренне не имел намерения, ну, тогда греха нет.

Сэм всматривался в меня с холодной задумчивостью, какой я никогда не видел ни у кого, будь то мужчина или женщина. Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем он прекратил испытывать меня — курица хорошо поджарилась и пахла как раз подходящее, а дождь, стихнув, слегка моросил.

— Верю тебе на слово, — наконец произнес Сэм. — Мне бы никогда не хотелось пожалеть, что я сделал это.

— Обещаю, — сказал я. И, думаю, что никогда не нарушил слова. Доверие между Сэном и мной было частью моей жизни,

и оно никогда не исчезало. Во времена, которые последовали, я часто терял с ним всякое терпение, как и он со мной, но... допустим, я сформулирую таким образом: мы никогда не считали друг друга безнадежными. — Да, — сказал я, — я сбежал, и меня, несомненно, повесили бы, если бы поймали и вернули в Скоар. Успешно уклоняющийся от виселицы всякий раз, когда я осознаю, что мой путь устремлен к ней, вот я какой.

— Всякий раз, — грустно сказал Джед. — Послушай, парень, если бы ты был когда-нибудь...

— Шутка, Джексон. Парень шутит.

— О, понимаю. — Джед неловко засмеялся, как могли бы засмеяться и вы, случайно прервав человека, который остановился помочиться. — Ты знаешь местность, парень Дэви?

— Никогда прежде не ходил этим путем так далеко. Мы находимся близко от северо-восточной дороги. Скоар расположен на западе, в пяти-шести милях.

Сэм бросил:

— Я проходил по этим дорогам много лет назад, в мирное время — Хамбер-таун, Скоар, Сенека, Ченго.

— Кэтскильская граница — в нескольких милях южнее, — сказал я.

— Да, — согласился Джед, но мы не пойдем в ту сторону. Видишь ли, в глазах бога мы не дезертиры. Что касается меня, я тружусь на винограднике, как предназначено богом, и старый Сэм Лумис вот, ну, вовсе не такой уж грешник, несмотря на его непристойную речь. Однажды божья благодать снизойдет и на него, словно очистительное пламя и прочее. Я хочу сказать, что он просто потерял свое снаряжение в рукопашной схватке, как могло бы случиться и с любым другим. Такое же снаряжение, которое было у меня, — мое я оставил раньше, призванный милостивым господом.

— Да, — подтвердил Сэм, — я потерял след моей роты в лесу после стычки на дороге в десяти милях отсюда. Знаешь, как армия поступает с дезертирами, Джексон, — я имею в виду, с людьми, которых она считает дезертирами — ну, вот что они делают: их привязывают к дереву и тренируются в стрельбе из лука, а потом вроде бы оставляют. Экономят на похоронной команде. Я получил удар по голове и был какое-то время без сознания, когда же пришел в себя — рота уже ушла; я не порицаю их, что они приняли меня за мертвого, но не верю, что у меня хватило бы терпения объяснить все это, если бы я встретил их снова. Одну роту отделили от батальона, идея заключалась в том, чтобы показаться на дороге и отвлечь вас, моханцев, и побудить к мысли, что это все, что мы имеем

в этом районе. Потом главные силы батальона, спрятавшиеся на вашем пути, могли разбить вас. Оригинальная идея.

— Моханцы не моя армия. У меня нет отечества.

— Понимаю, что ты имеешь в виду, — Сэм глянул на меня. — Я тоже одинокий по образу жизни... Да, эти северомоханские ящедеры, извини за выражение, подошли на девять часов позже, после того, как, вероятно, гонялись вокруг Хамбер-тауна; итак, убежав от нас, они разбили лагерь на ночь. Я определенно знаю, так как подходил к ним чертовски близко в темноте. Должно быть, отдохнули и провеселились до того времени, когда батальон набросился на них сегодня утром. Мы действовали не очень-то удачно?

— Не очень. Моханцев было слишком много. Два к одному, а то и больше.

— Парень джентльмен, — заметил Сэм и опустил раненую голову на колени. — Да, у начальства причуды, а солдаты погибли. — Я заметил, что Сэм Лумис был лесной житель: он имел мою привычку быстро взглядывать по сторонам. Вряд ли ему случится быть застигнутым врасплох неожиданным шевелением ветки или ползущей в поисках пищи по земле тварью. С Джедом это могло бы случиться — его взгляд не казался настороженным. От облысения даже брови Джеда превратились в бледные жгутики, что придавало ему вид большого испуганного ребенка. — Джексон, эта тонкозадая птичка почти готова. — Когда я снял ее с огня, он добавил: — Может, лучше надеть свою обертку для яиц, принимая во внимание, что тот, кто находится там в кустах... я просто, черт бы все побрал, забыл упомянуть об этом... ну, понимаешь, она окажется женщиной. — Потом, взглянув на переполненного осуждения Джеда Сивера, он добавил: — Придет и станет настоящей забавой для молодого парня, не так ли?

Когда я оделся, Джед выкрикнул в мокрый лес тонким голосом:

— Ау, Вайлит!

— Не беспокойся, — обратился ко мне вполголоса Сэм, — я не отдал бы ее тебе, но она имеет широкий кругозор, как и широкую задницу.

Выходившая, прихрамывая, из расположенных недалеко зарослей женщина произнесла:

— Слышиала я, что ты сказал, Сэм. — Она одарила его полуулыбкой и посмотрела на остальных из нас вызывающим пристальным взглядом из-под густых, черных как смоль, бровей. Темно-зеленое льняное платье не доходило ей до колен, на левом колене виднелся синяк, правда, не очень большой. Ей было чуть более тридцати; невысокая, с плоскими бедрами, мускулистая девка, без достойной упоминания талии, но, каким-то образом, ты не обнаруживаешь ее

отсутствия. Даже прихрамывая, она имела жизнерадостный, изящный вид и держалась уверенно. Ей не нравилось быть мокрой как ондатра. – Мне следовало бы отругать тебя, Сэм, за то, что ты так говоришь о таком хрупком цветке, как я, – у этой “тигрицы” всего сто тридцать фунтов и не более.

– Не правда ли, соблазнительная малышка, бьет наполовину? – осведомился Джед, и я увидел, что он стал совсем романтичным и наяву грезил о любви.

– Да, – вздохнула она, – наполовину, как лопата, которой пользовались на каменистой почве лет этак десять-двадцать. – Она сбросила плечевой мешок, чем-то похожий на мой, и пыталась отжать воду из платья, одергивая его между ног и вокруг пышных бедер. – Вы, мужчины, счастливые, носите, черт подери, свободные рубашки и повязки.

– Вайлит! – Уже не мечтательный, Джед говорил, словно строгий дедушка. – Никаких проклятий! Мы и так в них погрязли.

– О, Джед! – Она взглянула на него дерзко, нежно, но и покорно. – Ты бы тоже ругался, держу пари, если бы не мог отделить своей одежды от собственной шкуры.

– Нет, не ругался бы. – Он смутил ее пристальным взглядом, святым, как сама церковь. – И “шкура” – тоже нехорошее слово.

– О, Джед! – Она отжала воду со своих черных волос, коротких и искромсанных, будто она отрубала их ножом, как поступают солдаты, если в подразделении нет парикмахера. Опустившись на корточки рядом со мной, она звонко шлепнула меня по ноге широкой коричневой ладонью. – Тебя зовут Дэйви, ага? Здорово, Дэйви, а как они вешают, сладкий малыш?

– Вайлит, дорогая, – сказал Джед, очень спокойно, – мы погрязли во всем этом. Больше никаких ругательств, никакой похотливой болтовни.

– О, Джед, извини, во всяком случае, я не имела в виду никакой похоти, просто сказала по-дружески. – Ее глаза, темные, зеленовато-серые, с чуть золотистыми крапинками, были необычайно красивы; будучи частью ее мясистого, нескладного тела, они казались фиалками на грубой почве. – Я хочу сказать, Джед, всякое слово, скользнувшее в моей голове, сразу слетает с языка. – Она стянула мокрое платье со своих больших грудей и подмигнула мне, свернув голову так, чтобы Джед не заметил, но его слова тоже имели большое значение для нее, она не сопротивлялась ему. – Будь спокойнее, Джед, ты должен позволить мне прийти к Аврааму как-то постепенно, я как бы должна еле передвигать ноги, прежде чем идти, понимаешь?

— Да, Вайлит, я понимаю, дорогая.

Я разрезал курицу так честно, как только мог, передал ее в разные стороны и собирался уже грызть, как Джед опустил голову и пробормотал молитву, к счастью, короткую. Мы с Сэмом начали есть сразу же после этого, но Джед сказал:

— Вайлит, я прислушивался, когда молился, и не услышал никакой молитвы от тебя.

Это действительно так: среди настоящих верующих, если присутствует священник, люди хранят молчание, когда он говорит надлежащую молитву, но если нет священника, считается, что каждый будет произносить ее одновременно, оставляя богу анализировать этот гул и отсортировывать верующих от понимающих толпы критиков. Джед, конечно же, не слышал ни Сэма, ни меня, но наши души, очевидно, не так беспокоили его, или же он считал, что с нами слишком много работы. Душа Вайлит была иной. Она пролепетала:

— О, Джед, я только... я хочу сказать, я благодарю тебя, господи, за этот хлеб мой наущенный, даждь нам днесь...

— Нет, дорогая. Хлеб означает настоящий хлеб, поэтому, раз это курица, лучше всего тебе сказать "курицу", понимаешь?

— За эту мою... Но, Джед, курицу не приходится есть каждый день.

— Ну, ладно, можешь выбросить "даждь нам днесь"...

— За эту мою курицу и внушаю...

— Вручаю.

— Вручаю себя в твое распоряжение во имя возлюбленного Авраама... Так?

— Так, — сказал Джед.

После еды Вайлит пошла, прихрамывая, отыскать еще немногого топлива. Я хотел, чтобы пока она была занята, я мог бы спросить, кто она такая и как она оказалась с ними, но Джед заметил у меня на шее талисман удачи и первый спросил меня о нем.

— Это просто страшный скромный талисман удачи.

— Нет, парень Дэви, это правдоопределитель. Я видел такой же в Кингстоне; он принадлежал мудрой старухе. Твой разительно похож на него, непременно имеет такую же силу. Никто не может смотреть на него и говорить ложь — это факт. Дай мне подержать его на минуту и показать тебе. Вот, погляди этому человеку или этой бабеночке прямо в глаза и посмотрим, солжешь ли ты...

Сделав каменное лицо, я сказал:

— Лунный свет черен.

— Ну и как? — спросила Вайлит, сваливая охапку сухих сучьев. — Ну и как, Джед, что несет этот парень?

— Ну, я понял его. — Довольный, Джед засмеялся. — Другая сторона луны должна быть черной, иначе мы бы видели ее сияние, отраженное на занавесь ночи; тогда огромное белое пятно двигалось бы по пути движения луны. Но мы видим лишь отверстия в занавеси, чтобы пропускать небесный свет, и немногие из этих точек движутся иначе, поэтому они должны быть небольшими осколками, подобно бриллиантам, которые бог сбрасывает с луны, чтобы освещать предметы. Ясно?

Без особого восхищения Сэм пробормотал:

— Поимей меня необрязанный!¹

— Сэм, я должен попросить тебя не пользоваться такими ругательствами в присутствии чистого душой парня и несчастной женской души, которая пытается найти свой путь в царство вечной праведности; более того, я больше не потерплю надругательства над религией, я совершенно не потерплю этого.

Сэм сказал ему, что просит прощения, в такой манере, что на водило на мысль, что он привык повторять эти слова и, более или менее, каждый раз имел их в виду. Полагаю, добродетельные люди, такие, как Джед, считали бы мир безрадостным, если бы не могли улаживать довольно частые обиды. Что касается талисмана удачи — ну, Джед был намного старше меня, на сорок с хвостиком, а также в равной мере чертовски мощнее и преисполненный божественной благодатью. Я в самом деле думал, что если бы сделал еще одну попытку побудить к сверхъестественной работе этот двуликий болванчик из глины, меня не остановила бы даже глиняная стена. Но Джед был так горд и счастлив, что научил меня чему-то полезному и удивительному, что у меня не хватило духа испортить ему настроение. Может, у меня, так или иначе, не получилось бы. Какую бы абракадабру я ни предложил, он всегда мог бы представить подходящее объяснение, чтобы доказать, что я не лгал — продвигаясь вперед легко и спокойно, обводя “Госпожу Правду” вокруг собственного пальца и загоняя ее в кусты, пока, рано или поздно, несчастной старой прислуге не придется выползти там, где он хочет, хнычащей и чешущей языком, вытянув ноги, с подергивающимися виноградными листьями в жалких остатках волос.

— Ну, — сказал я примирительно, — в самом деле, никогда не знал, что он обладает такой способностью. Его дали мне, когда я родился, и с тех пор люди на рассказывали мне столько гнусной лжи, их ничто и никогда не останавливало.

Он ответил:

¹ Лексикон гомосексуалистов.

— Просто ты никогда не понимал, каким образом использовать его.

Он все еще держал изображение обращенным ко мне, спросил, будто ненароком:

— Это действительно был несчастный случай, то, о чем ты рассказал?

Тут Сэм Лумис встал и смело заявил:

— Гореть мне в адском огне, будь я проклят! Мы же поверили ему на слово, а теперь сомневаемся в этом.

Я мог слышать, как позади меня Вайлит затаила дыхание. Джед был фунтов на сорок тяжелее, но и Сэм, видно, не из тех, с кем можно легко справиться, раненый он в голову или нет. Наконец, Джед сказал, очень кротко:

— Я не хотел никого обидеть, Сэм. Если мои слова звучали обидно, прошу извинить.

— Не у меня проси прощения. Проси у него.

— Все в порядке, — сказал я. — Я не обиделся.

— Я, в самом деле, прошу у тебя прощения, парень Дэйви. И никто не смог бы сделать это любезнее меня.

— Все в порядке. Не стоит обращать внимания.

Когда Джед улыбнулся и вернул мне глиняное изображение, я заметил, что его рука дрожит, и почувствовал, во время одной из тех неописуемых вспышек, которые имеют сходство с пониманием, что он совсем не боится Сэма — лишь самого себя. Он спросил, может, чтобы просто поддержать разговор:

— Ты куда-то специально направлялся, парень Дэйви, когда мы наткнулись на тебя?

— Леваннон — вот куда я хочу идти.

— Ну... они там ничуть не лучше еретиков.

А Сэм спросил его:

— Ты когда-либо, черт возьми, был там?

— Конечно, и вовсе не горю желанием идти туда снова.

— Придется пересечь Леваннон, если вы с Вайлит собираетесь в Вэрмант, как сказали.

— Да, вздохнул Джед, — но только пересечь его.

Они все еще были взвинчены. Я сказал:

— Все, что я когда-либо слыхал о Леванноне, я знаю по рассказам.

— Есть места приличные, — признал Джед. — Но эти шарлатаны! Хватают тебя за рукав, склоняются к уху. Есть такое утверждение церкви, что если все верующие сектанты слезутся в Леваннон, то будет лучше для всех остальных, но я не уверен.

Граммиты, франклинисты – вот что религиозная свобода принесла в Леваннен. Ничуть не лучше выгребной ямы атеизма.

Я признался:

– Никогда не слыхал рассказов о франклиниатах.

– Нет? О, они откололись от неокатоликов в Коникате – неокатолики имеют там большое влияние, ты знаешь. Церковь, от которой они отделились, терпит их при условии, что те не собираются строить молельных домов и обзаводиться имуществом... я хочу сказать, что следует иметь религиозную свободу в разумных пределах, просто, чтобы она не приводила к ереси и прочему. Франклинисты – ну, я не знаю...

Сэм подхватил:

– Франклинисты доказывают, что они получили название от имени св. Франклина, не Бенджамина¹, а проклятый золотой стандарт² не был обернут вокруг него, когда его хоронили, а вокруг какого-то другого образованного святого с таким же именем. Мать моей жены знала все об этом, она была бы свидетельницей тех событий, пока тот человек не сдох. Один из них носил молнию в своем зонтике, я забыл, кто именно.

– То был Бенджамин, – сказал Джед, снова совсем дружелюбно. – Как бы то ни было, франклинисты устроили ужасное смятение в Коникате, такой позор – мятежи и тому подобное, наконец, стали вроде подвергаться гонениям и обратились к основной церкви, чтобы им позволили исход или что-то вроде этого, в Леваннен, что и было сделано, и там они находятся до сего дня. Все это ужасно.

– Мать жены была граммиткой. Добродетельная женщина, с ее собственной точки зрения.

– Не оскорбляя твоей веры, Сэм?

– Нет. Я сказал, с ее точки зрения. Но когда это случилось с моей женой, ну, я сказал ей, Джексон, сказал я, можешь быть граммиткой, как и твоя уважаемая родительница, и пророчить конец мира, пока твоя собственная задница не вознесется на небо, сказал я, и причинит этим боль тому, кто остался, сказал я, или можешь быть моей хорошей женой, но ты не можешь быть тем и другим одновременно, Джексон, сказал я, так как я не собираюсь терпеть это. Забодала меня совсем, ну ее...

¹ Бенджамин Франклин, 1706 – 1790, амер. писатель, философ, дипломат, ученый и изобретатель.

² Золотой стандарт – система, при которой стоимость денег основана на золоте.

— Ты имеешь в виду, — сказала Вайлит, что старуха очень активна в постели?!

— Нет, детка Джексон, совсем нет, то есть, это просто в хорошем смысле. Я имею в виду только, что она была ревностной добродетельной верующей после этого, настоящей святой, я никогда не имел ни капельки беспокойства с ней с того дня. Что касается религии, я имею в виду. У нее были и другие недостатки — беспрерывная болтовня, подходящая носильщику ручки от непрестанно звенящего граммофона; вот почему я вступил в армию, чтобы иметь чуточку тишины и спокойствия, но она настоящая святая, понимаете, с ней совсем никакого беспокойства, нет, сэр. Только не в религии.

— Аминь, — сказала Вайлит и быстро взглянула на Джеда, чтобы убедиться, что сказала верно.

12

Мы провели в тех местах ранний полдень, высыхая и закосяясь. Я снова сказал что-то о Леванноне и больших кораблях, тридцатитонных аутригерах, которые осмеливаются плыть в порты Нуина по северному маршруту. А Джед Сивер опять был обеспокоен, хотя, на этот раз, не религией.

— Плавать по морю — это дьявольская жизнь, парень Дэйви. Я знаю — вкусили этого по горло. Нанялся в семнадцать на рыболовный корабль в Кингстоне. Я был очень большой, такой же, как сейчас — слишком большой, чтобы слушаться моего папу, что было грехом — но когда я вернулся, по милости бога и Авраама, я весил не более ста двадцати футов. Мы плыли на юг за Черные Скалистые острова, где море Хадсона спивается с большой водой — о, скользкая Мать Кара, это пустынное место, Черные Скалы! Говорят, что в Древние Времена там располагался большой город¹, но это трудно понять. Что касается большой воды за островами, о, это сто тысяч миль, где нет ничего, парень Дэйви, совсем ничего. Мы пропадали семь месяцев, базируясь в лагере, где коптили рыбу, на жалкой, пустынной полоске земли — песчанные дюны и парочка низких холмов, никакого укрытия, если подует плохой ветер. Остров называют Лонг-Айленд — это часть Леваннона, и там есть несколько небольших поселков в западном конце, поблизости от Черных Скал; любая страна может пользоваться восточной частью: сплош-

¹ Нью-Йорк, о-в Лонг-Айленд является пригородной зоной Нью-Йорка.

ной песок – редко увидишь живое существо, кроме чаек. Люди начинают ненавидеть друг друга в таких рискованных предприятиях. Вначале нас было двадцать пять, в основном грешников. Пятеро умерли, одного убили в драке, и, имейте в виду, компания наперед рассчитывает потерять так много, ожидает этого. Мы совсем не видели ни одного нового лица, пока грузовой корабль компании не привез дрова и не забрал с собой копченую треску и скумбрию. А что сказать о наших плаваниях – ах, иногда мы целых два-три часа не видели землю! Это ужасно. Твоя судьба в руце Божией, аминь, однако это ужасное испытание твоей веры. Совсем нельзя обходиться без компаса, некоторые называют его магнитом. Компания имела компас, который был сделан в Древние Времена, и у нас было три человека в команде, считавшихся подготовленными к обращению с ним и наблюдавших, чтобы бог не устал держать, из своей вечной милости, маленькую железку, направленной на север ради нашего спасения.

Вайлит вздохнула.

– Эй, держу пари, что эти трое были действительно важными персонами в вашей команде, не так ли?

– Ты не понимаешь в этом деле ничего, женщина. Человек, который обращается со священным предметом, а твоя жизнь зависит от этого, разумеется, имеет право на уважение. Да, парень Дэйви, совсем ничего не видно, когда земля скроется из вида. Плаваешь на ялике; может, шесть-семь часов тяжелого труда с большими сетями, и нельзя упускать из поля зрения главный аутригер, так как там имеется компас – а если внезапно опустится туман или нагрянет сильный ветер, что тогда? – и не спрашивай. И когда выбираешь последнюю сеть и пробиваешься по ужасной воде обратно, чтобы устроить лагерь, отправить рыбу на копчение, прежде чем ее забьют в бочки. До сего дня я не могу выносить запах рыбы, любой, не мог бы ее есть, даже если бы голодал. Это мне наказание за греховную молодость. Море не для людей, парень Дэйви. Позволь мне досказать тебе – когда, наконец, я прибыл домой, больной и ослабевший, я все равно испытывал жажду к женщинам, способную довести человека до безумия, и – ну, я не буду вдаваться в подробности, но в мою первую же ночь после возвращения в Кингстон я уступил побуждениям сатаны и был ограблен до последнего пенса моей семимесячной зарплаты. Божья кара.

Глядя в огонь, Сэм произнес:

– Ты утверждаешь, что бог ограбил бы человека, чтобы бросить его добро в укромный уголок?

— Чушь! Нет, почему бы меня ограбили, если это не было наказанием? Что ты ответишь на это! Ах, Сэм, я молюсь о том времени, когда твои насмешки прекратятся. Ты послушай меня, парень Дэви, на море ты был бы *ра бо*, нет другого слова. Дьявольская жизнь. Вкалывай, вкалывай, вкалывай, пока не свалишься — тогда подойдет начальник и ударит тебя старым сапогом по ребрам. И морской закон гласит, что он имеет на это право. Хотел бы я, чтобы сегодня, сейчас, каждый корабль, когда-либо построенный, пошел на дно, глубоко в море. Очень хотел бы. Послушай меня: разумеется, если бы бог имел намерение, чтобы человек плавал, он снабдил бы нас плавниками.

Вскоре после этого мы двинулись дальше, чтобы поискать местность, где могли бы провести ночь в большей безопасности. Я узнал кое-что от Сэма, так как шел с ним, и нас не слышали Джед и Вайлант. Джед, рассказал он мне, был близоруким, на расстоянии двадцати футов предметы казались ему распылившимся пятном, и он болезненно реагировал на это, считая, что это еще одно наказание, данное ему господом. Я вообще не мог представить себе Джеда грешником, не говоря уже о большом грешнике, но Джед твердо верил, что бог имел зуб на него — наверняка испытывая его, может, в душе и по-дружески, но в это же время жестко, никогда не давал ему спуску, забирая что-нибудь еще или напоминая ему о судном дне. Едва лишь бедняга поворачивал голову, чтобы плюнуть, или принимал позу у ствола дерева, чтобы помочиться, как бог — тут как тут — наносил ему удар за что-то плохое, сделанное им десять дней или десять лет назад. Нечестно, думал я, и неразумно — но если это был путь, который избрали Джед и бог, мы с Сэром не собирались бесцеремонно вмешиваться с нашими предложениями, стоимостью в десять центов.

* * *

В Древние Времена была возможность помогать людям с плохим зрением путем шлифовки стекла и превращения его в линзы, что позволяло им видеть почти нормально. Еще одно забытое ремесло, ушедшее в сточную канаву невежества в Годы Смятения — однако оно было восстановлено и привезено с нами на остров.

В Олд-Сити, в подпольных мастерских, примыкавших к секретной библиотеке еретиков, этой работой занимался человек, потративший каких-то тридцать лет на проблему изготовления линз; он все еще там, если остался живой и его не обнаружили победоносные легионы бога. Первоначально его имя было Арн Бронштейн, но он решил принять имя Барух после того, как про-

читал о философе¹ Древнего Мира, который также увлекался шлифовкой линз и построил причудливый мост рассуждений, перенесший его на удивительное расстояние за пределы запутанного христианства и иудаизма его времен. Наш Барух мог бы уплыть вместе с нами; он сам решил не уезжать. Когда Дайон пытался убедить его присоединиться к группе, которая уплывает на "Морнинг Стар", если мы потерпим поражение в битве за Олд-Сити, он сказал:

— Нет, я останусь там, где достаточно цивилизации, несмотря на ее качество, так чтобы человек мог пребывать в безвестности.

— Безвестность — это хорошо, — сказал Дайон, — неужели ты хочешь безвестности, чтобы шлифовать очки для людей, которые не смогут носить их, иначе будут сожжены за колдовство? — Не отвечая на это, очень вероятно, что не прислушиваясь к этим словам, Барух спросил:

— А какие удобства ты предусматриваешь для размышлений на борту твоего... уф, твоего прекрасного "Морнинг Стар"? — Он спросил это, согнувшись в дверном проеме своей затхлой мастерской, и смотрел сердитым взглядом из-под полуопущенных ресниц на Дайона, словно ненавидел его; крича и ругаясь, Дайон обозвал его дураком, что, казалось, доставило тому удовольствие.

Баруху было за пятьдесят, когда началось восстание. Он сказал, что его рукописи и оптические принадлежности составляли груз, слишком тяжелый для перевозки, и он не хотел бы никого обременять им, будьте так добры. Я помню его, стоявшего в дверном проеме, с сутулыми плечами, съежившегося; измученные глаза моргают и слезятся, он одет в выбранное случайно одеяние, хотя у него были деньги для хорошей одежды; говорил это, вместо того, чтобы откровенно признаться, что не доверяет каким-то небрежным, неуклюжим болванам перевозить столь ценный груз. Затем — готовый мгновенно отвергнуть любое проявление привязанности — он дал Дайону небольшую книжку, которую сам переплел, собственноручно мучительно писал — труд бескорыстной любви. Она содержит все, что Барух знал и мог сообщить об изготовлении линз, так что имея мозги и терпение (а мы имеем их), мы сможем в точности воспроизвести в любое время практическую часть работы.

Много раз, после того дня бегства, меня беспокоили мысли об изготовителе линз, пораженном чем-то вроде полной слепоты; о человеке, любящем человечество, который в то же время не выносит вида, звука, прикосновения людей, существующих

¹ Барух (Бенедикт) Спиноза, 1632 — 1677, голл. философ.

вокруг него. Не могу вообразить ничего более нелепого и обидного, чем “чувство сожаления” о Барухе; его отказ от общения причиняет душевную боль.

* * *

В тот день после полудня мы убили оленя. Я увидел его в купе берез и пустил стрелу, которая ударила ему в шею. Он упал, а Сэм, сразу же оказавшись возле него, быстро и безжалостно резанул ножом по горлу. Джед не скучился на восхищение. Вайлит наблюдала за нами: мною, самоуверенным и гордым, Сэмом, со спокойным выражением лица, который с окровавленным ножом ожидал, чтобы с туши стекла кровь, и я заметил пробуждение в ней вожделения, ее глаза расширились, губы чуть припухли. Если бы Джеда не было там – он присутствовал, но фактически не разделял чувства возбуждения – я мог бы представить себе, как она приглашает Сэма, чтобы он распластал ее на земле. Именно это теплилось в ее взгляде на него – и на меня, кто, в конце концов, пустил стрелу. Но там был Джед, а через несколько минут мы были заняты отделением мяса, которое смогли бы унести; момент возбуждения минул.

На ту ночь мы расположились лагерем в овраге, который, вероятно, был в добрых десяти милях от Скоара, но, все же, довольно близко от северо-восточной дороги – один или два раза мы слышали, как проезжали всадники. Для приготовления пищи мы устроили временный очаг из камней, ниже края оврага, откуда пламя не могло быть видимым с дороги. Когда пришла очередь Джеда и Вайлит собирать дрова и они оставили нас с Сэмом одних, он ответил на вопрос, прежде чем я задал его:

– Их называют “примазавшимися”, Джексон. Это значит, что она занимается проституцией, чтобы добить средства к существованию, предлагая себя любому мужчине в роте, который имеет доллар. Она очень искусная в своем деле – я был с ней несколько раз, и никогда не было скучно ни на минуту. Она вела себя так, как надо – мужчины обращались с ней приветливо, она имела право выбора, никакой подлец или пидер не скакал на ней; она имела возможность отложить деньги на черный день. В каждой роте имеется такая – я не знаю, как с этим делом в моханской армии. Наши ребята всегда делают настоящую любовницу из ротной проститутки. Это естественно – единственное женское существо, которое они могут любить, и так далее... Да, старый Джед благосклонно относится к религии, или он всегда так к ней относился, но, я хочу сказать, что для него это нечто вроде просвета в тучах, во всяком случае, он решил, что бог не желает, чтобы он находился в

армии, когда ведется война и реальный шанс, ожидающий его — нанесение вреда кому-то. И, кажется, бог указал ему взять с собой в дорогу Вайлит. Он сказал, что так хочет бог.

— А кто же еще сказал бы ему об этом?

Сэм смерил меня одним из своих долгих холодных взглядов, прикинув расстояние до Джеда и Вайлит в кустах и продолжал рассказ:

— Это пришло в голову вчера, после того, как мы спрятались возле дороги, ожидая моханцев. Я случайно наткнулся на Джеда и на нее в кустах, полагая, что они просто устроились, чтобы перепихнуться, но оказалось, что это не так. Джед, на которого снизошел святой дух или что бы это ни было, попросил меня не уходить и быть свидетелем. Он объяснял Вайлит, как бог желает, чтобы она бросила греховную жизнь и возлюбила господа вместе с ним, намеревающимся впредь вести жизнь, полную сострадания и чистоты. Проклятье, он уже такой кроткий, добродушный и отупевший, что никак и не подумать, что в нем найдется mestечко, достаточное для греховного обмана в шутку простака, но сам он так не думает. Этот человек всякую совесть потерял, словно бизон, он все топчет и топчет свои грехи. Да, еще мне показалось, что Вайлит великолепно преобразилась, и когда старый Джед убедил ее: "раскаясь-оставь-все-и-следуй-за-мной", ну, будь я проклят, если она не раскаялась, она раскаялась, будь я проклят... Джед, он хотел, чтобы я тоже пошел с ними. Я никак не предполагал, что меня позовут. Он согласился, что они будут находиться рядом день и два и молиться за меня, и если я передумаю — ускользну из подразделения и трижды подряд прокричу своей, пока они не соединятся со мной. Хорошо, сказал я, и они ушли. Я не знаю, как они пробрались мимо наших часовых, он такой неуклюжий, подслеповатый, но у Вайлит острое зрение в лесу, она вывела его каким-то образом. Не было у меня намерения идти с ними, Джексон, — я склонен к одиночеству, — но потом я получил удар по голове в той стычке, а рота отправилась без меня. Я, действительно, временно потерял сознание. Чертовски близко наткнулся на моханцев, как я тебе говорил. Обошел их и продолжал путь по дороге — очень плохой, я и не сообразил, что направлялся в Скоар, пока не рассвело. Несколько раз прокричал свой, не ожидая какого-либо ответа, но Вайлит услышала и ответила, и мы соединились. Знаешь, что удивительно? — они решили, что пройдут весь путь до Вэрманта и вырубят там место для фермы в глухи, построят храм в заброшенной пустынной местности и тому подобное. Я не связываюсь с этим, но благословляю их, сказал я, надеюсь, что им это удастся.

— Ты называешь их Джед и Вайлит, вместо “Джексон”.

— О, да. Я же не обращался к ним непосредственно.

— Я понимаю. Я хорошо тебя понимаю, как бы не так!

Сэм положил руку на мою голову и толкнул вниз — не сильно, но вот я уже сижу на земле. Взъерошил мне волосы; мне оставалось одно — рассмеяться, и мне стало хорошо.

— Джексон, сказал он, — если бы ты не был большим серьезным умницей, прямо таким, как я, я не беспокоил бы себя объяснением. Видишь ли, в этом мире человеку нужно помочиться, скажем, против ветра, а то никто и не знает, что он есть на белом свете. Слыши, будь я паршивое, гадкое, обыкновенное старое высохшее дермо собачье в горной долине, если я, действительно, не свалил дурака, — ну, скажи мне, дерму собачьему, этого достаточно?

— Ты просто любезно уложил меня на траву.

— Твоя правда! Точно, так оно и бывает. Ты никогда разве не знал дерма собачьего, во всяком случае, старого, высохшего дерма, которое встает на задние лапки и называет людей “Джексон”, как будто не знает их настоящих имен, к тому же, они вовсе этого не желают. Итак, теперь я ответил на твой вопрос честно и справедливо, какого черта ты держишь в этом мешке? Весь день о нем беспокоишься.

Я мог бы еще тогда рассказать ему всю историю о золотом горне — как сделал это несколько месяцев спустя, когда мы случайно оказались одни, но возвращались Джед и Вайлит. Так или иначе, это было не для них — все осложнялось бы объяснением, почему я не убил мутанта, да и другие трудности. Однако, Джед услыхал вопрос Сэма и, когда увидел, что я не желаю отвечать, а также мою подавленность, он немного потрындев мне о том, что с тех пор, как господь свел нас вместе, мы должны стараться быть все за одного и один за всех, что означало делиться всем и не иметь секретов друг от друга. Поэтому, было бы лучше оно добродетельно для меня рассказать о том, что я держу в мешке, — не то, чтобы он предполагал, хотя бы на минуту, что там находилось что-либо, чего мне не следовало иметь, но... да, а тем временем старый Сэм держался в стороне, не делая ничего, чтобы освободить меня от этого обязательства, просто заботился об очаге, насаживал оленину на палки, чтобы жарить, и, время от времени, бросал на меня невыразительный взгляд, который мог означать: “Вперед, будь дермом собачьим”

— Джед, — спросил я, — не поддержишь ли ты это изображение снова, так чтобы я мог смотреть на него во время рассказа?

— Ну, конечно! — Он действительно был встревожен и очень обрадовался моим словам. Вайлит села рядом, положив короткую и

широкую ладонь мне на спину. Привязанность была ее естественным свойством, совпадающим с ее сексуальным призывом, хотя это и не одно и то же. Ей нравилось касатьсяся, подталкивать локтем и лизаться, теплое присутствие ее тела ощущалось без суетливого возбуждения, тогда как в другой раз она могла сказать, всего лишь надув губки или качнув бедром: "Давай разочек!"

— Истинная правда, — сказал я, глядя на глиняное изображение, — о том, как получилось, что я случайно убил того человека. — Сначала ведь этот подиадоевший идол, действительно, чуть беспокоил меня. Но так или иначе, я намеревался честно рассказать, как я перелез обратно через скоарский частокол и сцепился с тем часовым. — И когда я продолжал, упустив даже упоминание об Эммии, и заверил, что вернулся через частокол в лес сразу же, лишь только убедился, что часовой был мертв — о, это лицо, позорящее лжеца, не выразило возражения.

— Бедный Дэви, — сказала Вайлит и пощекотала меня под на-бедренной повязкой, где Джед не видел ее руки. — Так сразу же и вернулся в лес, а? А имел ли ты девушку в Скоаре, сладкий малыш?

— Ну, я имел какую-то, только...

— Что ты имеешь в виду под "какой-то"? Не дала бы и задницы кузнечика за "какую-то" девушку, Дэви.

— Ну, я хотел сказать "одну" из девушек. Но давайте расскажу, что же произошло в тот день в лесу, до того, как я случайно убил того. Вы когда-нибудь встречали отшельника?

— Да, однажды, — сказал Джед. — В пещере на склоне горы, недалеко от Кингстона, он искусно излечивает наложением рук.

— Именно такого отшельника я и имею в виду, — сказал я, — обитающего в лесу. Я слонялся в тот день без дела, хотя и не имел никакого права бросить работу. Как бы то ни было, я набрел на этого старого отшельника. Под травяным навесом, никакой пещеры. Не считаете ли вы, что он был настоящий святой и жил там очень давно?

— Господь охраняет своих близких, аллилуйя. Тот отшельник из кингстонской пещеры не имел ничего. Держал там коз.

Сэм поинтересовался:

— Там сильно воняло?

— Немного, — сказал Джед. — Должен же отшельник присматривать за чем-то во службу божию.

Так и есть, но к черту его отшельника, я должен был заинтересовать их моим.

— Он тогда выглядел ужасно старым и странным. Когда я впервые увидел его, меня это так огорчило, что я чуть было не

наступил на большую гремучую змею. Но он заметил ее, приказал мне не двигаться и сделал знак колеса, и вот!

— Что и “вот”?

— Ну, я хочу сказать, она просто уползла, не причинив вреда. Старик-отшельник сказал, что это было знамение, растолковав, что змея представляла проклятие, мою величайшую вину — которой он не мог узнать, кроме как по второму знаку, потому что я не совершил там ничего такого, достойного проклятия, можете мне поверить.

Это дошло до Джеда так, как я и предполагал.

— Слава господу, именно так это и происходит! Тебя вело, тебе было предназначено встретить того святого человека. Продолжай, сынок!

— Ну... Он был не только старый, он был при смерти.

— О, подумать только! — сказала Вайлит. — Бедный старый сук... бедный старый отшельник!

— Да. Он выглядел таким спокойным, что я бы никогда не догадался, но он сказал мне. Он сказал: “Пришло мне время помереть, парень Дэйви” — нет-нет, это другой знак, он знал мое имя, но я не называл его. Я был ошеломлен, и это, действительно, так. Я полагаю, это было второе знамение.

— Я тоже считаю, что так и было. Продолжай, Дэйви!

— Да, он сказал, что я был первым, кто проходил мимо за длительное время и оказал ему любезность, только, черт побери — я хотел сказать, слава богу — я не делал ничего такого, но сел рядом и слушал. Он указал мне, где копать под навесом, и взять то, что я найду там и держать у себя всю жизнь. Сказал, что это реликвия Древнего Мира, и он знал, что злые духи были изгнаны из нее молитвой, он сделал это сам. — Помню, что испугался, увидев огромные размеры этого прекрасного духовного инструмента — испугался до такой степени, что мой голос задрожал. Джед и Вайлит отнесли это на счет моего благоговения — если между страхом и благоговением действительно есть различие. Старик-отшельник сказал, — продолжал я, что бог привел меня для этого, имея в виду, что предмет из Древнего Мира предназначен именно для меня, если я научусь, вы-знаете-чему, брошу ругаться и так далее.

— Да святится имя Твое, Господи! И ты был приведен также и к нам, и мы все поможем тебе перестать ругаться и никогда больше не делать этого. Итак, что случилось потом?

— Потом он... умер.

— Ты, действительно, присутствовал при кончине святого?

— Да. Он благословил меня, указал мне снова, где копать и испустил дух... э-э... у меня на руках. — Я посмотрел на густой

лес, сдержанно и храбро, и вздохнул: в конце концов, впервые мне приходилось убивать отшельника. – Итак... итак, затем я с трудом вырыл для него могилу и... – я остановился, внезапно почувствовав прилив тошноты, вспомнив дождь и все, что произошло на самом деле. Но вскоре – в таких случаях иногда кажется, что время остановило свой бег – я почувствовал, что солдат (который теперь жил во мне и нигде больше) был бы рад посмеяться там, за моими глазами, вместе со мной над моим дурацким проклятым отшельником, а почему бы и нет? Поэтому я снова был в состоянии продолжать: – Взял то, что нашел там, и ушел, вот и все.

Потом я показал им мой горн, но не осмелился подуть в него вблизи от дороги. Джед и Вайлит были в слишком сильном благоговении, чтобы прикоснуться к нему, но Сэм подержал его в руках и сказал, немного спустя:

– Молодой человек мог бы поиграть на этом.

Позже, во время еды, я спросил:

– В батальоне – не в вашей роте, но среди солдат, которые участвовал в том бою, что я видел утром, – помните ли вы парня, может, лет семнадцати или около того, темноволосого, сероглазого, с мягким произношением?

– Может, с пару десятков, – ответил Сэм, а Джед пробормотал что-то с тем же самым успехом. – Не знаешь его имени?

– Нет. Нашел его после боя, и мы немного поговорили. Ничего не мог сделать для него.

Вайлит спросила:

– Он был сильно ранен? Умер?

– Да. Я не успел узнать его имя.

– Он умер верующим? – спросил Джед.

– Мы не говорили о религии. – Джед выглядел печальным и потрясенным: я сразу не понял почему. – Я не успел узнать его имя.

– Джексон, – позвал Сэм и молча швырнул мне еще один кусок оленины – именно тогда, когда был задан вопрос. Позже, ночью, во время первого караула с Сэном я, действительно, понял, что подразумевал Джед своим вопросом, и память моего детского обучения навалилась на меня еще одним бременем темноты.

За заветами святой мэрканской церкви, верующий, находясь при смерти, должен сделать то, что священники называют исповедью, если он еще может говорить, иначе навсегда попадет в ад. Если он упустит это из-за боли и беспамятства, присутствующие должны напомнить ему. Мне часто говорили об этом, как и всем детям; почему это не пришло мне в голову, когда солдат умирал? У

меня были сомнения, конечно, особенно на счет ада, но..., а что, если ад существует? Все остальные принимают это на веру...

Перед нами горел костерок, а за спиной возвышалась стена оврага. Даже имея Сэма рядом, мне было страшновато видеть, как Джед и Вайлит исчезли в кустарнике, возле которого мы расположились, хотя я знал, что они были недалеко, и, вероятно, не спали. Я представил себе моего сероглазого друга скрюченным в яме с дегтем, мозги закипают в его черепе, что отец Кланс так прекрасно описал; и он выкрикивает мне: "Почему не помог?"

Где-то в болоте слабое кваканье лягушек было таким длительным, что слилось с тишиной; пронзительно кричали квакши, нет-нет, да и нарушили покой голоса сов. Когда, наконец, взошла луна, она была окутана красноватой дымкой, которую мы заметили при заходе солнца, — возможно, это был отдаленный дым от последствий войны. Неожиданно я почувствовал, что в моей голове возник вопрос: **А каким образом кто-либо знает об этом?**

Сошел ли кто когда-либо на седьмой круг ада и видел собственными глазами, как изменников-супругов вешают за мушонку, чтобы отец Кланс, вращая глазами, потея и вздыхая, мог позже объяснить нам, как это делалось? Откуда в самом деле он знал?

И разве не видел я людей, получавших удовлетворение и власть над другими, просто зная, или делая вид, что они знают то, чего не знают другие? Боже милостивый, да не проделал ли я только что сам такое же надувательство с моим проклятым отшельником?

Мог ли кто-либо доказать мне, что идея о пребывании в аду или на небесах не была лишь грандиозным обманом? Может, при этой мысли я вздрогнул или заерзal. Сэм прошептал:

— В чем дело?

Цвет луны переменился в белый, и стало видно его лицо. Я знал, что он не сделает мне ничего дурного и не рассердится, но, все же, задал вопрос с робостью:

— Сэм, есть ли люди, которые не верят в ад?

— Джексон, ты уверен, что именно этот вопрос хочешь задать? Я не очень-то умудрен в таких делах.

Конечно, мой вопрос был не по существу: дело заключалось в перекладывании на него груза моих тягостных размышлений.

— Видишь ли, Сэм, сам я искренне больше не верю в это.

— Видел много ада на земле, — сказал тот немного погодя. — Но это не то, что ты имел в виду.

— Нет.

— Ну, что касается церкви — я встречал лишь тех, кто действует так, словно хочет верить в это, людей, считающих себя благополучно избранными для царствования небесного. Возьми старину Джеда, ничто не страшит его больше, чем ад. Верит основательно, но сам прекрасно устраивается, чтобы забывать об этом. Есть сомнения, Джексон?

— Да.

Он молчал довольно долго, что побудило меня снова немного испугаться.

— Что касается меня, я всегда имел их... Ты ведь не боишься, что я мог бы сообщить об этом священнику?

— Откуда ты знаешь, что не боюсь?

— Просто знаю — и все тут, Джексон. Во всяком случае, если бы я был на твоем месте, вместо того, чтобы убиваться от мысли, что солдат жарится там из-за непроизнесенных слов, ну, я бы осмелился задать себе вопрос: а что если священники выдумали всю эту чушь, будь она неладна? Итак, он так доверился мне, что я больше не сомневался: мы с Сэмом были ужасными еретиками и с этим ничего не поделаешь. Помню, я подумал: Если бы сжигали Сэма, то должны сжечь и меня вместе с ним. И у меня возникло желание сказать что-либо подобное вслух. Но потом мне пришло в голову, что ведь он знал так много моих мыслей, безо всяких усилий с его стороны, и, вероятно, не пропустит и эту.

13

То, о чем я написал до сих пор, произошло в течение нескольких дней в середине марта. К середине июня мы находились всего лишь на несколько миль дальше, так как нашли славное место, где прожили отшельниками три месяца. Там окончательно зажила рана на Сэмовой голове после причинившей беспокойство инфекции. Мы бездельничали, а я преодолевал первые этапы обучения игре на золотом горне. Мы вели длительные беседы и строили тысячу планов, а я тем временем взрослев.

Нашим жилищем стала прохладная широкая пещера на склоне горы, чем-то похожая на мою, там, на Северной горе, но эта находилась низко на скалистой стене, на четырнадцать футов над уровнем земли. Из нее мы не имели дальнего обзора, но глядели на расположенный ниже лес, как в обширную и тихую комнату. Пещера была затенена от полуденного солнца, и никакого посе-

ления не было поблизости, чтобы беспокоить нас. Для изучения окружающей местности надо было лишь взобраться на ближайшую сторожевую сосну и глянуть оттуда. С высоты я никогда не видел людей, за исключением струек дыма от уединенного сельца в шести милях к востоку. Северо-восточная дорога лежала в двух милях по другую сторону от этого села, названия которого мы так и не узнали. Это не был Уилтон Вилидж — мы проскользнули мимо него, прежде чем случайно наткнулись на нашу пещеру.

Единственным доступом в наше убежище была свисавшая дубовая ветвь — Джеду было трудно влезть по ней, а единственным жителем, которого мы побеспокоили, оказался толстый дикобраз, его мы стукнули по голове и съели, так как это было проще, чем научить его не возвращаться и не прижиматься к нам, когда мы спали.

В течение двух недель Сэм находился в плохом состоянии из-за инфекции в ране, у него был жар и его мучили головные боли. Джед чудесно ухаживал за ним — у него это получалось лучше, чем у Вайлит или меня — и даже позволял Сэму проклипать всех на чем свет стоит. Мы с Вайлит добывали пищу, пока Сэм болел, а Вайлит еще и отыскивала дикорастущие растения, чтобы приготовить какие-то целебные снадобья для него. Ее мать была сборщицей лекарственных трав в горах южного Кэтскила, говорила Вайлит, а также повивальной бабкой. Она была переполнена историями о старухе и лучше всего рассказывала их, когда Джеда не было поблизости. Сэм довольно терпеливо относился к ее травяным снадобьям, но через какое-то время выглядел, когда она приходила, как человек, ожидающий, что следующее дерево, вырванное с корнем в бурю, сорвет и крышу. Затем, к концу своей болезни, когда Вайлит достала его снадобье, которое, как она сама допустила, выгонит медведя из берлоги и тот пустится наутек, Сэм сказал:

— Джексон, я не возражаю, чтобы извилистыми путями моего желудка прошла молния, и, полагаю, мог бы привыкнуть к ощущению, что мне придется разродиться огромным трехрогим чудовищем, но я никоим образом не могу выносить этого топота ног.

— Топота ног? — спросила Вайлит.

— Вот именно. Эти микробы и все эти бациллы внутри, которые бегают по моим внутренностям, стараясь убежать к чертям собачьим от твоих лекарств. Их нельзя обвинять, понимаешь, ведь они там поселились со своими ногами, только я не могу вытерпеть этого, и, поэтому, с твоего разрешения, постараюсь больше не болеть.

Чуть больше месяца мы проживаем на острове Неонархеос. “Морнинг Стар” отплыл два дня назад, чтобы исследовать регион к востоку от нас, в котором на старой карте нанесены другие острова. Капитан Барр намеревается совершить не более, чем двухдневное путешествие и затем вернуться. Он взял с собой только восемь человек – достаточно, чтобы управлять шхуной.

Мы не называем Дайона правителем, еще нет, потому что он достаточно ясно дал понять, что не хочет этого. Однако, мы все считаем естественным, что важные решения – такие, как посыпать или не посыпать капитана Барра в это путешествие, – должен принимать, главным образом, Дайон, и вскоре, я полагаю, большинство колонистов закочет оформить это официально. Хотя наша группа небольшая, нам потребуется нечто вроде конституции и писанных законов.

Там, в Нунне и в тех других странах, с наступлением сезона зимних дождей холодают; здесь мы не замечаем почти никакой перемены. Мы соорудили двенадцать простых домов: из травы, растущей на берегу ручья, получается хорошая крыша, хотя лишь с наступлением сильных дождей сможем испытать ее. Семь построек расположены на холме и размещены так, что из всех их имеется вид на отлогий морской берег и небольшой залив, и один из семи домов – наш с Ники. Еще одна постройка выросла на морском берегу, три – расположены вдоль ручья, а Адна-Ли Джейсон с Тедом Маршем и Дэйном Грегори выбрали себе место для постройки дома далеко на горе, где берет начало наш ручей. Этот любовный союз начался в Олд-Сити задолго до нашего отплытия; они нуждаются в нем, так же, как мы с Ники нуждаемся в нашем, более естественном браке, но Адна-Ли в последнее время была такая счастливая, какой я никогда не знал ее в прежние времена.

На борту “Морнинг Стар” мы все узнали немного о том, как, вероятно, приходилось обитать в переполненных городах и пригородах в последние дни Древнего мира. Я только теперь прочитал ужасный отрывок в книге Джона Барта: “Наши государственные деятели периодически открывают основную цель войны. Они, бедные божки, словно фермеры в затруднительном положении: что бы такое предпринять, если у тебя тридцать свиней и только одно ведерко помоев в день...? И, в финальном результате, апокалиптическое безрассудство, это совместное самоубийство, называемое ядерной войной, для них не более, черт побери, чем главное з а т р у д н и т е л ь н о е положение. Их единое, испытанное временем, регулирование численности населения полностью отпало”. В нескольких дальнейших разделах он, мимоходом, замечает, что, конечно, регулирование

рождаемости стало практически решаться после XIX столетия, за исключением того, что церковники сделали рациональное его применение невозможным даже позднее, в XX веке, когда время стало истекать. Что написал бы он о нашем теперешнем состоянии, обратном мрачной проблеме перенаселенности его времен.

Хочу сказать, что никакая цивилизация никогда полностью не погибает. Имеется, по крайней мере, поток физической наследственности и, возможно, какое-то слово, произнесенное тысячелетие назад, может оказывать неизнаваемое воздействие на то, что ты сделаешь завтра утром. Если вообще выжила только одна книга — любая книга, любая жалкая горсть страниц сбереглась тем или иным образом: похороненная, заперта в подвале или пещере, — Древний Мир не погиб. Но ни одна цивилизация не может вернуться к каким-нибудь из ее прежних свойств. Могут вспомниться фрагменты — ведь память содержит больше, чем мы осознаем, резонанс Древних Времен звучит в разговоре отца с сыном. Но мир Древних Времен не может ожить снова таким, каким он был, об этом не следует даже мечтать.

* * *

Вайлит часто уходила со мной на охоту и рыбалку, тогда как Джед оставался ухаживать за Сэмом. С первого же дня я почувствовал согласие между нами — сначала невысказанное, выраженное случайными прикосновениями и взглядами, например, когда она шла в нескольких ярдах впереди меня, в благодатной лесной тишине, и поворачивалась, чтобы, не улыбаясь, взглянуть на меня через плечо. Думаю, Вайлит время от времени с удовольствием выслушивала страшные таинственные истории от других, подобные моей наглой лжи об отшельнике, но была не из тех, кто создает их сам. В такой момент, проходя по тропе, она могла, с таким же успехом, произнести вслух: “Меня можно поймать, если немного пробежать”.

Мы были удачливы в тот день, поймав пару упитанных кроликов, а потом нашли хорошую заводь для рыбалки, примерно в миле от нашей пещеры. На поросшем травой берегу, под солнцем, было так тихо, будто ни один человек не беспокоил эти места в течение веков. Мы установили рыболовные снасти, и, когда она стала на колени поправить свою лесу, ее рука скользнула вокруг моих бедер.

— Думаю, ты имел девушку, раз или два.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты на меня так смотришь. — В следующий миг она уже выпрямилась и стаскивала через голову свое потрепан-

ное платье. — Пришло время, чтобы ты действительно узнал кое-что, — сказала она. — Я не молодая и не красавица, но я знаю, что нужно делать. Обнаженная и ничуть не деликатная (как вы и подумали), самоуверенная и слегка улыбавшаяся, двигая бедрами, чтобы взволновать меня, она выглядела великолепной женщиной. — Снимай свои тряпки, сладкий малыш, — сказала она, — и попробуй взять меня. Тебе придется потрудиться.

Я трудился, и сначала долго боролся с ней изо всех сил, совсем без передышки, пока борьба не разгорячила ее до настоящей усадьбы. Потом, внезапно, она стала целовать и ласкать меня, вместо того, чтобы отбиваться, смеясь вполголоса и пробормотав несколько похотливых слов, которых я не знал в то время; вскоре она сжала руками свои колени, и я вошел в нее стоя, радостно попирая сзади, у меня даже и мысли не было, что причиняю ей какой-либо вред. Когда я выдохся, она ткнула меня кулаком в плечо, а потом обняла. — Сладкий малыш, ты молодец. — То, что у меня было с Эммией, казалось очень давним и далеким.

У нас были еще встречи, их оказалось не так уж много, потому что у Вайлит имелись и другие слабые места: очень подавленно настроение, что-то вроде отчаянных угрызений совести; религиозная часть ее естества принадлежащая Джеду, навсегда омрачила ее дальнейшую жизнь. Часто (она однажды рассказала мне) ей снилось, что она продавала свою душу дьяволу, а тот, в виде огромной серой скалы, обрушивался и раздавливал ее. Она не всегда могла быть хорошим партнером для борьбы, когда мы уединялись и имели такую возможность, но изредка в такие моменты ей хотелось поговорить со мной. Кажется, в такое время, у пруда, где мы снова ловили рыбу, и, может, через неделю после нашей первой любовной игры, она рассказала мне кое-что о своих отношениях с Джедом Сивером. Когда бы Сэм или я ни упоминали о Джеде, если он отсутствовал, я, бывало, замечал что-то вроде спокойного предупреждения на ее любезном непроницаемом лице, подобно животному, напрягшему все силы для защиты, если это понадобится. Она не желала слышать никакой критики в его адрес. На рыбалке у пруда, поймав немного рыбы на ужин, мы окунулись в воду, чтобы смыть усталость от жаркого дня, но она предупредила, чтобы я не играл с ней, да я и сам был не в форме; мы просто лениво сидели у пруда и высыхали, и она поделилась со мной: — Я постигла, Дэви, я имхо в виду, нравственное понимание греха. Я не рассказывала Джеду о том, чем мы занимались, это не настоящий грех, который мог бы отяготить его печалью, и, во всяком случае, у меня было так много грехов в прошлом, от которых следует освободиться, этот

грех — незначительный. Дэйви, он такой добродетельный, этот Джед! Он сказал, что я должна продумывать прежние грехи и убедиться, что я искренне раскаиваюсь в них, потому что, понимаешь, нельзя избавиться от всех них одним большим великолепным раскаянием, следует отбрасывать их по одному, сказал он. Поэтому, понимаешь, я успешно продвигалась до сих пор, но еще не добралась до конца. Я хочу сказать, маленький, если я совершу не более, чем один грех в день, или, скажем, максимум два, и потом, скажем, раскаюсь в этот же день в трех прошлых грехах, ну, я имею в виду, что через какое-то время я наверстаю упущенное. Только иногда становится очень печально, когда вспоминаешь их всех. Я разделяюсь с ними, к тому времени, когда мы доберемся до Вэрманта. А Джед, он сказал, что это, слишком много, пытаться покончить с грехами раз и навсегда, слишком трудно¹, что господь никогда не подразумевал подобного.

Я спросил:

— Джед ужасно добродетельный, не так ли?

— О, он святой! — И продолжала говорить, какой он щедрый и заботливый и как объяснил все пути к Аврааму; когда они будут иметь свой маленький дом в Вэрманте, они рассчитывали, что к ним каждый день будут приходить грешники, чтобы слышать Слово Божие, абсолютно каждый, любой свободный человек, который прийдет. Дорогая Вайлит, мрачное настроение покинуло ее, она раскраснелась от мысли об этом, сидя там, у пруда, голая как сойка, время от времени похлопывая меня по колену, но не пытаясь возбудить, потому что это не был наш день для любви. — У Джеда, понимаешь, у него тоже очень много беспокойства с грехом. Почти каждый день он вспоминает о чем-то из своего прошлого, что возвращает его назад, потому что нуждается в покаянии. Как, например, вчера он вспомнил: когда ему было пять лет, почти шесть, он только что узнал об удобрениях, понимаешь? Итак, у его матери была клумба желтых настурций, о которых она очень заботилась, а он хотел сделать что-то, действительно, благородное, чтобы они сразу же стали вдвое больше и красивее, поэтому он все время мочился на них, особенно на большую настурцию старого дедушки, которая торчала довольно дерзко... ну, я хочу сказать, к тому вре-

¹ Полагаю, Джед был совершенно прав в этом. Мое собственное запланированное спасение включает владение в грех так часто, как это возможно в следующие 70 лет, поэтому то, от чего я откажусь в 98 лет, будет составлять значительную величину.

мени, когда он все понял, как раз оказалось, что было слишком поздно, он не мог остановиться, пока не опорожнится. – Вайлит всплакнула, одновременно смеясь. – Итак, клумба стала настоящим болотом, лепестки опали на землю, а так как он не признался, посчитали виновником пса, а тот не скажет.

– О, – заметил я, – эта проклятая настурция просто напршивалась на неприятность.

– Да-а, я тоже смеялась, когда он рассказал мне, да и он сам, только чуть-чуть, однако это серьезно, Дэйви, потому что легко согласовывается с настоящим грехом, совершенным им в девять лет, бедный парень. Он совершил грех по отношению к маленькой соседской девочке, а его мама поймала их на ягодной грядке. Девочку она просто отшлепала по заднице и с криком отправила домой, но она не наказала Джеда. Он сказал, что, он знает, его мать была величайшей святой, которая когда-либо жила на белом свете, так как все, что она делала, – только плакала и повторяла ему, что он сильно огорчил ее, и это после того, как она родила его в муках и пытается вырастить из него что-то путное. И, поэтому, с тех пор он никогда не имел сношений с женщиной, кроме одного раза.

– Что он...? Он никогда...?

– Кроме одного раза. С проклятой кингстонской проституткой, о которой он рассказывал, после сирей проклятой рыбакской поездки... Ну, как бы то ни было... как бы то ни было, теперь он святой, и единственное, чего он вечно хочет от меня – чтобы я сняла свое платье и потоптались на нем немного, и обзываю его плохими словами – он говорит, что это очищает его и, таким образом, является угодным Богу, подобно бичеванию, только он не заставлял меня делать этого в последнее время, особенно с тех пор, как мы ушли из армии. – Она вздохнула и прекратила плакать. – Он такой добрый, Дэйви! И он также всегда понимает, как мне трудно, поэтому, иногда он как бы помогает мне своей рукой или подобным образом, он говорит, что это только малый грех и, так или иначе, мы оба все более укрепляемся в Господе, теперь все время. Называет меня своей мальшкой, чудом спасенной от верной гибели, и я знаю, что это выражение из книги заветов Авраама, но ты! Поймешь, что он имеет в виду – ну, иногда он может держать меня в объятиях всю ночь напролет и совсем не возбуждается, это ли не чудо?

Недели, проведенные в пещере, были также благоприятными для моего обучения игре на горне. Я отводил этому, по крайней мере, один час каждый вечер – от глубоких сумерок до полной темноты. Днем была слишком большая опасность, что услышит бродячий охотник и незаметно приблизится, тогда как даже бандиты не высу-

нут носа из своего лагеря после сумерок в моханских лесах. Я играл на горне и принимал участие в составлении наших планов.

Имелся и мой план о Леваноне и кораблях, но когда я узнал, что даже Сэм был огорчен моей идеей, чтобы я нанялся на корабль, я прекратил разговоры об этом, и, хотя идея не погибла, никто о ней больше не услышал.

Имелся план Джеда и Вайлит о ферме в Вэрманте. Они были уверены насчет паломничества грешников, но вносили уточнения в остальной домашний скот. В один дождливый день Вайлит предложила завести коз, тогда как Джед отстаивал кур: началось все шутки ради, но он вдруг испугался и забеспокоился и оборвал обсуждение, сказав, что козы — слишком сладострастны, словом, которого Вайлит не знала, поэтому она замолчала.

Сэм, когда выздоровел, стал более озабочен ближайшими планами. Мы не сможем куда-либо пойти, твердил он, если только нам придется путешествовать в изодранной кэтскильской униформе, платье такого-же темно-зеленого цвета и серой набедренной повязке моханского крепостного стуки. Он заявил, что мог бы найти два хороших способа приобретения подходящей одежды, оба нечестные, и лишь один честный, который себя не оправдает, и, несомненно, приведет, по крайней мере, одного из нас в тюрьму или к повешению.

— Нечестно, — сказал Джед, — это грех, Сэм, а ты не нуждаешься в том, чтобы я напоминал тебе об этом. Какой честный способ?

— Один из нас пойдет в ближайшее село и купит немногого одежды. Должен идти совершенно голым. Сразу же будет привлечен к суду за появление в неприличном виде. Я не рекомендую этот способ.

— Я мог бы сказать, что потерял одежду в каком-то месте, — предложил Джед. Было похоже на то, что он считал само собой разумеющимся, что это он должен быть тем, кто подставит свою шею, чтобы ему отрубили голову. — Я мог бы оправдаться перед Создателем, что это невинная ложь.

— Но не перед лавочником, — сказал Сэм. — Так или иначе, ты не выглядишь похожим на человека, который случайно потерял бы свою одежду — ты очень крупный и имеешь важный вид. А я — у меня слишком жалкий вид.

— Может скажу, что потерял ее в вихре.

— В каком вихре, Джексон?

— В воображаемом вихре. Я просто скажу, что вдоль дороги немного дунуло.

Сэм вздохнул и посмотрел на Вайлит, а она посмотрела на меня, а я посмотрел на мой пупок и никто ничего не сказал.

— Ну, — размышляя дальше Джед, — я мог бы повесить листья вокруг пояса и сделать вид, что заблудился в лесу.

Сэм возразил:

— Я никак не смог бы смириться со срыванием безобидных листьев с такой напрасной целью.

— Послушайте, — вмешался я, — вероятно, этим следовало бы заняться мне, учтивая, что никто из вас не говорит, как в Моке...

— Сэм, послушай, — сказала Вайлит, — только ради любопытства и чтобы спорить, какие виды нечестных способов ты имел в виду?

— Могли бы остановить группу людей на дороге и забрать все, что нам потребуется, но этот Джексон не одобряет насилия, я также. Кто-нибудь может пострадать, или они убегут и сообщат полиции. Еще один способ: один или двое из нас могли бы пробраться в какое-то село или на отдаленную ферму и утянуть что-нибудь.

— Кражи — это грех, — сказал Джед, и мы все сидели тихо и печально, а я выдул несколько звуков на моем горне, так как начинало темнеть. — Во всяком случае, — продолжал он, — я не понимаю, как человек мог бы пойти и украсть одежду другого без всякого насилия. Я имею в виду, что вы должны подумать о человеческой природе, особенно о женщинах, и тому подобном.

Сэм осторожно произнес:

— Что-то вроде основного рабочего правила, Джексон: если крадешь одежду — крадешь ее, когда в ней никого нет, как в магазине, так и на бельевой веревке.

Я сказал:

— Почему бы нам не сделать это и оставить доллар, чтобы поступить честно?

Ну, они все смотрели на меня, словно оглушенные ударом мешка с песком, как смотрят взрослые на что-то, что не кажется возможным, а затем они становились счастливее и счастливее, веселее и веселее, пока не стали выглядеть, как трое святых, преисполненных вечным блаженством.

На следующее утро мы отправились в то село, в шести милях от нас, расположенное возле северо-восточной дороги — Сэм, Вайлит и я. Мы здраво рассудили, а Джед согласился, что временными грешникам в походе для кражи одежды потребуется способность быстро передвигаться и хорошее зрение. Кроме того, мы нужда-

лись, чтобы кто-то присматривал за пещерой и охранял наше снаряжение. Еще более того, он усердно потрудился, так как перед восходом солнца молился о ниспослании удачи в доллар, который выделила Вайлит, потому что он сказал, что если мы оставим подлинный удачный доллар, чтобы уплатить за одежду, это уменьшит грех почти до ноля, и, поэтому, он честно заработал свой отъезд.

Я уже наведывался в село в одиночестве, два или три раза. Оно было убогое и грязное, с ветхим частоколом, ограждавшим двадцать или тридцать акров земли, и таким небольшим расчищенным пространством вокруг, что было понятно: эти люди должны жить, главным образом, охотой и рыбной ловлей, плюс, может, несколько ремесленников работало для торговли. С северо-восточной дорогой село соединялось гужевой, но с другой стороны села никакой дороги не было. Я заметил три отдаленных дома с довольно большими садиками, два на северо-восточной стороне, и один у задних ворот, который, вероятно принадлежал человеку, называемому тут егерем.

Мы остановились на поросшем деревьями склоне горы, откуда могли наблюдать за этим домом у задних ворот, так как имелась вызывающая интерес бельевая веревка, и, тут вышла худощавая девица в желтом платье и добавила полную корзину белья к тому, что там уже болталось.

В таких селах егеря имеет больший вес, чем кто-либо другой, кроме главного священника и мэра. Егеря распоряжается всей работой, которой приходится заниматься в дикой местности, устанавливает место и время охоты или рыбалки для любых групп, обычно сам возглавляя их, следит за сезонными и погодными приметами, распределяет все, что бы ни принесли охотничьи и рыболовные группы, и отхватывает со всего лучший кусок. В небольшом захудалом селе, подобном этому, его назначают сообща главный священник и мэр; в баронских селах – их немного в восточной Мюхе – он будет торговым менеджером (иногда называется вассалом) самого барона и назначается пожизненно. В любом случае, с сельским егерем шутки плохи, а здесь мы намеревались обокрасть его обожаемую бельевую веревку.

С нашего склона горы мы наблюдали более получаса, следя не только за домом, но и за большой собачьей конурой рядом с ним. После того, как девушка, повесившая белье, пошла обратно внутрь, мы не видели ни души. А также собаки. По роду деятельности егера, он надолго уходит из дома. И его собаки тоже. А на веревке висело огромное белое платье – его, вероятно, можно разрезать на три или четыре набедренные повязки. Другой материал висел также: малова-

тое желтое платье, похожее на то, что носила девушка, и целая связка предметов помельче – полотенца, коричневые набедренные повязки. Мы не могли упустить такую возможность.

Лес оканчивался в сотне ярдов от дома и начинался кукурузный участок; был июнь, молодая кукуруза оказалась достаточно высокой, чтобы скрыть человека на четвереньках. Им придется быть мне, так как я был небольшой и не носил зелено-кэтскильской формы, а если меня поймают, по крайней мере, у меня был бы шанс выпутаться с моим моханским акцентом. Мы спустились через лес со склона горы, и я оставил Сэма и Вайлит на опушке леса, пообещав свиснуть, если мне потребуется помочь. Я пополз вперед, между рядами кукурузы, ориентируясь на то желтое платье, словно на цель¹. Позднее солнечное утро склонялось к полудню.

Добравшись до края кукурузного участка, я услышал в доме что-то вроде женских голосов, слабых, не похожих на трескотню приходящих домработниц. Бельевая веревка висела между шестом и углом дома, низкого, с разбросанными строениями, и хорошо сделанного с решетками на окнах против волка, тигра и мелких воришек, бродивших по этой глухомани. Мне, наверно, придется пересечь небольшой двор с выходящими на него окнами. Главная дверь дома была напротив меня, а справа, на расстоянии не более двухсот футов, стояли задние ворота сельского частокола. За шестом бельевой веревки я заметил боковую дверь, обращенную к селу, которая, вероятно, была кухонной, потому что прямо снаружи ее находился аккуратный огород с кухонной зеленью. Я прошмыгнулся через двор, тогда лишь сообразив, что мы не придумали маскировки для моей рыжей копны волос. Никто не препятствовал мне, а у угла дома, где была прикреплена бельевая веревка, я был надежно скрыт от окон. Я отцеплял с веревки желтое платье, когда дверь частокола со скрипом отворилась.

Вошла седовласая женщина, которая задержала руку на двери, чтобы дать указания кому-то с той стороны, в таком тоне, что тот запомнит надолго: очевидно она застала караульного у ворот, который урвал время, чтобы вздрогнуть. Пауза предоставила мне шанс. Я очутился в том желтом платье, а волосатую голову обмотал полотенцем так быстро, что не могу сказать вам, каким образом я это проделал. Собрав оставшееся

¹ Такой уж мой Дэйви. Что, кроме платья, побудило бы его отправиться в путь?

белье в кучу, я укрылся еще больше к тому времени, когда женщина закончила нотацию и последовала дальше.

В ходе моих действий оказалось слабое место: теперь, когда я стал привлекательной прачкой, будет ли выглядеть уместно, если я прогуляюсь в лес с выстиранным бельем. Я был вынужден отнести белье в дом. Чертовски влажное. Если седовласая женщина была близорукой и поглощенной мыслями, она могла бы принять меня за настоящую хозяйку того желтого платья, поэтому по пути в кухню, я попытался слабо подергивать задницей, как это делают женщины. Не могу считать, что это выглядело очень привлекательно, – неподходящий тип задницы.

Кухня была большой, прохладной, к счастью пустой. Выйдя из села одна, эта пожилая женщина могла идти только сюда. Вероятно, посетительница, – большое белое платье предназначалось для кого-то, фигурой похожего на пивную бочку с двумя прикрепленными крупными арбузами, не могло принадлежать ей.

Из соседней комнаты, где была передняя дверь, долетели голоса. Женщина, которая, должно быть, подошла к окну сразу же после того, как я пересек двор, сказала:

– Мама, это она.

Мать ответила:

– Хорошо, ты знаешь, что делать.

Ничего особенного в этом, но я разочаровался. Молодой голос был хнычущим, полуиспуганным; голос матери – высокий, хриплый, с приподыханием, из чего я определил, что хозяйкой белого платья и была она, к тому же любила поесть. Я вспомнил, что слышал рассказы сельских жителей, как использовать кухонную дверь, и проворно прошмыгнулся со своим узлом белья в кладовую, тихонько прикрыл дверь и как раз вовремя прильнул глазом к замочной скважине: вошли “Желтое платье” и ее мама. Эта кладовая должна была иметь проход наружу, но его не оказалось – только одно высокое окно с решеткой. Я попал в ловушку.

Мать была не только толстухой, но и шести футов росту, ее платье, длиной до лодыжек, представляло собой дешевку тусклочерного цвета, а внизу виднелись дорогие туфли из воловьей кожи. Пучок волос обрамлял пурпурный тюрбан, а в ушах качались kostяные украшения. Я все же думаю, что хозяин этого дома был таки сельским егерем, трезвым и ответственным, какие они и на самом деле: в кладовой висело охотничье снаряжение, а расположение дома было традиционным для егерского дома. Возможно, когда хозяин находился дома, толстая женщина была образцовой домохозяйкой, ее черное платье и тюрбан припрятывались там, где он

не наткнулся бы на них. Однажды таким образом, ей приходилось быть знахаркой и заниматься незаконной деятельностью, однако добрые люди обращались к ней по поводу приворотного зелья, абортов, ядов украдкой.

Она поставила на столе хрустальный шар, такой, каким, я слыхал, пользуются цыгане и бродячие комедианты для предсказаний судьбы, и бухнулась перед ним, спиной к моей замочной скважине, но не раньше, чем я взглянул на ее лицо. Маленькие жестокие глаза, умные и быстро бегающие. Ее, похожий на клюв, нос, оставался острым, тогда как остальное лицо оплыло бледным жиром.

После этого мимолетного взгляда, ее плоскоголовая дочь, про скользнув мимо, произвела на меня впечатление, очень близкое к нолю. Шедшая к двери, чтобы встретить седовласую женщину, чей стук я услышал, она повсюду выглядела глохской, как будто во время ее взросления — ей было где-то за двадцать — ее мать сидела на ней большую часть времени. Ее приветствие шепотом к седовласой женщине было отрепетированным и неискренним:

— Мир вам, мадам Байерс! Моя мать уже общается с вашей дорогой.

— О. Я не опоздала? — Мадам Байерс говорила как леди.

— Нет. Время — это иллюзия.

— Да, — сказала мадам Байерс и добавила не к месту: — Прекрасно выглядишь, Луррет!

— Спасибо, — поблагодарило плоскоголовое ничтожество, стараясь держаться на высоком уровне. — Присаживайтесь.

Толстуха и головы не повернула. Сидела неподвижно, огромный раздутый канюк, предоставив мне взирать на ее толстый загривок, даже не удостоив приветствием мадам Байерс, присевшую у стола. Тогда я увидел лицо леди, худое, осунувшееся, призрачное. Толстуха приказала:

— Посмотрите в глубину!

Луррет закрыла наружную дверь от дневного света и задвинула толстые занавески на окнах. Она поставила перед хрустальным шаром свечи и принесла горящую личину от очага в соседней комнате, чтобы зажечь их. Потом медленно переместилась и стала за мадам Байерс, думаю, чтобы следить за материнскими сигналами. Я никогда не видел кого-либо, кто оказался бы так сильно похожим на безмозглую марионетку, как будто она перестала быть человеком и превратилась в палку, которой ее мать привыкла тыкать повсюду.

— Посмотрите в глубину! Что вы видите?

— Я вижу то, что видела прежде, мадам Зена, птичка пытается улететь из закрытой комнаты.

— Дух твоей матери.

— О, я верю, — сказала мадам Байерс. — Я верю. Я могу рассказать вам — когда она умирала, она хотела, чтобы я поцеловала ее. Единственное, что она просила, — говорила я вам?

— Спокойствие, мадам Байерс! — Она вздрогнула, громадная колдунья, и оперлась огромными руками о стол, на котором я увидел ее толстые остроконечные пальцы, скрюченные, словно ножки паука.

— Что делает бедная птичка сегодня, моя дорогая?

— О, то же самое — бьется в окна. У нее был рак — признаки, вы понимаете, не так ли? Я не могла поцеловать ее. Я сделала вид. Она знала, что я притворилась... — Мадам Байерс положила свой дорогой кожаный кошелек. Я знал, что в бедном селе, таком как это, имеется не более одного-двух аристократических семейств, и она, вероятно, принадлежала к одному из них; ничего хорошего не обещало вступать в сделку с этими кровопийцами.

— Возможно ли это, мадам Зена? Можете ли вы, в самом деле, вызвать ее, так чтобы я могла поговорить с ней?.. О, это было так давно!

— Все возможно, если человек верит, — ответила мадам Зена, а Луретт перегнулась к мадам Байерс, поглаживая ее плечо и затылок, приговаривая какие-то слова, которых я не смог разобрать в потоке ее плаксивого шепота.

— О! — вырвалось у мадам Байерс, — я намеревалась дать вам это раньше. — И она начала вынимать серебряные монеты из кошелька, но ее руки дрожали, и вскоре она сунула весь кошелек в руки Луретт и, казалось, почувствовала облегчение, выпустив его из рук.

— Убери его, Луретт, — распорядилась мадам Зена. — Я не могу прикасаться к деньгам. — Луретт отнесла кошелек на боковой стол и я увидел, как она съежилась под обжигающе-горячим взглядом матери.

— Возьмите меня за руки, дорогая, теперь мы должны ожидать и немного помолиться.

Очевидно, это было сигналом для Луретт, которая выскользнула из комнаты и удалилась на несколько минут. Вернувшись бесшумно, дойдя только до дверного проема за мадам Байерс, чтобы поставить блюдо дымящегося ладана, который быстро завонял все помещение. Выполнив это задание, Луретт стояла голой, на ней были только малюсенькие трусики — в момент перемены одежды, как я догадался; когда она исчезла снова, я решил, что голяком она выглядит еще более плоской.

Стоит напомнить, что мадам Зена и ее отродье могли легко погореть, если этот вид их деятельности был бы доказан — цер-

ковь не терпит подобного соперничества. То есть, хочу сказать, что нет предприятия более опасного, нелепого, безжалостного и отвратительного, но, все же, многочисленные тушицы рисуют за несколько долларов.

Я был безразличен и, предполагаю, немного перегружен адским юношеским мучением; кроме того, должен был выбираться с моим грузом белья. Лурретт, очевидно, собиралась выступить в качестве духа мадам Байерс; так как я был оппозиционным кандидатом, у меня была только одна возможность, по моим предположениям, которая могла иметь будущее. Я высвободил нож из-под желтого платья и надел белое платье сверху. Должно быть, оно не доходило и до лодыжек мадам Зены; на мне же оно величественно мело пол, даже после того, как я подтянул его, подвязавшись одной из белых набедренных повязок. Спереди в нем осталась для меня пара необычно больших нагрудных мешков, в которых поместились много белья. Конечно, я был несколько выведен из равновесия – больше, чем было модно в XX столетии, как я теперь осознаю в ретроспекции, – а мои рыжие волосы, закрытые со всех сторон полотенцем, которое я повязал поверх них, вероятно, фальшивили, и могли найтись еще два-три другие несоответствия с женским обаянием в его лучшем виде. Несмотря на то, что я был одет для роли, я не чувствовал себя почтенной женщиной. Поэтому, я почти сразу же отбросил всякую идею, чтобы быть спокойным персонажем, и, найдя на полках немного томатного соуса, расплескал его на переднюю часть белого платья и еще на мой нож. В конце концов, я, вероятно, не буду матерью мадам Байерс, но просто какой-то хорошо упитанной леди, которая внезапно умерла и, все же, возмущалась этим.

Обернувшись к замочной скважине, я увидел Лурретт, собиравшуюся плавно войти с тонкой, как паутина, тканью, обвивавшей вокруг нее. Можно было различить сильно накрашенные губы, пару глаз и больше ничего. Загипнотизированная в дымной темноте, желающая верить, мадам Байерс, вероятно, увидела бы что угодно, по воле этих мошенниц. Это сразу же подтвердилось, так как вошла Лурретт, прежде чем я собрался с духом, чтобы действовать. Мадам Байерс – бедная душа, она не могла находиться у стола, как мадам Зена приказала ей, вскочила и протянула руки. Это дало мне как бы толчок, в котором я нуждался. Я почувствовал себя свободно и с криком: "Убивают! Убивают!" – энергично вмешался, размахивая окровавленным лезвием.

Мадам Зена поднялась, словно бык из грязевой лужи, свалив стол со свечами, но Лурретт в панике завизжала, и я подошел сначала к ней, ухватился за колыхавшийся белый купол и запутал ее, так

что она брякнулась на пол с хорошеньким глухим стуком. Затем рывком я раздвинул оконные занавески и, когда мадам Зена подошла ко мне — она имела мужество — забежал сзади нее и начал пишать в зад, достаточно сильно, чтобы сделать ее активной. “Бега!” — шепнул я, и процитировал что-то изысканное, что вспомнил из учения отца Кланса: “Убегай от грядущего гнева!”

Она убежала. Я не допускаю, чтобы кто-либо мог оставаться в таком виде, достойном освистывания. Она не могла побежать в село в своем пурпурном тюрбане и черном платье. Она бросилась в соседнюю комнату, и я должен был позволить ей уйти — и тоже выбираться, до того, как она вернется с каким-то лучшим оружием, чем мое. Но тем временем, Луретт выкарабкалась и бросилась стремглав наружу, чтобы бежать в село, голозадая, с меньшим здравым смыслом, чем у перепуганной курицы. Она вопила: “Убивают! Насилуют! Пожар” Я так и не узнал, о чем из всего этого она действительно думала.

Я сунул кошелек в дрожащие руки мадам Байерс. По крайней мере, она видела Луретт разоблаченной; сделать больше этого я не мог, ожидать тоже. Думаю она проклинала меня, когда я выбежал. Вероятно, каждого проклинают, если он разрушит фантазию.

Я побежал вдоль кукурузных рядов в лес, почти так же быстро, как всегда бегал по земле, все еще потрясая моим, сдобренным кетчупом, орудием убийства, не осознавая этого. Сэм сказал позже, что если бы он не знал меня достаточно хорошо, то был бы обеспокоен моим состоянием, но так как все оказалось в порядке, он просто поинтересовался, почему такое количество женщин не смягчили мою натуру. Вайлит сказала, что ей я тоже понравился.

На обратном пути к пещере, после того, как я рассказал им всю изумительную историю о моем девичестве, я остановился:

— Клянусь яйцами пророка! — сказал я, — у меня все еще этот доллар.

— О, господи! — сказала Вайлит, а Сэм выглядел мрачно. Мы сели на бревно, чтобы поразмысльть над этим. — Был бы грех, если бы ты имел намерение оставить его у себя, но ты просто забыл, не так ли, милый?

— Да, словно одурманенный.

— Конечно, — сказала она. — Все же, я полагаю, нам следует спросить Джеда, как нам поступить с точки зрения морали.

Сэм предложил:

— Джексон, в качестве компромисса, я бы желал, чтобы мы не делали этого. Я думаю, будет очень морально, если мы решим этот вопрос сами. Например, мог ли бы юный Джексон

или ты, вроде бы продолжать держать его у себя, не придавая этому значения? – нет, нет, извините, я могу понять, что это не будет совсем правильно. Более того, с этим делом я бы разбрался сам, одинокий по убеждению.

– Разумеется, – сказала Вайлит, – эти люди были мошенники и обманщики – о, боже! – она вскочила, рассыпав часть добычи, которую несла, и начала счищать свое потрепанное старое зеленое платье, как будто села на рыжих муравьев. – Что, если эта старая баба закодровала белье?..

– Нет, Джексон, я считаю, что она не смогла бы этого сделать на таком расстоянии. Кроме того, эти вызывающие духов мошенники – не настоящие ведьмы. Знаешь что? – они более похожи на верующих знакарей, а ты знаешь отношение Джеда к подобным людям. Он всегда хотел, чтобы ни один доллар не пошел на поддержку ереси. Не захочет ли он и теперь?

– Это правда, – сказала Вайлит. Она счистила грязь с одежды, которую отбросила, и снова сложила ее изящным свертком; ее руки знакомы с тканью и привычны к ней. Она очень верила суждениям Сэма, когда Джеда и бога не было поблизости...

– А теперь посмотрим на это с другой стороны, – сказал Сэм, – юный Джексон был в сильном напряжении – нет, я не имею в виду то, что он парень или девушка, я думаю, нам это достаточно ясно, он такой же парень, как и любой другой болван с яйцами, но я хочу сказать, что он совершил там хорошее дело, спасая бедную леди от греха и глупости, в то время, как наши задницы просто отдыхали в кустах. Я не скажу, что его волосы поседели от этого испытания, это не так, но, рассуждая здраво, он з а р а б о т а л там этот случайный доллар – не так ли, Джексон?

– Да, – согласилась Вайлит. – Да, это так.

– Хорошо. Но возьмем старого Джеда, он живет по более высокому моральному уровню – верно Джексон?

– Это правда, – снова подтвердила Вайлит.

– Поэтому, если бы мы рассказали великолепную невинную ложь о том, что наш парень оставил доллар там, это оградит Джеда от переживания, так ведь?

– Вероятно, – сказала Вайлит. – Однако...

– Я думаю, это смажет колеса телеги для путешествия.

– Да, – сказала Вайлит, – Да, это так.

– Учитывая, что ты живешь на более высоком моральном уровне, Джексон, у тебя нет в р е м е н и , чтобы соображать, куда уходит каждый проклятый доллар, если только господь не заставляет тебя прыгать по неправедной воле.

— Ну, — протянула Вайлит, — ну, я считаю, что ты прав...

Мы находились в нашем пещерном убежище еще несколько недель, пока Вайлит подправляла для нас одежду. Она носила небольшую сумку для шитья, и я никогда не уставал, наблюдая за ее спорожкой в этом деле. Ножницы, наперсток, несколько иголок и катушка—две шерстяных ниток — это было все, но Вайлит могла так загромождать пейзаж чудесами, что я редко видел более превосходные изделия. Огромное белое платье обеспечило три хорошие белые набедренные повязки свободного человека для нас и часть рубашки для Джеда. Потом Вайлит смогла смастерить остальную часть этой рубашки и еще две, для Сэма и меня, из оставшегося белья бедной “мисс Дэйви”. Сделав это, она, ругаясь и немного потея, переделывала желтое платье для себя, вопрошая у леса и неба, почему, черт возьми, Лурретт не могла вырасти, по крайней мере, на несколько бедер. Однако она рассекла его и добавила как-то там со всех сторон; когда она примерила, платье сидело на ней прелестно, прямо как с иголочки.

Мы продолжали разрабатывать планы. Кажется, это потребность человека, как и обычай писать свое имя на чистой стене, которой может там не оказаться. Я не могу, так и быть, осуждать это, так как даже теперь, я сам всегда занимаюсь этим. Мы планировали, что пойдем несколько миль за это село, а потом смело направимся на северо-восточную дорогу. Мы планировали, что я с моим настоящим моханским акцентом буду вести переговоры, но нам всем придется отрепетировать хорошую выдумку.

Мы решили, что Джед и Вайлит, лучше всего, будут мужем и женой — они будут ими, так или иначе, когда доберутся до Вэрманта. Мы все четверо были совсем разными на вид, но Вайлит заявила, что могла бы увидеть что-то вроде сходства между лицом Сэма и моим, и была так уверена в этом, что я начал находить его сам, несмотря на очевидные различия — Сэм, жилистый и высокий, с узким носом; я, коренастый и короткий, с толстым приплюснутым носом.

— Рот и лоб похожи, твердила Вайлит, — и немного глаза. Дэйви голубоглазый, но это темновато-голубой цвет, а твои могли бы выглядеть очень похожими, Сэм, если бы ты был рыжеволосым.

— Меня называли “Песчаным”, когда я был молодым, — сказал он. — Но я никогда не был по-настоящему рыжим. Если бы я, действительно, был рыжеволосым, как юный Джексон, вероятно, мог бы пробивать головой каменные стены немного лучше, чем делал это в последние тридцать с лишним лет.

— Послушай, Сэм, — сказал Джед, — мне кажется, это не честно, чтобы бог дал человеку возможность пробивать головой

каменную стену, разве, что это твоя манера выражаться. Если, конечно, стена не будет крошиться, или...

— Это такая манера выражаться, — сказал Сэм.

После длительного обсуждения мы разработали такой план: Сэм будет моим дядей и кузеном Вайлит. У Джеда был брат в Вэрманте, который только недавно умер, а он сам родился в Вэрманте, но в молодости уехал в западную Моху, в Ченго. Этот брат завещал Джеду семейную ферму, и мы все шли туда, чтобы вместе работать на ней. Что касается меня, то мои родители, ~~или отоспы~~, когда я был малышом, и мой дорогой дядя приютил меня, будучи сам холостяком, фактически одиноким по убеждению. Когда мои папа и мама умерли, мы жили в Кэтскиле, хотя по происхождению я из моханской семьи, из Канхара, важная семья, черт возьми.

— Не понимаю, — сказал Джед. — Это, кажется, не имеет законного основания.

— Манера говорить, Джексон. Кроме того, я не имел в виду, что те благородные Лумисы из Канхара были аристократы — просто солидная семья свободных людей с несколькими «мистерами». Как мой дядя Джешэрэн — канхарский городской совет присвоил ему титул мистера, и почему? Из-за налогов, которые тот платил за старую пивоварню, вот почему. Она была собственностью семьи два-три поколения.

— Вино — достойно осуждения, — сказал Джед. — Я не хочу, чтобы ты придумывал такие заведения, как пивоварни.

— Какой, к черту, это треп,уважаемый, — сказал Сэм, — я просто рассказываю тебе, чем они занимались, а не выдумываю подобную историю, даже если это и не создает впечатления действительности. Я не заводил проклятую пивоварню, более того, если ты когда-либо слыхал, расскажи, как готовить вино в пивоварне, я хочу знать. Ее завел прадед, понимаешь, и она работала как красавица, пока мой дядя Джешэрэн, с деревянной ногой, не стал пропивать прибыль.

Джед невесело размышлял над этими словами.

— Ты хочешь сказать, что он занимался этим, тоже образно выражаясь?

— Он, несомненно, этим занимался.

— Я имею в виду, мне просто кажется, Сэм, что люди не будут верить этому. О том, как была пропита целая пивоварня. Это невозможно.

— Я могу представить себе, что ты не знал моего дядю Джешэрэна. Нога была полой, Джексон. Старый сукин сын, бывало, наполнял ее на пивоварне после долгого пьяного рабочего дня, приходил с ней домой и пьянствовал, как безумный всю ночь напро-

лет. Он, к тому же, не просто умер, только не мой дядя Джешэрэн. Он взорвался. Перегнулся, чтобы задуть свечу, которую забыл задуть, будучи пьяным тогда, или скорее, он никогда и не был трезвым. Вдохнул, вместо того, чтобы выдохнуть, весь тот алкоголь в нем так и ухнул — Иисус и Авраам, от старого хозяина, мистера, не осталось ничего, даже, чтобы помолиться. Кусок его с рой деревянной ноги упал на пастбище для скота, в миле от до... ⁷⁶ил теленка. Моя тетя Клотилда сказала, что это было наизань... яему дяде, я имею в виду. Однако, если бы этого не случилось, он мог бы покинуть город.

15

Мы отправились на следующий день после того, как шитье одежды было закончено; возможно, мы все побаивались, что эта пещера нам слишком понравится. По крайней мере, мы с Сэмом чувствовали — даже не говоря об этом — что мы, вероятно, всегда будем, в какой-то степени, в движении; а для Джеда и Вайлит ферма в Вэрманте окрашивала будущее в теплый свет лампы.

Странно, как мало внимания мы уделяли войне, после того, как прекратили общение с миром более, чем на три месяца. Мы проявляли интерес и вели какой-то праздный разговор о ней, но, пока мы снова не отправились в путь, а дни уплывали из июня в золотистую необытность середины лета, мы не чувствовали настоятельной необходимости узнать, что совершили армии, пока мы так долго пребывали в мире. Они могли идти и возвращаться по северо-восточной дороге. Скоар мог пасть, мы ничего не знали об этом.

Пограничные войны того времени и те, которые я видел и участвовал в них позже, в Нуине, очень различались между собой. В моханско-кэтскильской войне 317 года, полагаю, в боевые действия было вовлечено вряд ли более двух тысяч человек: главным образом, делая обманные движения и маневрируя, армии перемещались по позициям вдоль нескольких важных дорог и, насколько могли, избегали дикой местности: лесная засада, которую кэтскильские солдаты попытались устроить под Скоаром, была эпизодическим явлением. Подобного тому, что произошло тогда, я больше не встречал в той специфичной войне. Она была урегулирована на переговорах в сентябре. Кэтскил уступил незначительный порт и несколько квадратных миль территории у моря Хадсона в обмен на город Сенеку и тридцатимильную полоску земли, что дало ему страстно желаемый доступ к морю Онтаро. У Брайана VI кэтскильского были и другие

хитроумные причины, чтобы требовать такие условия договора – я оценил это немного позднее, когда был с Дайоном в Нуине и имел собственный взгляд на большую политику. Эта тридцатимильная полоска отрезала Моху от любых подходов по земле к западной дикой местности: поэтому, если в этом неизвестном, предположительно богатом регионе когда-либо будут осваивать территории, это окажется делом Кэтскила и Пенна – Мохе ничего будет беспокоиться.

Когда мы покидали пещеру, меня занимала более древняя война, которую вели человеческие существа против других созданий, желавших иметь место на земле. Я суеверно чувствовал, что она оказалась для нас слишком легкой. На охоте и рыбалке, когда мы пребывали у пещеры, мы не сталкивались ни с чем более опасным, как с несколькими змеями. Однажды перед нами с Вайлит выскочила пума, и мы убежали в почти комическом ужасе. Как-то ночью мы почуяли запах медведя, который мог причинить беспокойство, если бы смог взобраться и залезть в пещеру за нашими припасами. Это был, конечно, только черный медведь, как мы узнали по следам, которые обнаружили утром. Большой бурый медведь очень редко появляется в южной Мохе, его, действительно, там не встретишь. К северу от реки Мохи они довольно многочисленны, это одна из главных причин, почему огромный треугольник горной местности, между рекой Моха и морем Лорента, остается, в основном, неисследованным.

Я нахожу странным, читая книги Древнего Мира, когда замечаю, как беспречно относились люди того времени к диким зверям, которые тогда были редкими и робкими, их подавляли человеческая мощь и многочисленность и невероятное оружие. Тогда человек, действительно, казался хозяином земли. В наше время, несколько сот лет спустя, полагаю, он все еще является самым разумным животным на всем пространстве; даже все еще имеется вероятность, что он будет преуспевать, если когда-нибудь научиться себя вести и прекратит перерезать глотки своим братьям, но есть некоторое сомнение. Мы могли бы снова стать хозяевами земли, но, возможно, нам следует осторегаться определенной ловкости, которую я заметил в передних лапах крыс, мышей и белок. Если у них возникнет речь и они научатся применять несколько простых инструментов, скажем, ножи и дубинки, пройдет немного времени до того, как они станут толковать волю бога и подтасовывать результаты выборов.

Порох запрещен законом и религией¹, это, может быть, также обоснованно, потому что ружья, в которых он используется, тоже

¹ Запрет излагается соответственно в Книге Универсального Закона, 19-е издание (последнее, надеюсь), увидевшей свет в Нувере в 322 го-

запрещены из-за недостатка стали, отсутствия технологии, способной разрабатывать и производить их, а теперь еще и отсутствия веры, что такие орудия когда-либо существовали. Так как в Древние Времена было создано огромное количество художественной литературы, удивительно, как церковь в наше время может заклеймить что-либо нежелательное в уцелевших фрагментах древних книг, называя это выдумкой.

Мы должны были помнить, что, говорят, по дикой местности бродят какие-то бандитские шайки, и хотя восточная Моха не имеет слишком плохой репутации на этот счет, зато южный Кэтскил кишмя кишит ими. Эти, объявленные вне закона, банды совершенно безразличны к законам и государственным границам; они живут далеко в глухи и, время от времени, собирают дань с сельских жителей. Безжалостные души – ходят слухи, что они убивают своих стариков и допускают новых членов только после диких испытаний. Банды небольшие – в Мохе или Нуине вы никогда не услышите, что банда напала на любой по важности город или крупный караван¹, даже о набегах с последующим отходом. Считается общепризнанным, что пираты островов Код начинали с бандитской шайки, которая научилась обращаться с небольшими военными кораблями, а затем выросла чуть ли не в государство. В Коникате я слыхал историю о разгроме целого армейского батальона парой десятков бандитов, которые посчитали, что солдаты вторглись к ним. Эта история была модной в довольно отдаленном прошлом; стоявшие на углах нищие рассказчики предпочитали версию, по которой у бандитов были группы обученных черных волков, помогавших им, под руководством совершенно необычной личности, называвшейся Робин, или Роберт, Гуд.

Я пережил несколько грустных минут, когда мы навсегда уходили из пещеры в то утро. Прежде всего, я понимал, что будет

ду: "В настоящее время и в будущем, совершенно и навсегда, запрещено, под страхом смертной казни любым способом, который определят церковный суд округа, производить, описывать, обсуждать, издавать любые упоминания, или всяким иным способом использовать вещество, известное в народе как порох, или любое другое вещество, которое полномочными властями церкви может обоснованно подозреваться, что оно содержит атомы".

Дайон М.М.

¹ Любая группа путешественников, которые передвигаются по дорогам и держатся вместе для безопасности, называется караваном. Это слово, кажется, использовалось немного иначе в Древнем Мире.

Дайон М.М.

мало возможностей для развлечений с Вайлит; почувствовав, что теряю ее я даже вообразил было, что влюблен в нее, – ее здравый смысл позабочился бы об этом, если бы я признался ей в любви; поэтому, я не признался, мой собственный рассудок был обязан управиться с этим, и поступил довольно хорошо. Уход из пещеры был прощальным и во многих других отношениях...

Я знаю: так случается в любой момент. Что произошло с человеком, который дышал с тобой одним воздухом пять минут назад? – или вас это не беспокоит?

Большую часть дня мы потратили на осторожное путешествие через лес, пока не убедились, что очутились далеко за пределами села, которое оказалось таким добрым, что снабдило нас достойной уважения одеждой. Мне, в самом деле, хотелось узнать, что произошло там, когда ворвалась Луретт с пронзительными воплями об изнасиловании и пожаре, но я никогда не узнаю, поэтому, какого черта, пишите эту историю сами, если вы люди, в конце концов. Потом мы изменили наш курс и вышли на северо-восточную дорогу там, где она поднималась на значительную высоту, однако более длинная и крутая часть все еще находилась впереди нас. Солнце стояло за нами на западе: все застыло в горячей яркой тишине. Мы увидели несколько разбросанных столбов дыма в южных, удаленных селах. Ничто не двигалось по дороге, когда мы вышагивали там в нашей хорошей одежде – белых набедренных повязках свободных людей, приличных коричневых рубашках, Вайлит – в перешитом жестом платье. И мы ничего не слышали – ни голоса, ни скрипа тележных колес, ни звуков скота, лошади или человека. С той стороны подъема, впереди нас, могло находиться кое-что.

Джед спросил:

– Что сегодня за день?

Буду проклят, если мы знали. Я сказал, что четверг, но Джед не был уверен и начал раздражаться, что он, вероятно, пропустил специальные молитвы в утро пятницы. Он был за то, чтобы прочитать их тогда, там, у дороги, но я сказал:

– Стойте, прекратите болтовню на минуту – я хочу прислушаться. Я хотел чего-то большего, жестом приказал им остановиться на месте и прошел немного вверх по дороге, чтобы очиститься от человеческого запаха и понюхать ветер. Даже тогда я не был уверен.

Хорошо бы, если какой-нибудь человек мог бы присоединиться к нам, но жаркий полдень был спокойный, как сон. Джед оказался прав – в тот день была пятница, день, когда бог, говорят, отдыхал от трудов творения, и все, кроме самых необходимых, путешествия запрещены или, по крайней мере, не одобряются. Фактически все

еще велась война, отпугивающая от путешествий, хотя ничто в летнем воздухе не побуждает тебя думать об этом. Наконец, было довольно позднее время дня и чувствительный путешественник, вероятно, будет думать об отдыхе за стенами частокола.

Когда я снова присоединился к остальным, Сэм встревоженно спросил меня:

— Ты учゅял его?

— Думаю, что да. — Я заметил, что Джед не понял. — Лучше всего нам двигаться прямо вперед, держаться теснее вместе, пока не придет в поселок. Мне кажется, я слышал запах тигра.

Какой крутой был тот, освещенный солнцем, склон, какой длинный! Я хотел, чтобы мы взбирались по нему тихо, и Сэм тоже настаивал на этом, но, по мнению Джеда, лучше всего поможет молитва, и, когда Сэм просил его не создавать шума и помалкивать, Джед просто снисходительно смотрел и продолжал молиться, тут уж ничем не поможешь.

Возникала иллюзия, что дорога кончается в небе. Вы можете всегда почувствовать это там, где дорога поднимается в гору и вы представляете себе падение в бездну или внезапную смерть. Если бы я мог вернуться к тому отрезку дороги сегодня и пройти по нему без тревоги, без ощущения слабого аммиачного запаха существа, которое бесшумно пребывало где-то рядом, я считаю, что это оказалось бы обычным восхождением. Она не была такой уж крутой, чтобы бык в одиночку не смог протащить тяжелую телегу до вершины — я хочу сказать, что она была стандартной и отвечала требованиям дорожного строительства в большей части Мохи. Однако всякий раз, когда казалось, что запах усиливался, или я воображал какой-то намек на рыжевато-коричневое мелькание слева от меня, я ощущал себя бескрылым клопом, лезущим вверх по стене.

На самом деле этот участок дороги вовсе не был очень длинным — возможно, четверть мили, а то и меньше. Солнце опустилось не слишком низко, когда мы достигли гребня подъема — мы действительно достигли его, все четверо из нас живы — и посмотрели вниз и увидели то, что могло бы спасти нас от тигра или не спасти.

Мы увидели отраженное частоколом село, стены сделаны довольно хорошо, оно круто расположилось у кромки дороги, не просто убежище в дикой местности, но цивилизованное, респектабельное, значительное по полагающемуся ему праву. Оно лежало достаточно далеко внизу, в долине, так что мы могли видеть все, кроме его северного конца, скрытого лесной растительностью, близко подступавшей к частоколу. За частоколом мы увидели изящный церковный шпиль, обычную конструкцию из вертикаль-

ной стойки, поднимающейся от колеса, и аккуратный строй верхушек крыш, включая крыши немногих двухэтажных домов. По соседству с дорогой, на нашей стороне, находился большой участок расчищенной земли с кукурузными делянками и черными пятнами на тех местах, где ночью устраивались сторожевые костры, чтобы охранять свои насаждения от уничтожения оленем, бизоном, лесным буйволом и мелкими животными. Далеко внизу, почти в полумиле и даже дальше; пока мы не достигнем кукурузных посадок, деревья и заросли все еще будут создавать тайну слева от нас.

Когда мы начали спускаться, Джед Сивер, вероятно, не смотрел ни на одну из сторон дороги, не смотрел ни на деревья, ни вдаль, на прекрасный солнечный свет и зеленые склоны южной стороны. Он доверял инстинкту передвижения ногами и смотрел вверх в направлении своего бога, прося прощения за грехи всех нас. Он также просил, что если зверь нападет, пусть заберет его первым и не трогает ни одного из его друзей — так как он, хотя даже более несчастный грешник, возможно, вне всякой надежды на спасение, был, тем не менее, более подготовлен морально для грядущего осуждения и гнева. “И если такова будет твоя воля, — говорил он, — пусть их грехи будут на мне, Авраам, избранник бога, его представитель, спаситель, а не на них, но пусть они очистятся моей кровью¹, ныне и присно и во веки веков, аминь”.

Джед также старался, чтобы бедняжка Вайлит шла подальше от него, другой, вероятно, более безопасной стороной дороги, а сам шел ближе всех к лесному покрову, пот катился с его лба, словно слезы. Его большие руки праздно раскачивались и совершенно не были готовы к применению меча.

Я вспоминаю, какое огорчение принесла мне его молитва, несмотря на собственный страх и настороженность. Мне казалось, особенно при моем недавнем, приведшем к такой растерянности знакомстве с ересью, что если бы это было возможно, прежде

¹ Святая мэрканская церковь, очевидно, заимствовала фантазию искупления чужой вины от христианства Древнего Мира с одним любопытным видоизменением. Согласно современному убеждению, любой святой человек, не только Христос или Авраам, может принять на себя грехи других, если господь согласен на сделку. Подобно современным верующим, христиане Древнего Мира, кажется, никогда не чувствовали ничего отвратительного и ужасного в учении, что человек мог бы получить свободный доступ на небеса посредством страдания и смерти другого. Аналогичные примитивные ритуалы убийства бога были, естественно, отмечены только учеными.

всего, я не мог бы позволить никому другому нести вместо себя единственную ношу — мои грехи. Сегодня я не могу обнаружить никакого греха ни в чем, кроме жестокости и ее разновидностей, и по причинам, которые не имеют ничего общего с религией, но в тот день я был, все-таки, очень далек от такого мнения.

Когда мы продолжали спуск по другую сторону той возвышенности, запах тигра уменьшился. Наверное, произошло какое-то изменение едва ощущимых потоков воздуха. Он присутствовал, но не напал. Мы двинулись вниз по дороге — прошли мимо лесного покрова слева от нас, достигли кукурузных посадок, миновали их, приблизились к открытому месту и городским воротам, а он не напал.

От села долетел мелодичный перезвон тройных колоколов. Часто их изготавливают из лучшей бронзы, привозимой из Кэтскила или Пенна — церковь может позволить себе это — и литейщики стараются отливать каждую группу таким образом, чтобы она звучала основным трезвучием с пятой басовой нотой. Третий, ударяемый последним, плывет высоким дискантом¹ к спокойствию, имеющему сходство с тишиной, а обертоны² переливаются сотней радуг. Эти сельские колокола извещали, что наступило пять часов: Время бросать работу, молиться и ужинать.

Джед довольно решительно прекратил читать молитвы. Я, все-таки, взглянул позади себя, как я часто делал, когда деревья находились слева от нас, но тигр не напал, тогда не напал. Я не увидел его, только не тогда...

Главные ворота такого села в дневные часы обычно открыты, при условии, что присутствует караульный, но не по пятницам, когда считается, что лучше всего держать народ в пределах легкой досягаемости богом. Поэтому в тот день тяжеловесные бревенчатые ворота были закрыты, но я посмотрел через трещину между бревенчатыми брусьями и увидел караульного в его травянисто-соломенном укрытии, он не спал, но лежал очень спокойно, растянувшись на своей койке и перекинув ноги через согнутое колено, а полицейская фуражка лежала на лице, прикрывая глаза. Он вскочил довольно быстро, когда я окликнул:

— Эй!

Ну, когда приближаешься к незнакомому селу, ты кое-что делаешь и говоришь, а чего-то не делаешь и не говоришь. Я попал

¹ Дискант — высокий голос (мальчиков).

² Обертоны — простые составляющие сложного колебания, имеющие более высокие частоты, чем основная частота этих колебаний.

впросак при моей, обычно такой быстрой, манере действовать, слишком быстрой для Сэма или Вайлит, чтобы они успели меня остановить, что я понял, когда с важным видом подошел караульный, держа копье наперевес. Я прошептал Сэму:

— Сделай вид, что ты “мистер”, думаю, ты смог бы.

Он кивнул и стал передо мной, к тому времени, когда караульный открыл ворота и начал орать на меня за то, что я потревожил тишину в пятницу – никакого воспитания, так или иначе, что меня беспокоило?

Сэм сказал:

— Уважаемый, прошу извинить за поспешную речь моего племянника. Я мистер Сэмюэл Лумис из Канхара, позже проживал в Ченго, а леди – моя кузина. Это ее муж, мистер Джедро Сивер, также недавно из Ченго, но юридически житель Мэнстера в Вэрманте – можешь обращаться к ней мадам Сивер, когда будешь извиняться за свое собственное плохое воспитание – Сэм слегка одернул рубашку, чтобы была видна рукоятка его ножа в ножнах, потирал давно ороговевшим большим пальцем взад-вперед вдоль костяной его рукоятки и смотрел вниз на этот палец через свой узкий нос не так, словно ему наплевать, а просто печально, спокойно и задумчиво.

— Мадам, я... мадам Сивер, я... мадам, я...

Это могло продолжаться долгое время. Сэм оборвал его, деликатно спросив:

— Удовлетворяет тебя извинение, кузина? А Джексона?

— О, совершенно, – сказала Вайлит, немного переигрывая, но не очень, и я со своей стороны с важным видом пробормотал какую-то любезность, а Сэм бросил ему монету в двадцать пять центов, чтобы подстаснить пиллюлю. Сэм испугал меня так же сильно, как и караульного – я никогда не предполагал, что он знал, как разговаривать в аристократической манере. Может быть, Дайон смог бы найти у него ошибку, но только не я. Он напомнил мне то, о чем я имел представление: о некоторых прекрасных исторических личностях, о которых я учил в школе, в том, что называется “Краткое изложение истории Древнего Мира”. Искренне говоря, Сэм был таким же хладнокровным, величественным и высокомерным, как и самые лучшие из них – Сократ, Юлий Цезарь, Карл Великий или тот великолепный сукин сын, через минуту всплынет в моей памяти его имя, который разбил баронов, датчан, римлян и прочих, выгнал их из старой добродой Англии и освободил весь Делавэр¹, до

¹ Делавэр – штат на востоке США. По территории (5,3 тыс. кв. км) чуть больше наименьшего штата, Род-Айленда (3,2 тыс. кв. км).

того, как удовлетворился их уходом – Магнум Картер¹, – вот кто это был.

– Ну, уважаемый, – сказал Сэм, – сможем ли мы найти что-нибудь в этом селе, нечто вроде приличного пристанища?

– О, да, сэр, в таверне “Черный принц” есть отличные комнаты, я знаю там слуг и...

– Далеко ли отсюда до Хамбер-тауна?

– Около десяти миль, сэр. Завтра должен быть дилижанс из Скапа в Хамбер-таун, проезжающий мимо – раз в неделю, по субботам, и, конечно, всегда останавливается здесь, хотя в связи с войной и...

– Да, остальные из нашего каравана ожидают этот дилижанс в последнем селе, где мы останавливались, какое-то захолустье с ночным горшком в земле, я даже не побеспокоился узнать его название.

– Перкенсвил, – подсказал караульный с торжественным удовлетворением. В маленьком селе вряд ли можно сбиться с истинного пути, коль скоро будешь чернить репутацию соседней кучи мусора.

– Я догадываюсь. Мы устали ожидать дилижанс. Что это за город?

– Это Восточный Перкенсвил.

– Прекрасное место. Между прочим, вон там тигр бродит... много ли их обычно бывает поблизости?

– Ну, что вы! Нет, сэр, вряд ли.

Джед высказался в первый раз, но с укоризной:

– Почему нет, уважаемый? Рыжий тигр подобен божественному пламени, который сжигает там, где будет его воля.

Караульный поклонился, как сделали бы и вы, услышав молитвенные слова, но остался непреклонен.

– Сэр, я могу сказать вам, что рыжий тигр никогда не ходит вблизи этого города. Мы не спрашиваем у бога объяснений за такую особую милость, но это действительно так.

Я заметил, что каждому селу необходим источник гордости, хотя бы и единственный в своем роде. Это может быть заявление, что никто в селе никогда не болел оспой, или что все младенцы рождаются с темными волосами, либо, что средства местной знахарки, усиливающие половое влечение, – самые лучшие в пределах ближайших сорока миль. В Восточном Перкенсвиле, полагаю, на

¹ Magna Carta (Великая хартия вольностей) – грамота, подписанная в 1215 г. англ. королем Иоанном Безземельным под давлением восставших феодалов.

памяти старейшего жителя не было случая, чтобы тигр перепрыгивал через частокол, поэтому село было уверено, что бог устроил так, что тот никогда не придет. Сэм изящно поклонился и сказал:

— Вам оказана замечательная милость, несомненно, это проявление благосклонности.

— Да, сэр, вполне возможно. — Сейчас часовой был явно дружелюбнее, так же, как и почтительнее. — Да, сэр. Я прожил здесь всю жизнь и за двадцать шесть лет даже никогда не видел этого зверя.

Тут вмешалась Вайлит:

— Тогда взгляните вон туда!

Теперь мне ни разу не представляется такой случай. Если бы я выговорил эти слова, зверь, вероятно, совсем исчез бы из вида, прежде чем кто-либо повернул голову. Догадываюсь, что Вайлит также никогда не имела много возможностей на этот счет, так как позже, когда мы все четверо устроились в наших комнатах в “Черном принце”, она рассказала о виденном три или четыре раза и каждый раз это приводило ее в прелестную пылкую взволнованность:

— “Тогда посмотрите на него вон там!” Я сказала совсем напрямик, только на с е к у н д у сказала о нем, и не был ли он похож мордой, ну чисто тебе рыба, которую скимаешь, чтобы снять с крючка? — о, господи! — И она вскакивает, шлепает себя по ноге и рассказывает снова.

Я, должно быть, повернулся, когда она сказала, так же быстро, как и все остальные, однако у меня было ощущение, как будто что-то препятствовало повороту моей головы, я не был готов увидеть существа, которого боялся всю жизнь, и в то же время страстно желал увидеть. Почувствовав запах на дороге, я узнал запах зверя, так как запомнил его однажды в горной местности к западу от Скоара. Он более зловонный, чем запах пумы, и, кажется, тяжелее висит в воздухе. В тот, предыдущий раз запах просто не соответствовал запаху пумы, и я взобрался на дерево и провел там, дрожа, долгую ночь, чувствуя его запах и думая, что я еще ни разу не слышал и не видел его. Утром я с колебанием слез вниз и обнаружил его огромные следы на земле, на голом месте, глубокие, как будто он мог стоять там какое-то время, наблюдал за мной в темноте, старый “Отченный Глаз”, и, может быть, думал: Хорошо, подожду, пока Рыжий не станет чуть больше и толще...

Теперь я увидел его.

На небольшом расстоянии вниз от гребня возвышенности, откуда мы спустились, находилась высокая скала с плоской вершиной, в тридцати футах от дороги с ее открытой стороны, по другую

сторону от леса. Вершина была слегка отклонена от дороги, поэтому, когда мы проходили мимо, она выглядела как простая грань, ничто не указывало на наклонную платформу. Наблюдал ли он за нами, проходившими мимо, или только именно теперь прибыл туда? Может, он не был голодным, или его сдерживало то, что нас было четверо? А может, он знал, что мой лук означает опасность? Я представил себе, как он забавлялся ложными рывками, с дрожавшими от напряжения задними лапами, резвясь и настаждаясь кошачьей игрой в откладывание решения, и, наконец, по своим собственным причинам, позволил нам следовать дальше. Теперь по своей непосредственной прихоти, он стоял во весь рост, и я видел его в отдаленном темно-золотистом сиянии на фоне темневшего неба середины лета.

Он пристально глядел вниз на нас или, более вероятно, вдали за нами. Должно быть, он знал или чувствовал, что для полета стрелы из моего лука расстояние было очень большим, если он имел опыт в таких делах. Он плавно повернулся на своей высокой скале, без всякой спешки, чтобы взглянуть в другом направлении, далеко на юг через долину, возможно, безразлично наблюдая за дымом из человеческих жилищ, расположенных там.

Он сел и поднес изогнутую лапу к морде, чтобы полизать ее и потереть по верхушке головы. Потом он вылизал бок и задрал по-кошачьи заднюю лапу, поэтому смог склониться, и стал лизать себе между задними лапами. Он забавно потерял равновесие из-за уклона скалы, восстановил его с комической легкостью, улегся на спину и стал качаться, а его лапы мелькали в воздухе. Когда он устал от этого, он зевнул и спрыгнул вниз, и побрел через дорогу в лес и вскоре исчез.

16

Впервые я находился внутри села. С тех пор я видел больше, чем могу отчетливо помнить, так как, когда я был с бродячими комедиантами труппы Рамли, мы посетили одно за другим многие села повсюду: в Леванноне, Бершаре, Коникате, Кэтскиле, больше года находились в Пенне; окружающая среда и люди, может, сильно отличались, но общий стиль во многом был одинаков во всех странах. Где бы вы ни обнаружили их, такие села предназначены для одной основной цели: предоставить небольшой общине немного безопасности в мире, где род челове-

ческий больше не многочисленный, не богатый и не упитанный, как в Древнем Мире, не мудрый и не очень храбрый.

Они обычно расположены квадратом в таких местах, где река пересекает довольно пологую территорию. Питьевая вода поступает с верхнего течения реки, а остальная часть реки считается сточной канавой – избавляет от закапывания отбросов. Главная улица, проходящая по середине села, будет довольно широкой и обыкновенно прямой, так что, когда вы войдете через центральные ворота, то все время будете смотреть вдоль нее; остальные улицы будут узкими, кроме участка, не всегда называемого улицей, образующего расчищенное место прямо внутри частокола. Часто лужайка занимает центр села и обращена к основной улице, она обычно оборудована эстрадой для оркестра, местом для порки, колодками, позорным столбом и, может еще прекрасным мелким бассейном для детей. Вы заметите, что один квартал домов выглядит лучше остальных – обширнее дворы, может, будут цветочные клумбы вместе с необходимой грядкой для овощей, даже хижина раба с тыльной стороны, рядом с уборной, что наглядно показывает, что семья владеет слугой или двумя, вместо того, чтобы брать их напрокат из бараков для рабов, расположенных в городе, в нижнем течении реки. В этой низменности, рядом с бараками, вы можете найти то, что люди иногда называют “фабрикой”, настоящим складом для сельской промышленности – домашнее ткачество, плетение корзин, столярные работы, или что-то еще. На этой стороне будет полицейский участок и тюрьма, общественная конюшня, легальный бардак, кузница, вероятно, яма для травли зверей собаками, если село может себе позволить содержать ее; и на этой же стороне будет несколько кварталов, где все дома уныло покосились, пьяные скорее будут спать снаружи, в своих палисадниках, чем внутри дома, будучи независимыми свободными людьми, а если какие-либо свиньи от преуспевающих соседей соберутся искать отбросы в эту часть города, они предпочтут ходить парами.

Между этими крайностями расположены кварталы, населенные представителями среднего класса, которые идеальны, если вновь обратиться к Древним Временам, где все дома были в точности похожие, все дворы и садики – такие же, и все, и все уборные – тоже, с небольшими полукруглыми окнами точно таких же размеров, выделяющие такой же самый аромат общественно-значимого единства душ.

Теперь, когда я сделал Сэма “мистером”, в моей торопливой манере, он не мог избавиться от этого, и считал, что мог бы с таким же успехом, выпрямить спину и наслаждаться этим. Он все

еще держался так, как любимый советник бога, когда мы внезапно появились в “Черном принце”. В результате худосочный по-жилой администратор блошатника раболепствовал перед нами, взяв в два раза большую плату за два из его лучших номеров, которые, в какой-то мере, сделали бы честь свиноводческой ферме: Сэм хотел торговаться, но испугался, что это могло подорвать представление о нас, как слегка высокопоставленных осо-бах. Он сказал позже, что случившееся очень опечалило его, фактически происходившего из родовитой династии знаменитых похитителей кур. Он наверстал упущенное на сделке с бродячими комедиантами труппы Рамли. Я слышал, как пapa Рамли сказал, что Сэм мог бы выторговать бороду у пророка, а он имел в виду самого Иеремию, что было почти самой превосходной похвалой, которой пapa Рамли мог удостоить человека. Вы знаете, какая привязанность у пророков к своей бороде, а Иеремия был энергичным типом, который развернул такую бурную деятельность в горестных жалобах и стенаниях, что его противники, чтобы избавиться от него, втиснули его в лодку и отправили вниз по реке, кишащей огромными крокодилами.

Группа паломников с севера уже заняла самые лучшие номера в “Черном принце”, выходящие окнами на главную улицу; думаю, наши два были на втором месте после ихних, каждый с узким окном, обращенным на север; я очень не хотел бы увидеть самых худших номеров. Вдобавок к расшатанным койкам, которые они называют кроватями, на стенах красовались темные мазки, рассказывающие о столкновениях между человеческой расой и родом ее ближайших, самых искренних почитателей. И, сверх всего, как святое благословение, стоял запах капусты.

Клоп, насколько я понимаю его, не выражает ни следа радости или милосердия из любви. Даже их восхищение человечеством основано на глубоко укоренившейся жадности. Несомненно, они имеют интеллект – как еще они знали бы точный момент, когда вы собираетесь заснуть, и выбирают этот момент для укуса? Дайон сказал, что клопы руководствуются инстинктом. Я спросил его: “Что такое инстинкт?” Он ответил: “О, пошел к черту!” Потом Ники вставила пояснение, что когда ты делаешь что-то уединенно-искусно, без понятия обо всем этом, это инстинкт. Но я, все-таки, считаю, что они имеют интеллект, и они, вероятно, очень долго размышляют, прежде чем переменить позицию и напасть, ибо отмечу следующее: я никогда не встречал клопа, который проявлял ко мне хоть малейшую симпатию или уважение, несмотря на то, что я делал ему. Презрение, вот что они выражают, презрение. Я

встречал клопа, который смотрел мне прямо в глаза, моя кровь капала из его рта, и любой мог бы определить по его кислой морде, что он сравнивает меня с другой пищей, которую он ел прежде, и придирился ко всему — слишком соленая, слишком с душком, нужно больше приятостей, чего-то там еще. Он не похвалил бы меня, если бы я приправил специями мою задницу и намазал ее маслом. Поэтому я справедливо презираю их взаимно. Я ненавижу клопов. Проклятый клоп.

Существенный философский смысл, который я стараюсь вдолбить вам в голову через туман вашего непонимания, заключается вот в чем: если человеческая раса должна совершенно погибнуть, что станет с клопами? Мне жаль, что я прохлинал их. Как говорится, мы должны платить добром за зло.

В эволюционном смысле они, должно быть, развивались вместе с нами, и теперь не могут обойтись без нас. С блохами все в порядке. Блохи не нуждаются в нас. Они съедят все, что угодно, даже сборщика налогов. Но клоп зависит от нас, он наш подопечный. Мы создали его таким, какой он есть. Он взыывает к нам: "Старайтесь выжить, иначе мы тоже погибнем!" Поэтому, давайте¹...

* * *

Я собирался отвлечься в любом случае, прежде чем заметил, что перебродивший раствор заманчивого винограда, растущего диким здесь, на острове Неонархеос, имеет побочный эффект, а именно: интоксикацию. Согласно самой лучшей информации, которую я мог собрать, это случилось прошлой ночью; сейчас утро следующего дня, отчасти поздно — теперь я надеюсь, что начну думать о том, что смогу выжить.

Капитан Барр вернулся вчера — этот день стал одним из тех дней, которые мы празднуем — после плавания дальше, чем он намеревался. Его частично задержало в пути, сказал он, нежелание верить в то, что он обнаружил.

Больше нет никакого сомнения, что этот остров, где мы поселились, наименьший и самый западный из архипелага, который в Древнем Мире назывался Азорскими островами. Все острова — конечно, меньшие и другие по очертаниям из-за подъема уровня моря, — находились там, где они должны были быть, как показано на древней карте. И нигде, во всей группе островов,

¹ Я положил его в кровать, Ники, — утром с ним будет все в порядке.

капитан Барр не мог обнаружить никакого признака человека. Козы, дикие овцы, обезьяны: на одном острове промелькнула группа людей, которые выглядели как дикие коричневые собаки — они преследовали оленя. Птицы были везде, а в бухте, где стоял на якоре "Морнинг Стар", на мелководье, ревились огромные морские змеи, существа, описания которых я не могу найти ни в одной из древних книг. Ни одной человеческой фигуры, ни одного дымка на фоне неба. Во время стоянки на якоре вочные часы — ни одного огонька на земле, ни одного звука, кроме звуков, издаваемых насекомыми, лягушками и ночными птицами, и шума прибоя на песке. В лучших естественных гаванях до уреза воды растут джунгли, скрывая развалины всего, что человек мог бы построить там в Древние Времена.

На нашей старинной карте показаны морские и воздушные маршруты, сходящиеся в этой, очевидно, промежуточной станции между Европой и Америками. Мы знаем, что там должны были находиться гавани, аэропорты, города.

Никакая бомба, вероятно, не упала сюда во время, которое Джон Барт называет "взрывом одного дня". Упало очень мало бомб, пишет он, и те, которые упали, уцелевшие правительства называли "несчастными случаями" — он добавляет, что уничтожение более двадцати миллионов нью-йоркцев и москвичей могло бы, возможно, считаться "достаточно большим несчастным случаем". Возможно, разрушения на этих островах произошли от последствий, которые были результатом войны. Джон Барт на страницах своей книги задает вопрос, как много болезней было непосредственно создано человеком и как много появилось случаев вирусных или бактериальных мутаций, и приходит к обоснованному выводу, что никто никогда не сможет узнать об этом. Или, могло быть, что на этих островах происходило более длительное, тихое, почти упорядоченное вымирание вследствие бесплодия — естественная смертность превышала скучную рождаемость — населения, так долго приученного к тому, что о нем заботилась передовая технология, так что оно больше не умело ухаживать за собой, пока, в конце концов, старики не умирали где-то среди викорастущих растений и некому было даже вырыть могилу.

В конце концов, на нашей собственной родине многие нечеловеческие виды вымерли по той или иной причине. Я никогда не видел маленькой певчей птички с голубой окраской спины¹.

* * *

¹ Вид *sialia currroides* (лат.) — водится в горной местности в США.

Группа паломников состояла из приятных людей, бывших на попечении кроткого худого священника. У него были длинные желтые волосы, которые он, вероятно, мыл каждый день в ванной, и некрасивое несуровое лицо. Казалось, его нос суживался в неправильном направлении, так как кончик был маленький, а расстояние между его молочно-голубыми глазами — очень широким, поэтому складывалось общее впечатление, как от мыши. Мне он понравился. Когда человек носит бесформенную, длиной до пола, рясу священника, трудно определить ходит ли он на цыпочках, но отец Фэй, казалось, действительно, ходил, во всяком случае его походка была гарцующей и подпрыгивающей, с главным приподниманием при каждом шаге его привлекательных белых рук, а большую часть времени на лице расцветала мышиная задумчивая улыбка. Все паломники уважали его, включая даже десятилетнего Джерри, который доставил отцу Фэю много неприятных минут, не из-за неуважения, но просто потому, что десятилетние мальчики все такие.

Я заметил Джерри еще до того, как мы вошли в “Черный принц”. Паломники выходили из церкви — когда мы приблизились к гостинице — организованным строем с отцом Фэем, машинально подпрыгивавшим впереди, а Джерри каким-то образом умудрился сойти в хвост так, что его папа и мама не заметили. И, что же еще оставалось ему делать, как не отступить еще дальше и прыгать, кривляясь, в своем хорошенъем белом одеянии паломника, длинные выющиеся волосы торчали на его затылке такой копнкой, что сами ангелы не смогли бы их расчесать. Сначала он выпячивал зад и шел сутуясь, имитируя жалкую старую леди, бывшую в составе паломников; потом он выпрямился и подтянул повсюду свое одеяние до пупа и так шествовал с голым задом, прекрасно исполняя роль отца Фэя, шедшего на цыпочках, с божественной улыбкой, светившейся среди веснушек, а его маленький нос колыхался при каждом шаге, словно крошечный флаг на ветру. Ужасное святотатство, но, я помню, даже Джед не мог хихикнуть.

Они направлялись в Нубер, святой город, подобно почти каждой группе паломников, которых, вероятно, можно встретить к западу от моря Хадсона; по их чисто-белому одеянию, вместе с черным — отца Фэя — можно было четко определить их на расстоянии видимости, и никакие солдаты любой из воюющих сторон не осмелились бы беспокоить их.

После того, как мы с Сэмом улеглись и собирались спать, а Джед и Вайлдт занимались тем же в своем номере, я слышал, как Джери принимал ванну. Его мама, очевидно, добилась, чтобы гостиничная присуга принесла жестянную лохань и воду для этой цели. Он на-

слаждался водой, подняв невероятный шум, орал и плескался, выкрикивал, пререкался – ох, уж эти чертовы дурацкие вопли – можно было подумать, что бедная леди пытлась помыть бандитского короля. Потом с нижнего этажа поднялся папа; на мгновение стало страшно тихо, прекрасный крепкий удар по мокрой заднице – и с этого момента Джерри стал ужасно хорошим мальчиком.

Что же касается нас с Сэном, то после первых попыток уснуть, наши хойки в результате боевых действий оказались очень смятыми, окровавленными и непригодными для использования. Мы отказались от них и разостлали потрепанные одеяла на полу, надеясь, что вражеские силы потеряют достаточно времени в поисках, и дадут нам немного отдохнуть.

Воздух этой ночью был насыщен резким запахом тигра, прежде чем мы услышали его рев. В густой темноте середины лета раздавались трели и резкие нестройные звуки, издаваемые насекомыми и лягушками, но ни лиса, ни дикая кошка не посыпали никаких звуков из своего логова. В гостинице, перенасыщенной другими устойчивыми запахами, я не мог отличить смрада тигра, но я чувствовал его присутствие. Снова и снова представлял я его себе на скале, освещенного поздним солнечным светом, и знал, что он был там, снаружи, в темноте, возможно, недалеко.

Когда он, в самом деле, наконец подал голос, даже звуки насекомых резко затихли, как будто каждое крикливое безмозглое существо содрогнулось в оболочке крошечного тела. “Что – это – было?”

Его рев был резкий, короткий, грубый. Он не кажется очень громким, но имеет сильную несущую силу. Рев совсем не продолжительный, и он не скоро повторяет его. Может, он издает рев, чтобы вогнать дичь в предательскую дрожь. Рев слишком всепроникающий, слишком низкий, басовой, слишком мучительно и дрожаще отдается в твоем мозгу, чтобы дать настоящее представление о его местонахождении. Когда я слышал его в ту ночь, тигр мог быть в полумиле оттуда или в самом селе, бредя одной из темных улиц с огромным спокойствием и готовностью уничтожать. Я тихо прокралялся к окну, как будто даже внутри этого здания мой собственный шум мог подвергнуть меня опасности. Из темноты раздался голос Сэма:

– Звучит так, словно старый сукин сын не слишком далеко отсюда. – Я слышал, как он подвинулся и оперся на локоть, прислушиваясь к ночи – так же, как и я.

Тигр не подавал больше голоса, но в соседней комнате, за закрытой дверью, я услышал, как Вайлит неожиданно произ-

несла: “О, Джед! О... о...” – и последовал ритмичный скрип койки и тяжелые удары, словно в стену били деревянным каркасом; с минуту или две я также слышал, как Джед стонал, словно раб, избиваемый кнутом, а Сэм сказал вполголоса:

– Неужели, черт возьми...

Вскоре там опять стало спокойно, по крайней мере, никакого звука не проникало через дверной проем. Сэм подошел к окну и, немного погодя, пробормотал:

– Странно... я не думал, что он может.

– Вайлит рассказала мне, что он занимался этим только один раз. Только один раз, с той кингстонской проституткой, о которой он говорит так часто.

– Да, рассказывала и мне то же самое. – Я чувствовал, что он ласково и созерцательно смотрел на меня в темноте. Потом высунулся из окна, его тускло освещенное звездами, лицо уставилось вниз на неосвещенное село.

– Смиздолька ублажает тебя, Джексон?

– Да. – Я полагаю, мое тупоумное замешательство было результатом приютского воспитания, смесью отвратительной притворной стыдливости и благочестия, тем липким детям, которым человеческая раса обмазывает своих детей, чтобы потом обвалять их в перьях.

Мы с Сэном могли слышать где-то вдалеке, в селе, крик ребенка, вероятно, напуганного ревом тигра; это был настойчивый беспомощный плач, который пытался утешить усталый и ласковый голос женщины. Я слышал, как она говорила – где-то, бесцелесная, будто слова висели в темноте... “Да-а полно, он не сможет забрать тебя, малютка...”

Когда я одевался утром, мне пришло в голову, хотя я подозревал об этом во время ужина прошлым вечером – разговаривающего ужина в пятницу, после захода солнца, что продвижение в племянники длинноногого “мистера” для дворового крепостного мальчика-слуги, самого низкого по положению, не считая раба, – не просто удовольствие, которое ничего не значило. Я достиг этого чуда сам, конечно, но помнил, что в этом было мало утешения. Для лиц, выдающих себя за аристократов, существуют тяжелые наказания, как и для крепостного слуги за ношение белой набедренной повязки свободного человека. Мне пришлось пробормотать Сэму об удивительной силе простой белой набедренной повязки, но он был больше заинтересован в практической стороне вопроса, чем в чертовски-дуряцком разглагольствовании об этом.

— Мне кажется, Джексон, что ты должен следить за некоторыми, будь они прокляты, иезуитами и деталями, такими как: не ковырять в носу, не вытираять его так шумно тыльной стороной руки, по крайней мере, не во время еды. Это произошло мне в голову вчера вечером, во время ужина, но я не хотел ничего говорить при этих паломниках, чавкавших прямо под рукой у нас.

— Ну, сказал я, — у меня был насморк, и, кроме того, я видел, что так поступают джентльмены в "Быке и оружии".

Старая поговорка гласит, что чин имеет свои привилегии, но племянник мистера вовсе не такой уже значительный, Джексон. И еще одно — манера разговаривать. Например, когда вчера вечером принесли эту, забытую богом, копченую треску, которая пахла, будто вдруг незаконно проникла куча заплесневевых предков, ну, аристократ, конечно, приказал бы им унести ее, и произнес бы что-то, действительно, яркое, что надолго запомнилось бы им, но — при группе святых паломников за соседним столом, Джексон, он вряд ли бы отворачивался и вопил: "Что это за дермо на моей тарелке?" Он просто не сделал бы этого, Джексон.

— Извини, — угрююм оправдывался я — я не выспался. — Я не знал, что паломники тоже отказались.

— Дело не в этом, Джексон. Фактически, я думаю, они не отказались, образно говоря. Но чертовски-дуряцкий ужас в том, что ты должен учитывать свое влияние на юношу, черт-бы-его-побрал. Ты оказываешь влияние на юного Джерри. В следующий раз, когда его мама велит ему кушать что-то, чего ему не хочется, спроси его сам, что он собирается делать, и скажи — так чтобы его папа не услышал. Просто спроси сам.

— Понимаю, что ты имеешь в виду. Хотя он не такой уж и сцыкун!

— Да. — Но я не мог увести Сэма от обсуждения существа вопроса, раз уж он почувствовал себя воспитателем. — И ты пердишь, Джексон. Обычные люди, как мы с тобой, на самом деле не обращают на это никакого внимания: или засмеются, или еще что-то, но если ты собираешься быть племянником мистера, следует поступить немного иначе. Если ты громко перднул, то не должен говорить: "Ну, как я дал?" Нет, сэр, ты должен сделать печально-мечтательное выражение лица и разглядывать остальных присутствующих, будто тебе никогда бы и в голову не пришло, что они могли посчитать так грубо.

Тогда в нашу комнату вошли Джед и Вайлит, и Сэм отцепился от меня. Джед выглядел плохо, с темными кругами под глазами, как будто он совсем не спал, его неуклюжие руки дро-

жали, и, поэтому Вайлит, естественно, беспокоилась о нем. Сэм вежливо поинтересовался насчет клопов по ихнюю сторону стены, но Джед, не слушая, перебил его:

— Я молился всю ночь, но слово господне не прозвучало.

— Послушай, Джед... — сказала Вайлит, нежно поглаживая его руку, в то время, как он просто стоял там, двестифунтовый меланхолик, огромный безвредный бык, в каком-то замешательстве, без всякого задора.

— Я должен оставить вашу компанию, — сказал Джед, — такой безнадежный грешник, как я. — Он тяжело и устало сел на мою койку; я помню, как он посмотрел вниз; казалось, он смутно поразился, обнаружив, что его рука лежала на моем мешке, на выпуклости золотого горна, и отдернул руку, словно не имел права касаться предмета, принадлежащего святому отшельнику. — И господь сказал: “Я изрыгну тебя” — вот что он сказал, это написано где-то в книге. И это не все...

— Послушай, Джед, милый...

— Нет, замолчи, женщина. Я должен возвратить к вашему разуму; вот что сказал апостол Симон: “Господь сказал, но я отвернулся. “Помните? Вот что он сказал, после того, как отрекся от Авраама, а пророк умирал, висел на колесе на рыночной площади в Нубере. “И повели Симона на рыночную площадь...” — все по порядку,помните?.. — “на рыночную площадь и Симон сказал: Я не знаю этого человека. И его спросили снова, но он ответил: Я не знаю этого человека”. И тогда, вы помните, позже, когда Симона повесили на дыбу в тюрьме Нубера, он сказал еще раз те слова, которые я упомянул: “Господь сказал, но я отвернулся”¹. Я в таком же положении, друзья. Господь сказал, но я отвернулся. Молния отыщет вас тоже, если я буду с вами, когда она ударит. Я не хочу покидать вас, так как вы так добры ко мне и мы всегда были настоящими друзьями, но вот что я должен сделать, и...

— Ты не должен, — заплакала Вайлит, — не должен рассчитывать, что мы оставим тебя, никто из нас — ни я, ни Сэм, ни Дэйви.

— Я недостойный, — скорбно сказал Джед. — Погряз в грехе.

— Но ты не грешил, — сказала Вайлит. — Все, что ты сделал — это засунул на пару минут, и мне понравилось, меня не беспокоит то, что ты сказал — такой святой человек, как ты, делает это, но это никак не будет грехом, это нечестно, во всяком случае, если это и грех, — именно мне следует гореть в огне...

¹ Намек на апостола Петра, трижды отрекавшегося от Иисуса Христа.

— О, замолчи, женщина! Твои грехи будут прощены тебе, учитывая, что твоя душа невинна, но не моя, я получил все, данные богом, знания добра и зла и нет мне прощения.

— Хорошо, сойдем завтракать, прежде чем ты примешь решение.

— О, я ничего не могу есть.

Все еще плача, Вайлит сказала:

— Сойдешь вниз м позавтракаешь, черт подери!

17

Паломники уже завтракали яичницей с беконом, ни фига себе! — и, благодаря сбережениям, которые Вайлит носила в своей сумке, мы были в состоянии позволить себе то же самое. Она также настаивала на этом, имея в виду Джеда, так как разделяла мнение, очень популярное среди женской касты, что все печали мужчин на девяносто процентов от пустого желудка.

Столовая в “Черном принце” была такой маленькой, что можно было переплюнуть через нее, и, судя по виду стен, многие прежние постояльцы так и поступали. Там было только пять столов. Трясущийся от старости хозяин гостиницы имел двух-трех рабов для помощи на кухне, но, очевидно, не доверял им прислуживать за столом и занимался этим сам. Воспоминание о хорошо пахнущем, опрятном, просторном “Быке и оружии” побуждало меня с легкостью презирать эту таверну, словно я в самом деле был аристократ.

Таверна “Бык и оружие”, в то время еще прекрасное кирпичное здание, существовала, по крайней мере, сто лет. Рассказывали, что вокруг нее, когда ее строили, было намного больше расчищенной земли, и отец старого Джона распродал большую ее часть с огромной выгодой, после того, как воздвигли новый частокол, чтобы приспособиться к расширению города, и стоимость земли возросла. В “Быке и оружии” наверху имелось не менее пятнадцати спальных номеров для постояльцев, не считая комнат для старого Джона с мадам и Эммии, где я оставил свое детство. Внизу располагалась грандиозная кухня с двумя кладовыми и прекрасным погребком, с баром, и огромной столовой с дубовыми угольно-черными балками и столами, свободно вмещавшими тридцать человек. Наверно, лучше всего я помню прохладный бар и произведение искусства над ним, настоящую картину, написанную вручную, переполненную людьми в странной одежде, некоторые оседали железнодорожные поезда, толпы других ехали в автомобилях или разбрасывали бомбы, но все они собирались вокруг, поклоняясь ужасно громадной обнаженной

фигуре с выпученными глазищами и громадной грудью, похожей на выступ под подбородком. Она сидела там, поджав ноги по-турецки, скаля свои огромные белые зубы, и ей поклонялись, – поэтому мы догадались, что это было изображение фестиваля св. Бра в Древнем Мире. На картине намалеван разрешающий церковный знак колеса, иначе старый Джон не мог бы демонстрировать ее. Церковь не возражает против произведений искусства такого толка в надлежащих местах, при условии, что картина приличная, благоговейная и разоблачает Древний Мир как переполненный, скабрезный притон.

Но в “Черном принце” в Восточном Перкенсвиле, черт возьми, единственной настенной фреской в столовой было пятно, размером с мою голову, на стене, где алебастр отпал и ни у кого никогда не было достаточно раствора, чтобы восстановить его. Я хочу сказать, единственная приличная фреска. У них имелись, конечно, другие виды картин в уборной во дворе. В одной нашей книге из Древнего Мира упоминаются некоторые подобные картины, найденные в раскопанных руинах Помпеи: стиль нисколько не изменился.

Паломников было семеро, как обычно – думают, что число семь счастливое: у Авраама было семь апостолов – в неделе насчитывается семь дней – и так далее. К северу от моря Хадсона группы паломников часто направляются в места, менее святые, чем Нубер, – обычно это гробницы, отмечающие места, которые, как говорят, посетил Авраам и где он проповедал, и эти группы, особенно в Нуине, многочисленнее, часто оживленные и полны веселья. К ним присоединяются странствующие студенты, ради озорства и компаний, и подобная толпа может, в самом деле, произвести радостную суматоху на дорогах. Группа в “Черном принце” была не такой – несомненно, на первом месте у них была религия, у всех, кроме Джерри, но по виду его родителей создавалось впечатление, что на него снизойдет хоть какая-то святость, когда они доберутся до Нубера. Другие паломники остались в моей памяти почти безликими – три женщины и один мужчина. Одна из женщин была молодой и довольно хорошенкой, но все, что всплывает в памяти, – это впечатление робости и слишком белое лицо; думаю, одна из двух старших женщин являлась ее матерью или тетей.

– Руины, принадлежащие городу Древнего Мира, называвшемуся Олбани, которые мы видели несколько дней назад возле современного села с таким же названием, – сказал отец Фэй, – это последнее, что встретим на нашем пути в Нубер. – Он также хорошоправлялся с беконом, как на такого кроткого человека. – В этом регионе, который мы сейчас пересекаем, в древние языческие времена, говорят, в основном располагались фермерские хозяйства,

поэтому нельзя ожидать никаких значительных памятников. — Баритон¹ отца Фэя, низкий, плавный, удивительно сильный, побуждал меня думать о незагустевшем меде, капающем на сдобную булочку, и когда я взглянул снова, чтоб меня поимели, если они не ели булочек, настоящих кукурузных булочек, только что вынутых из печи, так как я видел поднимавшийся пар, когда Джерри разрезал булочку и шлепнул на нее масло. — По-настоящему гористая территория Кэтскилла оставлена в древние времена, как и теперь, более или менее в своем естественном состоянии.

— Я часто задаю себе вопрос, сэр, — сказал отец Джерри, — об источнике процветания Кэтскила. Трудно ожидать благосостояния в горной стране.

Сэм пробормотал мне:

— Леваннонец — замечаешь по акценту?

— Все богатство — от южных областей, — ответил отец Фэй. — Богатые фермерские земли, на юг от гор, повсюду, до устья великой реки Делавэр, которая, я думаю, представляет собой всю границу между Кэтскилом и Пенном... Меня мучит совесть. Боюсь, что я, возможно, забыл указать на некоторые поучительные особенности развалин Олбани, так как меня всегда глубоко трогает их печальное великолепие... — Джерри корчился от недовольства и наблюдал за мной как-то странно, широко раскрытыми глазами... — и также, конечно, величие древней разрушенной архитектуры, видимое при отливе... ах, а также при лунном свете!

— Мама, — позвал Джерри.

— К счастью, мы были там в время полнолуния. Часто чувствуется, как небесная сила направляет паломников.

— Мама!

— Эта дверь вон там... ты прекрасно знаешь...

— Нет, мне не хочется. Я хочу...

— Джерри, святой отец говорит.

— Все в порядке, мадам Джоунас, — сказал отец Фрэй с привычным терпением. — Что мальчик хочет?

— Мама, я не хочу булочку. — (Почему он должен хотеть?.. он уже съел две —одну, когда никто не смотрел, кроме меня). — Могу ли я отдать ее ему, вон там?

Буду проклят, если он имел в виду не меня. Я почувствовал, как мое лицо покраснело под цвет моих волос, но это прошло. Я почти понял, что маленький дьявол не был просто милости-

¹ Баритон — мужской голос, средний по регистру между тенором и басом.

вым принцем, благосклонным к скромному подданныму: на самом деле ему понравился мой вид и его тянуло ко мне одним из тех фантастических приливов детского чувства.

— Ну, — сказал отец Фэй, — мадам Джоунас, это начало расцвета, о котором я говорил, настоящего мэрканского духа. — И отец Фэй подмигнул мне беспомощно, открыто призывая сделать вид, что я согласен, тогда как Джерри выпадал из его системы.

Официальное признание его святости смущило Джерри и сильно ударило по его стилю, но, так или иначе, он прнес булочку очень изящно, тогда как все собравшиеся уставились на нас. Всякий раз, когда просыпаясь на пастбище коров, обнаруживаешь, что животные, образовав вокруг тебя круг, стоят, посматривая и поглядывая, жуя и жуя, как будто ты напоминаешь им о чем-то, о чем они не могут себе представить, то они припомнят это через минуту... Я взял булочку и выразил огромную благодарность, и Джерри удалился, безмолвный, с сияющим лицом. Паломница, которая, я уверен, была чьей-то тетей, сказала:

— О, не прекрасно ли это! — Мы с Джерри могли тогда обменяться взглядами искреннего сочувствия, так как мы никак не могли убить ее.

— Осматривая такие развалины, — продолжал отец Фэй, — и с о б е н о при лунном свете, всегда говоришь себе: ах, имелась ли только божья воля, что им следовало быть чуть мудрее, проявить чуть больше готовности, чтобы обратить внимание на предупреждения. Такие чудесные сооружения и такие безбожные, такие порочные существа!

— Отец Фэй, — спросила хорошенъкая молодая женщина, — это правда, что они делали те огромные здания с плоским верхом, торчащие в воде, для... э — э... человеческих жертвоприношений?

— Ну, Клодия, конечно, ты должна понимать, что здания тогда не были погруженными в воду

— О, да, я понимаю, но... э — э.. совершили ли они...

— Мы вынуждены, к несчастью, прийти к такому заключению, моя дорогая Клодия. Действительно, часто... — Я думаю, он вздохнул и съел еще одну булочку; я тоже покончил с моей под суровым и благоговейным взглядом Сэма — часто те здания не просто квадратные или продолговатые, но имеют определенную форму креста, который, как мы знаем, был символом человеческих жертвоприношений в древние времена. Это печалит, да, но мы можем еще раз утвердиться в мысли, что теперь есть церковь... — он сделал знак колеса на своей груди, и мы все сделали то же самое — которая может предпринять подлинное изучение истории в свете божьего сло-

ва и современной исторической науки, так что ее причастникам нет необходимости нести бремя древних грехов, трагедий и страшных безумий прошлого...

Снаружи, в подернутом утренней дымкой горячем воздухе, возможно, все еще в пределах лесных теней, но, конечно, очень близко к нашему слабому, созданному человеком, частоколу, взревел тигр.

Все в столовой я думаю, кроме Джеда посмотрели, прежде всего, на Сэма Лумиса, когда этот оглушающий голос снаружи пронзил нас до мозга костей. Они, вероятно, даже не сознавали, что сделали это, и, конечно, у них не было осознанного представления, что он мог защитить их: они просто повернулись, словно дети, к самому сильному взрослому в критическом положении. Даже Вайлит: даже отец Фэй.

Сэм встал и допил чай.

— Тогда, если с вами все в порядке, — сказал он, обращаясь к воздушному пространству между отцом Фэем и трясущимся от старости хозяином гостиницы, — я ненадолго выйду, чтобы оглядеться вокруг. — Не допускаю, чтобы они просили так много от него, поскольку все понимали. Он побрел к двери и вышел наружу.

Я сказал — кому, не знаю, может, Вайлит...

Мой лук наверху. — Джед тогда стоял тяжеловесно, он кивнул мне головой. Не думаю, что он хоть что-то произнес с тех пор, как мы сошли позавтракать. Не дожидаясь, чтобы понять его, я стремглав бросился в нашу комнату. Когда я вернулся с луком и колчаном со стрелами, все немного толпились. Я увидел, что Джед что-то вполголоса говорил отцу Фэю, священник слушал растерянно и недоверчиво, одновременно наблюдая за своей пастью и качая головой. Я не мог слышать, что говорил Джед. Джерри находился у фасадного окна, его мама не отходила от него ни на шаг, иначе он, вероятно, был бы уже на улице. Отец Фэй неодобрительно поглядывал на мой лук, когда я проскользнул мимо него и Джеда, но ничего не сказал и не пытался остановить меня, когда я улизнул вслед за Сэном.

Сэм просто стоял снаружи, на солнечной и пыльной улице, с несколькими людьми. Я видел, как редкие пылевые вихри поднимаются, закручиваются и оседают, когда знайный ветерок пробегал мимо с нехорошим поручением.

Пожилой сельский священник — я слышал, как один из жителей села называл его отец Деллон — вышел из дома приходского священника, расположенного рядом с небольшой церковью, и тоже стоял

на улице, вытягивая шею, чтобы видеть колокольню. Он закричал – нам, я полагаю, так как мы находились ближе всех...

– Йен Вайгоу полез наверх, чтобы вести наблюдение. Мы не хотим, чтобы на улице находилось слишком много людей. Это, может быть, иллюзия. – Голос его был приятный, испуганный, дружелюбный и граничил с контролируемым страхом. – Они должны оставаться внутри и молиться, чтобы это оказалась иллюзия. – Сэм кивнул, но смотрел он на меня. В этот момент через вентиляционное окно колокольни выкарабкался худосочный парень и поднялся вверх, широко расставив ноги на знаке колеса, добрых десяти футов в диаметре, из которого поднимался шпиль. Наверно, он находился в тридцати футах над землей и, вероятно, мог просматривать село через частокол на все четыре стороны. Помню, я подумал, что Йену это удавалось довольно хорошо.

Я подошел к Сэму, думая, что он захочет отправить меня обратно в дом. Но я принес лук; он не захотел вернуть меня обратно. Он только сказал:

– Ты слышишь то, что слышу я, Джексон?

Я действительно слышал, стоя возле ворот, где караульный, впустивший нас вчера, снова стоял на посту. Сегодня он был в легких военных доспехах – шлеме, бронзовом нагруднике, кожаных щитках на бедрах и на промежности – все это вряд ли поможет против тигра – разве что укрепит дух. Он держал тяжелое копье вместо дротика – это в самом деле имело смысл, а его нелгущие руки передавали дрожь наконечнику копья, как будто он был в критической стадии малярии; он оставался на своем посту. Звук, который имел в виду Сэм, был легким пощелкиванием или постукиванием в сочетании с порывами мягкого сопящего дыхания, словно гигантские мухи дули на невидимый огонь. Вероятно, вы замечали, как у небольшой домашней кошки без причины дрожат челюсти, когда она видит птицу, летящую вне досягаемости над головой или опустившуюся на высокую ветку и бранящую ее; неизвестно, какими движениями челюстями, она издает громкий хриплый крик, что-то вроде раздраженного взрыва, не совсем фырканье или рычание, а простое напряжение мышц, которое произошло бы, если бы она схватила птицу. Однако этот звук за воротами частокола был в пятидесяти футах от нас с Сэном и я слышал его отчетливо.

Караульный у ворот крикнул:

– Я вижу его тень через щели!

Сэм сказал:

– Джексон, ты... допустим, ты пойдешь и скажешь этим людям, чтобы они оставались внутри.

Я неуверенно двинулся было к двери гостиницы, когда отец Делюн хладнокровно прошел мимо нас к воротам. Мне пришлось остановиться, оглянуться и узнать, что же намеревался делать священник. Он стоял прямо напротив бревен и молился, его руки распростерлись, словно он хотел защитить все село своим коренастым старым телом, и его голос мелодично звенел на жаркой улице. Ветерок, ясно доносивший до меня слова, также донес и запах тигра. “Поэтому, если ты слуга сатаны, либо антихрист, или ведьма, или чародей в зверином облике, мы заклинаем тебя уйти во имя Авраама, святой девы Матери Кары, во имя святого Андрея Западного, покровителя этого села, во имя всех святых и сил, которые обитают при дневном свете, уходи, уходи прочь! Но если ты слуга Бога, если послан взыскать искупление с одного из нас, неизвестного, тогда даруй нам знак, слуга Бога, чтобы мы распознали грешника. Или, если наказание должно свершиться, приди к нам, слуга Бога, и его воля исполнится! Амины!

Голос Йена Вайгоу прервал молитву:

— Он уходит прочь!.. может быть. — Его указующая рука следовала за движением тигра, который, очевидно, отошел от частокола и попал в поле зрения Йена. — Отшел на дорогу, Отец! Это самец, старый самец.

— Уходи! Во имя Авраама, уходи прочь!

— У него слева темное пятно, Отец, похожий на того, который напал на Хэннебэг в прошлом году... Просто стоит там.

Потом — поручение оказалось мне не по силам — Джед вышел из гостиницы, и отец Фэй с ним, и, хотя я что-то пробормотал, ни один, казалось, не заметил меня. Вайлит стояла позади, у входа, уставившись на Джеда, а паломники в белых одеждах образовали за ней подвижное облачко. Тогда отец Фэй отчетливо произнес:

— Нет, сын мой, я не могу согласиться, не могу благословить на такое дело, и ты не должен вмешиваться в деятельность моей паствы, которая обязана молиться. — Потом все паломники — Джерри и его отец и мать, и белолицая девушка, и пожилые люди вышли на улицу, и, прежде чем я смог задержать их, прошли бы сквозь меня, не отступив в сторону.

— Отец, — сказал Джед, — если не хочешь ты, я должен попросить другого слугу Бога. — И он подошел к воротам, к отцу Делюну, проходя мимо Сэма, будто не замечая его.

Вайлит крикнула мне:

— Дэйви, он совсем не слушает, что я говорю. Не позволяй ему сделать это, Дэйви! — Что сделать? — я не понял. У меня было впечатление, словно мы все двигались в тумане, никто не слышал дру-

гих – если бы малыш Джерри, вон там, в своей белой одежде, прекратил смутно улыбаться и сказал мне что-то, я, наверно, увидел бы только его открытый рот и не услышал бы ничего, кроме отраженного рева тигра и этого несуразного постукивания зубов.

Йен Вайгоу снова закричал вниз:

– Он уходит на запад. Не могу видеть – дом Кэйтона закрывает обзор. – Для того парня, там, вверху, на церковной колокольне, это был, вероятно, самый значительный день в его скучной жизни; вы могли бы услышать в его голосе веселье, как танцевальную музыку с другой стороны двери. Я недалеко ушел еще от детского воображения, чтобы не заметить зависть также и у Джерри, взглянувшем на колокольню.

Отец Делон отошел от ворот, слушая Джеда. Несколько минут мы бесцельно толпились на улице – отец Делон, Сэм, Джед, я и безымянный мужчина с улицы. Я не видел никого, кто был бы похож на настоящего охотника, не говоря уже о егеря. Я свободно просматривал главную улицу на всю ширину до ее дальнего конца, где меньшие ворота были обращены к дикой местности. Дом егера должен быть там, снаружи тех ворот.

Внезапно Джед упал на колени перед отцом Делоном.

– Так должно быть, Отец! Благослови меня выйти туда и навлечь его на себя, так чтобы спасти село и снять мое собственное бремя греха. Я никоим образом не испугаюсь, если смогу пойти с твоим благословлением.

Сэм резко прервал его:

– Ты не больший грешник, чем любой другой, находящийся здесь.

Но отец Делон остановил его морщинистой рукой, поднятой, чтобы попросить всех успокоиться и дать ему подумать.

– Это не годится, – сказал он. – Я никогда не слыхал о таком поступке, он неблагородный. В этом может быть греховная гордыня – мой дорогой сын, кто ты такой?

– Меня звать Джед Сивер, ужасно грешил всю мою жизнь, и кто скажет, что я не навлек тигра на село своими грехами. Отец, благослови меня выйти к нему. Я хочу умереть в надежде на прощение у трона Авраама.

– Нет, хотя... ну, мы все грешим, с момента рождения, но я не могу подумать, что ты такой... такой... – и отец Делон посмотрел пытливо, обеспокоенно на Сэма, даже на меня, я думаю, желая получить что-то вроде поддержки от нас, но вряд ли осознавая, что мы могли дать и как просить нас об этом. – Грех, Джед Сивер, можно сказать, он сам написан на лице. Вы, незнакомцы, друзья этого человека?

— Это муж моей кузины, — сказал Сэм, — и добрая душа, самый лучший, Отец, но чрезмерно усердный. Его совесть...

— Ты не понимаешь, — сказал Джед. — Н обращайтесь на него внимания, Отец. Он не может видеть грех в моей душе. Зверь не уйдет, пока я не выйду. Я знаю об этом, я чувствую это.

— Ну, вот, — сказал отец Делон, — может, он уже ушел и нет необходимости во всем этом.

— Где ваш егерь, сэр? — спросил Сэм.

— Ушел. Три дня охотится с нашими лучшими людьми.

Тигр взревел где-то за беспорядочной кучей старых домов на западной стороне села. Я услышал грохот, приглушенную вибрацию и треск ломаемого дерева. Сэм закричал вверх на колокольню:

— Парень, он внутри?

— Нет. — Высокий, словно девичий, голос Йена Вайгоу долетел к нам. — Думаю, он зацепил лапой за обвязку и что-то сломал, но его нет внизу. — Вайгоу имел в виду крепления, которые удерживали бревна частокола — кожаные ремни, их связывали мокрыми и, после высыхания, они усели, сделав крепление тугим. Только процветающие города могли позволить себе железные болты или проволоку. — Он движется в обход и направляется к тыльным воротам.

— Отец, благослови меня и позволь идти!

Я набрался храбрости и сказал:

— Отец, я метко стреляю из этого лука. Могу ли я попытаться с одной из крыш?

— Нет, сын, нет. Только поранишь его, и он полностью разрушит село.

Это было неверно, и я об этом знал. Тигр — всего лишь большая кошка. Если кошке неожиданно причинить боль, она убежит и совсем не будет драться, если не зажать ее в угол или если она не сможет убежать. Но я также знал, что бесполезно поучать священника. Я увидел, что паломники отца Фэя стали все вместе на колени на улице перед церковью. Несмотря на здравый смысл, я сделал еще одну попытку.

— Отец, я обещаю вам, что мог бы попасть одной из стрел ему в глаз. Я упражнялся попадать в дырки от сучков в досках с пятидесяти ярдов...

Это только привело его в раздражение.

— Невозможно. А что, если тигр посланец Бога? Я больше не хочу слышать об этом. — Он спросил Сэма: — Это твой сын?

— Мой племянник, и как сын. Это не пустое хвастовство, Отец. Я видел, как он пригвоздил о...

— Я сказал, что не хочу больше слышать об этом! Заберите у парня стрелы, сэр, и держите их, пока это не закончится.

Сэму пришлось забрать стрелы, а мне уступить их, у нас обоих были разочарованные лица. Паломники пели.

Гимн назывался “Христос”; он дошел к нам из Древнего Мира, обычный гимн, переживший столетия, тогда как погибло бесконечное множество нотных записей лучшей музыки. Я был изумлен голосом Джерри, невероятно чистым и мелодичным — да, я никогда не слышал хорошо поставленного мальчишеского диканта, и ни разу не слышал его с тех пор, пока не попал в нуинский Олд-Сити, где мальчиков обучают в кафедральном соборе. Со второй строфы я услышал, что кто-то позади меня тоже запел — Вайлит, моя добрая пылкая Вайлит, она все еще плакала, но пела, болезненно сопя и, более или менее, в лад. Я не мог петь; не пел также Сэм, стоявший возле меня, расслабленно держа стрелы в ближайшей от меня руке.

Там, в дальнем конце улицы, над тыльными воротами, такими же высокими, как и остальной частокол, высотой около восьми футов, там, вдали, в мерцающих лучах утреннего летнего солнца, мы осознали, вырисовывалась морда, наблюдавшая за нашей человеческой нерешительностью, светло-рыжевато-коричневая, ужасная и великолепная. Светло-золотистые полосы перемежались с более темными золотистыми, как будто между ним и нами какое-то защитное препятствие все еще отбрасывало тень от своих решеток — на его глаза тоже, какая-то тень и на наших лицах?

Мы поняли, что он придет; может, мы все осознали, что он найдет нас, каждого в отдельности, на жизненном пути, неподготовленного. Думаю, все паломники осознавали об этой морде в конце улицы, но их пение не дрогнуло. Однако Вайлит прекратила петь, я увидел, что Джед осторожно снял ее руку со своего локтя и сделал шаг или два вдоль по улице. В этот момент морда тигра исчезла из вида.

— Он ушел, — сказала Вайлит. — Смотри, Джед, я говорю тебе, что он ушел. — Должно быть, она знала, так же, как и все мы, что тигр не ушел. Теперь Джед не выглядел, как безумец, полный решимости броситься в опасность. Он улыбался, с каким-то даже удовольствием. Он прошел только небольшой отрезок пути позади коленопреклоненных, поющих паломников. Отец Делон тихо молился, его старые руки были переплетены под подбородком; думаю, что он наблюдал за Джедом, но не сделал ничего, чтобы задержать его.

Также не могли ничего сделать ни я, ни Сэм. Мы, в какой-то мере парализованные, одинокие, не слыша друг друга, наблюдали за пустым местом в конце улицы, серо-коричневым туником из потрепанных непогодой бревен и тропической зеленью

леса за ним. Лицо Джеда заливал пот, как это было вчера на дороге. Его руки и ноги дрожали, как будто земля вибрировала под ним, однако он продолжал свой путь, медленно, как человек иногда путешествует в печальных, или ужасающих, или воображаемых нелепых приключениях во сне.

Тигр дугой поднялся ввысь, словно летящая стрела, перепрыгнул ворота и оказался в селе.

На секунду остановился, осмотрелся, рассчитывая пути атаки и отступления, измеряя все с удивительно быстрой кошачьей ловкостью. Джед не останавливался, но продолжал идти, неуклюже и храбро, не обращая внимания или не слыша двух священников, которые теперь в ужасе кричали ему вслед, чтобы он вернулся. Джед держал руки широко распластанными, как делал отец Депон, когда молился у фасадных ворот, но был больше похож на человека, идущего ощупью в темноте.

Тигр плавно побежал к нам по жаркой улице, сначала не нападая, но быстрой рысью с поднятой головой, как бежит просто играющий котенок, имитируя нападение. Я полагаю, он не ожидал, что человеческое существо пойдет к нему с такими странными, препятствующие раскинутыми руками. Он поднялся на задних лапах перед Джедом и ударили его лапой. Движениеказалось легким, игривым, совершенно нелепым. Массивное тело Джеда повернулось и упало поперек улицы, ударившись о воротный столб дома, и лежало, распотрошеннное, у его подножья, в потоке крови.

Затем тигр напал, стремительный бросок был такой быстрый, что за это время только один раз послышался женский визг; потом я увидел зеленый огонь его глаз, направленных прямо на нас, в то время, когда он мгновенно нащупал и охватил зубами спину Джерри. Мать Джерри снова завизжала и бросилась на зверя с маленькими беспомощными кулаками. Повернув голову, тигр без усилия уклонился от нее. Он рысью убегал по улице тем же путем, что пришел, голова снова поднята, тело Джерри в его челюстяхказалось не крупнее воробышного. Он перепрыгнул ворота и подался в глушь, женщина молчала, только разорвала свое паломническое одеяние и била себя в груди, а потом била кулаками по пыльной дороге.

Я выхватил одну из стрел из руки Сэма. Помню, что приладил ее на тетиву, когда тигр убегал по улице, но черное существо обрушилось на меня; это был отец Депон, дернувший мою руку, так что стрела бесполезно полетела над верхушками крыщ. Может, он имел право так поступить.

Несколько минутами позже Сэм, отец Фэй и я были с Вайлит, которая неловко возилась у тела Джеда, словно знала какой-то способ оживить его.

— Мадам Сивер, — обратился к ней отец Фэй и потряс за плечо, и взглянул назад, отыскивая другую женщину, тоже нуждавшуюся в нем, — но отец Делон и другие паломницы отхаживали мать Джерри в церкви. — Мадам Сивер, вы должны подумать о себе.

Она полуприсела и пристально взглянула на нас.

— Вы могли остановить его, многие из вас. Ты, Дэйви, я просила тебя остановить его! О, боже, что я говорю?

Вероятно, мы все виноваты, — сказал отец Фэй. Но уйдем сейчас. Позвольте мне поговорить с вами.

Сэм положил руку мне на плечо и тоже увел меня. Мы находились в каком-то частично огражденном месте, думаю, у входа в магазин, и Сэм говорил, сбивая меня с толку больше, чем когда-либо, так как речь шла о Скоаре. Он тряс меня, чтобы я пришел в себя от изумления.

— Дэйви, можешь послушать еще раз? Я сказал, это было примерно пятнадцать лет назад, в одном из таких, вроде бы, обычных мест..

— Ты сказал “Дэйви”

— Да, в одном из таких средних мест, не высшего класса, но и не таком уж и плохом, не могу вспомнить название улицы... Зерновая... нет..

Частично, я, должно быть, понял его, так как помню, что спросил:

Мельничная?

— Ну, это она. Рыжая, ласковая, и... хорошенская, во всяком случае, ничего общего с теми, затасканными...

— Поэтому, черт бы тебя побрал, ты забросил ей немного от себя для своего портрета и улизнул, ты это имеешь в виду?

— Дэйви, мужчина в таком месте... Я хочу сказать, что ты, во всяком случае, не знакомишься, прежде чем обязан уйти, а девушка, она тоже не хочет знать тебя, пойми это. И, как бы там ни было, может, тебе самому придется узнать еще столько же, сколько ты уже знаешь о некоторых браках, я бы не удивился. — Он не хотел ни отпускать моего плеча, ни смотреть на меня, только пристально глядел поверх моей головы, ожидая, пока я приду в себя. — Я женат... все еще женат, пойми это. Жена, там, в Кэтскиле, чертовски недалеко, заговорила меня до смерти. Но рыжая малышка в том скоарском заведении... я хочу сказать, что провел там полчаса одной ночью, а потом: “Уходи, парень!” — и я совсем не имел пред-

ставления, что мог оставить кое-что после себя. Чего, может быть, я и не сделал, Дэйви, мы вряд ли когда-нибудь узнаем наверняка. Но я предполагаю, мне хотелось бы, чтобы это так и было.

— Я не знаю, почему я говорил с тобой таким тоном.

— Все еще обижаясь?

— Нет. — Я никогда не плакал после того утра, но я склонен думать, что, иногда, через большие промежутки времени, молодым полезно поплакать. — Нет, я не обиделся.

— Итак, допустим, я твой папа — годится?

— Да.

18

Январские дожди выпадают здесь, на острове Неонархес, более устойчиво, чем любые дожди, которые мы помним. В течение двух недель мы не имели возможности работать по расчистке новых земель. Ники испытывает неудобства от своей беременности, в таком же положении и Дайон — я имею в виду, что, как и я, он старается породить книгу, записывая то, что мог вспомнить из истории Нуина, прежде чем оно сотрется или исказится в его памяти. Наконец, теперь мы имеем бумагу: тростник, растущий по берегам ручья, дает постоянное сырье для наших примитивных способов изготовления бумаги, воспринимающей наши чернила из ламповой сажи довольно хорошо.

От ламповой сажи моя мысль перескакивает к лампам и ламповому маслу. Когда бочонки с тюленьим жиром, которые мы привезли на "Морнинг Стар", исчерпаются, у нас его больше не будет. Нам придется выходить из положения с помощью естественных растительных масел и воска, а когда поголовье наших овец увеличится, у нас будет жир, чтобы восстановить запас свечей. Время окота овец, через пару месяцев, будет главным событием. Конечно, мы с Ники редко возражаем против того, чтобы рано укладываться спать.

Лампы, свечи, животноводство — у нас достаточно проблем на этом уровне, чтобы занимать наших людей сотню лет, если нам будет отведено так много времени. Его может и не быть. Нет нужды предполагать, что, поскольку мы первые за много столетий переплыли великое море, наши враги не последуют за ами — возможно, скоро. Они имеют такую же истинную храбрость, как и мы, иначе не смогли бы победить в войне, которую мы вели против мятежников, несмотря на их численное превосходство. Верно, тре-

бовались воображение сэра Эндрю Барра, знания из многих запрещенных книг, распоряжения и покровительство Дайона как регента богатейшей и сильнейшей страны и труд многих людей, чтобы создать шхуну "Хок", а позднее "Морнинг Стар". Победившая армия Солтера не имела таких судов, чтобы послать их в погоню, ни людей, способных управлять ими. Однако, воодушевленные, они могли бы построить кое-что, чтобы отважиться выйти в море, если церковь ослабит свои запреты.

Мы увезли с собой все расчеты и рабочие чертежи, выполненные нашими людьми. Работники низкой квалификации сначала имели только смутное представление о том, строительством какого типа корабля они были заняты, но некоторые из них помнят подробности и расскажут обо всем, если Солтер захочет выслушать их. Сияющая мэрканская церковь доныне лишала себя свободы действия в данном случае, связывая себя учением, что морально грешно и оскорбительно для бога ульивать далеко от берега, за исключением того, что рыбаки называют релейной системой — один корабль должен был всегда видеть другой, который держит в поле зрения землю. Даже Дайон не мог безопасно заказать такой корабль, как "Хок", без объяснения церковникам, что он необходим, чтоб держать в благовейном страхе пиратов островов Код, и что он никогда не поплынет за пределы этих островов. А "Морнинг Стар", объяснил он им, был необходим как замена — ну... ха-ха — для гарантии против возможной перегруппировки тех сатанинских людей.

Запрет существовал не просто потому, что всемогущий бог будет раздражаться, когда увидит, что человек достаточно чертовски глуп, чтобы удалиться на край плоской земли; имеется более основательное учение, что всякая любознательность ошибочна — учение, которого все религии прошлого обязаны были придерживаться как единственного практического способа защиты от скептицизма. Однако общеизвестно, что теологические препятствия подвижны: если бы церковь знала, что мы благополучно высадились здесь на берег, горстка бежавших еретиков, живущих трудной работой и счастливых на островах, которые могли быть ценными, я уверен, что божье благословение на карательную экспедицию могло быть почти мгновенно устроено.

Наша военная разведка, несомненно, узнала, что бывшие пираты из островов Код рассеялись в армии Солтера. Они не знают больших кораблей, но они знают море; в прошлом, до 327 года, когда мы разгромили их как страну, их глиссеры¹,

¹ Глиссер — плоскодонное мелкосидящее быстроходное судно.

оснащенные косым парусом, возможно, заплывали дальше, чем мы предполагали. Они могли бы управлять большим кораблем Солтера, если бы он когда-либо ухитрился построить его.

Жители островов Код – пираты, их жены, рабы и сторонники – поклонялись сатане, старому темному рогатому богу колдовства, древнего и современного. Я уверен, что они все еще тайно занимаются этим. Вероятно, они считали старого рогоносца логическим оппонентом существующего положения вещей, любить которое у них не было основания – кроме того, они устраивали оргии и празднества. То, что Дайон как регент отказался позволить сжечь всех жителей островов Код после сдачи пиратов, было одним из наиболее серьезных недовольств враждебной части нунинского общества, а также церкви, направленных против него. Острова были приняты солидными рыболовными гильдиями и присоединены к области Хэннис; рядовым бандитам и изгнаниникам и их женщинам и детям было позволено расселиться, согласно всеобщей амнистии. Так как мы надеялись совершенно отменить рабство в Нунине и не были склонны устраивать множества новых тюрем, я не знаю, что еще, по логике, мы могли сделать. Помню, я предупредил Дайона, что большинство пиратов не собиралось быть благодарными более, чем пять минут, и что церковь не была готова признать любой вид милосердия, кроме своего собственного. Он знал об этом, но, как бы то ни было, продолжал в том же духе – полагаю, мы с Ники серьезно ругали бы его, если бы он изменил свое решение в результате наших предостережений. Четыре года спустя бесшабашные пираты оказались там, в мятежной армии Солтера, готовые и жаждавшие сражаться на стороне церкви против человека, который спас их от сжигания той же самой церковью.

В данном случае, думаю, настаивание Дайона на амнистии вместо мщения было первым случаем в современном мире, когда светский правитель выдержал давление церкви и оставался безнаказанным в течение целых четырех лет. Во времена Моргана Великого такой вопрос даже не возникал. Морган был всецело за церковь, которая тогда сама была новой как определенная организация; энтузиаст, воитель за бога, он мог быть так же счастлив обратить в веру мыслящего человека, как и уничтожить его боевым топором, в зависимости, думаю, от того, проявлял ли тот какую-либо склонность к возражению.

Но через некоторое время церковь может обнаружить, что она не совсем счастлива с прекращением династии Моргана и президентом Эрманом Солтером. Солтер отменит все, что мы проделали для избавления от рабства: уничтожит наше небольшое начинание

в развитии светских школ и больше не будет святотатственных разговоров об ослаблении запретов на книги Древнего Мира и обучение. Но после того, как эти два дела будут решены, медовый месяц между Солтером и церковью, вероятно, закончится. Солтер властолюбив, а это неизлечимая болезнь, которая доходит до высшей точки бедствия так же несомненно, как и раковое заболевание. Он уважает церковь только как материальную силу, вытекающую из ее власти над человеческими умами, а не по религиозным выражениям и, конечно, не за какое-либо временное благо, которое церковь может оказать (я, как один из ее самых искренних врагов, допускаю, что она оказывает их довольно много). Солтер practicalный человек в самом печальном смысле этого слова: человек, для которого всякое искусство – ерунда, всякая красота – неуместна, всякое милосердие – слабость, всякая любовь – иллюзия, удобная для использования, а всякие философские вопросы – вздор. Я знаю все это о нем, потому что этот человек пытался добраться к Дайону через меня, вскоре после того, как комический случай вовлек нас с Ники в президентскую орбиту и мы приобрели важное значение. Солтер был совершенно откровенным об особенностях своего мышления, когда он все еще верил, что я представлял ценность. Он совсем не имел убеждений: религиозных, агностических, атеистических или каких-либо других – религиозная маска была одной из многих, чтобы носить ее для удобства. Когда правят такие, как он, как это иногда бывало в Древнем Мире, – спите с ножом под подушкой!

Да, весьма вероятно – однажды утром, несколько лет спустя, мы, может быть, увидим с западного океана приближение небольшого неуклюжего парусника...

Вчера, в дождливый полдень, к нам случайно зашел Дайон с Норой Северн и сказал нам, что не хочет быть правителем. Мы слыхали об этом и раньше, и в этом есть определенный смысл, однако большинство из нас надеется, что его можно будет отговорить от нежелания управлять. Мы обсуждали много политических идей, после того, как на нашем последнем общем собрании было выбрано пять человек, чтобы написать пробную конституцию, как это делалось в Древнем Мире, предназначенную для того времени, когда эти острова, может быть, будут вмещать достаточно возросшее население, что потребует больших формальностей.

– Я непригоден, – сказал Дайон, – как раз вследствие того факта, что я правил в Нуине. Самодержец, может, над миллионом человек – нелепо, не так ли, ведь любой человек мог бы быть в таком положении? Если бы я попробовал здесь, я все время боялся бы

старых привычек, возрастающих во мне Дэйви, в тот день, восемь лет назад – когда ты и наша шалунья были, вроде как бы, вовлечены в правление – я думаю, прошло восемь лет, не так ли?..

– Первого мая 323 года, – сказала Ники и чуть засмеялась.

– Да. Почему в тот день, как вы думаете, я так энергично не отпускал вас после того, как шутовской праздник закончился? О, конечно, появилась Ники, в то время, как я не видел ее в течение двух лет и даже думал, что она уже умерла. Маленькая проказница всегда была моей любимой кузиной. Но здесь было что-то другое. Я уже начал сомневаться в себе, хотя был регентом менее года...

Я вспомнил тот день. Я часто вспоминаю его; он запечатленся как-то особенно ярко. Тогда нам с Ники было по двадцать. Мы жили в Олд-Сити в течение двух лет – уединенно, потому что Ники убежала от семьи и не могла выносить мысли, что ее могли узнать, понимая, что семья будет делать попытки вернуть ее обратно и что такая суета и волнение повлияли бы на работу, которой она отдалась душой и телом. Ее работа была подпольной, с еретиками, важной и опасной. Моя, для добывания денег – на мебельной фабрике: Сэм Лумис научил меня всему, что знал по столярству, когда мы бродили с комедиантами труппы Рамли; другая моя работа заключалась в том, чтобы учиться, читать запрещенные книги под руководством Ники и еретиков, которые приняли меня ради нее; чтобы расти с более широким пониманием мира, в котором мне придется жить. Она приняла на себя, моя милая, поднимающая тонус жена, бремя, которое заменившей мне мать мадам Лоре из комедиантов пришлось перестать нести. Да, только в этот день, 29-го апреля, в канун шутовского праздника, делающего радостными двадцать четыре часа из суматошной жизни людей в Нуине, перед более спокойными удовольствиями Первомая, – в тот день мы с Ники были беззаботными. Повсюду в городе царила веселость, безрассудная восхитительная безотлагательность близкого вечера весны, когда небо загромождено высокими облаками с фиолетовым оттенком; там были уличные певцы, а цветочницы везде разносили за собой аромат сирени.

Мы сказали, что пойдем только на короткую прогулку и будем держаться в стороне от празднования и шутовства. Но, бродя по улице, остановившись у таверны, где пиво было, пожалуй, очень хорошее – о, вскоре мы начали спрашивать друг друга, что могло быть плохого, если бы мы просто пошли на несколько минут к дворцовой площади послушать пение и, может, взглянуть с безопасного места, когда будут избирать шутовских короля и королеву. И, все же, она потом рассказывала мне, у Ники все время было

предчувствие, что мы собирались быть намного более легкомысленными, чем обещали. Вспоминаю, когда мы медленно продвигались в ту часть города, что Ники пыталась определить, как точно она могла направлять мое движение, подталкивая меня бедром (ни один из нас не пользовался руками или локтями), и в такой манере мы прибыли на дворцовую площадь – честно говоря, не пьяные, а просто счастливые.

По обычаю, которому, возможно, сотня лет, в определенное время, в канун шутовского праздника – никто точно не знает этого момента, но он наступает между заходом солнца и десятью часами – через дворцовую площадь проедет на белом коне парень в звенящем колпаке на голове, держа длинную плеть, увенчанную мягкой шелковой кисточкой. Он скакает по площади и дерзко пререкается с толпой, а его забрасывают цветами; наконец, он слегка ударяет плетью мужчину и женщину, выбирай их на шутовских короля и королеву в течение следующих двадцати четырех часов. Их подталкивают к трону, который стоит на ступеньках президентского дворца, и сам президент выходит, чтобы короновать их. Он стает перед ними на колени, согласно важному ритуалу, вовсе не комическому. Обычай омовения ног короля и королевы во времена Дайона устарел, но...

Это произошло с Ники и со мной. Мне следовало предвидеть такое развитие событий. Толпа была большой, начинало смеркаться, тем не менее лицо моей леди, вероятно, выделялось среди других хорошеньких мордашек в толпе, как алмаз среди стеклянных украшений: было очевидно, что я являлся ее спутником и у меня рыхкие волосы. Парень на белом коне устремился к нам, побуждая всех расступиться, чтобы его плеть могла достать нас. Затем нас окружила толпа, смеющаяся, любезная, шумно-пьяная и деспотичная, и понесла нас к трону на своих плечах. И, в маскарадном костюме, появился регент, Дайон Морган Моргансон Нуинский и, увидев Ники – я знаю, была она испугана, помятая в добронамеренной шумной волне и смотрела прямо перед собой, – Дайон побледнел, как полотно. Вскоре он приказал одному из помощников принести серебряный тазик, который прежде использовался в этой церемонии, – я слишком невежественен, чтобы знать, что это было неожиданностью – и он омыл наши ноги, хотя это уже не являлось частью ритуала последние тридцать лет.

– И, сомневаясь в себе, – сказал Дайон – говоря это здесь, в нашем, полном воздуха, убежище на острове Неонархеос, обнимая рукой свою прекрасную жену Нору Северн и слушая, так же, как и я, ветер с моря, пробивающийся сквозь теплый дождь... – сомневаясь в себе, я нуждался в тебе, Миранда. Позже... – он сказал это как-

то более значительно, чем простая вежливость, — я понял, что нуждался в Дэйви также, в его дерзки-полезной манере, с которой дьяволенок смотрит на проблемы и откровенно высказывает.

Я сознавал, в тот канун шутовского праздника, что Дайон любил мою жену задолго до моего знакомства с ней. Фактически, это было много лет назад, так как ему исполнилось пятнадцать, когда она родилась. Он часто бывал в семье ее матери, Серены Сэн. Клер-Левайсон, его кузины, и привык носиться с малюткой до того, как она начала ходить. Ее первое отчетливое слово, произнесенное, когда он подбросил ее до потолка, было "Дай-Ион"... Я не мог не узнать об этом, слушая, как он произнес ее имя в беспомощной, несдержанной манере, — там, на ступеньках президентского дворца, когда он держал ее маленьющую коричневую ногу в своих руках. Сейчас это уже не любовь подростка к ребенку, так как Ники не ребенок. Это любовь друзей и, с его стороны, даже больше. Мы имели возможность немного поговорить об этом, все втроем; мы не делаем этого теперь, когда с нами Нора Северн, хотя она знает обо всем. Это не то, что могло бы решиться браком-втроем, как поступила Адна-Ли Джейсон и ее любовники. Мы с Дайоном слишком собственнические, и Ники уверена, что для нас это не было бы выходом из положения. К тому же, как много в человеческой неразберихе нашей собственной вины!

— Я думаю, — сказала Нора Северн, — что человек, отчетливо осознающий существующие издавна опасности автократии и следящий за ними в себе самом — он не лучше, в качестве правителя того, кто меньше познал бы себя? Я совсем не настаиваю на этом — вы сами больше понимаете как частные граждане.

На ней не было ничего, кроме небольшой юбки, как у большинства наших девушек. Белокурая и прелестная, вы не подумали бы, глядя на почти голую Нору, что она искусная ткачиха и прядильщица, такая ловкая и обладающая творческим воображением, что некоторые женщины постарше просили ее поучить их. За работой она никогда не тратит ни секунды на лишнее движение, хотя каждый тонкий упругий палец, кажется, живет независимой жизнью. Она также пытается ваять, правда, заявляя, что не сильна в этом, и обыскала остров в поисках годной к употреблению глины.

Какое-то время в прошлом, — продолжал Дайон, — боюсь, мне и разило быть Его Превосходительством милостью Бога и Сената регентом в Нашем Очень Современном Чрезвычайном Положении — ого-го как здорово! Чрезвычайное положение было благом в течение восьми лет и все еще неуклонно продолжалось бы, если бы нас не вышвырнули. Думаю, термин "чрезвычайное

положение" первоначально означал "пока Его Превосходительство Морган Третий милостью Бога и Сената Президент Содружества не окажет милостивой любезности, чтобы выскочить, как пробка". Но время все тянулось и тянулось, и это стало означать "период, длищийся со времени, когда ваше Превосходительство безнаказанно злоупотребляет своим положением до тех пор, когда ваше Превосходительство может милостью Бога и Сената благополучно быть изгнанным ко всем чертям..."

* * *

Мы были обязаны оставаться в Восточном Перкенсвиле до тех пор, пока не закончатся похороны Джеда. Но ради Вайлит мы были вынуждены ускользнуть, так как у нас с Сэмом не было никаких денег, необходимых для предполагаемого религиозного обряда, все-таки, они считали нас аристократами и полагали, что мы будем нести это бремя – дорогой Джед, он, вероятно, объяснил бы, что это наказание за обман караульного в тот вечер. Несомненно, религию следовало бы придумать для таких кротких и простых душ и, возможно, они совсем не могут обходиться без нее, так же, как я не могу ладить с ней. Вайлит имела достаточно денег, припрятанных в мешке, для покрытия расходов, а теперь – ну, теперь Вайлит была паломницей и не хотела денег.

Она вновь присоединилась к нам в то страшное утро, после долгого конфиденциального совещания с отцом Фэем, и дала Сэму столько, сколько, как отец Делон сказал ей, будет стоить приличный обряд – наш смиренный способ показать богу, что мы понимали и любили Джеда, так как он был мучеником. Потом она рассказала нам, что отец Фэй принял ее в качестве паломницы с надеждой, что она могла бы в какой-то день стать достаточно очищенной, чтобы постричься в монахини. Может, только отец Фэй мог предоставить Вайлит такое большое утешение и спасти ее, что, надеюсь, он и сделал, во имя человеческой расы. В такой же самой степени, может, никто иной, как отец Делон мог так глупо способствовать моему вступлению на путь ереси. Я хотел подсказать ему, что если бог всезнающий, он был бы в состоянии понять все, без всяких наших расходов на церковный обряд, и, если он, д е й - с т в и т е л ь н о, был всезнающим, как насчет того, чтобы спросить у него: что, черт подери, дало мученичество добродетельного Джеда кому-либо, начиная с Джерри? Разумеется, я совсем ничего не сказал, помня о шее Сэма, так же, как и о моей собственной, но мое религиозное чувство иссяжало именно тогда. Я никогда не скучал по нему.

Вайлит стала спокойной, во время разговора с нами после той беседы с отцом Фэем: спокойная и отдаленная, однако она не казалась чужой. Я никогда не догадывался о скрывавшейся в ней монахине, хладнокровной скучной сестре, в этой пылкой любвебильной партнерше по борьбе, которая много раз раскрывала для меня приятную плоть. Теперь она представляла собой монахиню, смотревшую как слепая; лицо этой женщины за последние несколько часов постарело на двадцать лет. Не думаю, что она спросила нас с Сэмом, что мы намеревались делать. Временами она теряла направление мысли, как будто продолжая какой-то разговор в другом помещении. Может, отец Фэй наложил на нее эпилитию — ее платье выглядело измятым и она двигалась осторожно, словно ощущала физическую боль. Ее левый глаз судорожно подергивался, чего я никогда прежде не замечал. Вскоре паломники собирались провести закрытое молитвенное собрание для включения ее в группу, после чего, как она нам сказала, она не должна даже разговаривать ни с каким мужчиной, кроме отца Фэя, пока не закончится покаянная часть ее паломничества. Покидая нас, она расцеловала меня в обе щеки и сказала, что я должен быть хорошим мальчиком.

Я увидел ее еще раз, одетую в белое платье, вместе с остальными паломниками на похоронах, два дня спустя. Если бы она знала, где мы сидели, она бы подумала, что лучше не смотреть в нашу сторону... Мне кажется теперь, что я очень любил ее, может, так же сильно, как Кэррон, которая, вероятно, уже умерла.

* * *

Я и сейчас помню указ, который я провозгласил с трона на ступеньках президентского дворца. Вечер тянулся медленно; принесли мускусное вино, которое выпили нам на головы. Я объявил, что для всех, без исключения должна безотлагательно наступить вечная счастливая жизнь; так или иначе, я не мог придумать более подходящего указа от имени шутовского короля.

19

После похорон — они оказались довольно унылыми, наш Джед, наверно, подумал бы, что они лучше, чем он заслуживал, — мы с Сэмом, не ожидая diligанса, который должен был проходить мимо в субботу, решили рискнуть пойти пешком, по крайней мере, до Хамбер-тауна.

В Восточном Перкенсвиле, после несчастья, я, фактически, не слыхал никаких разговоров о тигре, и не было даже уклончивого упоминания о его возможном возвращении. На следующий день сельский егерь привел обратно свою группу охотников — как огорчились и рассердились эти мужчины, услыхав новость — а в полдень люди вышли обрабатывать кукурузные участки без всякой защиты, кроме пары лучников. Той ночью люди также находились снаружи, присматривая за сторожевыми кострами, не против тигра, а просто, чтобы не подпускать близко к кукурузе травоядных. Охотники, старухи и другие источники абсолютной мудрости сходились во мнении, что если тигр не старый или больной, он нападает на определенное село только раз в сезон, а потом идет дальше. Это даже могло быть правдой, хотя я сомневаюсь в этом.

Бессмысленный, случайный характер произошедшего, вот что, полагаю, потрясло и ошеломило меня. Сэм стоял рядом со мной; мы много не говорили; он просто находился там, давая мне возможность быть наедине с моими мыслями в его присутствии. Я знаю, что еще только Ники может так поступить¹. Когда похороны закончились и мы снова оказались на дороге, я начал постигать, что если в состоянии человека имеется какой-то порядок, смысл или цель, человеческие существа должны заниматься этим сами.

Мы отправились спозаранку. В такое летнее утро вдоль холмов дует западный ветер, а солнце еще не совсем поднялось, везде свежесть, звонкое пение птиц, мелькает белохвостый олень, ускользающий в таинственный дневной лес, теплота твоего тела и живительный прилив твоей крови составляют целый колорит жизненной правды — как еще это может выразиться?

Хамбер-таун — деловой и честолюбивый городок, слишком маленький для города, слишком большой для села — может, примерно семь — шесть тысяч населения и, если использовать странное местное выражение, растет все время. По дороге мы с Сэмом размышляли над несколькими планами, но не решили ничего. Я все еще мечтал о Левянне и кораблях. Но я давно заметил, как часто наши планы пишутся вилами по воде. Сэм допустил, что для поддержания нас в пути он мог бы поискать какую-то наемную погонщицу или каменщицу работу — он знал обе профессии — в Хамбер-тауне. Он согласился, что безопаснее всего было бы пере-

¹ Я похвалил моего возлюбленного за бальзам его слов — честно говоря, милый, это просто повод, чтобы закрыть кому-то рот приятным по звучанию голосом.

браться в Леваннон, если война еще будет длиться к тому времени, когда мы доберемся до Олбани, на море Хадсона. В Восточном Перкенсвиле о боевых действиях было почти неизвестно, лишь распространялась шепотом молва о битве при Ченго на западе и еще об одной битве на побережье моря Хадсона, немного севернее Кингстона, совсем близко к границам катскильской территории.

Мы с Сэмом совсем не говорили об отношениях, которые могли быть между нами. Но когда мы подошли к воротам Хамбертауна, я сказал:

— Раз ты хочешь быть моим отцом, и я тоже хочу этого, может, неважно, был я или не был в действительности твоим сыном?

— Ну, примерно об этом я и сам подумывал, Дэйви, — отозвался он. — Он называл меня “Джексон”, как обычно, в то утро. — Мы могли бы остановиться на этом...

Караульный у ворот почему-то был веселым, поэтому оказался вежливым, что необычайно для полицейского. Когда он впустил нас, я услышал где-то энергичное бренчание и трепет мандолины. Потом послышалось оживленное ум-та-та, ум-та-та барабана и включились флейта и довольно пронзительный корнет, совсем не диссонируя в “Ирландской прачке”. Играли недалеко, в каком-то месте, скрытом из вида кривизной главной улицы. Откуда бы ни пришла “Прачка”, а я думаю, что она дошла до нас из Древнего Мира, — эта великолепная долговечная распутница всегда желанна.

— Там играют! — сказал нам караульный, и я заметил, что его ноги притягиваются, и мои тоже. — Самая лучшая, черт возьми, труппа, которая когда-либо была здесь. Вы не бывали в Хамбер-тауне?

— Я был проездом, много лет назад. Сэм Лумис, а это мой тарень Джексон... Джексон Дэвид Лумис. Кто там играет?

— Бродячие комедианты труппы Рамли.

— Да? — спросил Сэм. — Ну, тот корнет усиливает звучание, но у корнетиста получается не так же хорошо, как у моего парня...

Небольшая праздная толпа уже повисла на перекладине изгороди, которая ограничивала городскую лужайку, хотя никакого специального выступления не проводилось и была только середина утра, когда большинство жителей города, как обычно, на работе. Музыканты сошлись и заиграли, ради собственного удовольствия, вот и все. Но никто, имеющий уши и глаза, не прошел бы просто мимо, только не мимо Бонни Шарп, сидевшей по-турецки на траве и щипывающей струны мандолины, и Минны Селиг с банджо, и Стада Дабни, выбивавшего из барабана возбуждающую мелодию, с его седой головой, торчавшей над барабаном, и приземистой фигурой, как бы полуприсевшей, похожей на белоснежную сову,

собиравшуюся улететь. Там был также маленький Джоу Далин, пиликавший на флейте, и крупный Том Блэйн, стоявший позади него – далеко позади, следя своему правилу, так как Том всегда настаивал, что не сможет выдуть из корнета приличный звук, если дырку во рту на месте давно выпавшей пары зубов не будет затыкать куском хорошего пресованного табака, что означало, что он сплевывал в конце почти каждого такта; и он не мог сплевывать хорошо, заявлял он, если не будет поворачивать голову по-настоящему свободно и тактично остерегаться попасть в окружающих. Угу, Том был там во всем своем великолепии, когда мы с Сэмом присоединились к другим бездельникам, чтобы дать отдык нашим ногам на перекладине... Длинный Том Блэйн направил свой непрятливый корнет в небо, человек, пьющий музыку и быстро поворачивающий голову, словно кот, чтобы сплюнуть и снова пить. Эй, я забежал наперед моего рассказа, но это меня не беспокоит. Там были люди, которых я вскоре узнал и полюбил; когда я прикоснулся к перу, их имена выскочили на бумагу.

Лужайка была большая и прекрасно размещена – в Хамбертауне все казалось просторным и довольно разнообразным, или же я помню его лучшим, чем он был – ведь именно там начались хорошие времена в моей жизни, мои странствия с бродячими комедиантами труппы Рамли. На лужайке фургоны образовали аккуратный квадрат; я видел большие картины похотливого содержания и яркие цвета повсюду на холсте, сверху и по бокам, и откормленных мускулистых мулов, привязанных снаружи, где они могли найти тень и пространство, никого не беспокоя.

Труппа Рамли была довольно многочисленной, с четырьмя большими крытыми фургонами, которые перевозились мулами, и двумя – обычного типа, предназначенными для перевозки снаряжения и припасов. Крытые фургоны – ничего общего со скрипучими колымагами, в которых кочуют цыгане – предназначались для проживания труппы в дороге либо в лагере. Один длинный крытый фургон может обеспечить уютное местечко для более восьми человек с их пожитками, и вы не будете очень стеснены, если только одежду и вещи – манатки, используя словечко бродячих комедиантов – припрячете должным образом. Это нужно усвоить прежде всего, и как только вы освоитесь, ну, до некоторой степени, вы живете как на корабле, и жить здесь совсем неплохо.

К тому времени, когда мы с Сэмом добрались туда, музыканты покончили с "Прачкой". Девушка с мандолиной бесцельно бренчала; другая опустила банджо и, поймав мой взгляд, а, может, и Сэма, подняла руку к черным локонам таким, поправляющим во-

лосы, женским движением, которое возвращает нас к временам, когда (как установила наука Древнего Мира) люди жили в негигиенических пещерах и женщинам приходилось обращать внимание на прическу, так, чтобы кости мамонта, которые на них бросали, отскакивали грациозно. Минна Селиг была очаровательной девушкой, но, с другой стороны, такой же была и Бонни Шарп. В течение какого-то времени — около шести месяцев, припоминаю, — как только я пытался сосредоточить внимание на одной из них, неожиданно вмешивалась другая. Так у них было запланировано.

Флейтист и корнетист отошли немного в сторону и уселись с колодой карт. Я увидел высокую широкоплечую седовласую женщину, босую, одетую в выцветшее голубое платье, которая вышла из одного из больших крытых фургонов, села на опущенную заднюю ступеньку и, в глубоком удовлетворении, закурила глиняную трубку. Седовласый барабанщик, белоснежная сова, также оставил свой инструмент, но оставался рядом с девушками, растянувшись на спине, с древней потрепанной фермерской соломенной шляпой на лице, и барабанными палочками, которые придавливали ее, на случай, если внезапно поднимется ветер, а ему совсем не хотелось двигаться. Стад Дабни был потрясающим в такого рода делах: папа Рамли называл его оригинальным, чтоб он был неладен, изобретателем тишины и спокойствия. Он с таким усердием мыслил при разрабатывании новых способов спокойного отдыха, что иногда чувствовал страшную усталость от этого, но заявлял, что посвятил себя добруму делу и будет продолжать его во имя Иисуса и Авраама, и неважно, если это свидет его преждевременно в могилу. Тогда ему стукнуло шестьдесят восемь.

Та седовласая женщина, сидевшая на ступеньках фургона, привлекла мое внимание так же сильно, как и девушки. Я полагаю, именно своим спокойствием. Она сделала утреннюю уборку и лениво наслаждалась перерывом, но здесь было и что-то более значительное. От нее снисходил умиротворяющий покой на окружающих, как от других можетходить атмосфера беспокойства, или вожделения, или чего-либо еще. Ну, после того, как я узнал эту леди более основательно — два года спустя, я думай, когда мне пошел семнадцатый, — мадам Лора заметила как-то, что, как она предполагает, ее уравновешенный характер частично результат ее профессии предсказательницы судьбы. “Ты не можешь, — сказала она, — предсказать прстакам что-нибудь совершенно ужасное, это очевидно — плохо для дела, даже если бы они могли примириться с этим, чего они не могут. Но у меня возникает привычное страстное желание, после истинной правды, которую я постигаю, Дэйви,

такое же, какое и у твоего отца. Поэтому, когда я выдумываю лестные предсказания, чтобы осчастливить простаков и отоспать их прочь, воображающих, что они достигнут чего-то, сама я думаю о том, что в действительности, вероятно, произойдет с ними – и со мной, боже милостивый! – по эту сторону смерти. Это отрезвляет, успокаивает, Дэйви. Включая и б о л ь ш и е происшествия – я имею в виду десять миллионов небольших ежедневных однообразий, после которых, через какое-то время, ты стаешь закаленным, как древняя скала, вроде меня, как старая скала, которую обдувают песчаные ветры. Да-а, и после таких размышлений, постигающих меня во время предсказывания, я становлюсь усталой, но, также и как бы очищенной, спокойной, испытываю желание хорошо воздействовать на человека, ради перемены к лучшему, и, главным образом, сохраняю спокойствие. Философия, вот что это такое, Дэйви; имеется и еще одно преимущество жизни бродячих комедиантов (которой, я предсказываю, ты не будешь жить всю свою жизнь – у тебя сложное будущее, милый, слишком сложное, чтобы предугадать старухе), и так устроено, что женщина из группы комедиантов в моем возрасте (не обращай внимания, что так устроено) может позволить себе чуточку философии, чего, я полагаю, не может женщина, занимающаяся домашним хозяйством и пытающаяся постичь, куда делась романтика, и что, черт возьми, болит у ее юных дочерей..." От нее снисходило спокойствие на окружающих в то первое утро, когда я увидел ее, она курила трубку и изучала каждого в пределах ее поля зрения, но не подавала вида.

Я беспокойно ерзал у изгороди и вдруг спросил:

– Сэм, только честно – как я играю на горне?

– Все, что я смыслю в музыке – это просто люблю ее. Даже петь совсем не умею. Для меня звучит хорошо, когда ты играешь на горне.

– Например, "Зеленые рукава"?

У девушки с мандолиной челка русых волос свисала ей на глаза; хорошо, но у девушки с банджо были большие полные губы, которые побуждали тебя соображать немедленно – ну, "соображать" – это слово, которое я написал, и мне бы не хотелось вычеркивать его. Девушка с мандолиной все еще потихоньку пощипывала струны, но, в основном, они теперь вдвоем, хихикая, перешептывались, и я сообразил, что меня подробно изучали.

– Да, "Зеленые рукава" получается хорошо, – сказал Сэм. – Бродячие комедианты – ну, они чувствительные люди, ты слыхал по рассказам. Может, неверно рассказывают – я никогда сам не разговаривал ни с кем из них. Гордые, это несомненно, и ловкие, и

энергичные. Люди говорят, что они всегда готовы сражаться, но никогда не начинают драки, и это хорошо, если, действительно, это так. Они забираются на своих больших медленных фургонах в такие уединенные места, куда никакой обычный караван никогда не доберется, и я слыхал, что бандиты иногда захватывали снаряжение комедиантов, но никогда не слыхал, что бандиты побеждали их. У каждого хозяина комедиантов имеется серебряный знак, который дает ему возможность пересекать любые государственные границы без всякого беспокойства, ты знал об этом?

— Нет, в самом деле? Эй, это значит, что если бы мы были с этими людьми, то могли бы поехать прямо в Леваннон и нам не пришлось бы красть никакого судна и увиливать от таможни и так далее?

Он схватил меня за руку и повертел меня немного взад и вперед, поэтому я держал рот закрытым, пока он думал.

— Джексон, ты задумал украсть корабль, чтобы пересечь Хадсона, и тому подобное?

— О, — сказал я, — может, я, действительно, немного думал так, только не очень большой. Но, это, в самом деле, так, Сэм? Они смогут переправить нас, если будут расположены к нам?

— Они вряд ли будут делать это контрабандным путем — могут лишиться своего знака, если так поступят. Я слыхал по рассказам, что они никогда не делают этого.

— Но они, может, могли бы принять нас в труппу?

Он выглядел довольно спокойным и отпустил мою руку.

— Вряд ли найдется труппа, которая скажет, что они не смогут принять — тебя, во всяком случае. У тебя имеется эта музыкальная штуковина и, вроде бы, ты им подойдешь.

— Ну, черт подери, я бы не пошел с ними, если ты не пойдешь.

Он выпрямил свои большие красивые пальцы на перекладине изгороди, более чем когда-либо спокойный и погруженный в размышление, изучая все, что мы могли видеть в расположении комедиантов. Один из обычных фургонов был поставлен заблокированным, его открытая задняя сторона обращена к изгороди, возле которой бездельничали девушки, и в нем стояло несколько больших ящиков; наверно, это был торговый фургон, я знал об этом по выступлениям комедиантов, которые я видел в Скоаре, — к полудню там устраивают распродажу лекарств от всех болезней и большого количества хлама, но кое-что бывает хорошим: я купил у торговца из труппы бродячих комедиантов прекрасный кэтскильский нож. Другой фургон, крытый, стоял вплотную к широкой, огражденной канатами, площадке, и у него была открыта боковая сторона: наверно, это был театр.

— В таком случае, — сказал Сэм, и я почувствовал, что он был почти такой же счастливый, как любой из нас мог быть счастливым после недавних событий в Восточном Перкенсвиле, оставшихся в прошлом, — в таком случае, считаю, ты мог бы дать делу ход, Джексон, так как, думаю, что ясно представляю мою дальнейшую деятельность.

— Что ты имеешь в виду?

— Ужасный вопрос, Джексон: всегда... нет, если я настроен втиснуться, вползти, пролезть в какое-то место, где меня не ожидают, я это обычно делаю. Обожди минутку. — Я собирался перелезать через изгородь, прежде чем мужество покинет меня, но именно тогда в поле зрения появился новый человек, из-за фургона, где сидела седоглавая женщина, и прислонился к задней ступеньке, чтобы провести с ней какое-то время.

Фактически он не был крупным — не таким высоким, как Сэм — но умудрился казаться таким, частично с помощью густой лохматой черной бороды, которая достигала до середины его груди. Соразмерна ей, черная копна волос на его голове не подстригалась уже два-три месяца, но я заметил, что мужчина не лишен тщеславного самолюбия: его коричневая рубашка и белая набедренная повязка были чистыми и свежими, а волосатые ноги оплетала пара мокасин из лосиной кожи, таких чудесных я никогда не видел — их позолоченные орнаменты представляли обнаженные фигурки, и кривляны, исполненные этими золотыми девушкиами, которые он мог производить просто пошевеливая пальцами ног, возбудили бы юношескую жизненную силу в прахе самой древней египетской мумии, и я имеко в виду женатую мумию.

Сэм сказал:

— Я чувствую, что это хозяин, Джексон. Посмотри на него. Попробуй вообразить, что он рассердился по какому-то поводу.

Я перемахнул через изгородь. Как только я перелез, я почувствовал, что все наблюдают за мной — девушки, картежники, даже седовласый мужчина из-под своей соломенной шляпы, и чернобородый хозяин, чей голос все еще доносился мягким гулом, словно раскаты грома с десятимильного расстояния.

— Папа, — сказал я, — Сэм коротко улыбнулся, поморщившись, как будто удовольствие было одновременно и болью, а я осмелился произнести это слово... — папа, вообразить-то я могу, а вот выразить это — ну уж нет.

— Угу. Ну, ты слыхал рассказ о слегка подвыпившем старом фермере, который стал таким близоруким, что отправился доить быка?

— А что потом?

— Потом ничего, Джексон, ничего особенного, кроме того, говорят, что он еще не вернулся, все еще не вернулся до сего дня.

Тогда я должен был идти дальше или вовсе не идти. Моя добродушная набедренная повязка придавала уверенности, но, пересекая необычные двадцать ярдов между мной и музыкантами, я чувствовал, как дрожат мои колени, и руки тоже, когда я вытащил золотой горн и дал ему возможность блестеть на солнечном свете; однако, то, что их лица осветились от интереса и возбуждения при виде горна, рассеяло мой испуг и расслабило меня, поэтому, я стал другим, дружелюбным, и возвратился в нормальное состояние. Я спросил:

— Могу ли я немного поиграть с вами?

Котенок с завлекательной белкой на лбу и девушка с аппетитными губками внезапно стали совсем деловыми, без единой насмешки. Музыка — это серьезно. Бонни спросила:

— Где же его сделали? Он не из Древнего Мира?

— Да. У меня он недавно. Я могу играть только несколько мелодий.

— В басовом диапазоне?

— Нет, кажется, лучше в среднем — я знаю, что низкие и высокие звуки я еще не могу играть.

Кто-то сказал:

— Кажется, парень честный. — Я все время чувствовал, что за мной наблюдал мужчина из-под той соломенной шляпы.

Девушки не обратили никакого внимания на Стада.

— Какие мелодии ты знаешь? — спросила Минна Селинг, и я узнал, что она обладала также и завлекательным голоском, но в тот момент она была совсем деловой, как и Бонни.

— Ну, — сказал я, — ну, “Зеленые рукава”... “Мелодию Лондондерри”... Минна немедленно взяла для меня несколько небольших аккордов на нежно звучавших струнах банджо, и я начал блуждать в “Зеленых рукавах”, конечно, не с самым туманным представлением о том, какой тон я использовал, или о созвучии, или о том, как приспособить себя к другому исполнителю. Все, что у меня было, — только мелодия, и природное ощущение горна, и немного мужества, и очень много доброй воли, и тонкий слух, и огромный восторг, что изящная черноволосая девушка с аппетитными бедрами сидела рядом по-турецки, подыгрывая на банджо. Потом сразу же подключилась мандолина Бонни, смеясь и плача мелодичным звучанием; она затягивала со мной своими огромными серыми глазами — это не отвлекало ее от музыки, так что она могла таким поведением обратить на себя внимание мужчины, и ей никогда не требовалось ни минуты на размышление — а ее мелькающие паль-

цы придавали моей игре полуотчетливый дрожащий фон на всем протяжении к тому, что, как я полагал, было окончанием.

Седовласый барабанщик помахал рукой, чтобы поманить к себе одного или двух своих друзей. Люди выходили из фургонов. Флейтист и корнетист прекратили играть в карты и просто стояли рядом, слушая, продумывая игру. Горн так хорошо звучал в моих руках, что я на минуту возгордился, думая, что именно моя игра привлекла их, а совсем не волшебство самого горна из Древнего Мира. Когда я играю в нынешнее время, это, может, верно; но в тот день это не могло соответствовать истине, хотя даже прелестная резкая Бонни сказала позднее, что я играл лучше, чем любой неуч имел право играть.

Когда я закончил (так я полагал) мелодию, Минна сжалась рукой мой локоть, чтобы воспрепятствовать какой-нибудь моей глупости, и в сторону ушла, мерзая, мандолина Бонни, издав душераздирающий звук, чтобы найти мелодию на другой стороне облаков, видоизменяя темпом в два раза быстрее, и пляшущих на солнце. Кто-то позади принес гитару и начал подыгрывать в лад приятной песне, которую запела Бонни, а Минна намеренно напевала три ноты очень близко к моему уху, просто, чтобы я слышал, и прошептала:

— Играй их на твоем инструменте очень тихо, когда она поет. Полагайся на свой слух, как и когда играть их. Мы немного промахнемся, но давай попробуем.

Знаете ли вы, что мы не очень промахнулись? Я заиграл, когда легкое сопрано¹ Бонни парило в воздухе, а Минна неожиданно запела контратто², наполненно, словно накат морской волны. Да, девушки пели хорошо, вдвойне хорошо. Они занимались музыкой вместе с младенческого возраста, в труппе комедиантов, кроме того, у них была редкого типа дружба, которую никто и никогда не мог разбить. Я так и не узнал, были ли они лесбиянками. У папы Рамли не было неприязни к таким отношениям, и, я предполагаю, эта неприязнь — пережиток обычного религиозного очернения в детстве, поэтому такой вопрос не задают. Если они и занимались этим, то это не настроило их против мужской половины: немного спустя я имел обеих, говоривших “о-остановись-не-останавливайся”, и они обе были тем более восхитительны, так как не воспринимали меня всерьез, потому что мы, как люди называют это, не были любовниками.

Когда Бонни запела вторую строфу “Зеленых русавов”, я услышал, что гитара заиграла немногого громче. Поглощенный желаниям

¹ Сопрано — самый высокий женский или детский певческий голос.

² Контратто — низкий женский голос.

выдуть из горна то, что, я надеялся, они хотели, я чувствовал, что нам подсовывают, только это был как бы льющийся, поддерживающий, гармоничный, приглушенный звук, почти удаленный, хотя я знал, что певцы стояли совсем близко за мной. Все наши лучшие силы были там – Нелл Графтон и Чет Спендер, и прекрасный Билли Труро – единственный тенор, которого я когда-либо слышал, кто мог с одинаковым успехом играть Ромео и сдирать кожу с мулов. А для глубинных громовых раскатов баса у нас был сам папа Рами.

Бонни не играла, когда пела, но держала мандолину в стороне, ее другая рука покоялась на моем плече, черт возьми, какие пустяки, ведь Минна держала руку на моем колене, и это создавало романтическую картинку для толпы, которая увеличивалась снаружи, там, но, в основном, все было реально. Бонни где-то научилась петь, не очень сильно искажая обаяния своего округлого сердце-видного личика восхитительного цвета – да, с прелестными зубками, и сверкающими очами, кто бы беспокоился, если бы она даже дала доступ дневному свету к своим миндалинам для какого-то из сильных звуков? И, самое приятное, в тот день она случайно одела зеленую блузку с длинными рукавами – вы бы вообразили, что все представление было запланировано за месяц вперед, и я уверен, что наивные люди считали, что так и было.

Когда песня закончилась и Бонни помахала рукой, послав воздушный поцелуй толпе, которая топала и хлопала, даже немногие из них, презрительно фыркавшие, – ну, не схватила ли она меня за рубашку, чтобы я поднялся на ноги?

– Покажись, малыш! – сказала она.... – ты тоже им понравился.

Для меня это представляло опшеломляющее удовольствие, не испорченное пониманием того, что, в основном, возбуждение вызывала Бонни, как и следовало ожидать. Да, мне это нравилось, и я вырастал в собственных глазах, я не был очень самокритичным...

* * *

Ники и Дайон все еще спорят об исправлении мест, где я допустил ошибки в правописании. Я не могу вмешиваться в спор, потому что сам попросил их о помощи еще тогда, когда начал эту книгу. В последний раз я слышал, что они продолжали яростно спорить о правописании совсем недавно, фактически, только несколько минут назад, я не могу представить себе – почему. Я задремал на солнце, или, казалось, что задремал, и услышал, что Ники спросила Дайона, может ли он быть уверен, что я не намеревался изначально писать таким образом.

– Не могу, – признал тот, – и даже если бы мог, почему я должен быть избран, чтобы защищать родной язык от нападок рыжеволосой певчей птицы, политика, горниста и пьяного моряка? Не насиловали ли его специалисты в течение многих веков бесчисленное количество раз с тех пор, как Чосер¹ наделал такой чертовский беспорядок, пытаясь толковать его, и не продолжает ли он, все-таки, держаться?

– Бессердечное, подлое и ленивое животное, – сказала Ники. – Я ненавижу тебя, Дайон, за то, что ты не можешь даже прийти на помощь Евтерпе, которая лежит поверженной во прах, истекая кровью.

– Евтерпа² – это кто?

– Что! Ты называешь меня потаскухой?

– Нет, но...

– Я отчетливо слышала, как ты сказал: “Ты потаскуха!”³

– Миранда – Евтерпа не была, черт возьми, музой правописания.

– О, твоя правда. Это была Мельпомена.

– К большому сожелению, она была музой трагедии.

– Итак, все в порядке! Английское правописание всегда было трагедией, так что какая же иная девушка могла иметь дело с ним, поэтому не говори мне ничего в ответ, иначе ты разбудишь Дэви.

Я как раз завершил разработку теории об источниках английского правописания, поэтому я проснулся формально, чтобы поделиться ею с ними. Вс понимаете, древний простодушный человек, живший на заре истории, имел сварливую жену, и повышенную кислотность желудка, и озабочение, но английский язык не был изобретен, отчего тот находился в незавидном положении; так как не имел возможности проклинать свою жизнь. Однако, люди, которые занимались политикой, сделали открытие и создали алфавит, а затем разрубили его на липкие куски и передали их друг другу – так, чтобы для каждого было достаточно букв; итак, когда жена старика занималась болтовней, или у него болели ноги, или его увольняли с работы за убеждения, он, бывало, хватал куски алфавита и поднимал их на склон горы, это была единственная возможность выругаться, бывшая в употреблении в те древние времена. Много веков спустя, какой-то ученый, с большой дурьей башкой и очень малым чувством сострадания, обнаружил скалу и тут же изобрел популярную прелесть – английский язык, точно такой, как и наш. Но к тому времени, все комбинации, которые

¹ Чосер, Джефри (1340-1400) – англ. поэт; зчинатель англ. национальной литературы

² Евтерпа – др. греч. миф. – музя лирической поэзии и музыки.

³ В англ. языке слова Евтерпа и You twirp (ты потаскуха) звучат одинаково.

хотел бы произносить приличный человек, были смыты дождем или вороны съели их.

Ники спросила:

— Как жена старика, жившего у подножья скалы, бранилась и трепалась, если английский язык не был изобретен?

Ничуть не став более облагороженным, я ответил жене:

— Она немного опередила свое время.

20

В то время, как исполнителям “Зеленых рукавов” все еще аплодировали, я услышал, что чернобородый громко сказал нам:

— Это превзошло все, детки. Они выглядят созревшими для Матери.

И когда я имел желание поинтересоваться, что он имел в виду, он беззаботно, приятным тоном, сказал мне — может, я путался у него под ногами в течении многих лет и он так привык ко мне, едва увидев меня: — Оставайся, Рыжий.

Я слегкнул и кивнул. Тяжело ступая, он пошел к тому фургону, где находились ящики. Девушка с банджо потянула меня вниз, чтобы я снова уселись рядом с ней, и по-дружески обняла меня рукой.

— Это папа Рамли, — сказала она. — В следующий раз, когда он заговорит с тобой, ты скажи: “Угу, папа”. Он хочет, чтобы ему так все отвечали. И не беспокойся, думаю, что ты ему понравился. Я Минна Селиг, а как тебя зовут, дорогой?

Эй! Несомненно это воодушевило меня. Довольно скоро я узнал, что бродячие комедианты все время называют друг друга “дорогой”, и это не всегда неизбежно означает любовные отношения, но тогда я не знал об этом, но она понимала, что я не знал. Приблизившись к моему другому уху, маленький дьявол с мандолиной сказал:

— И не беспокойся, я думаю, что ты нравишься Минне. Я Бонни Шарп, так что скажи свое имя также и мне... дорогой.

— Дэйви, — сказал я.

— О, мы считаем его прелестным, не так ли, Минна?

Они в самом деле взяли меня в переделку. Да, но для девушек с их легким озорством, и теплотой, и хорошим настроением, окончание “Зеленых рукавов” могло стать окончанием моего мужества: я мог бы собрать лохмотья моего достоинства, взвалить их на плечи и убежать обратно через забор, не говоря больше ни слова, даже Сэмму, о том, чего я хотел больше всего на свете — быть принятым

этими людьми и оставаться с ними в их путешествиях так долго, пока они держали бы меня у себя.

Папа Рамли, стоявший в задней части того фургона, вскинул руки.

— Друзья, я не намеревался сейчас обращаться к вам с хорошими новостями, рассчитывая сделать это сегодня позже, но вас привлекла наша музыка — и наши ребята признательны вам за благосклонные аплодисменты — ну, я воспринял их как побуждение сказать несколько слов, а вы передать вашим близким. Откройте эти ворота и соберитесь вокруг, так вот, я хочу дать надежду для больных, покинутых и страждущих — подойдите ближе!

Почти во всех селах и городках, которые не имели большого парка, был чудесный обычай предоставлять бродячим комедиантам городскую лужайку на время их пребывания, чтобы разместить лагерь и арену для выступлений; жители обычно не вторгались туда, если их специально не приглашали. Я нарушил правила. Думаю, причиной, почему девушки не сказали мне ничего об этом, был мой врожденный глуповатый вид, который часто творит для меня чудеса. Теперь, после приглашения папы Рамли, наивные люди открыли ворота и медленно вошли, робкие, но с неизменной обеспокоенностью простака, остерегающегося надувательства, — это приносит ему много пользы. Более двадцати мужчин и в полтора раза больше женщин собрались вокруг фургона, вызывающие слабохарактерные, желающие убедиться в чем-то, что не имело большого значения. Я увидел, что Сэм забрел вместе с ними. Он стоял позади; когда он поймал мой взгляд над толпой дамских шляпок и широкополых соломенных шляп, он слегка покачал головой, что, как я понял, означало, что он что-то замыслил и мне лучше не вмешиваться.

— Вот и вы, друзья, подойдите ближе! — Любой мужчина дал бы многое, чтобы обладать голосом, как у папы Рамли, громким, как церковный колокол, но он мог говорить и тихо, словно мальчиш, шепчущий в темноте. — Здесь сегодня будет счастливый день, который вы надолго запомните. Мне кажется, что вы прекрасные, понятливые люди, ответственные граждане, мужчины и женщины, которые в душе боятся божьего гнева и всегда моляться, и несут свою долю расходов. Вот что я скажу себе, когда бы я не подумал о Хамбер-тауне и добродетельном мэрэ Банвике, который предоставил нам эти прекрасные условия и так много сделал для нас, — нет, сэр, люди, бродячие комедианты не забудут этого, никогда не верьте, если услышите от кого-либо, что они забывают. Мою дружбу с вашим мэром Банвиком, и клубом прогресса, и женским мэрканским союзом трезвенников я собираюсь хранить в памяти всю

жизнь. – Что касается Банвика, старый пердун, конечно, не был там в то утро, но многие из его жалких родственников, несомненно, присутствовали, не говоря уже о дамах... кроме того, папа Рамли всегда говорил, что если вы вознамерились целовать задницу, вы можете с таким же успехом целовать ее хорошо. – Теперь, друзья, вы должны увидеть, что наш мир – это юдоль слез и печалей. О, господи, господи, неужели ты ниспошлешь смерть на его честных попечителей, которые денно и нощно вдохновлены и топают туда и сюда среди нас?.. да, джентльмены, внимайте! Ну, среди них мог бы оказаться не один из вас, кроме детей, боже, благослови их, и, может, даже некоторые из тех, кого раньше не отнял зловещий жнец. А болезнь – да, я намерен говорить вам об о б y ч n y x печалях, которые должны прийти ко всем и к каждому. Это не выдумки – теперь подойдите немного ближе, давайте – о, нет, никто не выдумывает рассказов о них, ни печальных песен, но я говорю вам, что человек, умерший от болезней, он погиб, люди, конечно, так же, как и герой, принявший смерть за свою возлюбленную отчизну, аминь, это, действительно, так.

Он дал им время, чтобы они оглянулись вокруг, друг на друга, мудрые, и серьезные, и согласные, что так и было.

– Друзья, я скажу вам, что, действительно, есть некоторые страдания, которые никогда не могут быть излечены, кроме как рукой вечно любимого бога перед лицом времени, который излечивает удары судьбы и высушивает слезы утомленного страданием, и осторожно направляет нас, и позволяет траве зеленеть вон там, и ведет к избавлению от этих многочисленных ран. Но относительно тягот обычных болезней – ну, так вот, друзья, у меня есть сообщение для вас.

Сорок семь лет назад, в небольшом селе в горах Вэрманта, зеленых и далеких отсюда, жила женщина, простая, скромная, богоугодная, мягкая, какой могла бы быть любая из прекрасных спутниц и помощниц, которых я вижу перед собой в этот момент в этом красивом городе, – где, я должен признать, что еще не видел представительницы слабого пола, которая не была прекрасна на вид. – (Там были только две миловидные женщины на всем обширном участке, и я сидел между ними.) – Это, действительно, так, никакой лести, внимайте, джентльмены! Ну, эта кроткая женщина в Вэрманте, о которой я говорю, утратила своего добродетельного мужа в зрелом возрасте, и, после этого, посыпала оставшуюся долгую и благословенную жизнь излечиванию больных. Даже имя ее было скромным. Ее звали Эванджелин Аманда Спинктон, и я хочу, чтобы вы запомнили это имя, так как это имя вы станете

благословлять с каждым вашим вдохом. Кое-кто утверждает, и я верю этому, что в жилах Матери Спинктон – ах, да, именно так ее называет теперь благодарный мир! – течет таинственная кровь индейцев Древнего Мира. Это возможно, но, вне всякого сомнения, что славные ангелы господа направляли ее в дliaющихся всю жизнь усилиях, в ее поисках этих целебных экстрактов, которые господь, в его безграничной мудрости и сострадании, незаметно поместил меж простых трав, произрастающих в шелестящих листвой лесах, или в согреваемых ласковым солнцем полях, или вдоль тихо журчащих ручьев...

Как бы то ни было, его слова дают вам представление о стиле. Папа никогда еще не позволял никому обращаться с речью за Мать Спинктон, даже если он лежал больной в кровати и ему было очень плохо, он, бывало, вставал из нее, чтобы позаботиться об этом. Он заявлял, что почтает ее слишком сильно, чтобы позволить любому простому ничтожному безмозглому помощнику положить смертную руку на ее священную кожу. Он также заявлял, что мог чувствовать пристрастие толпы особым умением, которым никто другой не обладал – кроме, конечно, его дедушки, умершего сорок лет назад – и это умение всегда сразу же подсказывало ему, говорить ли о тихом журчании ручьев, или о мрачном безмолвии пещер. Любое из них могло действовать хорошо – о, конечно, оно должно действовать, бывало говорил он и сплевывал через подножку между мулами, когда он правил ими, что очень любил делать, – оно должно действовать, но простаки тихого журчания ручьев – обычного типа, а простаки мрачного безмолвия пещер – иного, и в этом все дело, и настоящий артист отличается способностью подметить это различие и, соответственно, отрегулировать свою речь. Длинный Том Блэйн привык спорить с ним об этом, когда погода была хорошей, – Том говорил, что простаки есть простаки, вот и все.

Папа Рамли продолжал нести вздор, не совсем утверждая, что бог и Авраам и все ангелы действовали вместе, показывая кроткой Матери Спинктон, как создавать ее Домашнее Лекарство, Единственное Эффективное Средство для всех жалующихся на недомогание смертных, будь-то человек или животное, – но собравшиеся были вроде бы, оставшимися на музыкальные упражнения – он созвал их, потому что не мог вынести, делая намного больше того, что музыканты назвали бы разучиванием гаммы или музыкальными упражнениями, – он созвал их, ибо не мог вынести того, чтобы позволить любой толще в любое время уйти от него, не всучив ей чего-нибудь. Еще через пять-десять минут, рассказав о характере и биографии Матери Спинктон, он принялся анализиро-

вать дюжину или более болезней и говорил о них так заботливо, обнадеживающе и ужасающе – черт подери, никто не смог бы пре-взойти его в этом; он нашел бы в вас так много простейших болячек¹, во всем вашем теле, что вы просто не смогли бы уделить им столько времени, чтобы не умереть от половины из них. Он как всегда, завершил свою речь кучей вдов и сирот, собравшихся у могилы, и что Мать Спинктон могла бы предотвратить такое развитие событий, если бы они только знали – подходите по одному, подходите все! Ну, для этого требовалось особое усилие – “Мать” стоила целый доллар за бутылку Но продали ли ее?

Да.

Трезво рассуждая, эта “Мать” в самом деле, была лекарством из ряда вон и я, конечно, знаю об этом, так как папа верил в нее сам или, казалось, что верил, и не проявлял к нам большего милосердия, чем к публике. Если ты заболевал или признавался в этом, ты выпивал “Мать Спинктон” или же нарывался на неудовольствие папы и мы очень сильно любили его за это.

Именно из-за непредсказуемой сущности “Матери” невозможно было получить самые лучшие результаты от нее. “Мать Спинктон” могла вмешиваться решительно во все – эпизоотию², корь, импотенцию, сломанные ребра, насморк – и если уж не могла вылечить их, то и не пыталась, а начинала такую мощную атаку где-то внутри тебя, что прежняя болезнь уже ничего не значила. Намажьте немного ее лекарства на смертельную рану, и вы, естественно, захотели бы умереть, но она так бы взяла вас за живое, что вы не смогли бы спрятаться с этим, так как были бы переполнены возбуждением от любопытства, сколько же она намерена причинить вам боли в следующий миг и где именно. Конечно, могло бы оказаться, что это совершенно разные вещи, но я стараюсь анализировать психологический аспект.

Вера самого папы в это снадобье оставалась для меня загадкой, но я утверждаю, что это в самом деле так. Я наблюдал за ним, когда он готовил свежую партию лекарства в соответствии с тайной формулой, которую он разработал сам, точно такой же заботливый, надеющийся, настороженный и активный, как белка, как физик Древнего Мира с совершенно новым взрывным устройством. Я не знаю состава – мокрицы, хрен, стручковый перец, неразбавленный кукурузный спирт, смола, мараван, моча гремучей змеи, кури-

¹ Выходи завтракать.

Н. и Д.

² Эпизоотия – одновременное заболевание многих животных какой-либо заразной болезнью.

ный желчный пузырь и около дюжины таинственных трав и частей тела животных, обычно включая козлиные яички. Эти последние было трудно достать, если мы не находились в подходящий момент прямо возле чего-то вроде фермы, и папа допускал, что они не являлись абсолютно обязательны, но говорил, что они придавали лекарству отличительный смак, к чему он сам был неравнодушен. Выдерживать смак было важно. Сам папа Рамли пил лекарство и со смаком, и без, говорил он, и, возможно, для простаков это, в самом деле, не имело значения, так как первый глоток был рассчитан на то, чтобы непосредственно вывести любого простака из преднамеренного расположения духа – однако, если вы беспокоились, смак был необходим. Папе Рамли также нравилось обсуждать вопрос о времени выдерживания снадобья. Я так и не стал специалистом в этом деле: я мог лишь различить, что некоторые настойки "Мать Спинктон" вряд ли воняли намного больше, чем городская ратуша, но зато ее лучшие выдержаныеrarитеты были вполне способны очистить поле площадью в десять акров от всего движущегося, включая мулов.

В то утро в Хамбер-тауне, когда папа закончил свою болтовню и собирался начать распространять бутылки, а Том Блэйн – заворачивать их и принимать деньги, сквозь толпу протолкалась бесчувственная старая хляча, хрюкая и постанывая, с рукой на груди и длинным костлявым лицом, совсем сгорбленным от ужаснейшего страдания, так что мне пришлось дважды выпучить глаза и слегчить, прежде чем я убедился, что этим древним страшилищем был мой собственный папа, Сэм Лумис собственной персоной, снова немного разыгравшийся и жаждавший продолжать игру.

– Ты там! Ты говоришь об исцелении? Я выхожу вперед, к тебе, но для меня нет никакой надежды, нет, так как мое несчастье свалилось на меня из-за греховной жизни. Ах, господи, господи, прости жалкого гадкого старика и позволь ему умереть, не так ли?

– Ну, дружище! – ответил папа Рамли. – Господь прощает многих грешников. Выйди вперед и откровенно выскажись! – Он был слегка обескуражен. Папа сказал нам позднее, что не был уверен, видели ли меня вместе с Сэном, разговаривавших у забора.

Сэм, этот старый негодяй – мой папа, обратите внимание – сказал:

– Вечная ему хвала, но позволь мне облегчить душу!

– Позвольте несчастному пройти вперед, добрые люди – он больной человек, я вижу. Подвиньтесь, прошу вас! – Люди уступили Сэму дорогу, может быть, и из жалости, и потому, что он мог быть немножко более привлекательным. Он, действительно,

выглядел почти что смертельно изнуренным – кашлял, шатался, приостановился у задней стенки фургона и позволил Тому Блэйну поддерживать его. Если бы я не видел многозначительного покачивания головой, я бы уже был там, вне себя от возникшей обеспокоенности и, возможно, испортил бы дело.

– Находит на меня иногда внезапно, – сказал Сэм, чтобы избежать критики тех, кто мог заметить его рядом со мной перед выступлением, устойчивым и очень сильным. – Действительно, внезапно! – и, отвернувшись от толпы, он подмигнул папе.

С этого момента можно было подумать, что они занимались таким делом долгие годы. Я прошептал в ближайшее ухо, которое, оказалось, принадлежало Минне Селиг:

– Это мой папа.

– Да? Я, в самом деле, видела вас вместе.

Бонни сказала:

– Он не такой уж и сцыкун!

Я почти вырос от гордости.

Папа Рамли уже наклонился к Сэму, мягкая ангельская улыбка расплылась там, где можно было видеть его лицо, окаймленное черной всклокоченной бородой. Его голос звучал, словно кленовый сироп, льющийся из кувшина.

– Не отчайвайся, человече, – не надо, и подумай о радости на небесах, которая ожидает раскаявшегося грешника. Скажи, наконец, где же тебе болит?

– Ну, болит повсюду внутри груди, с зигзагообразным омертвением.

– Да, да. Немного болит впоперек, когда ты дышишь?

– О, господи, я именно это имею в виду!

– Да. Ну вот, сэр, я могу читать в сердце человека, и вот что я скажу тебе об этом грехе, он уже почти искуплен раскаянием, и все, что тебе нужно – это вылечить боль в груди, так, чтобы устроить прямой путь к святому духу и почему – только, конечно, тебе придется постараться.

Том Блэйн, очень развеселившийся, оказался прямо там, с бутылкой “Матери Спинктон” и деревянной ложкой его собственного изготовления. Я сам так никогда и не понял, как только обычная кленовая деревяшка могла выдерживать и оставаться целой, одновременно обугливаясь и сморщиваясь, что всегда происходило под воздействием Матери, но я ничего не могу поделать, кроме как рассказать историю так, как она произошла. Буду проклят, если эти два старые озорники не говорили, долго и скучно, еще минут пять, тогда как Том держал ложку, прежде чем Сэм, наверно, дал

себя уговорить и проглотил немного. Я считаю, что им повезло: если бы "старая леди" разъела дерево ложки и выпала, пока они говорили, толпа могла бы линчевать всю нашу компанию.

Наконец Сэм принял лекарство и, в течение нескольких секунд, чувствовал себя довольно спокойно. Да, часто не чувствуешь сразу же чего-либо, кроме понимания того, что настал конец мира. Конечно, Сэм был приучен к неразбавленному кукурузному спирту, пережаренной пище и религии; все равно, я не думаю, что что-либо в прошлой жизни этого человека могло действительно подготовить его к "Матери Спинктон". Она проникла в его внутренности, и, когда черты его лица, вроде бы, были восстановлены, так что он снова был узнаваем, мне казалось, что я слышал, как он бормочет: "Со мной все кончено!" Все было в порядке: любой простак, который невольно услышал его слова, вероятно, думал, что тот созерцал прекрасную небесную вечность. Затем, как только Сэм смог двигаться, он повернул голову, так что простаки могли наблюдать, как румянец блаженства или чего-то еще разлился по его лицу и он провозгласил:

— Хвала его имени, я снова могу дышать!

Да, конечно, человек непременно будет восхвалять окружающую красоту, обнаружив, что он все еще в состоянии дышать после небольшой дозы "Матери Спинктон". Но простаки еще совершенно не пробовали ее, поэтому, считаю, что они не совсем поняли, что он имел в виду.

— Я был близок к смерти, — сказала старая кляча, — но вот я жив! — И тогда все придвинулись и окружили его, желая прикоснуться к нему и погладить человека, который был вырван из могильной ямы, даже растоптать его, чисто из дружеского расположения.

Папа Рамли выскочил из фургона. Они с Томом с трудом высвободили Сэма от толпы; потом Том пошел продавать бутылки — за несколько минут он распродал их, примерно, так же быстро, насколько он мог справиться с этим — а папа Рамли повел больного к тому фургону, где все еще сидела седовласая женщина, курившая трубку и от всего этого получавшая удовольствие. Я поплелся к ним, а девушки пошли со мной.

Трудно поверить, как много свободного пространства можно обнаружить в одном из тех длинных крытых фургонов. Каркасы в виде перевернутой буквы U, поддерживающие холст, соединяются поперечинами, сделанными обычно из граба, прямо выше уровня головы, а на поперечины опирается легкая плетеная плита, представляющая собой что-то вроде чердака для складирования легких вещей. Эти поперечины такжедерживают подвесные перегородки,

разделяющие фургон на уютные отсеки, располагающиеся вдоль обеих боковых сторон фургона, с узким проходом между ними, по которому люди могут двигаться по одному. В передней части фургона имеется свободное пространство без спальных отсеков – просто холщовые стены, обычно с окном на каждой стороне. Ради смеха, мы всегда называли это пространство гостиной.

Именно сюда привел нас сейчас папа Рамли, в гостиную этого фургона, в котором располагались и его собственные апартаменты. Так как это был главный фургон, гостиная в нем была почти вдвое большей по размерам, чем в других фургонах, и в ней имелись *книжные полки*, чего я никогда не видел и не представлял себе ранее. В этом фургоне было только четыре спальных помещения, два двухспальных и два односпальных: односпальные – для мадам Лоры и старого Уилла Муна, который обычно погонял мулов, двухспальные – для Стада Дабни с женой и для папы Рамли и любой женщины, которая делила с ним койку. Папа собрал нас там – Бонни, Минну, Сэма и меня. Мадам Лора, со своей глиняной трубкой, вошла последней, и уселась по-турецки, так же гибко, как девушки. Я никогда не слыхал, чтобы у бродячих комедиантов имелся стул – вы сидите на полу, или лежите, или разваливаетесь, как душа вашей угодно. В этой главной комнате весь пол, размерами десять на двенадцать футов, был покрыт бурой медвежьей шкурой, которая была нашей гордостью. Папа не сказал ничего, пока седовласая женщина не уселась; тогда он просто взглянул на нее и проворчал.

Мадам Лора попыхивала трубкой, пока та не погасла, и потирала чашеобразной частью трубки свой тонкий нос. Она пристально всматривалась в Сэма, и он ответил на ее взгляд, и у меня было чувство, что они обменялись посланиями, которые удовлетворили обоих и нас совсем не касались. Хотя и совсем седовласая, полагаю, что она была немного моложе его. Наконец, она спросила:

– Вы из северного Кэтскила, не так ли?

– Да. Не слыхал никаких известий о войне в последнее время.

– О, так. Она окончится через два-три месяца. Может, вас привлекает жизнь бродячих комедиантов?

– Вполне возможно, принимая во внимание, что я одинокий по убеждению.

– Вы проделали там, в толпе, хорошую работу, как добровольный зазывала. Мне вряд ли приходилось когда-либо прежде видеть такое исполнение.

– Что-то, вроде, нашло на меня, как-то внезапно, потому что мне бы не хотелось, чтобы вы подумали, что мой парень – единственный талант в семье.

— Так вы его папа?

— Да-а, это особая история, — сказал Сэм, — только мне не хотелось бы рассказывать об этом без его разрешения.

Тогда она посмотрела на меня, и я почувствовал в ней благожелательность, и рассказал историю нашего знакомства, что оказалось совсем не трудно. Бонни и Минна притихли, во всяком случае, думаю, они не продолжали игру в разделение меня сверху вниз пополам, непосредственно под ее взглядом. Я рассказал историю откровенно, не чувствуя необходимости изменять или смягчать ее. Когда я закончил, Сэм сказал:

— Он, должно быть, мой сын. Ему недостает моей искрочительности, вы понимаете меня — просто еще не дорос до этого.

— А ты, — спросила мадам Лора, — тоже одинокий по убеждению?

— Вероятно, должен быть, — ответил я, — потому что, когда мой папа делает такое замечание, оно звенит во мне, как колокол. Но я люблю людей.

— Твой папа тоже, — сказала мадам Лора, — неужели ты думаешь, что он не любит людей, Дэйви? Нет, я иногда удивляюсь, почему любит людей еще кто-то, кроме одиноких. — Я начал замечать, что ее манера вести разговор до некоторой степени отличалась от разговора нас остальных. В то время я бы не смог объяснить это различие, но и тогда чувствовал, что ее манера употреблять слова была лучше, чем у любого, кого я слышал прежде, и желал достигнуть такого же умения и сам.

— Ты, действительно, хочешь присоединиться к нам, Дэйви, с необычным образом нашей жизни, которая совсем не безопасная, часто одинокая, трудная, утомительная, угрожающая?

— Да, — ответил я ей. — Да!

— И в результате страдать, в какой-то степени, от незаконченного школьного обучения?

Я не имел понятия, о каком виде школьного обучения она хотела сказать, — когда я наскоро заканчивал историю моей жизни, я уже поведал ей, что знаю все досконально о том, как обращаться с мулами. Но я повторил:

— Да, я буду... честно, я буду делать в с е!

При этом папа Рамли засмеялся, издавая булькающие звуки в свою бороду, но мадам Лора направила свою улыбку, главным образом, на окружающих, а не на меня.

— Эй, Лора, — сказал папа, — не говорил ли я тебе, что мне давно хотелось бы где-то найти для тебя большого, чудесного, черт возьми, грамотея, чтобы втиснуть в него все хорошее из

этих книг, которые в этом фургоне изнашивали силу мулов все эти годы? Может, я нашел тебе даже больше, чем одного. Ты любишь читать книги, Сэм Лумис?

Мой отец выплынул наружу через одно из небольших окон – они были из настоящего стекла, искусно вшитого в прорези в холсте, так что никакой ветер не сорвал бы их и дождь не проник бы внутрь. На минуту или две он выглядел старше и более седым, мой отец, чем когда-либо прежде: если бы на его лице, напоминавшем каменную глыбу, и была скрытая радость, я не смог обнаружить ее.

– Это не моя судьба, папа Рамли, – сказал он. – Я пытался однажды получить немного образования после того, как мои юные годы давно прошли... нет, но это ничего не значит. Если леди будет учить моего мальчугана, я ручаюсь за него, он будет винить урокам и извлекать пользу из них.

Папа Рамли поднялся, хлопнул Сэма по плечу и кивнул мне.

– Он играет на своем горне также довольно хорошо, – сказал он. – Ну, оставайтесь. Послушайте, джентльмены – вам повезло! Да, сэр, просто так случилось, что вы встретились мне в удачное время: я пережил потрясение, когда родился достаточно давно, более того – я еще не умер. Самое лучшее время перехватить человека, понимаете? – где-то в междучасье рождения и смерти. И если сужин сын не даст вам хороший ответ – он не даст его никогда.

21

Мы действительно остались – на четыре года.

В трезвом состоянии папа Рамли был остроумен и внимателен; выпив, он все еще отличался самокритичностью, если не достигал того определенного уровня опьянения, чего он не мог никогда признавать и впадал в глубокое отчаяние, – тогда он не мог здраво судить в своей безысходности, кому-то приходилось стоять рядом и пить с ним, пока он не падал наизнанку. За исключением таких, очень редких, критических моментов, вокруг его печального лица всегда светился ореол радости, так же как его очень громкий смех содержал в себе обертонны печали. Такое состояние справедливо для всех нас, но в нем оноказалось более очевидным, как будто природа, играя наверняка и скрупульно разливая эмоциональность большинству из нас чайными ложками, плеснула в папу Рамли целое ведро.

Папа привык заявлять, что он боролся, и упорно трудился, и попустительствовал, чтобы сделаться хозяином самой лучшей, черт

возьми, трупцы в мире, по той простой причине, что в душе он был, черт возьми, благодетелем рода человеческого, который без него, вероятно, сдох бы от собственной скуки, и скруости, и невезеня, и всеобщей отвратительной глупости. И это, в самом деле, так, когда вы с трудом воспринимаете его аргументацию, он, действительно, кажется, не имеет совсем ничего против "евовеества", за исключением того, что он, наверно, никогда не произнесет, черт-бы-его-побрал, это слово с буквой "ч"

У него был длинный, с толстой переносицей нос, который растягивался на кончике в двойную шишку. В этот орган когда-то, в отдаленном прошлом, влепили так, что в момент нашего знакомства нос папы Рамли нацепился, более или менее, на его правое плечо. Он сказал, что нос не был согнут в какой-то битве – вероятнее, кто-то сел на него, когда он был молодым. Он утверждал, что, в действительности, никогда не дрался, кроме как иногда с дубинкой, вот почему никогда не был побит. Однако, когда я увидел, как он лично сбил с ног Шэга Донована, который считал себя хозяином Сил-Харбора, папа не применил никакой дубинки, кроме костяшек пальцев своего кулака, и весь двухсотфунтовый Шэг осел и вырубился. (Я, пятнадцатилетний, немного помогал в той сил-харборской стычке – лишь перебранивался, это длилось недолго и вообще оказалось временным явлением, своеобразной болезнью роста.) В другой раз я слышал, как папа сказал, что его нос перекосило вправо, потому что он все время был настороже и приюхивался к праведникам, которые обычно нападали на человека сзади справа.

Во всяком случае, это был хороший, внушительный нос и небесполезный для трупцы, ибо он сигнализировал о настроении хозяина: если он оставался красным или розовым, цвета заката солнца, особенно беспокоиться было нечего; но, если начинал белеть, в то время, как папа все еще оставался трезвым, мудрее всего было вовремя смотреть удочки и надеяться на лучшее (ожидая худшего), предполагая, что чувствовал за собой какую-то вину. Его глаза также выполняли важную сигнальную функцию – маленькие, черные и беспокойные. Их окраска изменялась прямо противоположно носу, они наливались кровью, когда папа был воинственно настроен – но, конечно, если ты в тот момент находишься достаточно близко и замечаешь вздутие жилы, то вряд ли спасешься бегством.

Я совсем не помню случая, чтобы он избил кого-либо, кто, согласно пониманию папы, не заслужил этого. Каждый, кто заслуживал, получал быстрое успокаивающее ощущение, что на него падает высокое здание, и, когда он выбирался из-под него, всегда изумительно неповрежденный, он мог делать так, как скажет папа,

черт подери, или уходит. За все время моего пребывания с труппой Рамли никто не уходил добровольно, пока не ушел я, а когда я уходил, в этом не было вины папы или моей: прощался он со мной по-дружески и высказал добрые пожелания. Если бы я мог когда-нибудь встретить его снова — праздное замечание, учтивая огромное море между нами и без малейшей надежды, что кто-либо из нас снова вернется в наши родные страны, — это стало бы поводом для любезной беседы и довольно длительной выпивки. Ему накрутило уже семьдесят, теперь, когда я думаю об этом, — и, все же он казался таким прочным, что для меня не было бы неожиданностью узнать, что труппа все еще под его началом, все так же где-то путешествует, а сам он все еще олицетворяет закон и всех пророков.

Он никогда не бывал грубым с женщинами, исключая любовную грубость, которую он, вероятно, допускал, когда брал одну из них на ночь, или на неделю, или на более длительное время, если это устраивало обоих. Время от времени я слышал, что они мелодично вопили из спального помещения в его фургоне — смеясь в следующее мгновение, или, задыхаясь, восторженно что-то выкрикивали, так женщина не будет поступать, если ее по-настоящему не возбудить. И я видел их, когда они выходили оттуда, очень измятые и потрепанные, но всегда удовлетворенные.

Папа Рамли не говорил о своих любовных успехах — те, кто говорят, наверняка не имеют их совсем — но некоторые из его женщин говорили мне, не меньше, чем другим, после того, как я пробыл с труппой довольно долго и у меня развились привычки слушать, что почти неслыханно до двадцатилетнего возраста. Особенно Минна Селит, на три или четыре года старше меня, была в диком восторге, анализируя на досуге, ради забавы, свои ощущения, полученные при этом. Я вспоминаю один случай, когда она не могла успокоиться, пока не сравнила мое исполнение (ее слово) с папиным, очень подробно. Мне нравилась эта девушка, но в том случае я хотел, чтобы она заткнулась — в конце концов, я никогда не утверждал, что выполняю это дело отлично! Бонни Шарп могла воздействовать на интеллект Минны, раза два толкнув ее, но я так не умею. Когда Бонни не было поблизости, Минна, бывало, пошутит, или сделает легкое замечание, как будто это лишь школьная задача и все другое должно подождать, пока она не объяснит тебе подробно и не рассмотрит все возможные аспекты. Не думаю, что она была жестокой, она просто, каким-то образом, получала от этого особое удовольствие; прелестная малышка получала так же много удовольствия от таких развлечений, как бессловесная зануда, подобная мне, полу-

чает от смеха. Именно благодаря целеустремленности папы Рамли, объясняла она, он был лучшим в постели чем парень...

— Я совсем не хочу оскорбить твои чувства, Дэви, просто дело в том, что старший мужчина думаю, знает что-то. Папа словно скала, понимаешь, я имею в виду, что даже его лицо становится суровым, спокойным, почти холодным, он вроде бы больше совсем отключается, и ты знаешь, что можешь делать все — ворить, драться, бороться, сколько тебе влезет, но для тебя нет никакой возможности выбраться оттуда. Ну, фургон мог бы загореться, а он не остановился бы, пока не кончил прямо там. — (Я спросил: “Ты хочешь сказать, что это похоже на то, что в тебя влезает гора?” Она не слушала.) — Взять тебя, Дэви, ты, в основном, слишком вежливый, — сказала эта хорошенькая девушка из труппы комедиантов, поучая бывшего дворового парня. — И это могло бы удивить тебя, но, в самом деле, Дэви, женщине не нравится слишком много этого. — Я спросил:

— Нет?

— Нет, — ответила она, действительно, это может удивлять, но женщина не всегда подразумевает точно то, что она говорит... я знаю, это, в самом деле, удивительно. Я спросил:

— Ты достаточно уверена?

Она ответила, что достаточно уверена, и продолжала объяснять мне самым дружественным образом, я помню, тогда, как я говорил “угу”, и “да”, и “думаю-об-этом-сейчас” — вы знаете, что я вежливый по своей природе — мы слышали также громкое ленивое поскрипывание колес фургона и звуки, долетавшие снаружи. Во время этого разговора мне шел семнадцатый, если память мне не изменяет, а окружающая местность представляла собой почти тропическое великолепие южного Пенна. В моей памяти вспыхивает мускусный душистый аромат скаптернонгского¹ винограда в воздухе, вместе с ароматом Минны, а я вежливо лежу на ее койке, моя нога удобно проскользнула под ее горячую и потную, маленьющую голую коричневую задницу, ожидая (вежливо), пока совсем не спешащий фургон не встряхнет нас достаточно сильно, чтобы мы снова принялись за дело. Я понимал, что Минна, конечно, была права, и то, что она говорила, несомненно, оказалось какое-то воздействие, иначе я услышал бы позднее другие жалобы насчет вежливости, а я не могу припомнить, что потом когда-либо слышал их.

Пала никогда не был женат. Хозяин бродячих комедиантов редко женится. Стало традицией, что он должен оставаться до-

¹ Сорт мускатного винограда.

ступным, чтобы успокаивать неугомонных, улаживать ссоры, утешить вдову, поучать молодых и умиротворять всех, кого это непосредственно касается, по методике, не очень удобной для женатого человека.

Он проявлял чудеса терпения к детям, во всяком случае, к малышам; пока они не достигнут семи-восьми лет, он редко старался избавиться от них. Их было семеро, когда прибыли мы с Сэмом, лучшие показатели, чем в большинстве таких трупп — семеро детей, двенадцать женщин, пятнадцать мужчин, поэтому мы с Сэмом увеличили общее количество людей в группе до тридцати шести. Еще трое детей родилось за время моего четырехлетнего пребывания в труппе Рампи. Самым старшим ребенком был Джек, сын Нелли Графтон, ему было десять, когда я впервые увидел его; его отец, Рекс Графтон, ослеп от катараクты, приблизительно в то время, когда родился Джек, и учился изготавливать упряжь, плести корзины и другому ремеслу. Джек был красивым непослушным ребенком, рожденным для того, чтобы причинять беспокойство. Нелли, крупная, прелестная женщина, заботилась обо всех в труппе и присматривала за своим гордым резким раздражительным мужем, что, в некотором отношении, защищало его чувствительные нервы и отвлекало от сетований на судьбу, но со своим буйным сыном она не могла справиться. Раз или два я жестоко пытался выбить дурь из его башки, но это совсем не помогло.

Рождение детей у бродячих комедиантов представляет постоянную проблему для святой мэрканской церкви. Как ее руководство могло быть уверено, что о всех беременностях сообщают, никакая женщина не остается без присмотра после пятого месяца, а во время рождения присутствует священник — и это в труппе, которая всегда в пути, въезжает в дикую местность и выезжает оттуда, пересекает государственные границы без досмотра, даже освобождена от налогов и другой ответственности, которые имеют место при оседлой жизни и национальном гражданстве? Вы правы — не могло. Бродячий комедиант называется — законно и с согласия церкви, потому что церковь ничего не может поделать с этим — гражданином мира.

Церковь прилагала спорадические усилия, чтобы управлять бродячими комедиантами, неизменно пытаясь прищемить им хвост. Время от времени у какого-то предприимчивого прелата возникает идея и он думает, что она новая. Архиепископ Кониката преуспел в этом в 318 году, незадолго до того, как мы объехали вокруг этой страны и направились в южный Кэтскилл и Пенн. Он объявил, что каждая труппа бродячих комедиантов, проезжающая

через Коникат, должна иметь в качестве одного из своих членов священника. Это просто, сказал он – как они могли бы возражать и почему никто не додумался до этого раньше? Мольва распространилась прежде, чем его закон вступил в силу; когда это произошло, все труппы покинули Коникат. За пределами каждого значительного пограничного поста – в Ломеде, и в Дэмбери в южном Бершаре, и в Норроке, который является единственным настоящим южным портом Леваннона, и даже вдалеке, в Мистике, на границе с Родом, – труппы бродячих комедиантов устроили лагеря в пределах видимости коникатских таможенных чиновников, с которыми они подружились и были довольно приветливы, но в течение трех месяцев ни одна труппа не появилась на территории Кониката и ни один хозяин комедиантов не позаботился объяснить почему.

Комедианты были вежливы со всеми посетителями, но в тех лагерях они не устраивали представлений, которые могли быть видны с коникатской стороны. Никакой музыки, так как музыка не признает границ. Никаких продаж коникатским покупателям, и никаких передач новостей. Труппы просто находились там. Трех месяцев блокады оказалось достаточно, чтобы привести каждый город и каждое село в стране до крайнего раздражения и протesta – более того, там все еще сетовали на “забастовку комедиантов” много месяцев спустя, когда мы проезжали мимо и мне хотелось, чтобы мы устроили представление, но в это время мы чертовски быстро уезжали в северный Леванион. Часто за эти три месяца несколько отобранных подобострастных священников посещали лагеря и предлагали себя в качестве членов – временных, даже с ограниченными привилегиями, все, что угодно, чтобы вернуть труппы обратно в страну, прежде чем население взбунтуется. Оптимистам-отцам с сожалением сообщали, что хозяин еще не совсем передумал, но будут рады сообщить им, когда он созреет. Сейчас я представляю себе, рассматривая все в исторической ретроспективе, которую Ники и Дайон объяснили мне, что если бы церковь пыталась обойтись с бродячими комедиантами круто, это могло бы вызвать вспышку религиозной войны с совершенно непредсказуемыми результатами; но церковники были сообразительны и смягчили свою позицию. Тогда, наконец, труппа в Норроке – предварительно договорившись, но это отдельная история, каким образом посыльные комедиантов мгновенно переходили окольными дорогами и тайными тропами от труппы к труппе, держа всех в курсе событий – приняла приятного маленького священника как временного члена и отправилась проездом через страну.

Они подготовились для этого. Отправилась труппа Билла (Лардпота¹) Шэнди. Папа Рамли знал Лардпота; он сказал, что этот человек все делал так, как ел, никогда не останавливаясь на полпути. Прежде, чем они отправились со священником, большие картины похотливого содержания на фургонах были перекрашены в серые тона — скучное и печальное зрелище. Где бы они не останавливались, как будто для обычного выступления, не играла музыка, а исполнялись только церковные гимны. Никаких представлений, никаких спектаклей с подглядыванием за голыми женщинами. Вместо сводки новостей с отдаленных мест, которую хозяин комедиантов обычно предусматривает в начале каждого посещения, приглашался священник, чтобы произнести проповедь. От этого, в самом деле, было обиднее всего, потому что, как я говорил, бродячие комедианты были единственным источником новостей, которому люди могли доверять: ничто другое в нашем робком, пораженном нищетой, безграмотном мире, не может заменить газет Древнего Мира. Не прошло и трех месяцев, а весь Коникат волновали слухи — землетрясения в Кэтсиле, восстания атеистов в Нуине, Вэрмант переполнен революционерами, прорицателями и трехглавыми телятами. Тот бедняга-священник — Лардпот намеренно выбрал самого наивного — фактически читал проповедь дважды, второй раз для преданной и упорной группы из пяти пожилых леди: они не могли слышать достаточно хорошо, но были обрадованы, когда узнали, что комедианты прекратили свою непристойную деятельность в пользу приятных поучений для нравственного воспитания в семье.

Закон, который издается церковью, никогда не отменяется². Но, прежде чем группа Билла Шэнди достигла границы Рода, архиепископ объявил в нью-хейвенском соборе, что несчастный причетник, который вначале передал архиепископское послание, совершил отвратительную ошибку, пропустив слова, за что он сейчас подвергнут наказанию, которое будет отбывать в течение некоторого времени — при этом, говорят, архиепископ чмокнул губами и улыбнулся, в какой-то степени, мирской улыбкой. Что архиепи-

¹ Лардпот — по англ. означает “мешок сала”.

² Поправка: Всеобщий Закон о Десятине, согласно которого требовалось ежегодно давать доллар от каждого человека старше шестнадцати, был отменен в 324 году. Верно и то, что церковь заменила его тем, что они называют Более Всеобщим Законом о Десятине, который стоит каждому полтора доллара; но первый закон был честно отменен, без никакого гнусного одурачивания.

скоп, на самом деле, сказал – и если бы он не был так занят, заботясь о духовном благоденствии своей паствы, он узнал бы об ошибке и исправил ее намного раньше, – что он д е й с т в и - т е л ь н о сказал, так это то, что любая труппа бродячих комедиантов, к о т о р а я э т о г о п о ж е л а е т, может принять священника в качестве члена своей труппы и т.д. и т.д. Заметьте, пожалуйста, сказал архиепископ, какое огромное различие для понимания закона может иметь присутствие или отсутствие трех небольших слов, и попытайтесь вести себя соответствующим образом, хвала господу, и отдавайте себе отчет в сказанном. Поэтому народ на улицах танцевал. Не понимаю, как самое лучшее послание архиепископов могло получить так много от этих “и т.д.”, “и т.д.”

Поэтому, практически, комедианты – граждане мира, живут, главным образом, по законам, которые церковь, как смущенная учительница, называет “почетной системой”. Это значит, что хозяин бродячих комедиантов должен принимать на себя многие функции полицейского, священника и судьи. Предполагается, что он должен выяснять и сообщать обо всех беременностях, даже если труппа через несколько месяцев окажется на расстоянии в сотни миль. Он должен убедиться, что за женщинами имеется должный уход во время критического периода. И, если случайно родится мутант, когда труппа не находится в пределах досягаемости священника, хозяин комедиантов должен взять собственной рукой нож и убедиться, что он проник в сердце, и собственными глазами присмотреть, чтобы тело было погребено под молодым деревцем, которое должно быть согнуто в форме колеса...

В каждом из трех других фургонов труппы Рамли, за исключением театрального, имелось достаточно жилых помещений для, максимум, двенадцати человек, не заставляя кого-либо спать в “гостиной” – думали, что это принесет неудачу – бродячие комедианты были полны пустячных суеверий, подобных этому, но необычайно свободны от больших. Включая главный фургон, верхний предел для целой труппы составлял сорок два человека. Некоторые труппы имеют шесть фургонов или даже больше; это слишком много. Тридцать шесть человек – численный состав труппы после присоединения нас с Сэмом – самое подходящее количество, не слишком большое, чтобы папа не мог уследить за всем, что происходило, но достаточно большое, так что самые крутые бандитские шайки вряд ли нападут на нас – Ребята Шэга Донована были не бандитами, а городскими хулиганами довольно глупой породы.

В тот первый день в Хамбер-тауне, после принятия нас в состав труппы, папа Рамли отправился по своим делам и, я вспо-

минаю, Бонни Шарп, прислонив затылок к колену мадам Лоры, потихоньку играла на мандолине, поэтому, не осталось никого, кроме Минны, чтобы позаботится о нас с Сэмом.

Жизнь бродячих комедиантов проходила в таком ритме, что напряженное состояние, быстро и очевидно, сменялось спокойной обстановкой. Бонни явно получала удовольствие, слушая мою историю и вопросы мадам Лоры, и случайные замечания моего папы, она переводила взгляд своих веселых девичьих глаз, огромных и серых, от одного к другому, ничего не упуская. Потом я закончил, и Бонни поняла, что, наверно, Минна позаботится о нас, если для этого не найдется никого другого, поэтому окружающий мир для Бонни удобно сузился до небольшого местечка на бурой медвежьей шкуре, блестящих струн мандолины, легких звуков музыки, издаваемых ею, удовольствия, которое она испытывала в своем здоровом теле, и теплоты колена мадам Лоры. Время напряжения, время расслабленного спокойствия, с музыкой при этом, – я тоже научился такому ритму через некоторое время. Если бы Ники не научилась этому, я не мог бы ладить с ней так, как сейчас – ну, без этого она была бы какой-то другой, неосознанной. Избави меня бог от общения с достойными людьми, чья одержимость энтузиазмом никогда не позволяет отдохнуть расслабленным.

Минна Селиг, когда она повела нас к одному из остальных фургонов, носила под своими черными локонами привлекательную, чуть хмурую задумчивость...

Именно в этот момент мне пришло в голову, что некоторые из вас, кто может, существует, а, может, и нет, тоже могут, в действительности, оказаться женщинами. Если это так, вы, наверно, будете настаивать, чтобы узнать, что еще носила Минна; эта озабоченность тем, во что одета другая девушка, является неискоренимой чертой характера, которой я никогда не был в состоянии выяснить ни в одной из вас. Хорошо – она носила темно-вишневую блузу и широкие льняные штаны, и мокасины, похожие на те, что носим мы – все, кроме папы, то есть, того, кто, наверно, жестоко выбранит всякого, кого застанет в обуви, подражающей его позолоченным нагим женщинам.

Минна нашла для нас места, просто случайно (как она сказала) в том же фургоне, где спали она и Бонни. Счастливая случайность: я жил в том самом отсеке все четыре года. Бонни перебралась в другой фургон, когда вышла замуж за Джоу Далина в 319 году, а Сэм позднее перешел жить к мадам Лоре, о его ухаживании за ней я еще расскажу – но только немного, только поверхностные события, так как это все, что я знаю: в этом была глубина, естественность,

неизбежность, которую они, наверно, не захотели бы объяснять, если бы даже смогли, и что бы я ни писал об этом, оно будет выглядеть не лучше, чем полуграмотной догадкой.

Да, я находился в том помещении, которое Минна выбрала для меня, в образующем мое жилище уголке, размерами четыре на восемь на семь футов, приучившись жить стесненно в малом, но не в большом – если вы не хотите сказать, что мы все вынуждены жить стесненно в какой-то момент времени, который редко достигает даже столетия, на пятнышке космической пыли, случайно вращающемся в пустоте в течение каких-то жалких трехчетырех миллиардов лет. Привык я и к тому, что немногое необходимое имущество может быть легко уложено в помещении размерами четыре-восемь-семь футов, оставляя место для тебя самого, а иногда и для Минны.

22

Я прибыл в Леваннен с его кораблями, но я не плыл морем.

Что это – такая очень определенная судьба, догоняющая все наши видения, наши самые продуманные планы, равно как и фантастические мечтания? Может, задумываясь над будущим (что должны делать, раз уж являемся людьми), мы стремимся включить в этот акт “что-то-очень-большое”, как будто со всей, свойственной человеку нелепостью, лицъ ожидаем случая, чтобы изменить последовательный ход событий под воздействием нашей персоны. Некий парень воображал огромные аутригеры, прекрасные тридцатитонные корабли, направляющиеся на восток по северному маршруту; он мысленно представлял их паруса высокими, мощными, освещенными золотистой дымкой. Молодой человек, поздним летом 317 года, самый незначительный по важности член труппы бродячих комедиантов, о котором они и не слыхивали месяцем раньше, сошел с плоскодонного парусного парома в винчестерском порту Ренслар¹ в Леваннене, помогая старому Уиллу Муну управиться с мулами. Парень этот был, вероятно, на четверть дюйма выше, чем в момент обладания Эммиеей Робсон в порыве любви. Когда эти двое проклинали и уговаривали движущую силу фургона выехать вверх по уклону и свернуть с дороги, ведущей к пристани, – папа Рамли, окруженный оравой малышей, громко выкрикивал советы, на которые садист Уилл не обращал ни малейшего

¹ Ренслар – город на р. Гудзон, севернее Кингстона, шт. Нью-Йорк.

внимания: именно он привлек внимание молодого человека к кораблю в соседнем элинге, судорожно подергивая сморщенным коричневым подбородком и направив туда струю пережеванного табака – он кричал, как кричат глуховатые:

– Ты умеешь читать, парень?

– Да, могу.

Тебя обучала наукам мадам Лора, рассказывают.

Я могу читать, Уилл.

Ну, прочитай мне название того старого ночных горшка, вон там

Ну, там написано, “Дейзи Мей”¹

Жалкая непривлекательная приземистая посудина, от нее несло гнильм луком и тухлой рыбой. Корабль был широким в средней части с выпуклым тупым носом и квадратной кормой, его одноковая наклонная мачта, вынесенная вперед с носа судна, выглядела неуклюже, как деревянная нога. Весельные скамьи были отполированы до блеска изблевшимися задницами рабов, которых сейчас, вероятно, заперли где-то в бараках, где те ожидали продолжения своих последующих мучений. Ничто другое на нем не блестело; на ослабленном и подвязанном рифами парусе были скрыты лишь некоторые из его заплат. Уилл закричал:

– Ты сможешь определить тоннаж?

Никогда прежде не видел лодки такого типа.

Смеясь, он продолжал кричать.

“Лодка” это хорошо. Эй, моряки содрали бы с тебя кожу за это слово! Когда они такого размера, ты должен называть их “кораблями” Давай, угадай, какая его вместимость.

Корабль выглядел древним, очень маленьким, серым от солнечной изморози, одиноким и покинутым. Он качался высоко на воде, опустелый, под палиющим солнцем; если вахтенный находился на борту, то, вероятно, скрывался внизу, где можно было бы предложить горячее зловоние, которое невозможно вынести. Я представил себе, что это какая-то небольшая грузовая посудина, построенная для кратковременных перевозок между портами на море Хадсона, вероятно, ее скоро покинут или разломают на дрова.

– Он не такой уж безнадежный, как выглядит, – сказал Уилл, – его покрасят, перед тем, как он снова выйдет в море, и ты будешь удивлен. – Жалкую дворняжку на пристани привлек аромат корабельных отбросов, но она не осмеливалась спрыгнуть на палубу. Она с трудом задрала страшно ободранную лапу на стойку

¹ Дейзи Мей – Прекрасная Мэри (англ.).

пристань и намеревалась ступить своей грязной лапой на поручень судна. Свободной рукой Уилл Мун сделал жест, будто бросает камень; дворняжка в ужасе поковыляла прочь, поджав хвост. Я вообразил, как тоскливо старое судно кротко вздыхает от унижения, слишком слабое, чтобы возмущаться.

— Давай, Дэйви, угадай.

— Может, тонны две?

— Тебе нужно учиться, — сказал Уилл и загоготал от восторга... — когда мне будет шестьдесят, может, я тоже займусь, черт возьми, обучением молодых. — Надо учиться, малыш... ну, старушка "Дейзи Мей" не поплынет при загрузке меньше тридцати трех тонн...

Нет, я никогда не плавал на борту леванненского корабля, а также никогда не скакал по дороге на великолепном чалом коне с тремя помощниками, предвкушая встречу с девушкой-прислугой в соседней гостинице, которая выкупает меня и согреет мою постель своей усердной задницей. Зато я на самом деле проехал с бродячими комедиантами через все известные в мире страны, кроме Нуинна, где папа Рамли когда-то не поладил с законом, а в городе Мэн считают, что вы не доберетесь туда по суше, не пересекая нуинскую область Хэмпшир. Я помог управиться с мулами на ренсларской пристани, и в тот же вечер играл на моем горне, не пропустив ни одного дня в течение четырех лет — в труппе любили меня. В тот год мы ехали на север по Лоулендской дороге в Леванноне.

Это одна из величайших дорог в современной истории. Моханская северо-восточная дорога, по которой я направился из Скоара, тоже прекрасная, но, по сравнению с Лоулендской, — это коровья тропа. Путешественники, бывало, рассказывали, что величайшая из всех — это Старая Почтовая дорога от Олд-Сити в Нуине до Ренслара; таково уж проклятье человеческой расы, когда ведутся страстные споры о чем-то, никоим образом не доказуемом — вся их чертова забота состоит в том, чтобы всегда зная, что ты прав, не признавать этого. Лоулендская дорога в Леванноне — не просто дорога, это природная мощь и образ жизни. Она проходит от Норрока, расположенного у великого моря, атлантического, все время на север, к отвратительно богатому Сил-Харборо, расстояние примерно триста семьдесят с чем-то миль. Она не только объединяет страну Леваннон в одно целое, словно позвоночник змеи, но, в сущности, эта дорога и есть Леваннон. Вряд ли поймешь, обслуживаются ли ею городки, разбросанные вдоль нее, словно позвонки, или же они существуют для того, чтобы обслуживать ее.

Путешествуя на север, вы вступаете в утренний полумрак, создаваемый прекрасными зелеными горами с правой стороны. Сразу

же становится понятным, почему здесь так много небольших, но очень оживленных городов и сел. Настороженные и обычно укрепленные, они соединены с большой Лоулендской дорогой хорошими второстепенными дорогами и тропами, чтобы защищать артерию торговли и путешествий от бандитов и других диких зверей. Дороги в Леванноне совсем не такие, как в Моке, грязные и неухоженные, а представляют собой одну великую дорогу и много небольших дорог – и имеют очень большое значение. Что касается великой Лоулендской дороги, горы, конечно, являются либо прикрытием, либо угрозой, в зависимости от того, кто завладел высотами; горная тропа – это как бы нервный отросток границы. В Леванноне мечтают обладать обоими склонами великого горного хребта; для Вэрманта, Бершара и Кониката эта мечта является кошмаром, от которого они будут упорно отбиваться, если смогут – эти три страны не воевали между собой в течение, по крайней мере, пятидесяти лет, слишком хорошо сознавая, что они могут в любой момент, по необходимости, оказаться союзниками...

Мой разум всегда отказывался понимать, что этот целый регион нашего известного мира в Древние Времена был лишь небольшой частью очень огромной страны. Мысль о войне за обладание тем, что они называли Беркширскими и Зелеными горами, вероятно, заставила бы людей того времени снискойственно улыбнуться, как о детской нелепости: войны, в которые они были вовлечены, оказались существенно большими! С этической точки зрения? – Полагаю, что нет, за исключением того, что в их власти была возможность полностью уничтожить мир и они почти добились этого.

Чем дальше на север, тем горы постепенно переходят в низкие холмы и, наконец, выравниваются в равнинную территорию вдоль южного побережья моря Лорента. Там, на возвышенности, компактно расположен Сил-Харбор, дымящийся и разлагающийся, возле устья реки, которая называется Сен. Френсис, как она называлась в древнем мире.

Сил-Харбор, откровенно говоря, ничто иное, как гигантский салотопный завод. Тюлени для лампового жира, иногда называемые котиками, тысячами расплодились на необитаемых островах далеко на севере, за пределами места, где море Лорента расширяется в Атлантическое. Острова тянутся вдоль пустынного побережья, которое на старых картах называлось Лабрадором; современные леваннонцы называют его Тюленым. Животные, вероятно, воспользовались упадком человечества во Времена Смятения и расплодились в огромном количестве: люди в Сил-Халбре рассказывали о современных морских экспедициях по исследованию тю-

ленных пастбищ к северу от обычных мест обитания – острова просто переполнены тюленями, и еще больше тюленьих островов, говорили они, дальше, до места, откуда вы уже не продвигаетесь вперед, потому что человек там не выдержит. Они называли его Северным Ужасом, и об этом месте нет смысла спорить или рассуждать – там холод и яростный ветер, но больше всего ужасало, как они описывали, – “безумие солнца”.

Однако люди умудряются заниматься своим делом в южной части тюленьих пастбищ, и, к счастью для них, тюлени, очевидно, никогда и ничему не учатся. Очень отважно специально построенные для этой цели медлительные аутригеры в конце марта выходят из Сил-Харбора и медленно плывут по морю Лорента, держась его опасного северного побережья, мимо острова все еще называемого Энтикостай¹, и дальше через пролив, который моряки теперь называют Белли Уил. Этот остров когда-то носил имя “Бел Айл” и означал “Прекрасный остров”, но если вы упомяните об этом современному охотнику на тюленей, он вытаращится на вас с непонимающим видом одного из тех бедных животных, за счет которых зарабатывает себе на жизнь; если это достаточно разозлит его, он может даже броситься на вас.

После прохождения через Белли Уил корабли следуют вдоль берега на северо-запад. Я полагаю, это ненадежный путь, они не осмеливаются ни покинуть из вида ужасную землю, ни плыть слишком близко к ней и подвергаться риску, что приливы и прибрежные течения прибьют их к берегу. Прибыв на тюленье лежбище, когда ветры великого моря дуют им в спину, они подплывают к берегу в небольших лодках, чтобы поспешно провести дубинками кровавую бойню. Забирают только ворвань и лучшие шкуры детенышней и годовалых тюленей, оставляя остальные туши на месте для поживы хищников или же их сносит в море во время отлива, для кишащих там акул. Если бы морские путешествия не были такими трудными для тех неуклюжих кораблей и если бы команды были многочисленнее, менее суеверны и немного более храбры, тюлени к этому времени уже вымерли бы, несмотря на их огромное количество. Охотники на тюленей не имеют ни малейшего понятия о бережливости или милосердии, а думают только о том, как больше заработать. Только и могут, что убивать, и убивать, и продолжать убивать, пока трюмы под тюлений жир в грузовых суднах не заполнятся. Они занимаются этой работой, так что мы можем иметь свет по вечерам.

¹ Энтикостай – остров у устья р. Св. Лаврентия.

Необработанную ворвань перевозят в таком состоянии обратно в Сил-Халбор. Я слыхал, жители города чувствуют приближение возвращающегося флота на расстоянии десяти миль по вони от протухшего жира, даже если не дует восточный ветер. Это становится причиной веселья – в конце концов, такое происходит только раз в году. Затем наступает несколько недель нелегкой работы, после которой добродетельные граждане Сил-Халбора возвращаются к более длительным праздникам: охоте, хождению по бордельям, рыболовству, шумным дракам – прежде всего к дракам – и вытряхивают деньги из карманов друг у друга, пока не настанут “жирные недели” следующего года. Во время вытапливания жива и еще многие дни после этого, если не подует милосердный ветер, дым от салотопных заводов оседает черно-пурпурной тучей на запущенный город, и даже закаленные ветераны города болеют. Это – одна из основных причин, почему он населен мерзавцами, неудачниками, преступниками, никчемными людышками. Никто не хочет жить тут, если может зарабатывать себе на жизнь и быть принятным где-либо еще.

Мы путешествовали на север довольно медленно, не спеша, в дни уходящего 317 года, часто пребывая более недели в селе, если нам там нравилось. Папа Рамли избрал неторопливый способ передвижения; он говорил бывало: “Если объект не будет все еще там, ко времени вашего прибытия, то, вообще, к нему не стоит и торопиться”. Немногие группы бродячих комедиантов направляются на север, когда приближается зима: когда мы медленно продвигались по Лоулендской дороге, все время чувствуя с правой стороны мрачное нависание величественных гор, села были очарованы нашим появлением и охотно покупали товары, так как, до некоторой степени, изголодались по развлечениям и новостям. У довольно большого города, называемого Сэнэсант, мы повернули на восток и пересекли границу в северном конце Вермонта. Зимние месяцы, с декабря по март включительно, мы провели так, что большинство групп не побеспокоилось бы сделать: в собственном уединенном лагере, остановившись в лощине между вэрмантскими холмами. Май, объяснял папа, – это пора, чтобы нагрятьнуть в Сил-Халбор, когда покупатели масла приезжают и уезжают, а компании заплатили рабочим, но, к этому времени, еще не все деньги успеют осесть в карманах некоторых игроков и проходимцев; но не это было главной причиной папиного пребывания в уединении во время зимы. Так он делал в течении месяцев трех ежегодно – более того, мы занимались этим также и в Пенне, где вряд ли есть такое понятие, как зима, – так что взрослые могли бездельничать и почив-

нить упряжь, в то время, как молодежь труппы, клянусь Иисусом и Авраамом, – с удовольствием усесться и чему-то поучиться. Двумя способами, говорил папа, можно добиться хоть какого-то послушания у детей – березовой кашей и учебой. Из этих двух зол, учеба была, по его мнению, лучшее, даже если причиняла значительно больше страданий.

Мадам Лора полностью соглашалась с этим. Преимущественная, кроткая и мягко-философская, способная сидеть в одном и том же положении в течение часа, ничего не делая, кроме покуривания своей трубки и взглядывания в окружающую природу, мадам Лора становилась дьявольски энергичной в присутствии ученика, который проявлял какую-либо склонность немножко поучиться. Тогда все шло в ход – злобная брань, ругательства, от которых, наверно, покраснел бы даже мой папа (иногда он и краснел), сарказм, пылкое, но и заботливая похвала, пощечина – все, что угодно, вплоть до поцелуя или медово-ореховых конфет, которые она тайно хранила в своем отсеке и никто другой не знал как их приготовить. Все шло в ход, если только она могла надеяться, что это поможет втиснуть частицу истины в вашу голову, откуда, если вам повезет, вы уже не сможете ее растерять.

Она родилась в Вэрманте, к югу от спокойного оазиса в дикой местности, где мы остановились на зимние квартиры в том году. Холмистый городок, где она родилась, назывался Лэмой, располагался возле леванонской границы. Позже, когда мы путешествовали через эту часть страны, мы избегали поворота на Лэмой, хотя это был процветающий город, и мы могли бы там хорошо подзаработать. Мадам Лора не имела ничего против него, но она полностью порвала с детством очень давно и не имела ни малейшего желания вновь посетить места, связанные с прошлым. Она была дочерью школьно учителя; я едва смог сдержать изумление, когда узнал, что в Вэрманте – хотя святая мэрканская церковь, несомненно, держит школы под контролем – не все учителя обязательно являются священниками. Отец мадам Лоры был светский человек, ученый и мечтатель, который неофициально дал ей образование, выходящее за пределы того, чему ему позволялось учить других детей в школе: он разделял сектантскую теорию, что женщине не обязательно надо было становиться в ее жизни монахиней, чтобы ей позволено было учить – странная мысль, за которую его могли выгнать из школы и выставить у позорного столба. Под мрачное настроение мадам Лора иногда говорила, что он оказался удачливым, потому что умер довольно молодым. В таком настроении она также иногда чувствовала, что знания и воодушевление, получен-

ные от него, просто сделали ее непригодной для любого мира, кроме существовавшего только в его уме.

Я не всегда понимал в дни, когда упорно стремился найти свой путь в области знаний, которыми мадам Лора делилась со мной, как полностью она передавала эти знания – ну, какой ребенок когда-либо осознает побудительные мотивы для неблагодарного учительского труда или, к тому же, ценность самого обучения? Могу сказать, что ребенок с такой большой интуицией, наверно, был бы чем-то вроде монстра. Но теперь, когда Ники отметила свой двадцать девятый день рождения, а мой уже прошел, мне кажется, я, действительно, начинаю понимать мадам Лору и методику ее обучения – теперь, когда мы так сильно озабочены ребенком, которого вынашивает Ники, так полны мыслей о его будущем и так неуверены, какое представление о мире будет побуждать этого ребенка к исследованиям.

* * *

Сейчас на острове Неонархеос конец апреля. В последнее время я писал только время от времени, часто неохотно, сердитый на принуждение, которое может быть движущей силой для благородно-понятливого человека, направленной и на то, чтобы взять в руки перо, и на то, чтобы отбросить его в сторону – ах, кто, кроме мечтательного шарлатана, когда-либо писал книгу? Вероятно, вы заметили, как изменился мой метод рассказывания историй, пока только о прошлых событиях. Это произошло частично потому, что в душе я испуган и расстроен – Ники чувствует себя некошоро.

Она настаивает, что ее дневные иочные боли и недомогания всецело естественны для седьмого месяца беременности. Она твердит, что опасности этого полного достоинств состояния сильно преувеличены – она еще никогда не пренебрегала из-за этого мужем. Ребенок живет и двигается, мы знаем; часто она хочет, чтобы я пощупал, как “он” лягается.

Но имеется еще одна подлинная причина, почему я пишу о моем пребывании с бродячими комедиантами таким, может вам показаться, более торопливым стилем – я не рассказываю никаких подробных историй, а только упоминаю о том, что лучше всего помню. Извиняться я не склонен. Ваша собственная самая большая ошибка – это просто противоположность поспешности: имею в виду вашу боязливую капризную неопределенность, ваше смущение, потому что я совсем не в состоянии заставить вас передумать, если вы существуете; вам следует преодолеть это самостоятельно, если вы обладаете такой способностью. Никаких

извинений с моей стороны – лишь умеренное приложение усилий для небольшого объяснения.

Это повествование я был вынужден написать, внутренне вынужден, несомненно, смутно надеясь, что во время этого акта, я, наверно, сам приду к лучшему его пониманию. Это был рассказ об отдельно взятой части взросления (насколько такой продолжительный этап жизненного пути может иметь какие-либо "части"), рассказ о парне, который перешел из одного качественного состояния в другое, и в более обширную среду обитания, хотя, возможно, его беспокойное тело стало выше даже менее, чем на четверть дюйма. Теперь этот рассказ, как я с удивлением заметил немного раньше, я завершил. То, что произошло со мной во время странствий с бродячими комедиантами, произошло с намного старшим парнем; моя встреча с Ники (о которой намереваюсь вскоре вам рассказать) произошла с мужчиной. Это другие истории, может, за пределами моей способности писать, а, может, и нет. Однако – потому что это было путешествие, потому что жизнь продолжается, как дневной свет приходит с рассветом и исчезает с наступлением темноты, потому что я имел дело с разнообразными временами, потому что я не слышал возражений от вашей тети Кассандры, а также и от ее желтого кота с кривым ухом – это подлинная история о путешествии парня, который рос неотделимо в, из, над, под, сквозь, вокруг, мимо, с и для тех других историй; что обязывает меня завершить их также – чуть-чуть. (Спросите вашу тетю К., как возможно завершить что-либо "чуть-чуть" – вам, наверно, придется и далее существовать для того, чтобы подробно рассмотреть и иметь удовольствие от литературной штуковины, подобной этой, и вы, вероятно, совсем не сыты ею по горло). Не предполагаю, что есть какая-то необходимость объяснять, где закончилась, или частично закончилась, отдельная история того парня, так как это будет очевидно почти немедленно для грамотного, сострадательного, глубоко и великодушно чувствительного знатока и джентльмена – или девушки, как вы сами.

Просто замечу и напомню, если вы желаете, что для многих страниц теперь и далее, к концу книги, когда бы и где бы что-либо ни произошло, мы – я имею в виду себя и вас, более или менее со мной, ведь, в конце концов, представляется довольно допустимым признать, что вы могли бы существовать, – ну, мы словно люди, которые закончили однодневное путешествие, и находим, что здесь, в гостинице, все еще имеется немного времени для выпивки и беседы, перед тем, как мы ляжем спать.



— Посмотри-ка на него! — сказала мадам Лора, — только посмотри на эту, сидящую здесь рыжеволосую скотину, решительно сопротивляющуюся всеми извилинами своего мозга, пытаясь доказать мне, что нельзя разделять инфинитив! Нельзя, нельзя, нельзя, пое... нельзя! Почему, Дэйви? Почему?

— Ну, в этой книге по грамматике сказано...

— Пое... в зад проклятую книгу! — бывало, выкрикнет она. — Я хочу услышать единственную вонючую причину, почему у нельзя?

— Если честно, я не могу придумать никакой причины. Там не объясняется...

— Не объясняется. И, так как я справедливая, вот что я тебе скажу, — смягчаясь, она становится ласковой и снова улыбается. — Понимаешь, Сэм, у парня есть умственные способности; только необходимо выбить из него школьный хлам, как выбивают пыль из тряпки. Да, в книге по грамматике этого не объясняется, Дэйви, потому что она основывается на утверждении, в котором все правильно и достаточно необходимо в пределах таковой книги; если бы в ней пытались объяснить все подряд, она перестала бы быть грамматикой и превратилась в учебник по этимологии — что такое этимология?

— На...наука о словах?

— Не спрашивай меня, братец Дэйви! Я спрашиваю тебя.

— Э...ну... наука о словах.

— Это не говорит мне достаточно полно. В каком аспекте наука о словах? Как она относится к словам?

— О! Происхождение слов.

— Пришлось помочь тебе в этом. В следующий раз отвечай мне четко и без всякой чепухи. Ну ладно, эта книга по грамматике, вероятно, так же хороша, как и любая другая по этому предмету, и она также единственная, которую я имею — конечно, все, что написано в наше время, достойно информации, полученной от бродячего ремесленника. Дэйви — английский язык частично развился из более древнего языка — латинского, как я говорила тебе не так давно. Хорошо — в латинском языке инфинитив — это простое слово: ты не разделяешь его, потому что не можешь. И, поэтому, в то или иное время какой-то грамматик с негибким умом решил, что правила латинского языка должны действовать и в английском, потому что ему так нравилось — и, я боюсь, также потому, что от этого грамматика казалась более таинственной и трудной для мирянина, что увеличивало престиж клерикально-конторского класса. Но язык — во всяком случае, английский

язык – всегда превращает в чепуху произвольные понятия такого типа. Разделяй их, если это звучит хорошо, прекрасно – я не против – всегда, когда звуков вполне достаточно, так что читатель не может забыть маленькое “to”, прежде чем он доберется до глагола. А что подразумевается под словом “произвольный”?

– Определяется по желанию или по прихоти, больше, чем по причине.

– Понимаешь, Сэм? Он неплохой парень.

– И играет на своем горне тоже хорошо, – сказал мой папа.

В том лагере я упражнялся играть на горне на открытом склоне холма, в некотором удалении от фургонов. Думаю, это было, в какой-то степени опасно, и Сэм обычно ходил со мной и слонялся рядом, наблюдая за местностью, которая не была в поле моего зрения, когда я играл. Вспоминаю полдень в конце апреля; труппа начинала готовиться для путешествия в новом годовом сезоне, и мы понимали, что, прежде всего, следует приложить серьезные усилия, чтобы избавить жителей Сил-Харбора от лишних денег, имеющихся у них, прежде чем мы повернем обратно на юг. У Сэма было что-то на уме в тот день. А моя голова была пустой – ничего, кроме музыки да весеннего волнения, да желания, чтобы Бонни прекратила поддразнивать меня и начала распутничать, как Марина. Она была более заинтересована в том, чтобы ее преследовали, чем в том, чтобы быть схваченной, во всяком случае, в то время; позже, как я упоминал, она вышла замуж за Джоу Далина, в чем проявила много здравого смысла. Когда я утомился в тот полдень и закончил работу, Сэм выпрямился и сказал:

– Ну, Джексон, я сделал это.

– Что сделал, мистер?

– Бесстыдство. Ну, вчера, после того, как Лора закончила учить тебя, я околачивался там, как иногда делаю, и я спросил ее напрямик, не считает ли она, что для меня слишком поздно самому немного заняться учебой в мое свободное время. “Чему ты хочешь учиться?” – сразу же спросила она, и, когда я сказал ей – нет, знаешь, Джексон, ты молодой и – фу-ты, пропасть! – тебя тянет к молоденьким девушкам, ты никогда бы не поверил, какая же я женщина Лора, более того, она твоя учительница, и это не твое дело, но это так. “Чему ты хочешь учиться, Сэм?” – спросила она, и тогда, чтобы все стало ясно, я снова рассказал ей о жене, которую оставил в Кэтскиле, так как думал, что это обесцветит ее. А это, вроде бы, печальная дурацкая история, Джексон, что касается моей жены. Всегда казалось, что она настроена против меня, моя жена, она делала так, чтобы мы никогда не могли иметь детей... ну,

и тогда, без ее ведома, я ушел и сделал тебя с другой, лучшей женщиной, во всяком случае, мы думаем, что так произошло. Но это было еще не все. Год за годом, казалось, что она все больше и больше чувствовала потребность свести меня на нет, постоянно притиралась, рассказывала, бывало, каждому, кто слушал, что главная причина, по которой я не получил лицензии мастера-плотника, в том, что я был, черт подери, лентяй, и не хотел оторваться от кресла свою задницу даже в таком городе, как Кингстон, где повсюду деньги и возможности, только она никогда-де, конечно, не упрекнула меня, черт подери, она была настоящая святая – я хочу сказать, ну, в общем – дерзкое дело, Джексон, мужчина не может так жить... Да-а... "Так чему же ты хочешь учиться?" – спросила Лора, и я сказал ей – "Послушай", сказал я ей, "я не могу заниматься, черт подери, этимологией или чем-либо еще", сказал я, "потому что были слишком невежественным", когда был молодым, но мне пришло в голову изучить тебя", сказал я – нет, Джексон, как необычно великолепно выглядит женщина, когда она внезапно становится счастливой, я хочу сказать, истинно счастливой. Я думаю, что мужчине приходится встречаться с этим не более, чем раз или два в жизни – большинству из нас, мужчин и женщин, какими мы есть на самом деле. "Познать тебя", сказал я, "и я разделся бы с тобой твою кровать и твои ночи и дни и, вроде бы, стал опорой, как ты могла бы сказать, до последнего вздоха". И вот еще что, Джексон. После того, как я сказал это, и, вроде бы, подготовил ноги к бегству, подумывая, где бы мне спрятаться, если на ее лице появится злое выражение... ну... ну, Джексон, она сказала: "Тогда я буду учить тебя, Сэм". Прямо так вот и сказала... она сказала: "Я буду учить тебя этому, Сэм, если ты уладишь все с парнем".

– Боже милостивый, с парнем все в порядке! – помню, я был в состоянии сказать это быстро, так, чтобы Сэм почувствовал уверенность, что ни секунды не раздумывал. И если было что-то, что имело значение, оно было скрыто для меня слишком глубоко, чтобы я сам мог знать что-либо о них. Я думаю, что был искренне счастлив за него и мадам Лору, женщину, которую я выбрал бы за мать, если бы пришлось что-то сказать об этом, и у меня не было чувства, что она совсем забрала Сэма от меня.

В ту ночь, помню, мне пришлось взять Бонни – уступчивая Минна не годилась, я должен был овладеть Бонни, не обращая внимания на ее быстрое и резкое "нет" и ее "может-быть-в-другой-раз". И я взял ее – помня об Эмми, как я думаю. Я возбудил ее поцелуями, когда поймал за нашим фургоном, и последовал за ней в ее отсек, после того, как она спешно ушла,

оглянувшись на меня более дружественно, чем прежде; когда она захотела отдельаться от меня там, у занавесок, я просто вошел вместе с ней, и мне пришлось потрудиться. Когда она попыталась охладить мой пыл, я пощекотал ее под ребрами, и ей пришлось засмеяться. Когда она сказала мне, что собирается закричать и позвать папу Рамли, который как следует отстегает меня плетью из воловьей кожи, я сказал ей, что она, вероятно, не сделает этого, во всяком случае, если она нежная, страстная и прекрасная "милашка", а я думаю, что она именно такая – действительно, самая хорошенъкая из всех девушек, которых я когда-либо видел, – и, таким образом, я продолжал свое дело, возбуждая ее здесь и там, и, самое разумное, что она могла сделать, – попросить меня подождать, пока она не снимет остальную свою одежду, чтобы не помять ее. И будь я проклят, если она не оказалась девственницей.

Было большим облегчением, что это произошло раз и не больше, несколько приятных минут – и вот вам – добродетельная жена Джоу Далина, когда вышла за него – но, превыше всего, она была дъявольски музикальной, да хранит ее бог: я никогда не слышал лучшего исполнения, конечно, не исключая меня самого. Мне было пятнадцать. Вы можете извинить меня (если хотите) за то, что я стал довольно нахальным, и вспыльчивым, и так расхвастался в последующие пару лет. Однако мой почти комический успех у Бонни лишь частично был тому причиной. Думаю, все, включая огромные открытия в книгах, которые мадам Лора предоставляла мне, толкали меня именно тогда в направлении временного и довольно безвредного упорства. Я думал, подобно большинству желторотых невежд, что, прикоснувшись к краю знаний, я поглотил их все. Я думал так, потому что несколько женщин получило удовлетворение, вступив со мной в интимную связь; я был, вероятно, самый великолепный породистый жеребец со времен Адама (тот имел, нужно признать, определенные, черт подери, преимущества, которых нет ни у кого из нас). Я думал об этом, потому что понимал нелепость мечты о покупке тридцатитонного аутригера, на борту которого присутствовала бы приятная девушка-служанка, вместе с остальным оборудованием, чтобы отправиться на край чертовски-дуралцкого света – ну, я был зрелый, зре лый.

Я думал, что огромное количество чудовищной лжи, все же, полностью соответствует действительности. Смирение возрастает. Фактически, наши человеческие условия жизни такие

удачные, что, кажется, они наступают для многих людей довольно рано в их жизни, так что можем достаточно наслаждаться ими, прежде чем умрем.

23

Мы нагрянули на Сил-Харбор, словно майский ветер; Шэг Донован и дюжина его громил налетели на нас, словно ветер с помойки. Как мне кажется, я уже упоминал, трое из них, конечно, погибли, но там не было шумной драки. Четверо напали на наш небольшой театр, когда мы ставили свой более оживленный вариант "Ромео и Джульетты". Как обычно, Минна играла роль Джульетты; идея хулиганов заключалась в том, чтобы затащить ее в кусты, когда в лагере возникнет переполох. Однако папа почувствовал недобродар предчувствия редко изменял ему, и мы были готовы ко всему. Но в этом деле был еще и личный фактор: несколько лет назад папа столкнулся с Шэгом и оказался в худшем положении; на этот раз он предпринял мастерскую попытку охладить пыл Шэга, прежде чем дело приняло бы слишком серьезный оборот. Двое из трех, которые оказались погибшими, дошли до того, что схватили Минну и порвали на ней одежду — тогда было модно насиливать, и, полагаю, они ожидали, что все к этому привыкли — поэтому Том Блэйн и Сэм ударили их дубинками, возможно, чуть сильнее, чем намеревались; к счастью, Минна повреждений не имела. Третий человек, который погиб, попался довольно необычным образом, с помощью лечебного средства "Мать Спинктон". Он быстро бежал, в это время я гнался за ним с выхваченным ножом и налитыми кровью глазами; он пробегал мимо одного из наших фургонов с припасами именно в тот момент, когда четверо его друзей перевернули его: целая громада упала ему на спину.

Толпа оказалась вроде бы на нашей стороне. Однако им приходилось и далее жить с шайкой Донована, а нам нет, поэтому они предоставили драку нам и помогли нам тем, что украли меньше того, что можно было ожидать от них, в то время, как мы были заняты. Несколько бутылок "Матери Спинктон" в том фургоне разбилось, после чего наши гости проявили заметное нежелание слоняться вокруг — можно было бы почти уверенно сказать, что "Мать" выиграла войну. А, между прочим, мы включили полную стоимость тех разбитых бутылок в счет, который папа Рамли, тем не менее, предоставил на следующий день силхарборскому городскому совету. Не думайте, что они не

оплатили его. Они сказали печальным тоном, что делают это, чтобы избавиться от нас, прежде чем мы нарушим спокойствие. Папа Рамли сосчитал серебряные монеты и привязал мешок к своему поясу, не задавая очевидного вопроса. Жизнь в Сил-Харбре состояла из удач и неудач, вот и все. Небольшая веселая толпа проводила нас до городских ворот и приветливо распрощалась с нами, когда мы отправлялись на юг.

Теперь – о “Ромео и Джульетте”. Мы всегда просто раскачивались для этой пьесы, хотя из-за того, что наш театр имел занавес, который открывался лишь в одной стороне фургона, нам пришлось немного упростить декорации. Например, устройство балкона – весь открытый участок подмостков представлял собой балкон, а братец Ромео действовал с земли, что было хорошо – здоровый реализм – поскольку он помнил, что не должен связываться с колесом фургона в момент возбуждения и позволять всему проклятому балкону раскачиваться и скрипеть. Билли Труро, тип романтического тенора, обычно был Ромео, и он, бывало, немного увлекался, особенно когда приходилось выкрикивать нараспев ту фразу: “О, оставил ли ты меня таким неудовлетворенным?” Отвечавшая “нет” на том, черт-бы-его-подрал, колесе, Минна постепенно удалялась от него, и он не мог ничего поделать, но зрители выражали ему сочувствие.

Что касается текста, папа обычно утверждал, что это, черт возьми, подлинный вариант; мадам Лора допускала, что он был прав. Среди ее книг не имелось текста, поэтому я никогда не читал всего произведения, пока не получил свободный доступ к тайной библиотеке еретиков в Одд-Сити. Действительно, в нашей постановке были незначительные коренные изменения, когда события в пьесе стремительно проскакивали в двух пятнадцатиминутных актах, изобилующих сценами боев на мечах, но это очень нравилось зрителям: мы старались удовлетворить их, а что еще, черт подери, должен делать артист? В качестве Джульетты Минна Селинг была абсолютно популярной, что приносило большие денежные сборы. В моих ушах все еще звучат слова в ее исполнении: “О, клянись, но только не луной, непостоянной луной, которая ежемесячно изменяется, вращаясь по своей круговой орбите, чтобы твоя любовь не оказалась такой же изменчивой”. Часто она пропускала фразу с орбитой, так как могла чувствовать настроение толпы почти так же остро, как и папа Рамли, и определяла, были ли зрители такого типа, которых бы раздражало, если они услышат слово, неизвестное им, так что могли бы ее освистать и устроить скандал.

Откровенно говоря, я не знаю, что любой из зрителей мог бы поделать с орбитой.

Ох, а эта маленькая Минна в вечернем платье, с темными волосами и затуманенными от слез большими глазами! – ну, она была а Джульеттой, так как выглядела невинной, словно котенок, и, конечно же, простодушной и довольно хорошенкой, чтобы заставить плакать самого тупого из зрителей. Бонни обожала смотреть на ее исполнение. Вспоминаю, когда мы ставили "Ромео" в другой раз, на первой же остановке после Сил-Хабора. Это было где-то в Вэрманте, так как мы выбрали дорогу, проходившую по восточному склону гор, где бродячие комедианты не появлялись вот уже несколько лет. Мы с Бонни смотрели представление спереди – Бонни все еще была довольно нежна со мной после нашего небольшого любовного приключения в апреле – она выражала бурный восторг каждый раз, когда звучал голос Минны-Джульетты, сжимая рукой мой локоть и вполголоса восклицая, снова и снова: "Вслушайся в эти грудные ноты! О, Дэйви, мне хочется плакать... оо-иии... о, она не сцыкуха!"

Та восточная горная дорога вскоре привела нас вниз и пошла вдоль западного берега прекрасной голубой реки Коникат¹, и мы провели время в этой чудесной местности, переполненной селами, и все из них годятся для распродажи. Папа никогда, бывало, не объяснял, какая давняя неприятность заставляла его держаться подальше от Нуина: этот вопрос просто не задается. Но он родился в Нуине и прекрасно знал его историю, хотя неодобрительно относился к большей ее части. Помню день, когда мы ехали по дороге, проходившей вдоль реки, и приближались к небольшому городу-государству Холи Оук², к северу от Ломеды. Старый Уилл Мун был слишком пьян, чтобы управлять мулами – у него имелся такой недостаток – и папа заменил его, пока тот отсыпался. Как бы то ни было, папа с удовольствием правил, продолжая непрерывную борьбу со Старой Молнией, левым задним мулом главного фургона. Тот, казалось, совсем на это не обращал никакого внимания, но обычно он мог определить по тону папиного голоса, когда было безопасно спать на ходу или тащиться так медленно, что его сосед по упряжке никогда не мог обнаружить обмана. В тот день Сэм сидел снаружи, на переднем сиденье, вместе со мной, папа свисал

¹ Река Коннектикут протекает по штатам Нью-Гемпшир, Массачусетс и Коннектикут, откуда впадает в Атлантический океан.

² Holy Oak – священный дуб (англ.) – город на р. Коннектикут, в шт. Массачусетс.

между нами, держа поводья, а великолепная голубизна реки Коникат создавала роскошную цветовую гамму под ласковым солнцем.

Само название Холи Оук заставило папу подщечивать над историей Нуина, такая тема всегда раздражала его. “Эта маленькая страна была частью Нуина”, сказал он нам, “в древние времена Моргана Первого, Моргана Великого, как называли старого сукинного сына. Я полагаю, что она подготовилась к войне за независимость, после того, как он уснул вечным сном, и так же поступила Ломеда, и другие ничтожные страны, расположенные по эту сторону реки – цер-черт-подери-ковные государства, как они называют себя. Морган Великий! – внемлите, джентльмены, вы, очевидно, не сможете поверить больше ничему услышанному, более того, вы никогда не смогли бы поверить, во всяком случае, только не о Моргане Великом. Утверждают, что вам больше никогда не посчастливится увидеть подобного ему, и, скажу я вам – это прекрасно. Считается, что он был выдающейся личностью. Предполагают, что эта маленькая страна, этот Холи Оук, была названа в честь дерева, которое посадил Морган Великий. Хорошо, я видел его – ничего особенно величественного нет в нем, дуб да и только, можете сказать, что здесь представлена небольшая занимательная история, но подождите-ка. Давайте продумаем до конца. Давайте посмотрим, о чем говорит история. Вы имеете какое-то представление о том, сколько е...ных дубовых деревьев, как предполагают, посадил тот старик в свою честь? Вот, послушайте, джентльмены, это печально – ну, рад бы был бы иметь столько волос на теле, сколько тот старик, как предполагают, посадил дубовых деревьев, я бы согнулся, джентльмены, я ходил бы на четвереньках, словно медведь, пока с меня не содрали бы кожу для коврика. Вы вполне можете спросить, почему он не мог пойти и посадить вишню или пекан¹, или что-либо еще для перемены... пошевеливайся, Старая Молния, ты, жалкий окаменевший ублодок, на три десятых состоящий из лошадиной задницы, живее, живее!.. вы вполне можете спросить, и я расскажу вам. Общественность, черт подери, не позволила бы ему, вот в чем причина – он должен был садить дубы или не садить ничего другого, и в этом выражалось его королевское достоинство.

– Как бы то ни было, – сказал Сэм, – он называл себя президентом, а не королем, это всем известно.

– Да, – закричал папа, – и это представляет собой самую большую кучу собачьего дерhma, которое никогда не убиралось! – Ну,

¹ Пекан (Casua pecan) – дерево семейства ореховых, дико растет на юго-востоке Северной Америки.

положим, Сэм, сказал это просто для того, чтобы поддержать папино оживление. – Президент моей славной отсыженной задницы! Он был королем, и это единственное оправдание для него. Я имею в виду, что он король, таким образом, он находится впереди всех и вынужден повелевать от рассвета до наступления темноты – сажать дубы, закладывать краеугольные камни и отыскивать предков по материнской линии у незаконнорожденных, ну, клянусь яйцами Авраама и Иисуса Св. Кор. Горниста Христа, тому человеку никогда не давали покоя... живее, Молния, божье проклятие, драное трусливое дермо, где твоя душа, я должен грубо говорить с тобой?.. совсем нет покоя. Каким образом он всегда находил время, чтобы повелевать другими, вот что я хочу знать. Послушайте, вот как это было, просто в обычный день, имейте в виду, когда этот несчастный старый сукин сын, этот Морган Великий, пытался обратиться к е...ному сенату по поводу жизни и смерти, или, во всяком случае, большого количества денег. Вы думаете, что он имел возможность соединить две фразы, одна за другой?.. внемлите, джентльмены! Нет, господь должен помогать, а сатане пое..., нет... а почему? Потому что высекивает министр по связям с общественностью или любой другой... “Простите, Ваше Величество, мы получили срочное послание относительно кровати, находящейся в Вустере¹, в которой до сих пор никто не спит, так как это королевская привилегия, только Ваше Величество может в ней, вроде бы, немного послать, поэтому следует помириться вовремя с Лоузэллом², чтобы перебросить доллар через Мерримэк³, принимая во внимание, как об этом говорится здесь в книге, что вы сделали это 19-го апреля – более того, Ваше Величество, к нам прямо в эту минуту прибыла новая партия дубовых деревьев...”, ну, господи, джентльмены, разве это жизнь – только не для великого человека. Становится как-то не по себе от кучи дел, не так ли? Разве можно ожидать, что парень захочет быть президентом, если он знает, что ему будут постоянно досаждать, досаждать в течение целого дня?.. ты, Молния, черт бы побрал навеки твою е...ную в задницу бессмертную душу, будешь шевелиться?..

Папе Рамли причиняла беспокойство не только история Нуинна. Фактически ему не нравился ни один период в истории и ни одна личность в ней, кроме Клеопатры. Обычно он уверял, что

¹ Вустер – город в США, в штате Массачусетс, недалеко от Бостона.

² Лоузэлл – город в США, недалеко от Вустера.

³ Мерримэк – река, протекает в штатах Нью-Гемпшир и Массачусетс, длиной 110 миль.

сумел бы соблазнить эту, несомненно, привлекательную женщину, если бы смог встретить ее в ее родной Калифорнии, когда был немного моложе, и в его пенисе чувствовалось больше энтузиазма. Его никогда невозможно было убедить, как мадам Лора говорила, что Клеопатра не жила в Калифорнии. Иногда он вызывал у меня желание поинтересоваться этим самому.

Из Холи Оука мы продолжали путь через другие небольшие Низменные страны в Коникат, где все еще испытывали потрясение от "забастовки" бродячих комедиантов, о которой я вам рассказывал. Торговля велась очень оживленно, но мы добрались туда поздно, после многих других трупп, с точно такими же намерениями. Мы проследовали в Род, маленькую сказочную страну, вряд ли большую, чем Ломеда, где основным занятием населения является прибрежное рыболовство, а главным развлечением – пробные браки, это единственная страна, где святая мэрканская церковь признает развод по согласию сторон. Церковь называет Род "испытательным полигоном общества"; теперь у них там проводятся испытания пробных браков в течение пятидесяти с чем-то лет, и они усвоили лишь одно: что почти каждому нравится такое положение. Несколько я понимаю, церковь считает такие браки неуместными, поэтому там продолжаются испытания с надеждой получить больше опытных данных. Когда мы находились там – большую часть лета – я, естественно, проводил испытания столько, сколько было возможно: Бонни в то время постепенно отдалась к постоянной связи с Джоу Далином, а Минна (как мне не хочется говорить об этом!) иногда становилась надоедливой. Испытания проходили прекрасно, и я не пришел к выводу, что мог бы от них уклониться.

Так как о Нуине не могло быть и речи, мы возвращались по собственным следам через Коникат и, перейдя через границу, прибыли в южную оконечность Леваннона и провели зиму в Норроке, где, большую часть времени, шум прибоя великого моря был тише, чем звук, который я слышал в более поздние годы в Олд-Сити – там, в Олд-Сити, мы с Ники уединенно прожили несколько лет в пределах досягаемости звуков гавани и сильных ветров. В Норроке, в ясные дни, мы могли смотреть – из нашего лагеря, расположенного на склоне горы, – на юг, на отдаленное расплывчатое пятно песчаного берега, это был Лонг-Айленд, о котором обычно рассказывал нам Джед Сивер; и все это, казалось, отошло далеко в прошлое; и такой же далекой казалась его смерть – и мои страстно-хладнокровные сношения с Вайлит – и памятные лучи золотисто-зеленого света, косо направленные на жаркую неподвижность мо-

ханской лесной глухомани. О, шум океанского прибоя звучит одинаково, где бы вы ни слышали его, независимо от вашего возраста, — в Олд-Сити, или Норроке, а может, на слепящем белым блеском песчаном пустынном побережье, протянувшемся на много миль в южном Кэтскиле, или в безмятежном спокойствии на этой песчаной отмели на Неонархесе.

Весна 319 года настигла нас путешествующими снова на север по великой Лоулендской дороге Леваннона, но в этот раз мы проехали по ней не дальше Бекона, леваннонского портового города, отделенного морем Хадсона от Нубера, святого города, расположенного напротив. Бекон — это первая местность на нашем пути, где имеется надежная паромная переправа, с достаточно большим паромом, чтобы вместить фургоны бродячих комедиантов. Еще одна переправа имеется у Райбека, напротив кэтскильской столицы Кингстона¹, но она нас не устраивала: в Кингстоне кто-нибудь мог бы узнать Сэма и сообщить новость его жене, которая вызывала бы полицейских и добилась победы над ним, по каждой статье свода законов. Даже военные могли придраться к нему, хотя к этому времени ничтожная мохано-кэтскильская война давно угласла. В Нубере не было большого риска, думал Сэм. Там мы поставили нравственное представление, одетые в длинные панталоны, ради прелестной праведности, одновременно изрядно нажившись на продаже из-под полы сексуально возбуждающих картинок, предназначенных скрасить личную жизнь церковной братии; где-нибудь в другом месте, продавая их почти открыто, мы не заработали бы никогда и половины тогдашней выручки.

Мы медленно продвигались от Нубера на юг, с частными остановками. Люди из кингстонского округа редко путешествуют в южную часть Кэтскила. Однако в этой стране был небольшой риск для Сэма; поэтому он не участвовал в продаже лекарства, а просто оказывал помочь везде, где бы она ни требовалась, — сидял шкуры с мулов, менял декорации, помогал Графтону изготавливать упряжь, — и держался более или менее, подальше от общества.

Он получал особенно большое удовольствие, выполняя работу, которую мадам Лора называла “звуковым эффектом”, в то время, когда она занималась предсказанием судьбы. У нее всегда имелась небольшая палатка, устанавливаемая для этой цели, с холщовой перегородкой посередине. В передней части не должно было быть

Города Бикен и Ньюбер расположены в 40 милях, а Кингстон и Райнбек — в 70 милях от Нью-Йорка, вверх по течению р. Гудзон в штате Нью-Йорк.

ничего, кроме небольшого стола и двух стульев, – никаких хрустальных шаров, или ладана, или подобной бутафории. Но ей очень нравился хороший звуковой эффект. В задней половине палатки находилось несколько безделиц – коровий колокольчик, треснувший барабан, который Стад Дабни больше не использовал, – он мог создавать гнетущий шум, похожий на грохот, исходящий из кишечника быка в туманную ночь. Услышав сигнальное слово, Сэм работал для нее с этими предметами, или ударял еще во что-то, издавал иногда ужасающий протяжный вздох, который мадам Лора предупреждала его не применять слишком часто, потому что она сама с трудом могла его выдержать. Он, бывало, постепенно нагнетал шум, пока мадам Лора не кричала: “Ау-ты-салам-алейкум!”¹ или “Умиротворись, бес покойный дух!” и что-то еще успокаивающее, и тогда шум на некоторое время прекращался. Простак никогда не мог быть до конца уверен, что холщовая перегородка внезапно не поднимется и не появится какое-то страшное привидение, такое, как Асмодей², или четырехголовое огромное чудовище, или его теща. Сэм утверждал, что его работа годилась ему – вроде бы обеспечивала его связь с искусством, но без какой-либо, черт бы ее побрал, ответственности. Он так же иногда говорил, что стареет.

Этого не должно было быть, так как ему лишь перевалило за пятьдесят. Но, в какой-то степени, это соответствовало истине.

Южный Кэтскил совершенно не похож на суетливую северную часть страны. Призрачная, еле заметная земля – большие богатые фермы расположены в центральной части, только не на настоящем юге. Через сосновые пустоши проходят, извиваясь, небольшие песчаные дороги, как будто в бессмысленных поисках какой-то цели, о чем вы никогда не узнаете. Если такая дорога приходит к очевидному концу, вы чувствуете уверенность, что, должно быть, пропустили какой-то поворот, который являлся действительным продолжением дороги. Во многих местах, удаленных от моря, так же, как вблизи прекрасных белых пляжей, вместо стройных сосен расположена непролазная глушь, такая же густая, как и полутропические джунгли Пенна, которые я также видел. Говорят, в районах джунглей южного Кэтскила иногда встречаются группы лопоухих обезьян – такого же самого вида, который хорошо известен в Пенне – робкие, дикие, немного опасные.

В южном Кэтскиле не имеется городов, если вы не захотите дать такое название унылой гавани Вайлэнд на крайнем юге, в

¹ Салам алейкум (вост.) – здравствуй

² Асмодей (др. евр.) – злой дух в семитской мифологии

необъятном Делавэрском заливе; она вряд ли заслуживает этого и вряд ли достойна прилагаемых усилий, чтобы добраться до нее по длинной дороге через пустоши, джунгли и огромные болота. Вайленд некогда был пиратским городом и являлся центром управления флотом, который разорял прибрежную торговлю Пенна с северными странами. На этот раз Кэтскил и Пенн договорились на какой-то основе, объединив войска, чтобы очистить местность от налетчиков, как нам пришлось сделать в Нунне с мерзвацами из островов Код. Однако, пираты Вайленда не были такими раздражающими и развращенными, как пираты островов Код, а также не имели никаких-либо островов для бегства: там произошла массовая резня. В настоящее время в Вайленде нет ничего интересного, кроме рыбных промыслов и монастырей, которые пахнут одинаково.

Там, в южном Кэтскиле, нет настоящих городов, но довольно много небольших сел, раскиданных далеко друг от друга, с прочным частоколом, их население относится к путешественникам с мрачным недоверием. У нас редко происходила действительно хорошая распродажа. У меня создалось впечатление, что они были носителями глистов нематод и болели малярией, возможно, имелись другие печальные условия жизни, которые угнетали их, и в этом не было их вины.

Одно село в том регионе я был вынужден запомнить. Мы подъехали к нему осенью 319 года, когда уже продвигались на северо-запад с целью переехать в Пенн возле их прекрасного города Филадельфии. Дело было в конце дня; передние и тыльные ворота селя оказались закрыты, но не заперты. Мы катили по дороге с нашей обычной веселой суматохой, играли и пели “Я не пойду большие бродяжничать” – песню, с которой нас обычно ожидал наилучший прием. Когда мы остановились перед все еще закрытыми и бесплодными воротами, я засигнал на моем золотом горне, чтобы разъяснить еще убедительнее, что мы прибыли с дружественными намерениями. Но никто не открыл нам ворота. Это рассердило папу – ну вот, все лето в южном Кэтскиле так поступали. “Ну”, сказал он, “чтоб меня поимел необрязанный, мы войдем в любом случае и деликатно спросим, почему они не открывают”.

Бедняги, они не могли открыть – немногие, которые находились там, в селе, были мертвы и пребывали в таком состоянии уже в течение многих месяцев. Дома начинали слегка разваливаться; в соломенных крышах зияли дыры, через которые пролезали белки, там и сям двери слетели с петель, так как ветер хлопал ими очень часто. Мы вошли во все двадцать с лишним жилищ и обнаружили скелеты, начисто обглоданные муравьями и жуками, питающимися

падалью, — совсем немного, я полагаю, всего около дюжины скелетов; все совершенно неповрежденные и высохшие. Большинство лежало на сетчатых или плетенных из прутьев койках, которые служат в качестве кроватей в той местности; два скелета сохранили остатки белых волос. Все выглядело мирно. Так как все мертвцы находились внутри, а ворота села закрыты от волков и собак, мурлыки и жуки сделали почти всю работу по домашнему хозяйству; мы были озадачены, когда заметили, как мало костей оказалось повреждено мышами и крысами. Папа Рамли сказал, что крысы погибают от бубонной чумы так же, как и люди, чего я тогда не знал. Но в глубине души я чувствовал — думаю, как и мы все, что это мог быть какой-то другой вид чумы.

Один мужчина (или женщина) был оставлен висящим на сельской виселице. С ним имели дело вороны и ястребы; под все еще свисавшей веревкой скромной кучкой лежали кости. По крайней мере, преступник теперь находился в одинаковом состоянии с уважаемыми гражданами, которые были безнадежно больными или, возможно, слишком старыми, чтобы передвигаться. Одно тело все еще сидело в кресле-качалке у закрытого окна, женщина, судя по форме таза, вероятно, старуха; сухой хрящ все еще удерживал вместе спинной хребет, ноги и одну руку. Я почувствовал, что ужас мой несколько утихает, когда заставил себя понаблюдать за ее спокойствием. В мире, который люди Древних Времен оставили для нас, такие вещи происходили довольно часто, и снова будут происходить.

Пенн — страна отличных ремесленников, фермеров, художников, философов, поэтов, богатства, лени — и почему они не должны быть слегка обленившимися, если сама природа действует успокаивающе и везде пахнет виноградом и магнолией? В некоторых частях этой страны климат просто великолепный; через какое-то время кажется, что становится жарко, но жара эта мягкая, как бы исходит изнутри тебя, хотя, все же, это дар солнца. Эта иллюзия сильнее всего наблюдается в восточной части страны, где легкий морской ветерок приносит с собой прохладу от огромного Делавэрского залива. Расположенная у залива Филадельфия — небольшой прекрасный город, совсем рядом с развалинами города Древнего Мира, которые считаются безвредными — фактически, говорят, что некоторая часть современного города в действительности построена на месте расположения старого. В Филадельфии осуществляются все необходимые работы — улицы чистые, дома содержатся в надлежащем порядке — но вы никогда не увидите кого-либо, раба или свободного человека, прилагающего к этому

серьезные усилия. В целом горожане имеют намного больше сходства друг с другом, чем люди северных стран; возможно, некоторые из их предков в Годы Смутения обладали исключительной способностью передавать наследственные признаки – это темные, высокие люди со странным оттенком чего-то полинезийского – именно эта раса нарисована на картинах из Древнего Мира, которые я видел. У меня нет теоретического обоснования, чтобы объяснить это явление. У девушек крупные фигуры; восхитительно прекрасные в юности, они остаются красивыми до тридцати-сорока, после чего сразу начинают выглядеть старухами; они очень любезны.

Почти каждый в Пенне кажется любезным, в пределах, допускаемых религией и политикой. Их политика состоит в защите границы, которая проходит по реке Делавэр, и в том, чтобы держаться на равных, а то и иметь более выгодное положение в прибыльной торговле лошадьми. С этим они управляются с помощью прекрасного флота, состоящего из небольших речных суден и хорошо обученной армии, которая никогда не терпела поражения и никогда не вторглась на чужую территорию. Торговле способствует корпус дипломатов при дворах правителей других государств, которые должны быть наиболее заслуживающими доверия, а являются приятными лгунами, выполняющими особые поручения – так сказал Дайон и мои собственные наблюдения, с того времени, когда мы с Ники были вовлечены им в нуинскую политику, до настоящего момента, подтверждают это.

Специфическая особенность Пенна в том, что, кроме границы по реке Делавэр между ним и Кэтскилом, у него имеется небольшой клочок территории к северу от истока реки Делавэр, который обычно граничил с Мохой и был единственной границей с дикой местностью. Я полагаю, что никто, не связанный с секретами правительства республики, не имеет никакого понятия, как далеко за пределы этой границы могут проникать исследователи из Пенна. Не могу подумать о чем-либо более приятном, чем то, как культурный гражданин Пенна меняет тему разговора, когда упоминается западная граница. Мы находились в Джонстауне¹ летом 321 года, так далеко на западе, куда никаким бродячим комедиантам или другим иностранцам никогда не позволялось забираться; но, все же, из этого города выходит небольшая дорога на запад, направляясь вверх в горы, проходя прямо мимо большого знака, на котором написано: КОНЕЦ ПУТЕШЕСТВИЯ.

¹ Джонстаун – город на западе шт. Пенсильвания.

Что касается религии, жители Пенна, кажется, воспринимают ее легко и спокойно, относятся к ней легкомысленно и неискренне, примирившись с этим вздором в доставляющей удовольствие иронической манере, как, очевидно, относились к ней широкие слои населения Древнего Мира ради поддержания хороших отношений с соседями и избегая горечи и озлобления искренне верующих священников. Это не совсем честная манера, и уж никак не добродетельный путь, по моему мнению; я никогда не смог бы вести себя подобным образом. Но это в самом деле способствовало хорошему поведению людей и определенному спокойствию, и я не мог бы сильно порицать кого-то за такие манеры, если у него нет довольно твердых убеждений, заслуживающих того, чтобы пожертвовать добродушием, или если он чувствует, что благовоспитанное приспособливание к представлениям дураков является необходимой защитой для его зрелых трудов.

Не то, чтобы я представлял себе жителей Пенна высшей расой, людьми, действующими втайне от любой такой выдуманной четухи. Там, в Пенне, вы встретите полный набор древней мифологии, невежества, набожности, неграмотности, варварства. Но я все же иногда чувствовал, что у них могло быть много людей с любопытными мыслями и возбуждением, скрываемым всякой улыбкой. Я часто чувствовал себя, в присутствии жителей Пенна, словно был энергичным варваром, конечно, без никакого желания с их стороны побудить меня к такому чувству. Полагаю, что Пенн, не исключая Нуина, непосредственно является самой цивилизованной из стран, оставленных позади. Если бы пришлось выбирать жить где-то в другом месте, чем Неонархес, приятнее всего было бы обитать в Пенне с одной или двумя пышногрудыми женщинами с полными губами, и постепенно стареть, имея достаточно работы и заботы, чтобы время от времени наслаждаться бездельем или неторопливыми любовными утешениями под солнцем. Пенн совсем не похож на другие страны.

Там умер мой отец.

Это произошло осенью 321 года в городе Бетлэм¹, который находится в сорока милях к северу от Филадельфии – в Пенне между городами большие расстояния – и недалеко от Делавэра. В тот год Сэму было пятьдесят шесть, он говорил мне «Пятьдесят шесть, энергичный и посредственный», сказал он – но иной раз, как я уже упоминал, он отмечал, что стареет.

Мы ехали в Джонтаун вдоль южной границы Пенна, которая отмечена – (поскольку нам сказали) – широкой извилистой рекой,

¹ Город Вифлеем в шт. Пенсильвания.

называемой Потомак¹ до города Камберленд². Там – единственная дорога, которая ведет на север. Из Джонтауна мы поехали обратно на восток по северному маршруту, папа Рамли, возможно, намеревался зимовать в западном Кэтскиле или где бы мы ни оказались к началу ноября. (Папа не получал в Пенне такого удовольствия, как остальные из нас – “Мать Спинктон” продавалась там плохо, жители предпочитали целебные настойки из трав, изготовленные их собственными женами, и, во всяком случае, были необычно здоровыми. Спектакли, представляющие подглядывание за голыми женщинами, тоже проходили не совсем удачно, так как граждане Пенна удивительно равнодушны к обнаженному телу, несмотря на все, что может сделать церковь, чтобы огорчить их в этом деле: я видел в Пенне девушку, которая почувствовала блошиный укус, сбросила свою юбку и принялась искать блоху без малейших признаков замешательства, а случайные зрители не смотрели на нее, затаив дыхание от ужаса – они просто смеялись и предлагали ей подходящие советы. Там, в Бетлэме, многие из нас заболели тем, что, казалось, было просто сильной простудой, – сильный кашель и высокая температура. Обстановка стала быстро ухудшаться.

Многих жителей города мучила та же самая болезнь, как мы узнали, в течение нескольких недель. Они беспокоились о нас, считая, что мы заразились этой болезнью от них – это были щедрые, славные люди, которые понимали музыку, понастоящему слушая, что редко бывает с толпой – и они делали для нас все, что могли.

Папа даже не пытался продавать лекарство в Бетлэме. Он проворчал – в лагере, где ни одно ухо жителя Пенна не могло услышать его – что они были претенциозными ничтожными людьми, которые не понимали науки: “Мать” оказалась бы напрасно потраченной на них. Но он знал, что это глупый разговор, и в душе он так не чувствовал. Когда болезнь начала тревожить нас, он сам принял “Мать Спинктон” и проворчал, что качество лекарства оказалось неподходящим – может быть, он упустил кое-что, черт подери, существенное, постепенно старея и теряя способности, кто-то, наверно, должен был похоронить его, раз он становится таким старческим, – и с несчастным видом, потеряв свое обаяние, все расхаживал среди нас с бутылкой “Матери”. Никого не заставлял, не настаивал, чтобы мы глотали “Мать”. Некоторые из нас скучали

¹ Потомак – река, на которой расположен г. Вашингтон.

² Камберленд – город в штате Мэриленд.

по его естественной манере так сильно, что мы принимали снадобье с надеждой вылечить его самого. Это было плохое время.

Первым умер сын Нелл Графтон. Джек, которому исполнилось четырнадцать.

Сэм сидел у его постели, так как оба – Рекс и Нелл были совершенно больны. Все происходило в моем фургоне. Я уже почти выздоровел после легкого приступа того, что бы это ни было. Я услышал, что Сэм внезапно встревоженно позвал меня, я вошел в отсек Джека как раз вовремя и увидел бедного ребенка с пылающим красным лицом – в последний раз я побил его только две недели назад за то, что он мучил приблудившегося кота – очевидно, он задохнулся насмерть собственной мокротой. Это случилось очень быстро; ни Сэм, ни я ничего не могли поделать. Мой пapa послал меня за папой Рамли, и, когда я выбежал, я услышал, что он мучительно закашлялся: ему нездоровилось пару дней, но не хотел беспокоиться о себе. Я нашел папу Рамли беспомощно пьяным, он совершенно не мог передвигаться, и я позвал вместо него мадам Лору. Помню, для нее было достаточно одного взгляда, чтобы понять, что произошло с Джеком, а потом она пристально посмотрела на Сэма, который сидел, качаясь на табуретке у койки Джека, его взгляд не был сосредоточенным.

– Теперь иди и ложись в кровать, Сэм.

– Нет, Лора, я не в плохом состоянии. Здесь надо похлопотать.

– Мы все сделаем сами. Ты иди и отдыхай.

– Легко сказать – отдыхай. Лора, сейчас, похоже настало время тяжелого труда, ты могла бы сказать. Ты понимаешь, я одинокий по убеждению..

– Сэм...

– Нет, подожди. Кажется, я заболел, я хочу что-то сказать, пока у меня ясная голова – ты понимаешь, такое дело, они выскакивают в голове. Теперь...

Она не позволяла ему говорить, пока мы не привели его в фургон и не уложили в койку. Я никогда прежде не видел, чтобы она не отходила от него ни на шаг и была в ужасе, хотя в этом не требовалось крайней необходимости. Как только он оказался в кровати и улегся на ней, Сэм не был очень разговорчив. Все, что я мог уловить из его речи – говорил он с трудом, а вскоре и бессвязно – что он хотел поблагодарить нас, мадам Лору и меня, так как мы знали его и не препятствовали быть одиноким по убеждению. По крайней мере, думаю, это было то, что он пытался сказать.

Его душа, казалось, отдалилась от нас после того, как он сообщил нам так много, но его тело оказалось чрезвычайно

неподатливым, не желая сдаваться. Его борьба за жизнь длилась три дня и часть четвертой ночи. Лекари-священники – их было двое в Бетлэме – ходили и ходили, оказывая помощь Сэму и трем больным, любезные люди, в какой-то степени, они оказались менее невежественными, чем те, которых я встречал за пределами Пенна. Мы дали им понять, что Сэм не был в состоянии говорить; он оказался в полном сознании в тот момент и благодарно украдкой взглянул на меня, со слабой усмешкой, за их спинами, когда я сказал, что мой отец по-настоящему исповедовался до того, как у него отняло речь.

На третий день мы думали, что он мог бы победить недуг – Нелл Графтон выздоровела и Рекс, и Джоу Далин. Но последовало резкое ухудшение. Он вновь обрел дар речи, всего на час, и говорил о своем детстве в гористой местности, и вспомнил о тех, кого любил. После этого каждый его вздох был отдельным критическим моментом проигранной войны. В настоящее время я достаточно уверен, узнав из книг, что медицина Древнего Мира могла бы вылечить его. У нас не было такого умения.

В мире, который люди древних времен оставили для нас, такие события случались и снова будут происходить.

Даже во время последних тяжких усилий втянуть воздух в легкие, взгляд глаз моего отца часто был понимающим. Иногда он обращал его на меня, размышая и узнавая или следя за ускользающей мыслью. Его взгляд никогда не был сердитым, раздражительным, умоляющим или полным страха; раз или два мне казалось, что я видел в нем веселье, кроткое и насмешливое, веселье человека, одинокого по убеждению. Религия, навязанная ему в детстве, не возвратилась к нему во время слабости, как я опасался, с тем, чтобы мучить его: он был истинно свободным и умер свободным человеком, мужественно смотревшим на неподвижную гrimасу заката жизни.

24

Несколько неделями позже, когда мы продвигались через Кэтскил в северном направлении, я сказал папе Рамли и мадам Лоре, что должен уйти от них. Я пришел к выводу, что вряд ли требовалось объяснение.

– Да-а, – протянул папа, – я понимаю, что ты не рожден бродячим комедиантом и не вырос в этой среде. – Он не казался

раздраженным, хотя мой горн оказывал большое содействие во время представлений, а я стал полезным и в других делах.

Мадам Лора сказала:

— Ты как мой Сэм — как твой отец — один из тех, кто идет туда, куда зовет его сердце, и ты из племени тех, что подвержен душевным мукам, и с этим ничего нельзя поделать.

Я еще раз все обдумал, чего совсем не делал во время странствий с бродячими комедиантами, о плавании на море. Вовсе не к краю земли: мадам Лора знала, так же, как и капитан Барр, что нельзя достичь края на комочке звездной пыли — но, может, я проплыл бы вокруг света? Другие люди (она учила меня) делали это в древние времена. На тридцатитонные аутригеры теперь не было надежды в моем воображении; она исчезла в тот день, когда жалкий щенок поднял лапу в ренсларской гавани. Я не знал, каким образом можно было бы что-то сделать, но Нуин, по слухам, был страной прекрасных предпринимателей. Мечта проплыть вокруг света, несомненно, жила во мне в то время, немного спустя после смерти Сэма, и все еще живет во мне, пройдя вместе со мной такое далекое расстояние, такой короткий путь до спокойного острова Неонархеос.

— Иди туда, куда зовет тебя сердце, — сказала мадам Лора. — А зов сердца меняется так, что ты и не ожидаешь, и образ мечты меняется, возможно, приобретая серую окраску. Но ты иди.

Папа Рамли был очень спокойным и трезвым в тот день.

— Лора, для человека настает необычное время, когда умирает его отец. — Он понимал меня таким образом, как она вряд ли могла воспринять, несмотря на всю ее мудрость. — Он потерял спокойствие на какое-то время, Лора, неважно, был ли его отец хорошим человеком или нет, неважно, был ли он сам хорошим сыном для своего отца или плохим. — Папа Рамли понимал людей; он также знал, черт подери, “левовеский род” и “левеность” — что не одно и то же самое. Кстати, он уже снова продавал “Мать Спинк顿” в этих кэтскильских городах и еще раз поверил в нее — или, во всяком случае, надеялся, что она будет излечивать чудодейственным образом, что она иногда и делала. Он, может, догадывался, вспоминая далекое смутное царство своей собственной жизни, как мне иногда снилось, что Сэм Лумис все еще был живым. Он, может, догадывался, что в сновидениях, я, бывало, часто чувствовал себя несчастным и смущенным, вместо того, чтобы быть довольным, не в состоянии приветствовать моего отца естественным образом. Я не смог с Минной раз или два, и ей стало скучно со мной. Сомневаюсь, что папа догадывался об

этом: какие бы неприятности, возможно, не происходили в его полувековой бродячей жизни, и вообразить не могу, чтобы у него перестало торчать. – Я рассчитываю, – вел дальше папа, – пересечь море Хадсона из Кингстона, а потом провести зиму где-то в Бершаре. Почему бы тебе не остаться с нами на зиму? Затем, если, все-таки, ты будешь иметь намерение отправиться в Нуин будущей весной, я довезу тебя до Ломеды, и все, что тебе потребуется сделать – переправиться через Коникат.

– Хорошо.

– Черт подери все это, мы будем скучать за тобой.

Может, я сказал тогда какие-то уместные слова. Мне было восемнадцать, я начинал понимать, что значат слова и почему нужно говорить их.

Папа также не мог знать, как часто мне хотелось, чтобы я смог, по крайней мере, увидеть мою мать; сиротское детство – совсем другое дело, он не испытал этого. Его душу согревала память о собственной матери. Она содержала мастерскую по пошиву дамского платья в Вустере, большом нунинском городе. Именно ее смерть, когда папе было пятнадцать, побудила его пристраститься к дорогам. Вряд ли он одобрил бы мое желание, несмотря на свою чувствительность. Желание невозможного в будущем – это, я считаю, хорошее упражнение, особенно для детей; подобное желание в прошлом, несомненно, самое пустое и самое печальное занятие.

Единственное, что я помню по-настоящему отчетливо о той зиме в Бершаре, моей последней зиме с бродячими комедиантами, так это обучение вежливым манерам, которым занималась со мной мадам Лора. Мне придется столкнуться с ними в Нуине, сказала она, фактически я должен буду делать это преднамеренно, стараясь общаться с людьми, которые умеют вести себя прилично и быть внимательными к окружающим. Хорошие манеры имеют значение, сказала мадам Лора, и если я так не думаю, то я чертов дурень. Это позволило мне довольно дерзко спросить – почему. Она ответила: “Ты хотел бы ехать в фургоне, у которого совсем не смазаны оси? Но это еще не все. Если у тебя нравственная душа, впечатление, которое ты производишь на окружающих, может оказаться чем-то более важным. Будь любезен с кем-то, по любому поводу, и ты сможешь легко завоевать симпатию жалкого педераста, который не причинит вреда”

Мне устроили прощание в Ломеде, в манере бродячих комедиантов, остановив всю работу на пристани и напоив капитана парусного парома до слишком веселого состояния, так что он ни

в чем не возражал. Помню, Минна сказала ему, что запомнит его на всю жизнь, потому что моряки упльывают и приплывают, но с тех пор, как она стала достаточно взрослой, чтобы закрепить свайку¹, она мечтала увидеть энергичного капитана корабля с яйцами². Я также был изрядно пьян, когда они спровадили меня на борт; все кричали, и плакали, и давали добрые советы. Я прекратил кричать, когда были отданы швартовы, осознав, что действительно покидаю близких мне людей, но я не пропрезвел даже тогда, когда капитан привел паром на нунинскую сторону. Он пристал к берегу, ударившись о пристань, откуда вздернулась балка, и ругал всех и каждого за то, что построили эту проклятую никчемную пристань с голой задницей, так что она не могла бы выдержать толчка мужчины с яйцами. Это было забавно.

Мне показалось, что даже воздух в Нунине пахнет иначе, чем в других странах. Кроме Пенна – это самая древняя цивилизация современного мира, по крайней мере, на этом континенте... нет, не могу утверждать, что только они – ну что я, в самом деле, знаю о неизвестной мне мисипанской империи далеко на юге, и кто мог бы отрицать возможность существования великой страны, а то и многих стран, в далеком западном регионе, который, я знаю, имеется на этом континенте? Пожалейте меня, друзья, если только я забыл об осознании своего собственного невежества.

Жители Пенна, кажется, не очень озабоченыувековечиванием событий своих последних двух-трех столетий – может, они слишком добродушны. Нунин же обременен историей, опьянен ею, блещет ею и омрачен ею. В настоящее время Дайон все еще настойчиво занимается письменным изложением всего, что может вспомнить из этой истории, он никогда полностью не выйдет из-под тени, отбрасываемой ею – как бы ему это удалось и почему вообще он должен так поступать? Это был его мир, пока мы не уплыли оттуда.

О, таким иногда бываю и я – не утомленный от слов, но усталый и немного поглупевший от усилий, удовольствия и мучения, стараясь сохранить частицу моей жизни в среде непрерывно движущихся слов. И я думаю попросить этого бедного государя – равного мне и превосходящего меня, мальчика для битья³, нежно-

¹ Свайка – заостренный железный инструмент, используемый для разделения прядей каната, при сращивании канатов.

² Игра слов: англ. balls имеет множество значений: муж., яйца, смелость, мужество, глупость, монеты (по одному доллару).

³ Маленький Гилья – Человек, несущий наказание за чужую вину.

го и заботливого друга – продолжать эту книгу, если я должен буду бросить ее, внезапно остановиться и не писать того, что намеревался, и уйти прочь от нее. Так же, как я ушел от бродячих комедиантов, когда не было нравственной необходимости так поступить. Но он не смог бы сделать этого, и, имея крупицу здравого смысла, я воздерживаюсь от подобной просьбы.

Когда я сошел с парома в Хэмдене, нунинском паромном городе, расположенному напротив Ломеды, я прежде всего обратил внимание на статуи. Там были некоторые современные статуи Моргана Великого, неуклюжие, но не такие уж и плохие, и несколько других упитанных величеств, и все они ужасно выделялись на фоне прекрасных скульптурных фигур Древнего Мира – включая многие бронзовые, которые, я уверен, были, наверно, расплавлены на металлы везде, кроме Нуина. Хэмден гордится ими – прекрасный, процветающий город средней величины, чистый и дружелюбный, обращенный к реке и аккуратно огороженный частоколом с трех других сторон; гордый также своими окрашенными в белый цвет домами, прелестными зелеными насаждениями, и хорошо устроенным рынком.

Все равно, в Олд-Сити имеется такое огромное количество статуй, что Хэмден или любой другой город выглядит очень бледно по сравнению с ним. Большинство – из Древнего Мира, в Нуине они иногда кажутся такими, словно из изготовлены только вчера – иллюзия, которой я никогда не чувствовал ни в одном из других городов. В этот момент я думаю об изящном сидящем бронзовом джентльмене на дворцовой площади, на котором держатся ясные следы древней краски в трещинах и углублениях его патинированной¹ одежды. Говорят, это краска из Древнего Мира. Какой-то президент – думаю, Морган II – велел покрыть статую толстым слоем современного лака, чтобы сохранить ее. Краска проступает малиновыми, зелеными и фиолетовыми пятнами; голубого цвета нет совсем. Странно думать, что этот неизвестный религиозный ритуал, должно быть, продолжался до самых последних дней, когда Древний Мир заканчивал свое существование. На скульптурном изображении, которому поклонялись, была надпись – Джон Гарвард². Кажется,

¹ Патинированный – покрытый тонкой зеленою пленкой, образующейся в результате окисления бронзы или меди либо под воздействием окружающей среды, либо специальной обработки – патирования.

² Джон Гарвард, 1607 – 1638 гг. – американский колонист и благотворитель, внес крупную сумму денег для колледжа, получившего его

никто не имеет достаточно ясного представления, кем он был, но он сидит там — скромный, довольно строгий, с неподвластным времени величественным безразличием.

В тот день в Хэмдене я носил новую одежду, новый заплечный мешок для моего горна, пошитый для меня Минной, в моем поясе имелись деньги, так как бродячие комедианты провели денежный сбор, — и на меня обрушился ливень всяческих проявлений любезности. У меня все еще не было никакой ясной цели, никакого плана: мне было восемнадцать, я не имел никакого определенного решения, каким делом мне хотелось бы заняться. Я немного умел плотничать, немного знал музыку; хорошо я знал дикую местность и направления дорог. (Знал также, что был одиноким по убеждению.)

В гостинице в Хэмдене я обрел себя в среде группы странников, которые завершали последний участок того, что жители Нуина называют кольцевым путешествием. Оно означает экскурсию от Олд-Сити на север, в дикие чудесные дебри провинции Хэмпшир — там, в прохладных горах живет много людей, о чем вы вряд ли когда-либо предполагали — затем они направлялись на юг, более или менее следуя вдоль великой реки Коникат до Хэмдена или Шопи Фолиза, и возвращались обратно в Олд-Сити южными дорогами. Это светское паломничество. Церковь одобряет его, и по пути странники делают остановки у всех святых гробниц и других центров благочестия, но в самом этом пикнике нет ничего особенно святого. Всякий может забавляться, и многие этим занимаются, включая уважаемых певцов, шутеров, музыкантов, проституток, и всех других, которые делают жизнь не такой скучной.

Только лишь я зашел в бар, заказав комнату на ночь, со мной подружился смуглый парень, и я сразу же заметил, что он грешник, потому что он был откровенно любезен и добродушен. Одет он был по тогдашней нуинской моде — которая начала распространяться за пределами этой страны, но не достаточно быстро, поэтому я не сразу привык к ней — в мешковатые бриджи до колен и просторную рубашку, подпоясанную, но свисавшую над ремнем со всех сторон, кроме того места, где торчит рукоятка ножа, чтобы его можно было выхватить быстрым движением. Примерно половина находившихся в баре была одета по этой моде, но парень, который взял на себя забо-

ту приветствовать меня и дал мне почувствовать себя непринужденно, был единственным, кто носил у бедра рапиры вместо обычного короткого ножа. Он имел также и нож, как я узнал позднее, но носил его под рубашкой, как и я привык до моих странствий с бродячими комедиантами.

Та рапира была поразительно прекрасной, длиной менее двух футов, легкая и изящная, едва ли достигая половины дюйма в самом широком месте, изготовленная из пеннской стали¹ и настолько утонченная, что звенела от прикосновения почти так, как тонкая изящная стеклянная посуда. Принадлежность богатого человека, подумал я, но мадам Лора научила меня, что нельзя спрашивать о цене такой вещи, если не намереваешься купить ее, да и то не всегда. Парень обращался с ней, как с продолжением своей руки. Ему нравилось почти бесшумно вынимать рапиры из ножен и грациозно проводить пальцами по лезвию вверх и вниз, делая это как бы отвлеченно, что побуждало каждого, находившегося в помещении, очень нервничать по какой-то причине, и, конечно, стараться, чтобы не показать своего беспокойства. Он ничем не выдавал, какое большое удовольствие получает от этого, кроме едва заметно сморщивающейся кожи в уголках коричневых глаз, и какой-то инстинкт, казалось, подсказывал ему, когда ее надо вложить в ножны. Инстинкт – или особый тон откашивания одного из священников, возглавлявших группу.

Были там и два священника, отец Бланд и отец Мордан, один толстый, другой худой, один жирный, другой сухой и паршивый. Сам отец Бланд отметил, что они олицетворяют успех добродетельности² монашества, и все вежливо засмеялись, кроме отца Мордана, тощего священника, который обладал сильным характером, иначе говоря, был всегда сердит. Я, наверно, вряд ли принял бы любого из толпы за паломника, если бы хозяин гостиницы не предупредил меня, что некоторые были на самом деле просто путешественниками, присоединившимися к группе ради безопасности и общения.

– Поклон от отца Бланда и отца Мордана, – приветствовал меня парень – не выпьешь ли с нами теперь или немножко позже? – Я не часто слышал нуинский акцент в то время. Жители Нуина не очень склонны путешествовать за пределы своей страны – в Нуине есть все, говорят они, какой им от этого прок? Думаю,

¹ Намек на сталелитейные заводы Питтсбурга в шт. Пенсильвания.

² Двусмысленность оригинала: "the good bacon" может означать также "хорошенькую прибыль".

что парень был моим ровесником, хотя, судя по его поведению, казался старше. В нем чувствовалась изящность и утонченность, что предполагало женственность, но не замечалось присущей женщинам слабости. Я вспоминаю, в первые полчаса нашего знакомства я поинтересовался, не могло ли его легкомысленное поигрывание рапирай иметь практического характера, с целью запугать кого-нибудь, кто мог бы неправильно понять его нрав.

— Благородно, — сказал я... правило болтовни в обществе, которое я случайно вспомнил из поучений мадам Лоры. — Благородно и восхитительно напоить кого бы то ни было, чтобы он оказался под столом, или же присоединиться к нему там.

— Нет, у нас более трезвая компания, — ответил он. — Все умеренно. Включая, я настаиваю, умеренность... но это правило я редко могу изложить моим старшим. — Он смотрел на меня с необыкновенной проницательностью. — Я Майкл Семмерс из Олд-Сити. Извини за нескромное любопытство — кто вы, сэр, и откуда?

— Дэйви... то есть, Дэйвид... из... ну, из Мохи... я имею в виду...

— Дэйвид де Моха?

— О, господи, нет! — сказал я, и заметил, что все в баре замолчали, чтобы лучше наслаждаться нашей беседой. — Я просто имел в виду, что прибыл из Мохи, жил там. Моя фамилия... э... Лумис.

Я уверен, что он думал, но крайней мере, некоторое время, что я сообщил ложную фамилию, и он хотел помочь мне: подвел к остальным, представил, с очень изящной небрежностью, как Дэйвида Лумиса, подтолкнул меня к удобному креслу, потребовал принести еще выпить — все с таким видом, будто я был, так или иначе, важной персоной, — я не мог и предположить — почему.

Из обрывков разговора, которые я услышал до того, как они притихли, я узнал, что отец Мордан, худой и сухой священник, поучал компанию относительно первородного греха, он считал своим долгом постоянно и усердно вдалбливать это в головы странников в течение всего дня — во всяком случае, он с готовностью наградил нас улыбкой, когда Майкл представил меня. Эта улыбка быстро окаменела бы, подобно корке на румяном пудинге с изюмом¹, но он ее сдобрил. Так уж случается,

¹ Двусмысленность оригинала: “a flaming plum pudding” может означать также “эрегированный мастурбацией пенис”.

что некоторые рождаются с уксусом вместо крови и лимонами вместо яиц, вот и все.

— Отдыхай, — сказал мне Майкл, — и присмотрись к нам, молодой человек, может у тебя возникнет желание пройтись с нами часть пути или весь путь до Олд-Сити, если намерен идти туда. Мы отправляемся утром, это последний этап кольцевого путешествия обратно к нашему домашнему очагу.

Я не мог сказать “нет” Майклу, и, в любом случае, это было именно то, чего я желал. Я слонялся там во время разговоров и пения, пока день не сменился вечером. Там было два-три прекрасных певца и девушка, оживленно игравшая на гитаре; с участием моего горна у нас получился настоящий музыкальный вечер и я выпил достаточно, что помогло мне не заметить, каким сабым было наше исполнение по сравнению с бродячими комедиантами. Более того, только выпивка и Майкл воспрепятствовали мне не сойти с ума от тоски по дому — другими словами не скажешь: тоски по дому на колесах с укромным уголком, едущему не в определенное место назначения, а только к следующему селу, расположенному у дороги.

Кроме Майкла, двух священников, и еще одного человека, те страниники остались в моей памяти, забыл я и имя того “еще одного человека”. Он был прекрасный старик — седой, глуповатого вида путник, без конца пивший воду, со свисавшими с верхней губы четырехдюймовыми усами, что вызывало желание дернуть за них, словно за язык колокола, но он казался очень образованным, поэтому импульсивно хотелось проскользнуть мимо него. Когда Майкл представил нас друг другу, он сказал с тихим вздохом: “Ааан”. Майкл рассказал мне позднее, что так произносится слово “Очарован!” в оксфутском диалекте английского языка, на котором говорил глуповатого вида путник. Я не знаю, почему так назвали это произношение — в нем очень мало от подлинного значения слова и вряд ли есть что-либо английское.

Конечно, я всегда буду помнить, как Майкл подмигнул мне, поздно вечером, когда нам пришлось быстро пропеть мэрканский гимн, чтобы удовлетворить отца Бланда; его подмигивание вызвало у меня лихорадочную необходимость поговорить с ним конфиденциально и узнать, встретил ли я такого же единственного человека моего типа, даже если он окажется еретиком. Как только, во время пения гимна, эта мысль пришла мне в голову, мне показалось, что Майкл — с тех пор, как мы встретились — выведывал все время мои мысли, так же неуловимо, как дикое животное ощущает легкий ветерок.

Позднее он предоставил мне возможность поговорить с ним той ночью, проскользнув в мою комнату со свечой, которую не зажигал, пока не закрыл дверь.

— Может ли мы побеседовать, Дэвид Лумис? У меня кое-что на уме, но можешь прогнать меня, если очень устал и хочешь спать. — Он все еще был одет по всей форме, как я заметил, включая рапиру.

Спать мне не хотелось. Он пододвинул стул поближе к моей кровати и сел, широко расставив ноги, расслабившись, как небольшой кот. Я немного боялся его, однако питал уже к нему привязанность, думая, как легковесно он выглядел — сильный ветер мог бы выдуть его из комнаты. Его голос казался более похожим на контральто, чем на тенор; он не пел вместе с нами, заявив, что не различает звуковых тонов, но это оказалось неправдой, хотя у него были свои причины.

— Дэвид Лумис, когда я смотрел на твоё лицо, то чувствовал в нем признаки ереси. Нет, пожалуйста, не тревожься. Я занимаюсь охотой за ней, но со стороны еретиков, понимаешь?.. только не с противной стороны. — Никто никогда не смотрел на меня так пронизительно, как смотрел тогда Майкл, прежде чем коротко и резко выкрикнул: — Нет побуждения побежать рассказать отцу Мордану?

— Никакого, — ответил я, — за кого ты меня принимаешь?

— Я должен был спросить, — сказал Майкл. — Я почти рассказал тебе, что я еретик, опасного типа, и мне пришлось выживать, не появится ли у тебя такое побуждение. Если бы я понял это, мне бы пришлось принять какое-то решение.

Я посмотрел на рапиру.

— С помощью этого?

Казалось, мой вопрос огорчил его. Он покачал головой, отвернув изучающий взгляд своих глаз.

— Нет, не думаю, что мог бы поступить так с тобой. Если бы была опасность твоего предательства, полагаю, я бы исчез..., отступая от тебя, пока между нами не оказалось бы безопасного расстояния. Но я не вижу такой опасности. Думаю, ты и сам еретик. Ты веришь, что бог создал мир для человека?

— В течение длительного времени, — сказал я, — я совсем не верил в бога.

— Это не пугает тебя?

— Нет.

— Ты мне нравишься, Дэви. — Должно быть, мы проговорили часа два той ночью. Я кратко рассказал о моем жизненном

пути, так как он убедил меня, что хочет знать о моей жизни, что это имеет значение для него лично, не только потому, что мы были единомышленниками и путешествовали по одной и той же дороге. В прошлом только Сэм и мадам Лора (и в очень далеком прошлом, на другом уровне, маленькая Кэрон, которая, вероятно, уже мертва) побуждали меня чувствовать, что мои слова имеют значение, и то, что я сделал, было, по-своему, немного историей. Теперь теплота, доступность и узнавание исходили от моего ровесника, который, несомненно, был обучен знаниям и имел хорошие манеры, и, во всем этом, был равен с мадам Лорой, а то и превосходил ее; ровесника, который был также искателем приключений, занятым опасной работой, распальяющим мои собственные честолюбивые устремления.

Я рассказал Майклу, что мечтал о путешествиях издавна, что хотел бы увидеть солнце, когда оно загорается, чтобы светить днем.

— Нужно зажечь другие огни, — сказал Майкл, — не меньшие, чем солнце, в определенной степени, но только другие. Огни в человеческих душах и сердцах. — Да, он беспокоился о революции в те дни. Здесь, на острове Неонархеос, я, конечно, совсем не чувствую такой уверенности в чем-либо, как, полагаю, в наши восемнадцать лет.

Доступность и узнавание — ну, взросление и является, частично, непрерывной цепью узнаваний. Говорят, старение окажется последовательным рядом прощаний. Думаю, именно капитан Барр высказал мне такую сентенцию не очень давно.

В ту первую ночь, когда остальные обитатели гостиницы храпели, Майкл не рассказал мне в ответ так же много о своем собственном прошлом. Некоторые подробности он не готов был поведать, пока не узнает меня лучше, другие — не нарушив клятвы, данной им при вступлении в Общество Еретиков. Но он был свободен от клятвы не рассказывать, что такое общество имелось в Нуине и начинало приобретать сторонников за пределами нуинских границ. Он мог рассказать мне о его убеждении, что церковь не будет управлять вечно, возможно, даже не очень долго, — сейчас я считаю это юношеским оптимизмом. И он сказал перед тем, как уйти, что, если бы я пожелал, он мог бы очень скоро познакомить меня с кем-то, кто принял бы меня временным членом. Они называли это испытанием — если я в этом заинтересован?

Нужно ли рыбье плавать? Я хотел выпрыгнуть из кровати и обнять его, но, прежде чем смог сделать это, он достал из своей рубашки небольшую фляжку и передал ее мне.

— “Молоко девственницы”, — сказал он, — иногда называемое “можно-выдавливать”... эй, не усердствуя, сукин сын, его должно хватить нам на весь путь до Вустера. Спи, Дэйви, иди утром с нашим гусиным стадом паломников, и мы поговорим снова. Но, в другой раз, если еретик моргнет тебе, не моргай в ответ, если рядом находится священник, который может уловить подергивание твоих ресниц.

— О!..

— Нет, не потей, они ничего не заметили. Но будь осторожен, друг. Таким вот образом, люди, подобные нам с тобой, остаются в живых.

Утром, на дороге, отец Мордан был все еще озабочен первородным грехом, и это, может быть, помешало его внутренностям должным образом обходиться с очень обильным завтраком, так как его лекция, при прохождении первой мили, или двух, по пыльной дороге прерывалась внезапной неприличной отрыжкой. Отец Блэнд терпел это, сколько смог, а затем прицепился к теологической сущности — думаю, один бог мог бы оценить это — и изложил отцу Мордану источники спора. Под прикрытием этого воодушевленного спора и жары, мы с Майклом отстали на расстояние слышимости и продолжали наш ночной разговор.

Он, казалось, был в более созерцательном настроении, также немного привыкнув ко мне. Однако между нами было все же много невысказанного, несмотря на согласие и постоянное развитие внезапной дружбы. Большую часть этого утреннего разговора я помню только в отрывках, хотя в чувственной форме он весь пребывает во мне.

— Дэйви, возможно, ты мог почувствовать, что отец Мордан не обладает абсолютной истиной?

— Ну, в конце концов...

— Угу. Отцу Блэнду хотелось бы по-настоящему видеть каждого спасенным на утешительных небесах — никакой боли, никакого греха, только постоянное неземное блаженство. Там было бы чертовски скучно без тебя или меня, но он искренне верит, что ему там понравилось бы, и так хотелось бы, чтоб и кому-то еще. И этот мужчина, Дэйви, отказался от прелестей жизни богача, чтобы служить остаток своих дней в качестве ничтожного священника. И, в случае, если ты считаешь, что это пустяки — ну, месяц назад, он поехал вместе со мной в пораженное оспой село, расположенное выше, в Хэмпшере, сопровождая нагруженный продуктами питания фургон для всяких бедолаг, которые могли все еще оставаться там в живых. Кучер фур-

тона не поехал бы без священника, и никто из других паломников не поехал бы, а отец Мордан чувствовал бы своим долгом остаться вместе с ними. Только отец Бланд поехал, и крепостной слуга-кучер, и я – но для меня не было никакой опасности, потому что я перенес эту болезнь в детстве и случайно узнал, что у переболевших ею вырабатывается иммунитет, чему большинство людей не верит, – но отец Бланд никогда не болел осью. Обладает ли отец Бланд абсолютной истиной?

– Нет.

– Почему?

Ночью, унеся свою свечу, он оставил меня наедине с моими мыслями, прежде чем я смог уснуть, я анализировал и пытался мысленно разрешить трудную проблему, доходя до страдания; но потом меня одолел сон, глубокий и спокойный. Не то, чтобы я был свободен от смятения и неопределенности – я не свободен и сегодня – но то, что Майкл делал со мной в то утро, было, в конце концов, очень изящным способом ведения спора, вынуждая лишь, чтобы я думал сам – как поступала мадам Лора, действуя иным манером. Я сказал:

– Ну, Майкл, думаю, это потому, что абсолютная истина либо вообще не существует, либо ее невозможно постичь. Если, например, человек храбрый и великодушный, не обязательно означает, что он мудр.

Помню, некоторое время мы продолжали путь молча, но это длилось недолго – Майкл взял меня под руку и сказал, не улыбнувшись:

– Сейчас ты имеешь дело с персоной, которая может принять тебя временным членом в Общество Еретиков. Ты все еще желаешь этого?

– Ты сам? Ты имеешь такую власть?

Тогда он усмехнулся мальчишеской улыбкой.

– В течение шести месяцев, но за все это время, до сего дня я не нашел никого, кто соответствовал бы требованиям. Не хотел бы вводить тебя в заблуждение, но мне самому пришлось подождать до утра. Только временно – большее не в моей компетенции, но в Олд-Сити я гарантирую тебе радушный прием, и ты познакомишься с другими, которые могут продвинуть тебя дальше. Они устроят, чем ты будешь заниматься, кое-чего ты сразу же не поймешь. – Все, что я мог сказать, это, запинаясь, выразить благодарность, на которую он не обратил внимания.

Мы остановились там, на освещенной солнцем дороге, и я заметил, что не мог больше даже слышать паломников, которые

ушли вперед. Это было открытое спокойное место, где дорогу пересекал ручеек через водопропускную трубу и, извиваясь, направлялся в поле. Спор Бланда с Морданом доносился слабее, чем пыль на легком ветерке, но я спросил:

— Должны ли мы догонять их?

— Что касается меня, — ответил Майкл, — мне нет больше пользы от них. Я имел бы удовольствие от путешествия с ними, если бы только получал исключительное наслаждение, стущая пение: «Свят, свят, свят», исполняемое на оксфутском диалекте английского языка под аккомпанемент гитары, но теперь я охотнее бы продолжал путь в Олд-Сити без всякой компании, кроме тебя, — если тебе понравится такая мысль. У меня есть деньги и я умею обращаться с этой небольшой шпагой, что компенсирует мне недостаток мускульной силы. Я не ориентируюсь среди дикой местности так, как ты рассказывал мне прошлой ночью, но отсюда до Олд-Сити все время дороги и безопасные гостиницы. А ты как думаешь?

— Именно этого и мне бы хотелось.

Он изучающе посмотрел на ручей, исчезавший в более высокой растительности на некотором расстоянии от дороги.

— Те ивы, — спросил он, — вдали, с другой стороны тех зарослей... вероятно, они означают заводь, Дэви? Мне бы хотелось окунуться, чтобы смыть мордановский первородный грех.

Думаю, что впервые я слышал упоминание священника без титула. Сначала я почувствовал леденящий испуг, потом свежесть удовольствия, потом, конечно же, прохладный ветерок изумления.

— Там должна быть заводь, — ответил я, — иначе они вряд ли росли бы такой купой...

Могла бы быть какая-то опасность в густой траве, но там оказалось безопасно, когда мы проскользнули сквозь заросли — паломники сразу стали давним прошлым, а затем и вовсе оказались забытыми — и нашли заводь. Я начал догадываться о Майкле, но не полностью, пока не увидел, что нетерпеливо сброшенная рубашка обнажила нелепую повязку, перевязывавшую верхнюю часть груди. Потом было снято и это, высвободив небольшие женские груди.

Она осторожно сняла рапицу, но только не мешковатые штаны — те она сбросила и отшвырнула ногой. Тогда стала рядом со мной, сама серьезность и погруженная в мысли прелесть, гордая стройностью своего коричневого тела, совсем обнаженная. Видя, что я был слишком изумлен и слишком

влюблен, чтобы пошевелиться, она коснулась голубоватой татуировки на своем предплечье и сказала:

— Это ведь не беспокоит тебя, не так ли, Дэйви? Аристократия, каста... это ничего не значит среди еретиков.

— Это не беспокоит меня. Ничто не должно очень беспокоить меня, если я смогу быть с тобой всю остальную часть моей жизни.

Помню она протянула свою золотистую руку к моей груди и слегка подтолкнула меня, мельком взглянув на заводь, и улыбнулась в первый раз с тех пор, как она разделись.

— Кажется ли она тебе достаточно глубокой? — спросила меня Ники. — Достаточно глубокой, чтобы нырнуть?

25

Шесть лет назад я описал этот последний эпизод и отложил мое перо, чтобы зевнуть и с удовольствием растянуться, вспоминая заводь, и тихое утро, и любовь, которой мы занимались на освещенной солнцем траве. Я надеялся примерно через день вернуться к этому занятию, и написать, вероятно, еще несколько глав, несмотря на мое ощущение, что я уже закончил главную часть истории, которую намеревался рассказать. Я думал, что буду продолжать писать, проживая одновременно здесь, на Неонархеосе, и в этой нашей воображаемой гостинице на невидимой стороне вечности, или где-либо еще, где вы предпочтете, чтобы я находился, — кем бы вы ни были — о многих событиях, относящихся к более позднему времени.

В частности, я намеревался рассказать о двух годах жизни, которые мы с Ники провели в Олд-Сити до того события, что произошло с нами на шутовском празднике. Но это уже другая книга. Думаю, постараюсь написать ее, после того, как "Морнинг Стар" уплывет снова, и я вместе с ним, но, может, я не буду в состоянии сделать этого — не знаю. Мне тридцать пять, поэтому, очевидно, я не тот самый человек, который написал вам те двадцать четыре главы, когда Ники находилась не дальше, чтобы написать сноску и поцеловать меня. Я оставлю то, что написал о моем прошлом, с Дайоном, когда я уплыву.

Годы, прошедшие в Олд-Сити после шутовского праздника, работа с Дайоном в бурной, волнующей, полуотвратительной атмосфере большой политики, законы и совещания, и попытки реформ, война, выигранная нами против шайки бандитов, и

война, проигранная нами против полчища лицемеров – все это, конечно, другая книга, и у меня есть подозрение, что Дайон сам, может быть, пишет ее, прикрываясь горделивой сдержанностью от возможных сносок¹. Если я попытаюсь написать ее, это не займет много времени.

Я отложил мое перо в тот вечер, шесть лет назад, и через несколько минут услышал, что Ники зовет меня. Ее голос вывел меня из глубокого смутного размышления: думаю, мысли мои блуждали во времени смерти моего отца, и я банально размышлял о том, с какой легкостью печаль переходит в спокойствие, если для этого у вас есть время, потому что так и должно быть.

Как я понимаю связь времен, кажется, я был обязан сначала точно описать часть истории, связанную со смертью моего отца. Эта история закончилась не так, как я ожидал сначала, когда тигр напал на село и я узнал, кто такой Сэм, но смертью Сэма Лумиса, одинокого по убеждению. Для этого, несомненно, была возможность, когда субъект этой книги, чуть красивее темнокоричневой черепахи и с хорошо подвешенным языком, оказался свободным в мире (который, думаю, все еще вращается) – о, но почему я должен теперь ломать голову над тем, что должно подходить для этого повествования? Там было так много историй, что я не могу быть уверен, какую именно из них я рассказывал, и это не имеет значения, поскольку я думал, что оно что-то значит, когда надоедал вам и вашей тете Кассандре болтовней о разновидностях времен. Может быть, достаточно хорошо посмотреть, что представляет собой загадка, безумное и шаткое великолепие и мрак нашего выживания-и-умирания с

¹ Нет, не это причина держать в тайне, что я пишу. Причина в том, что я не обладаю открытой натурой, как Дэйви. Он был способен, так или иначе, бороться за истину в автобиографии, даже когда его “преследовали сноски”, и Миранды, и мои, так как мы внимательно наблюдали за ним большую часть времени. Я никогда не смог бы пытаться так писать. Что касается меня, борьбу с пером нужно вести в темноте, очень тайно, сомневаясь в ее исходе. Эта сноска написана в мае 339 года, спустя целый год после отъезда Дэйви на “Морнинг Стар” – (Барр намеревался вернуться через четыре месяца). Если Дэйви вернется – (мы все еще надеемся, но больше не говорим об этом) – я мог бы, возможно, показать ему, что я написал о годах регентства, и, может быть, мы могли бы поговорить более откровенно, чем когда-либо в прежние времена. Мне бы теперь хотелось, конечно, отдать все, что я имею, за самую банальную из его сноск.

пером в руке, лучше попробуйте-ка это сами – вы найдете больше историй, чем вы знали, а также радость, трагедию, грязь, великолепие, экстаз, усталость, смех и ярость и слезы, все так запутано и взаимозависимо друг от друга, переплетено словно клубок совокупляющихся змей или вечно движущиеся под ветром ветки плюща – ну, не беспокойте себя противоположностями и противовесами, но и не останавливайтесь, ухватитесь за одну ветку – и прикоснетесь ко всем ветвям сразу.

Я услышал, что Ники позвала меня. У нее начались родовые схватки. Было такое же вечернее время, как сейчас – но сегодня 20 мая 338 года – в том же самом тропическом укрытии, которое хорошо сохранилось за шесть лет, те же самые стул и письменный стол, тот же вид на тихую песчаную отмель. Но, так как все медленно продвигалось во времени в течение шести лет, совершенно ничто не осталось прежним, и даже мои пальцы, искривленные держанием другого пера. Свет кажется таким же самым, светящийся красный поток, отражающийся от бледного песка, а стайка высоких белых облаков медленно плывет в восточном направлении, куда через несколько дней возьмет курс старый "Морнинг Стар".

Родовые схватки начались на месяц раньше положенного срока. Но преждевременность не очень тревожила нас в первые часы. Тед Марш и Адна-Ли Джейсон, которые разбирались в медицине Древнего Мира больше нас остальных, сделали все, что было возможно. Знания из Древнего Мира, которые нам достались, оказались, к несчастью, неполными. У нас не имеется лекарства и оборудования, которые использовались там – они недостижимы, как полunoчная звезда. Поэтому диагноз ставится, главным образом, наугад, важное хирургическое вмешательство немыслимо, а частичное владение древними знаниями часто оказывается насмешкой над нами.

Родовые схватки у Ники длились восемнадцать часов подряд, и, наконец, она разрешилась от бремени существом с распухшей головой, которое пронзительно крича, было в состоянии прожить лишь пару часов пустого существования, но кровотечение не прекращалось. Мутант весил двадцать фунтов, а она – ну, когда мы проживали в Олд-Сити, я обычно носил ее вверх на два пролета ступенек, испытывая радость и почти не запыхавшись от подъема. Кровотечение не прекращалось. Она взглянула на мутанта, несмотря на наше нежелание показать его, и все поняла: ей даже не посчастливилось умереть с призрачным утешением о ребенке. В мире, который люди древнего

времени оставили нам, такие случаи происходят и будут происходить снова и снова.

Вскоре я отплываю на "Морнинг Стар" с капитаном Барром и небольшой группой – пять женщин и еще девять мужчин, всех нас выбрал Дайон, потому что мы свободно обладали тем, что он называет "управляемой неудовлетворенностью". Естественно, все добровольцы, меня-то он не выбирал, спросил только: "Ты хочешь отправиться в плавание, Дэйви?" Я ответил согласием, и он поцеловал меня в лоб, по древнему обычая нунинской знати, чего я не замечал у него в течение многих лет, но мы не сказали о плавании больше ничего и, вероятно, не скажем, до того дня, который выберет Барр.

Мне тридцать пять, а Дайону – пятьдесят. Мы вместе воевали на двух войнах. Мы пытались вытащить великую страну на шаг или два за пределы отупевшего невежества нашей эпохи. Мы вместе отплыли в великое море и нашли этот остров Неонархес. Мы любили одну и ту же женщину. "Управляемая неудовлетворенность" – ну, я считаю, что эта оценка относилась ко мне так же, как и ко всем остальным. Это похвала, но с неизбежной темной стороной: мы, все четырнадцать, капитан Барр, и я, и другие, подходящие по темпераменту и обстоятельствам для выполнения исследовательской задачи, в огромной степени непригодны для чего-либо другого.

Задача исследователя имеет, я бы сказал, очень мало от великолепия, которое мальчишеское воображение придает ему. Я мечтал о множестве причудливых явлений, лежа на солнце перед моей пещерой на Северной горе; но капитан Барр и я теперь больше, чем когда-либо озабочены подготовкой продуктов для выживания: сухарей, и пеммикана¹, и квашеной капусты, и попытками перестроить "Морнинг Стар", отодвинув его голову чуть дальше от задницы², если вы извините за выражение. Но все это не означает, что исследование лищено великолепия. Оно присутствует там, и душевное вознаграждение является достаточно реальным. Невозможно измерить обширное море невежества и, поэтому я, малое животное, со своей капелькой свечения, поддерживаю в нем этот свет и не вижу причины стыдиться за мою гордость.

За шесть лет мы имели возможность построить еще одно парусное судно, небольшой изящный корабль, который судо-

¹ Пеммикан (сев. amer. инд.) – высушенное частное мясо.

² В англ. яз. aft имеет два значения: корма корабля и задница.

строители Древнего Мира описали бы как ял¹. Те, кто остаются, смогут пользоваться другими островами, когда мы уплывем.

Наши льняные семена хорошо проросли на Неонархеосе, поэтому "Морнинг Стар" оснащен новыми хорошими парусами. Мы берем с собой запас продовольствия на четыре месяца. Наша непосредственная задача – достичнуть материка, того, который назывался Европой, на что должно уйти намного меньше четырех месяцев, и вернуться обратно. Мы предполагаем, что нашим первым открытием берега будет побережье того, что когда-то было Португалией или Испанией. Но течения и ветры оказались не такими, как в древние времена.

Мы, те кто уплывает, все бездетные. Женщины, может быть, и не бесплодные, но ни одна из них никогда не была беременной, а самой молодой – двадцать пять. За шесть лет на Неонархеосе у семерых женщин родился двадцать один нормальный ребенок. Я не породил ни одного из них. Нора Северн забеременела от меня. Таким было ее желание, а также Дайона; они думали, и то же самое сказали мне, что надеялись – это отвлечет меня от траурного и саморазрушающего настроения, в котором я пребывал длительное время. Что на самом деле отвлекло меня от этого состояния, я никогда не узнаю – может, само время. Прелестная Нора была хорошей любовницей, и это, несомненно, помогло мне вернуться к восприятию повседневной жизни. Но, хотя Нора родила от Дайона двух здоровых девочек, ребенок от меня был мутантом, похожим на того, для которого была растрата жизнью Ники.

Таким образом, я обязан понять, что дефект заключался не в семени Ники, а в моем собственном. Я достаточно логичен, чтобы не сказать, что я убил ее: кто смог бы выжить с такими мыслями? В действительности она была убита злом, которое Древний Мир пустил по течению, оно обрушилось через поколения, через тело Сэма или моей матери – кто мог бы сказать? – и спряталось в той части меня, которой следовало бы быть самой безопасной, менее всего испорченной. Это произошло со мной и бесчисленным множеством других, и будет еще происходить снова и снова.

Мои единственные дети – это некие мысли, которые я, может, буду в состоянии передать вам. Я могу иногда чувствовать спокойствие в душе, когда вспоминаю, как много исследований нуж-

¹ Ял – парусное судно с двумя мачтами; вторая, короткая мачта расположена возле кормы.

но провести. Кажется, имеется достаточно неизведанных просторов, в памяти и в остальном мире, – думаю, мог бы написать “в мире и в оставшейся памяти” – так что нам не удается отобразить все это до захода солнца, только не в ближайшую среду.

Я подошел к прибрежной отмели прошлой ночью, потому что я услышал ветер, и океан, с несмолкаемым ревом, обрушился на песок, а звезд не было видно. Скоро я буду слышать эту музыку на носу корабля или, как сопутствующий гул, когда буду держать в руках штурвал. Я уплываю, потому что желаю этого; у меня нет детей, кроме тех, которые остаются на вашем попечении, но, может, я не поделюсь с вами истиной – исследование также является делом любви?

Я подал голос бурунам прошлой ночью; игра, которой я часто занимался – безвредный способ помочь душе говорить с собой. Те, кто может спрашивать землю, и те, кто может отвечать морю, и, если при этом высказывается истина, те знают первопричину.

Я спросил, могли ли бы последующие поколения, через какое-то время восстановить достижения Древнего Мира без злого наследия, и океан, который отзывался голосом в моей душе, предположил: “Может, скоро, а, может, только через тысячу лет”.

Літературно-художнє видання
Зал слави всесвітньої фантастики

Книга 26
ПЕНГБОРН Едгар

ДЕЙВІ

(російською мовою)

Відповідальний редактор *I. Чудінова*
Редактор *В.Лисенко*
Художник *С.Павленко*
Макет *O. Хлопова*



Scanning & book-mastering

Здано до набору 04.06.98. Підписано до друку 13.07.98. Формат 84x108/32.
Папір друкарський № 2. Гарнітура Таймс. Друк високий. Умов.-друк.
арк. 14,03. Умов. фарб.-вид. 14,26. Обл.-вид. арк. 14,41. Тираж 8000.
Замовлення № 8-875.

“Альтерпрес”, 254112 Київ, вул. Шамрила, 23.
Свідоцтво № 13683555 вид 28.02.1996 р.

Віддруковано з оригінал-макета на Головному підприємстві республіканського
виробничого об'єднання «Поліграфкнига», 252057 Київ, вул. Довженка, 3.

E. Pangborn

DAVY

